МИХ. СОНКИН

КЛЮЧИ ОТ БРОНИРОВАННЫХ КОМНАТ

МИХ. СОНКИН

КЛЮЧИ ОТ БРОНИРОВАННЫХ КОМНАТ

Издание второе,
дополненное

ИПЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1970

9(С)2
С62

СОДЕРЖАНИЕ

Сонкин Михаил Евгеньевич
КЛЮЧИ ОТ БРОНИРОВАННЫХ КОМНАТ

Редактор *Н. С. Алентьева*

Художник *С. И. Сергеев*

Технический редактор *Н. Е. Трояновская*

Сдано в набор 17 июля 1969 г. Подписано в печать 24 февраля 1970 г. Формат 84 × 108[1]/[32]. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 20,16. Учетно-изд. л. 20,28. Тираж 100 000 экз. А 06025. Заказ № 2814. Цена в тканевом переплете 87 коп., в бумажном 89 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

КЛЮЧИ ОТ БРОНИРОВАННЫХ КОМНАТ

1

Серое мутное небо. Черные слякотные мостовые. На Невском броневики. На Морской баррикады. Перед Смольным красногвардейцы, солдаты, матросы. На улицах тряские, забрызганные грязью автомобили... Ружейные выстрелы, пулеметные очереди.

Утро 25 октября 1917 года...

Ленин сначала написал:

«К всему населению».

Но передумал, зачеркнул, и вместо прежнего появилось:

«К гражданам России».

Перо бежало быстро, но недолго: воззвание уместилось на четвертушке писчей бумаги.

Ленин перечитал написанное. Опять что-то не понравилось, несколько слов заменил, три строки вовсе вычеркнул. Потом передал листок Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу, редактору «Рабочего и солдата». Тот, чернобородый, возбужденный, с очками, съехавшими на нос, стоял позади.

Владимир Ильич уступил свое место Бонч-Бруевичу. Редактор переписал прокламацию начисто (чтобы разобрались наборщики!). Потом Ленин еще раз прочел. Больше поправок не последовало. Бонч-Бруевич поспешил в Сайкин переулок, в типографию.

Утренние газеты уже вышли. А воззвание надо было распространить как можно быстрее. Для тех, кто уже на улицах. «Штурмующим на победу».

— Срочно в номер! На всю первую полосу! — приказал редактор.

Обычно «Рабочий и солдат» выходил около четырех-пяти часов пополудни. Но сегодня все чрезвычайно! Бонч-Бруевич попросил дежурных сотрудников редакции сделать так, чтобы газета была готова раньше, и поспешил опять в Смольный.

Среди дежурных был Николай Маркин, невысокий, коренастый матрос с усиками и бородкой, в кожаной куртке, с тяжелым кольтом на ремне. Маркин, как и его товарищи, провел беспокойную ночь.

В Сайкином переулке печатали много газет — от многостраничных «Известий» (в то время еще эсеро-меньшевистского ЦИК) до бульварной «Копейки». С 17 октября в той же типографии стали печатать новую газету — «Рабочий и солдат».

Небольшой формат, четыре страницы — внешний вид самый заурядный. Но газета сразу полюбилась трудовому Питеру. Орган большевистских сил Петроградского Совета, вечерний «Рабочий и солдат» стал достойным собратом «Правды», выходившей еще как «Рабочий путь». Разговор с читателем напрямик: с рабочим — по-рабочему, с солдатом — о житье армейском; ясность суждений о самом главном — о власти и мире, хлебе и земле, требовательность непреклонная — вот что привлекало к «маленькой вечерке» того читателя, которого большевики уже звали на улицы.

24 октября, в седьмом часу вечера, тираж «Рабочего и солдата» лежал в кузове грузовика. Оставались небольшие формальности, а дальше — Смольный, там связные от заводов и фабрик, воинских частей, комитетов, там продавцы-пропагандисты, и газета дойдет по назначению. И вдруг в типографию нагрянул отряд милиции Керенского. Во главе инспектор: «Именем Временного правительства...» и прочее и прочее. За призывы против законной власти... Словом, арест «Рабочего и солдата». Предъявил ордер. Помощники инспектора бросились разбивать стереотипы. Другие взяли под охрану грузовик.

Но в Сайкином переулке были готовы к встрече незваных гостей.

О том, как закончился этот визит, назавтра рассказали многие газеты: «Рабочие, сплотившись вокруг своих представителей, вместе с двумя матросами немедленно

отбили нагруженный газетами автомобиль». Газета была доставлена в Смольный. А инспектор едва унес ноги.

Но последний ли это визит? Никто не знал. Вот почему Маркин и его товарищи были начеку.

Воззвание, которое привез Бонч-Бруевич, заставило редакцию «Рабочего и солдата» — в который раз! — менять план номера. Между тем из Смольного поступали новые вести. Вокзалы — в руках восставших. Мосты через Неву — под контролем Военно-революционного комитета. Телефонная станция, Государственный банк, Мариинский дворец — тоже. Из Кронштадта подходят корабли с матросами. На Финляндском вокзале высаживаются гельсингфорсцы. Из рабочих кварталов, из солдатских казарм, изнутри и извне Петрограда стягиваются силы для последнего удара — по Зимнему... И опять из макета номера приходилось выбрасывать уже устаревшие сообщения, чтобы освободить место для самых свежих.

Маркин тем временем распоряжался в наборном цехе:

— Петрович, будем переверстывать. На всю первую полосу пойдет вот это.— Он вручил метранпажу листок, привезенный Бонч-Бруевичем.

Петрович, старый, худой, с желтым лицом в черных крапинках от свинцовой пыли, молчаливый, привыкший ко всяким неожиданностям, отложил верстатку, взял новый текст, наметанным глазом прикинул, каким шрифтом дать заголовок, так же молча направился к наборной кассе.

Петрович обычно читал текст по мере того, как выкладывал шрифт. И теперь, заключив в верстатку строку «К гражданам России», не придал этим словам того значения, какого они заслуживали. Сколько воззваний приходилось ему набирать в те дни! Но следующая фраза обожгла: «Временное правительство низложено». Петрович прочел еще раз, потом вслух, громко, для всех, кто был рядом.

Собралась толпа. Объявился и краснолицый толстячок в золотых очках — выпускающий эсеро-меньшевистских «Известий».

— Смею вас уверить, это провокация! Временное правительство заседает в Зимнем и готовит решительные меры против большевиков. Вот последние известия.

Выпускающий потряс листками.

Но Маркин надвинулся на крикуна.

Выпускающий исчез.

— Опоздали его «последние»,— улыбнулся Маркин и стал зачитывать ленинское воззвание.— Власть перешла в руки органа Петроградского Совета... Военно-революционный комитет стоит во главе восставшего пролетариата и гарнизона.

От себя добавил, что министрам осталось недолго сидеть в Зимнем.

Для Маркина постоянно находилась работа. Несколько минут спустя в тесной будке у телефона он диктовал: «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира... создание Советского правительства, это дело обеспечено». Диктовал для тех, кто ждал вестей из штаба восстания.

Во втором часу дня, когда появились первые оттиски «Рабочего и солдата», Маркин отправился в Смольный.

У Смольного нетерпеливо соскочил с площадки трамвая и, держа в руках увесистый сверток, побежал к железной ограде. Миновал ворота и — еще быстрей по заиндевевшим деревянным морткам. Мимо матросов, строившихся в шеренги. Мимо красногвардейцев и солдат, сгрудившихся у орудий и пулеметов. Мимо ревущих и гудящих броневиков, автомобилей, мотоциклеток.

В Смольном Маркин затерялся в толпе среди шинелей, бушлатов, курток, бекеш, среди папах, фуражек, бескозырок... А вот и знакомый третий этаж. Тридцатая комната.

— Здравствуйте, товарищи!

— Привезли?

— Так точно.

— Надо срочно товарищу Ленину передать.

Несколько минут спустя матрос Николай Маркин сидел на экстренном заседании Петроградского Совета.

— Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась,— сказал Ленин, встреченный вихревым раскатом аплодисментов.

Владимир Ильич говорил о значении революции. О задачах новой власти. О том, что нужно немедленно кончать с войной.

Тогда же под высокими сводами белоколонного зала требовательно прозвучало:

— Необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры!

2

Министра иностранных дел Терещенко еще с утра ждали в Малахитовом зале Зимнего дворца. Там происходило экстренное заседание Временного правительства. Но Терещенко опаздывал.

Он мало спал в минувшую ночь. До двух часов был на заседании кабинета министров. Потом совещался с Керенским. Уехал усталый, подавленный, растерянный. Известия, ночью полученные в Зимнем из полков гарнизона, Генерального штаба, из центров политических партий, не оставляли сомнений в том, что большевики готовятся к выступлению и их силы с каждым часом растут.

Терещенко приехал в министерство около одиннадцати. Ему доложили, что звонил английский посол Бьюкенен. Министр не успел снять пальто, как снова зазвонил телефон. Опять Бьюкенен.

— Сейчас? К сожалению, сейчас это невозможно. Решительно невозможно! В Зимнем дворце чрезвычайное заседание. Там меня ждут.

Но Джордж Бьюкенен настаивал. Два дня назад за завтраком в английском посольстве русский министр доверительно говорил, что он убедил Керенского издать приказ об аресте лидеров Смольного. Теперь посол осторожно напомнил об этом и спросил, не изменилось ли намерение министра-председателя Керенского. Снова намекнул, что эта мера весьма одобряется в союзных кругах.

Терещенко уклонился от ответа. То, что казалось возможным два дня назад, сейчас было уже неосуществимо. Но посол перешел в открытую и без обиняков спросил, готовится ли министр в дорогу? (На завтра, 26 октября, был назначен отъезд Терещенко и английского посла в Лондон, а затем в Париж на конференцию союзников.)

Сэр Бьюкенен услышал ответ не сразу. Оба понимали: никакие уловки уже не помогут. Да или нет? Если да, то русский министр оценивает положение своего правительства как надежное, если нет...

Терещенко что-то тихо сказал в телефонную трубку, и сэр Бьюкенен понял: ни о какой поездке не может быть и речи.

Министр положил трубку. И опять зазвонил телефон. Теперь свидания требовал американский посол Дэвид Френсис. И немедленно, сейчас же!.. Терещенко попытался отложить встречу:

— Разъезжать по Петрограду сейчас опасно, тем более в районе Дворцовой площади...

Но и этот довод не остановил американского посла. Вскоре он приехал — с тыла, со стороны Певческого моста. Приехал в те самые часы, когда министр-председатель Керенский на автомобиле, предоставленном американским посольством, мчался к Пскову, надеясь привести в столицу войска, готовые сражаться против большевиков, за сохранение власти Временного правительства.

Дэвид Френсис, беседуя с Терещенко, как всегда, демонстрировал свою «откровенность». И все же больше слушал, чем говорил. Его, как и Бьюкенена, интересовали факты, которые позволили бы реально оценить положение Временного правительства. Он приехал подбодрить русских министров: Соединенные Штаты Америки целиком на стороне «свободной России» во главе с Керенским.

— Не скрою, положение серьезное,— признавался Терещенко.— Меня не удивит, если восстание произойдет сегодня ночью.

Министр без конца курил. Голос его дрожал. Сейчас трудно было узнать в нем того респектабельного молодого миллионера, театрала, который прошел университеты и салоны Москвы, Лейпцига, Лондона и к тридцати четырем годам сделал головокружительную карьеру, став сначала министром финансов Временного правительства, а затем главой ведомства российской внешней политики. Теперь это был помятый лысеющий господин, потерявший в себе уверенность, хотя он и пытался демонстрировать перед послом готовность действовать решительно.

Вспоминая об этом свидании, Френсис рассказывал:

— Я спросил русского министра: «Можете ли вы подавить большевистское восстание?» Тот ответил: «Думаю, что сможем». Я на это сказал: «Если вы в состоянии его подавить, то я хотел бы, чтобы оно произошло».

...Перед уходом в Зимний Терещенко беседовал со своим заместителем Нератовым.

Тот, в отличие от Терещенко, был опытным дипломатом-профессионалом, человеком уже в летах, когда-то обласканным царским двором (произвели в гофмейстеры и в тайные советники), а затем столь же ревностно служившим правительству Керенского.

О чем же они совещались? Не о том ли, что положение угрожающее и надо быть готовым ко всему? Возможно, речь шла и о том, как важно в «эти смутные дни» сберечь то, к чему прежде всего «потянутся руки красных»,— тайные дипломатические документы.

Расставшись с Нератовым, Терещенко пересек Дворцовую площадь и вошел в Зимний.

А менее чем через двенадцать часов, в ночь на 26 октября, он покинул Малахитовый зал Зимнего. Но уже не министром... «А ну, расступись! Дорогу, товарищи...» Солдаты и красногвардейцы впереди. За ними, через живой человеческий коридор, штатские. Бледные, с озлобленными лицами. Бывшие министры. Среди них Терещенко. Позади красногвардейцы. Дальше — Петропавловка и долгая беспокойная ночь.

3

Вечером 25 октября, еще до штурма Зимнего, отряды Военно-революционного комитета заняли Главный штаб. Тогда же, сломив сопротивление юнкеров, охранявших правое крыло здания, красногвардейцы овладели министерством иностранных дел. «Охотники» (добровольцы), навербованные Нератовым, сопротивлялись недолго. Одних разоружили и арестовали, других отпустили.

В вестибюле главного подъезда рядом со швейцарами, облаченными в расшитые ризным золотом ливреи, стали рабочие парни в потертых пальто, пропахших уличной сыростью и дымом костров. Красногвардейцы расположились и внутри здания. Отчуждение первых минут скоро прошло, и ночью, когда Терещенко выводили из Зимнего, швейцары и курьеры вместе с красногвардейцами уже мирно попивали чаек.

Утром к главному подъезду министерства подкатил старенький, давно не крашенный лимузин. На переднем крыле трепетал красный флажок. Из автомобиля вышли двое. Один — смуглолицый, в пенсне, в кожаной куртке и шляпе, другой — корнет в шинели без погон.

Штатский предъявил красногвардейцу мандат, где говорилось, что Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов назначает комиссаром при министерстве иностранных дел «М. С. Урицкого и предписывает всем военным и гражданским властям оказывать ему всяческое содействие при исполнении возложенной на него обязанности».

Урицкого и его спутника, комиссара Военно-революционного комитета, приветствовал новый комендант министерства — слесарь с Васильевского острова. Доклад был кратким. Действовали по инструкции. С утра служащим разрешили приступить к работе. Прибыли почти все чиновники. В том числе и высшие — Нератов, например.

Нератов знал об аресте министра. Знал и о многом другом, что произошло минувшей ночью. Но утром, как ни в чем не бывало, прибыл в министерство. Появился и второй заместитель министра — Петряев. Пожелали уведомить, что готовы служить новой власти? Нет. Керенский где-то в районе Гатчины, знал Нератов. Керенский вот-вот войдет в Петроград с войсками. Надо переждать. Но если даже не войдет, все равно следует оставаться, хотя бы символически, во главе министерства. Долг тех, кого не отправили в Петропавловку, возглавить борьбу. Она уже началась. Создан «Комитет спасения». Надо войти с ним в контакт. Наконец, важно, чтобы дипломатическое воинство знало: оно не осталось без пастыря.

Урицкий разговаривал с Нератовым около часа. Комиссар потребовал немедленно передать в распоряжение нового правительства все тайные дипломатические документы. Нератов ответил отказом. Он, видите ли, не знает ни состава, ни программы нового правительства. А публикация документов — дело в высшей степени серьезное. Речь идет о судьбе государства. Единственное, на что может рассчитывать комиссар из Смольного,— это контролировать текущую деятельность служащих. («Присутствуйте, наблюдайте, а там видно будет».)

Урицкий пошел к рядовым служащим. Сказал, что нужна их помощь. Но ответ оказался неутешительным: «Служащим министерства ничего не известно о тайных договорах...»

Стало ясно: нератовы так просто документы не выложат.

4

Поздно вечером 26 октября на улицах и площадях Петрограда еще горели бивуачные костры. Зимний еще был военным лагерем. На холодном ветру у невских мостов и возле правительственных учреждений стояли солдаты и красногвардейцы. Из Смольного в районные штабы Красной гвардии, в полки и на корабли спешили комиссары Военно-революционного комитета — собрать силы, чтобы преградить дорогу Керенскому. Молодой революционной власти предстояло решить тысячу самых неотложных дел, укрепиться, поднять флаг Советов по всей стране. Но в те же часы, выступая на II Всероссийском съезде Советов, Владимир Ильич Ленин уже говорил о мире.

Он стоял на деревянном помосте, наскоро построенном для президиума, в свете огромных белых люстр, освещавших Актовый зал Смольного. Перед Лениным были лица, напряженно смотревшие на него. Солдаты, рабочие, матросы, крестьяне — делегаты, съехавшиеся со всей России, уполномоченные полков, заводов, фабрик, вот уже много дней бессменно дежурившие при Военно-революционном комитете, и посланцы тех, кто вчера штурмовал Зимний. Сидевшие на скамьях и стульях, на подоконниках и на краю возвышения для президиума, стоявшие в проходах и у дверей — все хотели услышать то, чего давно ждала истомленная, истощенная и истерзанная войной Россия.

Ленин предложил принять декларацию:

«Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире».

Ленин пояснил, что означает справедливый демократический мир: без захвата чужих земель, без колониального грабежа народов, независимо от того, в Европе или в далеких заокеанских странах живут они, мир без контрибуций. Он подчеркнул: переговоры должны быть открытыми. Никаких тайных сношений между правительствами! Все на виду у народов, все гласно! Ленин повторил то, что сказал днем на заседании Петроградского

Совета. Рабоче-крестьянское правительство немедленно приступит к полному опубликованию тайных договоров, в том числе подтвержденных или заключенных Россией с февраля по 25 октября 1917 года. «Все содержание этих тайных договоров... правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным».

Ленин отошел от трибуны и сел за стол президиума.

...Было двадцать два часа тридцать пять минут, когда председательствующий предложил голосовать за декларацию. Белоколонный зал мгновенно расцвел букетами красных мандатов. Все — «за», все до единого!

А потом...

«Неожиданный и стихийный порыв поднял нас всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, седеющий солдат плакал, как ребенок. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо. «Конец войне! Конец войне!» — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий».

Это засвидетельствовал Джон Рид, находившийся среди делегатов съезда.

Слезы старого солдата и возглас молодого рабочего «Конец войне!», вся атмосфера этой ночи в Смольном не были случайной вспышкой вдруг нахлынувших чувств. Это вызревало годами.

В первые недели войны, в августе 1914 года, окопы русских, немецких, английских и французских солдат были засыпаны листками, «объяснявшими», за что солдаты должны воевать друг против друга. Все правительства, все правящие партии звали «защищать отечество». Нападающих вроде и не было: все страны, если верить правительствам, только оборонялись.

Но люди, свободные от дурмана шовинизма, русские большевики, говорили устами Ленина: фразы обеих воюющих коалиций о «защите отечества» являются не чем иным, как буржуазным обманом народов. Большевики доказывали: война подготовлена заранее, злонамеренно, тайными соглашениями императоров и королей, президентов и министров; политиками и дипломатами, состоящими на службе у банков и монополий. Война развязана империалистическими хищниками ради передела мира,

чтобы росло богатство сильных и нищета слабых. Война — результат закулисного торга народной кровью. Поэтому пролетарий должен добиваться в этой войне не победы, а поражения своего правительства. Это откроет путь к социальному освобождению народов. Долг рабочих всего мира создать интернациональный фронт против международного империализма, призывали русские большевики. И они нашли единомышленников среди лучших представителей западноевропейских социалистических рабочих партий.

Правители воюющих государств достаточно позаботились, чтобы заглушать честный голос интернационалистов. В ход были пущены рогатки военной цензуры, применены самые драконовские меры. Депутаты-большевики, протестовавшие в российской Государственной думе против несправедливой войны, немедленно оказались в арестантской одежде и были сосланы в Сибирь. А черносотенная «патриотическая» печать подняла истерический вопль: «Ленин и его сторонники — платные агенты Германии...» Когда великий француз Жан Жорес еще в 1914 году стал приподнимать завесы тайной дипломатии, чтобы изобличить преступные маневры империалистов Франции и России, на него навели руку убийцы. Как только Карл Либкнехт и Роза Люксембург скальпелем страстных антивоенных речей стали вскрывать секреты германской дипломатии, их немедленно упрятали в тюрьму, объявив, будто они продались одновременно Франции, Англии и России. «Не сметь! Запретно!» Дипломатические тайны охранялись как самые заповедные.

Наступил февраль 1917 года. Война продолжалась третий год. Она унесла миллионы жизней, отозвалась в каждом доме, в каждой семье, особенно рабочей. На алых парусах-транспарантах, всплывших в те дни над колоннами рабочих и солдатских демонстраций, рядом с призывами «Долой царя!» запестрело: «Долой войну!»

И вот пал царизм.

А как с войной?

Народ ждал.

Грозный вал еще не утих. 27 марта Временное правительство выступило с обещанием вести войну к «завершающей фазе», делая это осмотрительно, дабы необдуманными шагами не открыть врагу фронт и не унизить Россию.

На помощь буржуазному правительству пришел эсеро-меньшевистский ЦИК Советов во главе с Церетели. Он объявил о полной поддержке «российской демократией» политики новой «республиканской власти».

Владимир Ильич Ленин в то время находился в эмиграции. По утрам он набрасывался на свежие номера швейцарских газет, ловил каждую весть из России. Тогда же в Петроград, в Русское бюро ЦК партии и «Правду», стали приходить ленинские телеграммы и знаменитые «Письма из далека». Никакой поддержки Временному правительству! — требовал Ильич. Никаких надежд на то, что буржуазное правительство даст мир, ибо оно сохраняет в тайне грабительские договоры, заключенные царизмом с Англией, Францией, Италией, Японией... Оно хочет скрыть от народа правду о своей военной программе, о том, что оно за войну. Еще 12 марта 1917 года Ленин предсказывал, что министры Временного правительства ни в коем случае не допустят опубликования секретных внешнеполитических соглашений. Причины? Их две: «1) они боятся народа, который не хочет грабительской войны; 2) они связаны англо-французским капиталом, требующим тайны договоров».

Так и произошло. Туманные обещания, поначалу данные Временным правительством, вскоре были заменены более ясными и откровенными заявлениями. 18 апреля министр иностранных дел кадет Милюков направил союзным правительствам ноту: Временное правительство сохраняет верность внешним соглашениям и обязательствам, под которыми стоит подпись России. Будет продолжать войну до победы над врагом.

Милюков хотел успокоить союзников: русские солдаты останутся в окопах и будут воевать во имя общих интересов союзных государств. Министр преследовал и другую цель — противодействовать «разлагающей пропаганде большевиков», зовущих солдат к миру. Но результат милюковской ноты оказался прямо противоположным. В полдень 20 апреля перед Мариинским дворцом — тогдашней резиденцией Временного правительства — собралось более пятнадцати тысяч солдат петроградского гарнизона. Они пришли с требованиями: «Мира!», «Долой Милюкова!» Назавтра вышли на улицы и рабочие Питера. Сто тысяч демонстрантов повторяли: «Долой войну! Долой Милюкова! Пусть правительство опубли-

кует, какие обязательства оно сохраняет в силе!.. Воевать за Царьград? За новые барыши для банкиров Лондона и Парижа?»

Временное правительство вынуждено было вновь лавировать. Появилось официальное «разъяснение». Под победой над врагом следует понимать «утверждение прочного мира».

— Инцидент исчерпан! — поспешил заявить Церетели.

Но «инцидент» не был исчерпан! Словесные пируэты Временного правительства не могли удовлетворить ни солдат, ни рабочих. Мощные антивоенные и антиправительственные демонстрации продолжались. Буржуазным верхам оставалось одно — создать впечатление, будто требования демократии учтены. Милюкова убрали, его пост занял миллионер-сахарозаводчик Терещенко. Было образовано коалиционное правительство с участием «социалистов» — Церетели и ему подобных.

Терещенко, вступив на пост главы ведомства иностранных дел, помня урок, преподанный Милюкову, поначалу тоже не скупился на обещания мира.

— Господин министр, а ваше отношение к тайным договорам? — спросили журналисты.

— Да, я знаю, этот вопрос будит страсти. Он волнует многих. Русская демократия высказывает опасения, что, связанная старыми договорами, она будет вынуждена служить чуждым целям захвата.

Терещенко долго и нудно объяснял что спешить нельзя; немедленное опубликование тайных договоров будет равносильно разрыву с союзниками, это сделает Россию одинокой перед лицом врага. «Сейчас важнее доказать, что Россия точно выполняет свои обязательства объединенной борьбы и взаимной помощи».

— Надо терпеливо ждать,— поддержал Церетели.

Прошло совсем немного времени, и правительство вновь показало, чего хочет на деле. 18 июня Керенский отдал приказ о наступлении. Он ввел на фронте смертную казнь «за непослушание». Солдат начали расстреливать целыми батальонами. Но и это не помогло. Фронтовики отказывались наступать.

«Мы пойдем в наступление лишь тогда, когда нам объявят содержание тайных договоров»,— полетели с фронта резолюции солдатских митингов. А в канун Октября голоса окопников зазвучали еще решительнее:

«Нам остается одно — принести свои резолюции на штыках!»

Еще весной семнадцатого года Ленин указал тот путь, который приведет Россию к быстрому и справедливому миру. Власть должна перейти к рабочим и крестьянам. И тогда Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов тотчас заявит, что никакими договорами ни царской монархии, ни буржуазных правительств он не связан. Опубликует их немедленно и открыто предложит воюющим державам рабочие и крестьянские условия мира: освобождение всех колоний, всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов.

И вот свершилось!

В полдень 25 октября, когда еще предстоял штурм Зимнего, Владимир Ильич Ленин сказал на заседании Петроградского — уже большевистского — Совета: революционная Россия предлагает народам и их правительствам немедленно приступить к переговорам о перемирии — на всех фронтах, между всеми воюющими государствами. Ленин выражал уверенность, что предложение заключить справедливый, немедленный мир найдет горячий отклик как в России, так и в международных пролетарских кругах. Но для укрепления доверия рабочих всех стран мало одних обещаний. Необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Это было важно, чтобы показать: российский пролетариат обнажает перед всем миром гнусные тайны зачинщиков войны, решительно рвет с империалистической политикой захватов; выступает за открытые, честные переговоры и добрососедские отношения со всеми народами.

Ночью 26 октября Ленин вновь выступал в Смольном — перед делегатами Всероссийского съезда Советов. Вскоре радиостанции Питера передали в эфир искрометные слова Декрета о мире. Изумленно прислушивались Вена, Будапешт, Париж. В Берлине встревожились. Оттуда стали посылать встречные волны, заглушая передачи австрийского радио, дублировавшего сообщение из Петрограда.

...На ночном заседании Всероссийского съезда Советов в переполненном зале Смольного среди матросов и окопников, слушавших Ленина, аплодировавших и певших «Интернационал», вытиравших слезы при словах: «Конец войне!» — находился и матрос Николай Маркин,

Он и не подозревал, что один из пунктов только что принятого революционной властью декрета придется выполнять ему.

5

26 октября конный корпус Краснова, поднятый Керенским, начал движение к Петрограду. Назавтра казаки заняли Гатчину, еще через день — Царское Село. Потом шло упорное сражение на Пулковских высотах. К 31 октября угроза прорыва контрреволюционных войск в Петроград была снята. Но внутри столицы продолжали сплачиваться антисоветские силы. На Невском заседал «Комитет спасения». На Бассейной улице, в квартире вице-министра внутренних дел Демьянова, тайно встречались заместители арестованных министров Временного правительства. Продолжали выходить кадетские, эсеровские, меньшевистские, анархистские, бульварно-буржуазные и другие «внепартийные» газеты, многие из них издавались на деньги иностранных посольств и миссий. Они публиковали воззвания бежавшего Керенского, «Комитета спасения» и подпольного «Временного правительства малого состава». Лидеры антисоветских партий наносили визиты послам иностранных держав и уверяли, что еще не все кончено; большевиков можно свергнуть, но нужна помощь союзников. Френсис, Бьюкенен, Нуланс и другие послы не только благосклонно внимали таким заявлениям, но и действовали от имени США, Англии, Франции. Бывший царский генералитет готовил новые заговоры, подыскивая нового Корнилова и возлагая надежды на генерала Духонина, ставшего после бегства Керенского главнокомандующим русской армией.

По улицам Петрограда проходили траурные процессии. Кресты, скуфьи, шляпы, старушечьи и детские платки... А рядом, за гробами — развернутые и полыхающие на ветру красные транспаранты: «Вечная память борцам революции», солдатские папахи, рабочие картузы, матросские бескозырки. Одни пели «Боже, царя храни», другие — «Марсельезу». У афишных тумб и перед стенами домов то и дело вспыхивали стычки: расклейщики приказов Военно-революционного комитета срывали прокламации «Комитета спасения». Присяжные заседатели до хрипоты спорили о том, чьей властью выносить приго-

воры — Временного правительства, которого больше нет, или Совета Народных Комиссаров, которого они не признают.

Новая власть только вступала в силу. Она вынуждена была считаться и с инерцией старого, и с немалым влиянием оппозиции, и с тем, что не в ее принципах карать всех и каждого. Ее долг подавлять тех, кто выступает открыто, но проявлять терпимость к тем, кто лишь высказывает несогласие.

Все это объясняет многое из того, что произошло в последующие дни на Дворцовой, 6.

6

...Доктор Сорбонны;

большевик с 1903 года;

человек, свободно владевший восемью европейскими языками;

политический заключенный, семнадцать раз сидевший в царских тюрьмах и ссылках

за то, что возил транспорты нелегальной литературы,

за участие в потемкинской эпопее в Одессе,

за «подстрекательство» к вооруженному восстанию против «царя и отечества» (в декабре 1905 года в Петербурге),

за революционную работу в Нижнем Новгороде, Баку и других городах России;

политический эмигрант, скитавшийся по Испании, Алжиру, Франции;

профессиональный революционер, примыкавший к ленинскому окружению за границей;

талантливый ученый, удостоенный внимания выдающихся биологов Сорбонны...

Все это — один человек.

В партийных кругах его звали задушевно и просто: Ваня. Царская охранка сажала его в тюрьмы как Ивана Артамонова. Настоящее имя — Залкинд Иван Абрамович.

Он родился и вырос на Васильевском острове в Петербурге. Окончив гимназию, восемнадцатилетним юношей установил связь с рабочими марксистскими кружками. Здесь вступил в партию большевиков, получил боевое крещение революционера, и сюда он возвратился после долгих и трудных лет скитаний, учебы, труда, борьбы.

День Октябрьского восстания Иван Залкинд встретил на родном Васильевском острове членом районной управы и районного комитета партии большевиков.

Ученый-биолог и комиссар революционного штаба доставал оружие, посылал красногвардейцев занимать здания, мосты, казармы юнкеров, обеспечивал исполнение приказов Военно-революционного комитета Смольного. В дни наступления Керенского — Краснова Иван Залкинд работал в районной комендатуре, формировал боевые отряды рабочих и солдат, отправлял их под Красное Село. Сам бывал на фронте. 30 октября вражеский снаряд попал в его автомобиль. Чудом Залкинд уцелел. Новое назначение: продолжить дело, начатое Урицким, получить тайные дипломатические документы, сформировать советский штат сотрудников, создать условия для перехода Наркоминдела на Дворцовую, 6 (пока НКИД работал в Смольном).

Залкинд прибыл в министерство в старом осеннем пальто заграничного покроя, в мерлушковой шапке. Под пальто на поясе висел маузер.

Пришел один, чтобы попытаться поговорить с чиновниками, с каждым в отдельности. Но его опередили. К нему пожаловал князь Урусов и вручил петицию. (Сей князь был председателем «Союза служащих в министерстве иностранных дел». Князья, бароны, графы, тайные советники — ни в одном другом ведомстве не сохранилось столько титулованных сановников, сколько в дипломатическом. Они управляли департаментами, политическими отделами, канцеляриями.) В петиции содержалось заявление о коллективной отставке всех дипломатических чиновников: «Новое правительство не признаем, подчиняться его распоряжениям считаем для себя невозможным...» Иронически, надменно раскланялся и зашагал к выходу. За Урусовым — начальники отделов, директора департаментов, их заместители.

Через несколько часов у подъездов и под окнами министерского здания появились репортеры антисоветских газет. Они ловили курьеров и швейцаров, экспедиторов и вахтеров, любого из тех, кто не присоединился к «забастовке», и забрасывали вопросами, выуживая и вынюхивая новости. И газеты вещали:

«На Дворцовой, 6, пустынно, как после урагана. Большевистскому комиссару удалось заставить посещать

занятия только нескольких служащих. Но и те сидят без дела. У них нет даже ключей от рабочих столов и шкафов. Все сейфы и бронированные комнаты закрыты... Красногвардейцы, захватившие здание у Певческого моста, посиживают на диванах и покуривают папиросы «Зефир», добытые в буфете для дипломатов».

«Вчера в здание министерства иностранных дел вновь приезжал смольнинский комиссар Залкинд и некий Поливанов. Они посетили пустующий кабинет А. А. Нератова и там совещались около часа...»

Пустующий? Да. Нератов в министерство уже не приходил. К нему на квартиру — жил неподалеку, на Мойке, 65,— отправили двух красногвардейцев. Супруга вице-министра ничуть не удивилась визиту: «Анатолий Анатольевич нездоров. Он уехал отдыхать... Куда? Этого, к сожалению, не сказал».

«Болезнь» Нератова объяснялась просто. После разгрома войск Керенского — Краснова надежд на помощь извне больше не было. Чаша весов склонилась на сторону большевиков. И Нератов исчез.

Утром 3 ноября в протоколах Военно-революционного комитета появилась запись:

«Сообщение: товарищ министра иностранных дел Нератов скрылся, не сдав дела. Подлежит аресту и преданию революционному суду».

Назавтра о том же поведала «Правда». Еще через день — другие петроградские газеты.

Чем же объяснялось столь повышенное внимание к Нератову? Он исчез, «не сдав дела»? Но ведь самого министра отправили в Петропавловку, не требуя от него никакой сдачи дел. Никто не предъявил подобных требований ни к одному министру Временного правительства.

Военно-революционный комитет имел в виду не просто дела. Стало очевидным, что Нератов — главный руководитель саботажа дипломатических чиновников. Причем роли распределились так: князь Урусов действует гласно, Нератов — секретно. Но и это не все. У Нератова ключи от дипломатических архивов. Кроме того, распространились слухи о том, что Нератов тайком вынес из министерства секретные документы и передал британским дипломатам. Тотчас на заседании исполкома Петроградского Совета последовало заявление: «Военно-революционный комитет принял все необходимые меры к тому, что-

бы разыскать Нератова и получить от него документы, где бы они ни хранились».

У Нератова сразу же нашлись защитники. Английское посольство опубликовало опровержение: русского дипломата в глаза не видели и никаких бумаг от него не получали. Выступили и оппозиционные газеты. Они стали всерьез толковать о тяжелом недуге Нератова, о том, что он ни от кого не скрывается и никаких ключей от министерских сейфов у него нет. А о своем намерении «отдохнуть» он, мол, заявил еще 26 октября. И вообще большевики напрасно на него клевещут. Бывший тайный советник находится в какой-то соседней деревне, пьет по утрам кофе, читает газеты, прогуливается на свежем воздухе, а дипломатией больше не занимается. Если же Нератов не оставил адреса, то лишь потому, что склонен к уединению...

7

Телефонный звонок, раздавшийся в тридцатой комнате Смольного, заставил Николая Маркина отложить дела и отправиться к Якову Михайловичу Свердлову. Вскоре с его запиской он прибыл к управляющему делами Совета Народных Комиссаров. Бонч-Бруевич встретил Маркина не только как давно знакомого, но и как человека, которого с нетерпением ждут:

— Надеюсь, вам все уже ясно. Хочу только подчеркнуть, что дело, о котором вам говорил Яков Михайлович,— личное задание товарища Ленина. Он просил докладывать ему непрерывно. Если возникнут препятствия, обращайтесь, поможем.

Пять минут на уточнение названия новой должности Маркина, еще десять на ожидание мандата. И вот он уже в руках:

«Товарищу Маркину, секретарю народного комиссара иностранных дел, поручается проведение необходимых действий для организации работы Народного комиссариата...»

Стучат по мраморным лестницам Смольного каблуки матроса. Стучат по длинным деревянным мосткам, ведущим от главного подъезда до внешних ворот. Спешит Николай на боевое задание. Дипломатическое...

К двадцати пяти годам у Николая Маркина за плечами были и тюрьма (за то, что читал не молитвы, а книги

о социализме), и голодные скитания в поисках работы, и каторжная служба в царском флоте. Потом — революция. Февральская. Красные банты в петлицах. Кронштадт, мгновенно разбуженный. Адмирал Вирен, поднятый матросами на штыки. Первые комитеты, первые надежды и разочарования: революция, а у власти миллионеры Львов, Коновалов, Родзянко. Во главе флота адмиралы, прислуживающие миллионерам.

Николай Маркин был уже членом партии большевиков. Он и раньше пользовался товарищеским доверием всех, кто знал его. Но до революции мог открыться далеко не каждому. Теперь его узнали сотни, тысячи. Узнали прямоту и твердость характера, убежденность большевика, готовность стоять до конца.

В мае собрался первый съезд представителей Балтийского флота. Маркин был делегатом от кронштадтских минеров. Съезд выработал устав Центробалта и представил его на утверждение Керенского (тогда морского министра). Время шло, съезд заседал, а ответ от Керенского не поступал. Послали к министру делегацию, Маркина в том числе. Керенский сказал:

— Вы хотите, чтобы приказы по флоту вступали в силу только с санкции Центробалта. Получится, что не правительство будет распоряжаться флотом, а матросы. Этого я допустить не могу.

Маркин ему в ответ:

— Гражданин министр, если вы не собираетесь утверждать, скажите прямо, мы доложим съезду, он решит, как быть.

Керенский вскипел. Как это решит? Бунтовать?! И пошел, и пошел... Делегаты вернулись на съезд. Глава делегации, председатель Центробалта Павел Ефимович Дыбенко, доложил, как обстоит дело. Маркин взял слово, предложил внести пункт о том, что устав входит в законную силу после принятия его съездом Балтфлота, до утверждения Всероссийским съездом военных моряков. Это был революционно-дипломатический ход. Дали уставу «добро» своей властью, а вместе с тем обращались к власти верховной, но не к эсеровскому министру, а к полномочным представителям российского военного флота. Верили, та власть поддержит. «Наш съезд,— говорил Маркин,— должен создать для деятельности Центробалта прочный фундамент, а не что-нибудь воздушное, хрупкое;

такой фундамент, чтобы его не могли разрушить ни вода, ни землетрясение...» Съезд принял предложение Маркина. Устав вступил в силу.

Маркина посылали то в один, то в другой матросский комитет, вплоть до самого высшего — Центрофлота. Маркин избирался делегатом I Всероссийского съезда Советов и членом ВЦИК. Он представлял революционных балтийцев на Всероссийской конференции военных организаций большевиков.

Где только не побывал, что только не делал Николай Маркин в боевые месяцы подготовки к Октябрю! О мире и хлебе, о тайных договорах, которые прячут Керенский и Терещенко, о земле и моряцком пайке, о предательстве меньшевиков и о том, каким должно быть обращение на флоте — «ты» или «вы»,— обо всем толковал он с матросами и на кронштадтском «вече» — Якорной площади, и в минной роте, и в Балтийском экипаже, и на флотских съездах, и в тесных корабельных кубриках. Говорил взволнованно, образно, находя слова, близкие матросской душе.

Но не только слово было его оружием. В дни корниловского мятежа Маркин ходил на самые рискованные операции, подготовленные большевистской «военкой». По боевой тревоге поднимал матросов 2-го Балтийского экипажа. Во главе отряда балтийцев вылавливал корниловских офицеров в «Астории» и «Англетере». По его команде золотопогонники, застигнутые врасплох, выкладывали «револьверы — налево, гранаты — направо, документы — на стол!». Член следственной комиссии Петроградского Совета Николай Маркин за версту угадывал, где гнездится контрреволюция и как накрыть врага.

В середине октября он стал сотрудником «Рабочего и солдата». В канун октябрьского переворота поступил в распоряжение председателя Петроградского Военно-революционного комитета Николая Ильича Подвойского. Был комиссаром ВРК. Выполнял задания по охране района Смольного. Потом мчался то в Петропавловскую крепость, то в Павловский полк, то в Балтийский экипаж, Выборгский Совет, Морской порт... Помогал собирать силы для последнего штурма буржуазной власти. Вечером 25 октября, после заседания Петроградского Совета, отправился к Дворцовой площади и во главе отряда красногвардейцев занимал правительственные здания. Ночью

был на II Всероссийском съезде, а утром 26-го выступил против юнкеров и мятежных ударников, засевших на Гребецкой и во дворце Кшесинской.

Теперь Маркин направлялся на новое задание.

Не случайно выбор пал на него. Нужен был не просто решительный боевой человек. Революционная деловитость, смекалка, быстрая ориентация в обстановке, способность мгновенно принимать решения — вот какие качества требовались. Но еще и деликатность и обходительность с теми, кого можно заставить служить революции. Наконец, необходим был товарищ, знакомый и с редакционно-издательским делом. Маркин подходил по всем статьям. Поэтому его вызвали к Свердлову, поэтому он получил путевку в ведомство дипломатическое.

8

На Дворцовой Маркина удивила тишина, особенно приметная после Смольного. В сумрачном, с низкими потолками вестибюле подремывал белобородый швейцар, рядом прохаживался красногвардеец.

Серые каменные плиты пола привели Маркина к лестнице с железными стойками и перилами. Поднялся на второй этаж. Ковры, позолота, настенные светильники, обтянутые кожей кресла и диваны. Столы с инкрустацией. Начищенная медь дверных ручек и застекленные шкафы красного дерева, огромные люстры из бронзы и хрусталя. Но и здесь было пустынно.

В нератовском кабинете Маркин заметил невысокого болезненного на вид человека в потертом пиджаке. Это был Залкинд. Со дня Октябрьского восстания комиссар ни разу по-человечески не спал, не отдыхал, измотался вконец. Рядом с Залкиндом сидел Евгений Дмитриевич Поливанов.

...Летом 1917 года на шумных митингах в цирке «Модерн» можно было встретить молодого человека, с особым вниманием слушавшего ораторов. Впрочем, он не только слушал, но и записывал. С одной рукой это было нелегко.

Бывшие студенты Петербургского университета узнали бы в молодом человеке своего товарища по историко-филологическому факультету; академик С. Ф. Ольденбург — молодого филолога, которого по его рекомен-

дации Российская академия наук командировала в Японию для научных изысканий по языкознанию и который представил ряд интереснейших докладов; слушательницы женских педагогических курсов узнали бы в нем приват-доцента Евгения Дмитриевича Поливанова, читавшего у них курс «Введение в языкознание».

Но Поливанов интересовался не только филологией. Февральская революция вовлекла его в океан политики. Он стал выполнять задания Всероссийского Совета крестьянских депутатов, а месяца за два до Октября был прикомандирован к отделу печати министерства иностранных дел. Там обслуживал азиатский (восточный) департамент. Через день после Октябрьского восстания Поливанов послал в Смольный письмо, где предложил свои услуги новому правительству. Письмо попало к Залкинду. Тот пригласил Поливанова для переговоров.

Так Поливанов оказался на Дворцовой, 6.

Маркин был третьим.

Перезнакомились, наметили план действий.

На шумном, тряском «пежо» отправились наносить «визиты на дому» виднейшим чиновникам министерства. Объявляли: «Завтра, 4 ноября, к шестнадцати тридцати прибыть на Дворцовую, 6, для решающих переговоров». Заставали не всех. Да и тот, кто был дома, придумывал всяческие причины, чтобы отказать в приеме. Горничные, смущенно краснея, лепетали: «Больны...», «Лихорадка», «Инфлюэнца...» «А один,— вспоминал Залкинд,— когда мы не поверили сообщению о серьезности его болезни и настояли на личном приеме, залез под одеяло, как был в полном костюме и ботинках, в каковом виде и принимал наш визит».

Комиссаров особенно интересовали Нератов, второй вице-министр Петряев, директор канцелярии Татищев, директор первого департамента Лопухин, управляющий шифровальным отделением Таубе. Но никого не застали. Видимо, их кто-то предупредил по телефону.

4 ноября в Смольном — утреннее заседание Военно-революционного комитета. Присутствуют Дзержинский, Урицкий, Лацис, Гусев. Вопросов множество.

Урицкого дожидается Николай Маркин. Наконец заседание окончено. Маркин докладывает:

— Товарищ комиссар, сбор чиновников министерства иностранных дел назначен на шестнадцать тридцать. Нератов вряд ли будет. Он все еще где-то скрывается. Товарищ Залкинд просит в исполнение вчерашнего постановления ВРК выдать мандат на арест Нератова.

— Мандат вы сейчас получите,— отвечает Урицкий и тут же садится писать:

«Петроград, 4 ноября 1917 г.

Военно-революционный комитет, по предложению народного комиссара по иностранным делам, постановляет: бывшего товарища министра иностранных дел Нератова арестовать и доставить в Петроград для предания Военно-революционному суду.

Всем местным Советам, военно-революционным комитетам и всем пограничным органам власти вменяется в обязанность принять все меры к выполнению этого постановления.

Председатель Урицкий»

— Пройдите к товарищу Гусеву, секретарю ВРК, и оформите это через делопроизводство,— говорит Урицкий.

— Понял, товарищ комиссар...

Здание министерства иностранных дел на Дворцовой площади еще с утра 4 ноября вновь оцепили красногвардейцы. Они стояли на Дворцовой, у Певческого моста, вдоль набережной Мойки. Залкинд вызвал их с василеостровского завода «Сименс-Шуккерт». Там был особо боевой отряд рабочей гвардии.

Возле главного входа в министерство висело объявление: всем чинам министерства прибыть не позднее шестнадцати тридцати.

И вот настал час сбора. На сей раз пришли не только те, кто был приглашен лично, но и незваные. Люди тайного советника Нератова и князя Урусова успели поработать!

В начале ноября темнеет рано. Министерские окна с 25 октября не светились. Огни были только в тех немногих комнатах, где дежурили красногвардейцы и курьеры. Но в тот вечер лампочки вдруг зажглись на всех трех

этажах. Видимо, кто-то из высших чиновников распорядился об этом.

По длинным коридорам и обширным кабинетам вышагивали чиновники во фраках и даже в мундирах. Зрелище было такое, словно готовился парадный прием.

Ровно в шестнадцать тридцать дипломаты собрались в большом актовом зале.

Залкинд, Поливанов и Маркин подошли к столу в центре зала. В креслах восседали Петряев, Лопухин и ближайшие их помощники. Остальные чиновники — в отдалении, в креслах и на стульях, расставленных рядами и заполнивших весь зал.

Поливанов представил Петряеву поочередно Залкинда и Маркина. Петряев в свою очередь отрекомендовал директоров политических департаментов, заведующих и управляющих канцеляриями.

Залкинд начал речь. Рабоче-крестьянское правительство желает выяснить отношение чинов министерства к их служебному долгу. Время сейчас такое, что в интересах страны и скорейшего мира ни один день, ни один час не должны быть упущены. Народный комиссариат нуждается в технических специалистах и приглашает служащих, готовых стать на платформу Советской власти, к активному сотрудничеству во имя новой России. Самые неотложные дела — перевод на иностранные языки Декрета о мире, поиски и опубликование всех тайных договоров царизма и буржуазного правительства.

В дальних рядах молчали. Петряев пошептался с помощниками, потом встал:

— Решение чинов министерства остается неизменным. Данному правительству мы служить не можем. Однако готовы вести текущие дела, не относящиеся к государственной политике,— консульские, о военнопленных, финансовые.

Петряев сел. Комиссары переглянулись. Поняли: бывший вице-министр хочет усовершенствовать систему саботажа, остаться в дипломатическом ведомстве, чтобы тайно поддерживать связь со «своими» в столице и заграничных миссиях.

Залкинд отвел в сторону Поливанова и Маркина. Решили любой ценой добиться результатов реальных и немедленных.

Поливанов отправился к выходу. Возле дверей, встре-

тив знакомого чиновника, как бы невзначай, но «доверительно» бросил ему:

— Не понимаю упрямства служащих. Знают ли они, что вблизи Дворцовой кроме красногвардейцев сосредоточен батальон солдат, который готов действовать по первому приказу комиссаров Смольного?

Когда Поливанов вновь появился, то заметил: сидевшие в зале уже знают, о чем он «доверительно» сообщил чиновнику.

Тем временем была выполнена другая часть плана. Маркин, возвратившийся вместе с Залкиндом к столу, дал знак, что будет говорить.

— Разъясняю! Тех чинов-дипломатов оставляем и тем скажем «милости просим служить», кто тут же, при всем народе, громогласно объявит: «Признаю революционное правительство». Но одним словам тоже веры не будет. Потому сначала требуем: ключи на стол!

Петряев встал и направился к выходу. За ним — директор департамента Лопухин. Вслед — другие высшие чиновники. По залу пронесся испуганный ропот: Петряев еще не знал о сказанном Поливановым.

Маркин на какое-то мгновение казался обескураженным. Но тут же широко раскинул руки и преградил дорогу:

— Назад!

Лицо Петряева побагровело. Но, увидев, как у дверей по знаку Поливанова выросли двое красногвардейцев — штыки легли крест-накрест,— чутьем разгадал, что означал ропот чиновников, и сел. Его примеру последовали остальные.

Маркин вернулся к столу. Он заставил себя говорить подчеркнуто вежливо. Впрочем, недвусмысленно заметил, что красногвардейцы окружили министерство. В боевую готовность приведен батальон Павловского полка... Пусть ведают господа дипломаты!

Маркин говорил о том, что, в конце концов, Советской власти ни жарко ни холодно от того, признает или не признает ее сотня саботажников. Честные российские дипломаты рано или поздно придут на службу народной власти. И сразу перешел к главному: надо помочь рабоче-крестьянскому правительству скорее исполнить его обещание — опубликовать тайные договоры царизма и Временного правительства.

Он хорошо понимал, перед кем говорит. Но робости не испытывал. Не впервые ему приходилось говорить об этих самых договорах. Правда, на Якорной площади не надо было стесняться в выражениях. Там кадета Милюкова или «кающегося капиталиста» Терещенко можно было называть по-всякому. Но и в парадном зале Маркин нашел слова, чтобы высказать все без недомолвок и не очень поранить слух дипломатов... Солдаты, три года проливавшие кровь на фронте, голодные, искусанные вшами, должны наконец узнать правду о том, во имя чего их послали стрелять друг в друга. Константинополь да черноморские проливы приглянулись царю, помещикам и буржуям! Русские земли понадобились германским генералам! Французских фабрикантов и банкиров притягивали богатства Эльзаса и Лотарингии, английских — персидские да афганские земли! Теперь пришло время вытащить на свет божий всю правду. Надо только достать ключи от бронированных комнат. Но где они? Сидящие в этом зале лучше нас знают. Говорят, ключи надо искать у бывшего тайного советника Нератова, у бывшего статского советника Татищева, у барона Таубе, у бывших статских советников Петряева и Лопухина.

И закончил резко:

— Именем Совета Народных Комиссаров требуем: ключи — на стол!

Никто из чиновников не шевельнулся, никто не проронил ни слова.

Маркин переговорил с Залкиндом и объявил: дипломатам дается день на размышление. Сегодня суббота, в понедельник все должны прибыть на службу. Кто не явится, того ждет увольнение без пенсии. А сейчас можно расходиться. Остаться только гражданину Петряеву и гражданину Лопухину.

Все, кто был в зале, заметили, как вздрогнули названные сановники.

— Прошу пройти со мной.

Петряев встал. Он хотел показать, что спокоен. Но скулы его задергались. Лопухин суетливо оглядывался по сторонам.

Впереди шел Залкинд. За ним — Петряев и Лопухин. Позади — Маркин.

Вчетвером вошли в кабинет Нератова.

Маркин вновь потребовал: ключи на стол!

Петряев и Лопухин переглянулись. Вице-министр, подчеркивая свое достоинство, положение, независимость, сказал со злостью:

— Это насилие... Произвол...

— Ключи! — едва сдерживая ярость, повторил Маркин.

Лопухин первым понял, что сопротивление бесполезно. Начал рыться в карманах и скоро положил перед комиссарами небольшую связку ключей.

— Подчиняюсь только силе.

Комиссары парировали: никакого насилия нет. Предписывается то, что чиновники обязаны были сделать добровольно. Служить не хотят, так и незачем держать ключи.

Петряев долго сидел неподвижно. Маркин не спускал с него глаз. Наконец вице-министр зашевелился. На столе оказались ключи и ключики с бронзовыми цепочками, изящными ремешками, шелковыми ленточками, номерными знаками.

Маркин попросил объяснить назначение каждого из ключей. Петряев вновь вспылил. Он товарищ министра, а не вахтер. Маркин уточнил: бывший товарищ министра. Вмешался Лопухин, побоялся, что горячность Петряева только ухудшит их положение. Стал объяснять: ключи от служебных столов, шкафов...

— А от сейфов? От архивов?

Лопухин, сделавшись совсем любезным, сказал, что не может утверждать, но, вероятно, об этом лучше спросить у Нератова, Татищева, Таубе...

Залкинд и Маркин отлично понимали, почему так охотно назывались эти имена: сии дипломаты были в бегах.

9

Уполномоченный Наркоминдела и секретарь наркома отправились в Смольный, в Военно-революционный комитет. Доложили Урицкому обстановку. Саботаж чиновников усиливается. Впрочем, получена часть ключей. Но главных — от архивов — пока нет. Подтверждается, что они у Нератова, Татищева и Таубе. Нератов все продумал! Не случайно почти одновременно с ним исчезли Татищев и Таубе. Значит, надо во что бы то ни стало их найти! Но как? Решили поручить это товарищам из семь-

десят пятой комнаты Смольного (там помещался Комитет по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступностью. Возглавлял комитет Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома).

Урицкий подписал новый мандат:

Военно-революционный
Комитет при
Петроградском Сов. Р. и
С. Деп.
№ 2500

Петроград, 4 ноября
1917 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Военно-Революционный Комитет по предложению Народного комиссара по иностранным делам постановляет:

Бывшего . . . .
бывшего . . . .
бывшего . . . .
бывшего . . . .

арестовать и доставить в Петроград для предания Военно-Революционному Суду. Всем местным Советам, Военно-Революционным Комитетам и всем пограничным органам власти вменяется в обязанность принять меры к выполнению этого постановления.

За председателя — *М. Урицкий*
Секретарь *(подпись).*

Смысл документа был ясен. Залкинд и Маркин вольны проставить фамилии по обстановке. Укрывателей тайных дипломатических документов, в первую очередь Нератова, Татищева, Таубе, найти во что бы то ни стало!

Залкинд и Маркин возвратились на Дворцовую площадь. Здание министерства по-прежнему охраняли красногвардейцы завода «Сименс-Шуккерт».

Утром 5 ноября не менее дюжины антисоветских газет информировали своих читателей о событиях на Дворцовой. Одни изображали Петряева и Лопухина рыцарями, пренебрегшими опасностью и отправившимися в министерство, дабы заявить большевикам о том, что российские дипломаты служить им не будут. Другие — «несчастными пленниками варваров». Но успокаивали: сейфы и бронированные комнаты недосягаемы для большевиков. Друзья Нератова торжествовали.

В тот же день «Известия» ответили на вопрос: «Почему не опубликованы тайные договоры?» Его задавали на рабочих собраниях и солдатских митингах, в совдепах и фабзавкомах. Ответ был прямой и честный: высшие чиновники министерства иностранных дел скрылись, прихватив с собой ключи.

Тем временем комиссары из семьдесят пятой комнаты, активисты районных Советов рабочих и солдатских депутатов, члены домовых комитетов, красногвардейцы разыскивали дипломатов-беглецов. Надежные разведчики отправились и в пригородные поселки.

Маркин оставался в министерстве, ожидая сигнала из Смольного.

Рано утром 6 ноября по телефону передали несколько условных фраз и адрес. Маркин оделся и сказал дежурившим красногвардейцам:

— Поехали.

Чадящий «пежо» помчался по улицам Петрограда.

...Татищев, съехав с казенной квартиры (она находилась тут же, на Дворцовой, 6), каждый день менял адреса. Жил у родовитых друзей, знакомых. Ранним утром 6 ноября он вызвал извозчика. Но тут перед ним вырос Маркин. Он напомнил директору канцелярии, что тот еще в субботу должен был прибыть в министерство. Татищев попытался уверить, будто ничего об этом не знает. А когда Маркин заговорил о ключах, директор канцелярии стал повторять, что ничего не ведает.

— В таком случае вот приказ,— и Маркин зачитал постановление Военно-революционного комитета об аресте бывшего директора главной канцелярии министерства, бывшего камергера, бывшего статского советника Татищева.

Полчаса спустя Маркин привез Татищева в Смольный, в комнату № 75.

Через час доставил туда и барона Таубе. Тот тоже «ничего не знал» ни о ключах, ни даже о шифрах к секретным документам, хотя много лет заведовал цифирным (шифровальным) отделением.

Нератов скрывался то в пригородах, то в самом Петрограде. По-прежнему держал связь с «Комитетом спасения», ходил на тайные заседания «Временного правительства малого состава», где представлял «министерство иностранных дел», докладывал о событиях на Дворцовой,

а затем давал новые директивы князю Урусову. По утрам читал газеты, узнавал, что его все еще разыскивают, и опять менял квартиру.

Бывший вице-министр пребывал в постели, когда к нему пожаловали нежданные гости.

Маркин предложил дипломату самому выбрать маршрут — на Дворцовую площадь или в Смольный. Нератов, одеваясь, ответил, что готов поехать куда угодно. Но если комиссар надеется получить от него ключи, то напрасно. Он не владеет ими.

— Гражданин Нератов, мы приехали не шутки шутить! — рассердился Маркин. И нарочито громко добавил: — Поедем в Петропавловку!

Нератов стал надевать перчатки. Но дрожащие пальцы не слушались. Перспектива оказаться в каменном мешке Трубецкого бастиона была не из приятных. Нератов повернулся к Маркину и сказал: комиссар, конечно, волен действовать как ему угодно. Но стачечный комитет служащих министерства постановил: все ключи должны находиться у директора канцелярии.

— Что ж, в таком случае товарищ министра должен приказать Татищеву немедленно сдать ключи.

Нератов, очевидно, понял, что отчасти достиг своей цели — в Петропавловку не повезут. Но упоминание о Татищеве не могло не вызвать беспокойства: неужели его арестовали?

— Директор канцелярии подчиняется только стачечному комитету,— заявил Нератов.

Вскоре шумный «пежо» остановился на Дворцовой площади. Нератов еще больше встревожился. Что надумал матрос?

Арестованного привели в его бывший кабинет и оставили в одиночестве. Снаружи у дверей дежурил красногвардеец.

10

Барон Таубе пожелал видеть матроса, который его арестовал. Маркин отправился в Смольный. Начальник шифровального отделения сказал, что готов предоставить информацию по шифрам. Но ключей от сейфов у него нет. Гражданин комиссар должен ему верить. Теперь он говорит правду. Только правду.

Татищев хранил молчание. Маркин и не торопился расспрашивать. Он верил в успех своего плана.

Маркин перевез арестованных на Дворцовую площадь. Поместил их в разных кабинетах. Трое ничего друг о друге не знали.

Около полудня бывший вице-министр попросил охранявшего его красногвардейца передать секретарю наркома, что он, Нератов, не завтракал; нельзя ли распорядиться, чтобы принесли из министерского буфета чаю. Вскоре Нератов получил ответ: в буфете теперь никаких чаев нет, но его накормят.

Угол большого стола, за которым когда-то восседал Нератов, красногвардеец накрыл газетой, поставил жестяную кружку с кипятком, рядом положил кусочек сахару и ломоть черствого хлеба.

Маркин вошел в кабинет, когда Нератов завтракал. Увидев матроса, он поморщился, продолжая жевать,— голод пересилил.

— Время идет, а оно дорого,— сказал Маркин и сел поодаль.

Нератов отозвался неожиданным образом: вот его арестовали и требуют ключи. А не задумывался ли комиссар над тем, что затея с публикацией документов грозит России неисчислимыми бедами? Матрос, видимо, не представляет всей ответственности, какую берет на себя. По молодости лет попал во власть дурных учителей и вожаков...

Маркин отрезал: подбирать ключи к представителю рабоче-крестьянского правительства — дело дохлое!

И вышел из кабинета.

Несколько минут спустя Маркин вернулся вместе с Татищевым и бароном Таубе.

Увидев товарища министра, жестяную кружку и огрызок черного хлеба перед ним, Татищев сник. Таубе отвел глаза в сторону. Дипломаты не обменялись ни единым словом.

— В последний раз спрашиваю: будут ключи или нет?

Ответа не последовало.

Маркин подошел к телефону. Соединился с заводским комитетом завода «Ф. Сан-Галли», что на Лиговке, попросил срочно прислать механиков. «Дело какое? Сейфы вскрывать. Понимаю, сложно. Сейфов много. Знаю, что трудно... Но и вы поймите — задание государственной

важности, приказ товарища Ленина... Вот так, другое дело... Автомобиль высылаю».

Механики вооружились молотками, зубилами, сверлами, ножовками.

Пришел и Залкинд. До этого он занимался другими делами. К часу дня стали собираться чиновники, принявшие ультиматум, предъявленный в субботу. Он беседовал с ними, получая информацию, без которой даже при наличии ключей не сразу можно было бы добраться до самых важных документов.

— Приступим к делу,— решительно заявил Маркин.— Начнем с дверей главного архива. Пошли, товарищи.

Он предложил идти и Нератову, Татищеву, Таубе.

Бывший тайный советник, изощренный дипломат, вице-министр, должен был отступить перед простым матросом. Нератов сказал, обращаясь к Татищеву:

— Полагаю, наша совесть чиста. Предоставляю вам поступать, как вы считаете угодным, а я ключи сдаю.

Несколько дней спустя в интервью антисоветской газете «День» Нератов оправдывался: «Здание министерства окружили красногвардейцы. Явились слесари-взломщики. Такая перспектива мне не улыбалась». При этом он пытался играть в благородство, подчеркивал, будто хотел избежать «взлома шкафов (сейфов), что повлекло бы за собой пропажу документов» (?). «Поэтому и решил передать ключи, возложив всю ответственность, в случае пропажи документов, на комиссаров Смольного».

Идти за ключами пришлось недалеко. Они были спрятаны в одной из комнат большой казенной квартиры Нератова на Мойке, 65. Татищев тоже сообщил, где его ключи.

Когда ключи принесли, Татищев двинулся во главе процессии. За ним следовали Залкинд, Маркин, Нератов, Таубе, чиновники и красногвардейцы, механики, оказавшиеся без дела, но пожелавшие присутствовать при столь знаменательном событии. Сначала Татищев провел новых хозяев по всем комнатам, объясняя их назначение и показывая ключи к ним. Потом подошел к массивным железным дверям, на которых висела металлическая вывеска:

Государственный и Петроградский
главные архивы

Татищев выбрал ключ из связки и сунул в замочную скважину. В глубине дважды звякнуло. Татищев взялся за железную ручку, уперся ногой, и стальная дверь, толще, чем броня на дредноутах, медленно открылась. Это и был вход в бронированные комнаты, где хранились договоры и соглашения российских императоров с королями, царями и президентами; тайные послания и ответы на них; секретные депеши министров миссиям за границей и донесения послов — от ежедневных зашифрованных телеграмм до обстоятельных докладов. Все то, что под охраной и строгим присмотром перевозили дипкурьеры или тайно доставляли агенты, что было сокрыто под условными шифрами телеграмм, сосредоточивалось в громадных несгораемых шкафах, стоявших вдоль глухих стен. Каждый шкаф имел несколько секций, к каждой из них был свой ключ. Документы лежали в специальных картонах под сургучными печатями. Чтобы попасть из одного помещения в другое, надо было тоже открыть бронированные двери. Сверхсекретные документы хранились в зашифрованном виде. Ключи-шифры — в других сейфах.

Обо всем этом Маркин узнал позднее. А сейчас не только с волнением, но и с мальчишеской любознательностью наблюдал, как Татищев подходил то к одному, то к другому сейфу и вместе с управляющим шифровальным отделением выбирал из четырех связок ключи. Татищев оставлял ключи в скважине, показывал, как пользоваться, сколько оборотов делать, и шел молча дальше.

Маркин попросил открыть один из сейфов. Ему не терпелось посмотреть, как выглядят тайные документы.

— Они на пергаментах? — спросил Маркин.

Татищев улыбнулся сдержанно, Нератов — иронически.

— Нет, молодой человек, на самой обычной, конторской.— Но, вспомнив о своем положении, вежливо пояснил: — На пергаментах только в древности писали. Те архивы в Москве.

— Понятно,— оправившись от смущения, сказал Маркин.— На простой так на простой. Нам суть важна!

Тем временем Залкинд направил курьера в магазин за этикетками. Он учел, что невозможно запомнить на-

значение ключей. И вот курьер возвратился. Следуя за Татищевым, Залкинд прикреплял к ключам этикетки с пометами.

Когда все ключи от сейфов оказались у Залкинда, Маркин, переговорив с уполномоченным Наркоминдела, расправил под ремнем тужурку, надел бескозырку и сказал:

— Ну да ладно, все хорошо, что хорошо кончается... Раз дела сданы добровольно,— он метнул взгляд на Нератова,— то и Советская власть по-доброму... Именем Военно-революционного комитета арест задержанных чинов министерства отменяется. Требуем только подписки, что никто из Петрограда не уедет. Возможно, еще понадобитесь.

Процессия двинулась в обратном направлении. У главных дверей архива уже стоял красногвардейский наряд.

11

— Доложите товарищу Ленину,— кричал Маркин в телефонную трубку.— Первое: все ключи у нас. Второе: все шифры у нас. Третье: немедленно приступаем к отбору документов...

А Залкинд давал интервью журналистам. Они еще с утра дожидались его.

— Сегодня мы фактически вступили в управление министерством,— сказал уполномоченный Наркоминдела.

Он высоко поднял связку ключей.

— Начало публикации тайных документов — дело ближайших дней. Мы вправе сказать, что отныне внешняя политика России становится политикой народной, выражающей интересы трудящихся классов.

Из Смольного сообщили: принято решение дополнительно направить на Дворцовую, 6, в распоряжение комиссаров, караул Павловского полка. Предупредили об особой охране бронированных комнат. Мобилизовать всех, кого можно, для скорейшего перевода на русский язык документов. Достать надежных людей. Оригиналы документов откладывать отдельно. Иметь в виду, что у чиновников могут быть дубликаты ключей. Никто без разрешения Залкинда не должен иметь доступа к сейфам.

12.

Многие документы надо было дешифровать, а шифровальщики министерства продолжали бастовать. Маркин позвонил в Военно-морской революционный комитет:

— Помогите, дело сверхважное. Задание товарища Ленина. Пришлите шифровальщиков, наиболее надежных и расторопных.

Приехали. Сразу же засели за работу.

Большинство документов было на английском, французском, немецком, японском. В работу включались переводчики. Поначалу только Залкинд и Поливанов.

Документов — море. Где лежат самые значительные, самые важные? Информация, полученная Залкиндом от служащих, оказалась весьма полезной.

Работали день и ночь. Снова день и ночь. Почти без отдыха.

8 ноября. Звонок Бонч-Бруевича:

— Владимир Ильич интересуется ходом дела... Просим первые же документы предоставить ему.

— Передайте, пожалуйста, товарищу Ленину, что сегодня же пришлем.

13

В тот же вечер в Смольном заседал ВЦИК. Среди участников был Владимир Ильич Ленин.

От имени Советского правительства с официальным заявлением выступил народный комиссар иностранных дел.

— Задание Совета Народных Комиссаров выполнено. Особо важные дипломатические бумаги уже в руках Наркоминдела. Приступаем к публикации.

В Смольном толпились корреспонденты русских и иностранных газет — из тех, которые не жаждали, чтобы секреты российской, а вместе с ней и союзной дипломатии были раскрыты. Но, поняв, что сие уже не отвратить, они заторопились, чтобы другие их не обошли.

«Из надежных источников,— сообщали репортеры назавтра,— стало известно, что смольнинские машинистки уже размножают первую партию дипломатических бумаг. Право первой публикации будет предоставлено только советской прессе».

Утром 10 ноября юные питерские газетчики, держа свежие выпуски «Правды» и «Известий», бойко выкрикивали:

— Первые документы из бронированных комнат!

— Смещен генерал Духонин. Новый главковерх — прапорщик Крыленко!

— Нота Советов послам иностранных держав!

При всей кажущейся разнородности этих сообщений они имели общий смысл. Убирались барьеры, мешавшие продвижению к миру.

Публикация дипломатических документов была лишь частью ленинского плана мирного наступления.

Воюют армии. До того, как собираться дипломатам, надо, чтобы смолкли пушки и установилось хотя бы временное перемирие. Это — первый шаг. Совет Народных Комиссаров был готов сразу же после издания Декрета о мире приказать: «Орудия зачехлить!» — разумеется, договорившись о том же с военным командованием неприятельских армий. Контакт с ним должно было установить высшее командование русской армии.

Однако в Ставке сидел генерал Духонин.

После поражения Керенского главным центром антисоветских сил стал штаб Духонина в Могилеве. Главковерха поддерживали командующие армиями и несколькими корпусами Северного, Западного и Румынского фронтов. На стороне Духонина был почти весь генералитет бывшего военного министерства, еще не совсем контролируемого Советской властью. Главковерх держал связь с Калединым, на юге формировавшим добровольческие белогвардейские полки. Политическими советниками Духонина были лидеры антисоветских партий и комиссары, назначенные Керенским. На услужении Ставки находился «Общеармейский комитет» из правых эсеров и меньшевиков. Не только не признавать Совет Народных Комиссаров, но поднять армию против революционного рабоче-крестьянского правительства, свергнуть Советскую власть — этого хотели Духонин и его окружение. Этого добивались и союзные дипломаты, открыто и тайно подстрекавшие Духонина, требовавшие до конца держать армию «лицом к общему врагу» и отвергать любые мирные акции Советского правительства.

Тайный план Духонина и его союзно-дипломатических наставников был вовремя раскрыт. Духонина отстранили, а Ставку позже занял советский главковерх Крыленко. Могилевский узел был разрублен, путь к перемирию, к переговорам о прекращении огня расчищен.

За шестнадцать дней революции ко многому успел привыкнуть взбудораженный Петроград. К суровой требовательности приказов Военно-революционного комитета. К необычности декретов новой власти. К бесконечным воззваниям партий, комитетов... Но то, что сообщалось утром 10 ноября, было совершенно удивительным.

Читатель, ошеломленный заголовками утренних газет, не знал, с какого сообщения начать,— все необычайно!

Российский император желал, чтобы в результате войны под его корону перешли Царьград (Константинополь), западное побережье Босфора, Мраморное море, Дарданеллы. «Союзники» — правительства Англии и Франции — благосклонно соглашались отдать земли и другие богатства, которые им не принадлежали. Российский император не оставался в долгу. Благословлял Францию на захват Саарской области.

Теперь об этом говорилось не со слов других, не намеками. Вот договоры, подписанные втайне и хранившиеся в бронированных комнатах на Дворцовой. Точно такие запрятаны на берегах Сены и Темзы — в министерствах иностранных дел Франции и Англии.

Может быть, только царь и его дипломаты были тайными сговорщиками? Может, только английский король и французский президент торговали народной кровью? Вот бумаги с недавними датами. Секретные донесения Милюкову и Терещенко из Лондона и Парижа от марта — сентября 1917 года. Шифрованные телеграммы Терещенко российским послам во Франции и Англии. Памятные записки, осведомительные депеши... В «Правде» перед каждым из документов — лаконичный заголовок или скупой комментарий: «Предательская иностранная политика бывшего коалиционного министерства, лгавшего рабочим, крестьянам, солдатам, что оно тоже стремится к миру»; «Терещенко обещает применить все средства для наступления»; «Экономическая зависимость России от союзников».

Что ни документ — обвинительный акт. Терещенко, клявшийся, что и он за мир, тайно и непрерывно уверял

союзных дипломатов: не беспокойтесь, все остается в силе! Те в свою очередь спешили уведомить: договор 1915 года о проливах по-прежнему признается действительным. России, как и раньше, гарантируется «полная свобода в установлении ее западных границ».

А какие любезности расточал Терещенко по адресу американского посла! Френсис тоже не оставался в долгу. От имени США он заверял, что американские банкиры дадут России взаймы новые миллионы долларов. Только воюйте. И Терещенко предписывал своим послам в Вашингтоне, Лондоне, Париже информировать правительства союзников: Россия будет воевать до конца.

«Одетые в казенные шинели рабочие и крестьяне убедятся теперь, что не ради защиты родины гнала их в бой буржуазия, а ради земель и городов, которые приглянулись банкирам, фабрикантам»,— писала 10 ноября «Правда», комментируя первые документы. Ради грабительских завоеваний посылались в истребительный огонь солдаты России, солдаты Франции и Англии, Германии и Австро-Венгрии... Торг и сделки, которые мировая буржуазия заключила за спиной рабоче-крестьянских масс, разоблачены теперь перед лицом народов... «Суд идет, суд революционного сознания пролетариата».

В тот же день «Правда» и «Известия» напечатали официальное заявление Народного Комиссариата Иностранных Дел: публикуемые тайные договоры утратили обязательную силу для новой России — для рабочих, солдат и крестьян, взявших власть в свои руки.

После полудня 10 ноября в Смольном состоялось очередное заседание ВЦИК.

На столах перед членами верховной власти республики лежали свежие номера газет с крупными заголовками: «Тайная дипломатия».

Владимир Ильич Ленин выступал дважды. Сообщил о принятых правительством мерах для дальнейшего продвижения к миру, подчеркнул:

— Наша партия... говорила, что даст немедленное предложение мира и опубликует тайные договоры. И это сделано — борьба за мир начинается.

Но Владимир Ильич предостерег от сладенького оптимизма:

— ...Борьба будет трудной и упорной.

Иностранные корреспонденты носились по Петрограду, скупая номера газет, в которых появлялись новые и новые документы под уже привычным заголовком. Газет приходилось покупать много, ибо «Правда» печатала одни материалы, «Известия», «Газета Рабочего и Крестьянского правительства» — другие, «Рабочий и солдат», «Армия и Флот рабочей и крестьянской России» — третьи. Затем газеты всяческими путями пересылались в Швецию и прочие нейтральные государства. Часть публикаций передавалась по радио Петроградским телеграфным агентством. Дипломатические тайны легли на страницы не только левосоциалистических, но и буржуазных газет нейтральных стран. Оттуда они перешагнули в Англию, Францию, Германию, Австро-Венгрию, США. Миллионы людей на Западе поняли, что рабоче-крестьянская Россия — совершенно новое государство. Его правительству чужды великодержавные вожделения. Оно предает гласности секретные соглашения и отказывается от тех «призов», ради которых цари, короли и президенты развязали войну. Разрывая бесчестные договоры, Советская Россия предлагает заключить новые, основанные на добрососедстве и взаимном сотрудничестве. Первый шаг к этому — немедленное прекращение несправедливой войны.

Тайны, раскрытые в Петрограде, всколыхнули миллионы. На улицы городов Австро-Венгрии и Бельгии, Швеции и Дании, даже Франции, Англии и Германии, где особенно жестоко подавлялись антивоенные настроения, выходили сотни тысяч рабочих и работниц требовать от своих правительств, чтобы будущие мирные соглашения не содержали условий, дающих кому-либо право захватывать чужие территории или оказывать экономическое давление на малые страны.

Публицисты и политики Запада вынужденно признавали:

«Большевики впустили яркие лучи широчайшей гласности в затхлые тайники». «Государственные деятели союзников поставлены в чрезвычайно затруднительное положение». «Большевики впервые разоблачили тот факт, что союзные правительства раскраивали земной шар и бросали жребий, кому что достанется». «Нет ничего более тягостного и смешного, чем тайный договор, ставший общим достоянием».

Но возвратимся в Петроград.

Почти каждое утро послы союзных держав собирались на Дворцовой набережной, 4, у Джорджа Бьюкенена. Забот у них хватало.

На совещании 9 ноября итальянский посол, не скрывая тревоги, сказал: ему стало известно, что большевики намереваются уже завтра приступить к публикации захваченных секретных дипломатических депеш и договоров. Нужно как-то реагировать.

Неизвестно, к какому решению пришли в то утро союзные дипломаты. Но в печати промелькнуло сообщение об интервью, которое дал не то русскому, не то иностранному корреспонденту советник французского посольства. Он сообщил, что представители его страны на совещании 9 ноября заявили: если большевики опубликуют секретные документы, то это сделает невозможным какое бы то ни было сношение союзных послов с Советом Народных Комиссаров.

На следующее утро, получив свежие выпуски большевистских газет, Бьюкенен, Нуланс, Френсис и их коллеги приготовились к самому худшему: найти то, что они писали и говорили только Милюкову, только Терещенко, только тем, кто никогда не выдаст. И находили!

Опять совещаются послы...

Репортеры контрреволюционных газетенок с превеликим нетерпением ждут окончания этой встречи. Но интервью дипломаты дали не в резиденции Бьюкенена, а в посольствах.

Назавтра вся российская желто-черно-белая пресса, ссылаясь на один и тот же источник — дипломатов «дружественных стран», вещала:

«Публикация секретных документов произвела на союзных дипломатов чрезвычайно тяжкое впечатление».

«Политическое положение Совета Народных Комиссаров следует считать еще более обострившимся. В течение дня в хорошо осведомленных кругах циркулировали слухи о возможном отъезде союзных миссий не только из Петрограда, но и вообще из России».

«Документы публикуются без согласия тех, кто их доверил представителям России. Это — бесцеремонное и преступное поведение в отношении союзных держав».

«Комиссары Смольного выкрали то, за что им придется платить дорогой ценой».

Впрочем, тогда же, со ссылкой на те же источники, репортеры уверяли:

«По мнению представителей дружественной дипломатии, опубликованные документы не содержат в себе ничего такого, что могло бы поколебать престиж России и ее союзников»; «Любопытство публики обмануто»; «Большевистская акция — «секрет полишинеля»»; «Все, о чем теперь говорится, в общих чертах было известно и раньше»; «Наделала синица славы, а моря не зажгла»...

Видимо, на совещании послов роли были распределены. Одним — возмущаться, другим — предстать равнодушными, третьим — уверять, будто ничего, собственно, не произошло.

В Петрограде выходила на французском и русском языках газета «Антант». Это был официоз союзных посольств в России. Газета давала самые противоречивые оценки происшедшим событиям: то кричала, что «это бутафорский взрыв», «опасная игра с огнем», «ожерелье, которое на поверку оказалось фальшивым», то распространяла версию, будто послам остается только покинуть Россию. «Антант» опубликовала многословное, полное гнусных измышлений открытое письмо советским дипломатам, причастным к публикации секретных бумаг. Обычно изысканные, приторно деликатные, авторы «Антанта» вдруг заговорили самым бранным языком, выдавая свою растерянность, тревогу и злобу, обнаруживая свое истинное отношение к «темным массам русского народа», друзьями которого они прикидывались.

Что касается послов, то они не пропускали ни одной советской публикации. Посылали своим правительствам телеграммы, полные тревоги: большевики предали гласности еще несколько государственных соглашений первостепенной важности.

Каждый обнародованный документ был точным выстрелом в цель. То, о чем давно говорили интернационалисты — русские большевики и Жан Жорес, Карл Либкнехт и Роза Люксембург,— теперь подтверждалось документально. Все предстало перед взором миллионов в первородной наготе фактов. Народы, узнав, где и когда, во имя чего сговаривались правители, составляли свое мнение и решали, как действовать.

Неуютно чувствовали себя и бывшие российские дипломаты. Газета «Вольность» назвала Нератова и Татищева стесселями[1] министерства иностранных дел. «Отдали все, все тайны, все секреты — даже договоры, даже шифры! Все брошено... Они изменили!»

Нератов пришел в ярость. Его, столь усердно служившего отечественной дипломатии, называют стесселем! 11 ноября он пригласил репортера газеты «День», подробно рассказал в интервью об обстоятельствах передачи ключей и ответил на инспирированный вопрос: «Почему не были приняты меры предупредительного свойства и не изъяты из архивов секретные документы?»

«Это нелегко было сделать. Документов слишком много».

Бывший вице-министр дал понять: пусть ведают те, кто предает его анафеме,— дипломатический архив не шкатулка в дамском будуаре. Нератов подчеркнул безвыходность положения, в котором он оказался тогда.

Но нератовское объяснение не удовлетворило ни «своих», ни союзников. Франко-англо-американская «Антант» 14 ноября обрушила на голову Нератова град проклятий:

«Мы не видели выражения лица г. Нератова в то время, когда он благодушно, словно после хорошего обеда, запитого стаканом старого вина, с ароматной сигарой в руке, излагал сотруднику «Дня» причины, почему министерство иностранных дел не приняло мер предупредительного свойства и не изъяло из архива секретные документы... Репортер об этом скромно умалчивает... Но, повидимому, гражданин вице-министр иностранных дел не чувствовал ни малейшей неловкости (о стыде мы уже не говорим)... Гр-ну Нератову грозила не смерть, а только камера в Смольном или в Петропавловской крепости, но и этого было достаточно, чтобы позабыть не только о долге присяги, но и о чести и достоинстве России и ее народа».

Вице-министру пришлось держать ответ и перед подпольным «Временным правительством», собиравшимся по-прежнему нелегально и включавшим кроме прежних лиц еще и министров-«социалистов», выпущенных из

---

[1] Стессель — генерал царской армии, комендант Порт-Артура, предательски сдавший крепость во время русско-японской войны, в декабре 1904 года.

Петропавловской крепости. Там Нератова не предавали анафеме, ибо знали, что он «сделал все». Его спрашивали о другом:

— Можно ли считать обнародованные Советом Комиссаров документы из архива министерства иностранных дел подлинными и официальными?

— Мне трудно на память установить тождество подлинника с текстом опубликованных документов. Но, имея доступ к архивам после изъятия... ключей, сотрудники Наркоминдела могли располагать подлинными текстами.

Нератов, не менее других членов «Временного правительства» заинтересованный в предлоге для «опровержений», понимал: бессмысленно брать под сомнение подлинность публикуемых документов. Большевики в любой момент могут предъявить оригиналы. Но дипломат все же попытался найти «уязвимые» места. Наряду с документами, имеющими силу межправительственных соглашений, газеты печатали и текущую дипломатическую переписку Временного правительства, Терещенко, русских послов за границей. Этот «сырой материал», подсказывал Нератов, можно истолковать как «частное мнение» служащих, за которое ни правительство, ни дипломаты не несут ответственности.

«Временное правительство» приняло решение: поручить Нератову следить за печатаемыми в газетах договорами и помещать опровержения.

«Опровержений» печаталось множество. Но это были жалкие, никого не ранящие укусы.

17 ноября «Временное правительство», желая создать впечатление, будто оно все еще существует и имеет какой-то вес, опубликовало «обращение к стране». От имени министерства иностранных дел его подписал Нератов. Бывшие министры и их сотоварищи призывали к свержению Советской власти и созыву Учредительного собрания; осуждали большевиков за публикацию тайных договоров, пророчили, будто мирные переговоры, начатые Советом Народных Комиссаров, ведут Россию «к политическому и экономическому рабству», «вычеркивают Россию из списка великих держав» и прочее и прочее.

Когда обращение появилось в печати, Петроградский военно-революционный комитет объявил для всеобщего сведения: никакого значения сему рукописному упражнению не придавать! А подписавших заявление отправить

под надежным караулом в Кронштадт, под надзор исполнительного комитета совдепа.

Комиссары ВРК приступили к выполнению приказа. Однако нигде не смогли разыскать «членов правительства». У «министра-председателя» Прокоповича, «за министра иностранных дел Нератова» и их коллег хватило храбрости лишь написать подметное письмо. А потом, захватив чемоданы, они дали ходу из Петрограда. Некоторые вскоре объявились в Новочеркасске и других контрреволюционных центрах Юга. В стане белогвардейцев оказался и Нератов.

16

Тем временем Советское правительство продолжало добиваться открытия переговоров о перемирии. 13 ноября красные парламентеры установили контакт с германским командованием. Оно ответило согласием договориться о прекращении огня. Встреча представителей была назначена в Бресте на 19 ноября. В нотах, адресованных странам Антанты, Совет Народных Комиссаров заявил: мы хотим всеобщего мира; лгут и провоцируют те, кто утверждает, будто мы хотим только сепаратных соглашений с Германией. Присоединяйтесь, еще не поздно.

Ответа не последовало. В Брест поехали только советские делегаты.

17

Петроград. Максимилиановский переулок. Большой серый особняк в тупике — бывший морской офицерский клуб. 18 ноября там открылся I Всероссийский съезд военного флота. Николай Маркин получил приглашение. Обрадовался, что не забыли. Да и как могли забыть!

Маркина избрали в редакционную комиссию. Когда назвали фамилию и делегаты увидели его, поднялись десятки рук и дружески замахали ему. О делах Маркина уже знали многие.

На съезде выступал Иван Вахрамеев, председатель Военно-морского революционного комитета. Рассказал, между прочим, и о том, как с товарищами 26 октября пришел в морское министерство. Высшие чины встретили матросов так, что, пойди они напрямик, не минуя «острых углов», наверняка полетели бы щепы и сучья, а толку

было бы мало. Но матросы добились: министерство с первого же часа новой власти стало работать на революцию.

— Когда я доложил товарищу Ленину о наших «ходах»,— говорил Вахрамеев,— Владимир Ильич сказал: «Матрос не только та живая сила, которая может брать, а еще и дипломат».

Делегаты бурно аплодировали.

22 ноября около трех часов дня на съезд приехал Ленин. Его сопровождали трое матросов, среди них председатель президиума съезда Алексей Баранов. Они ездили в Смольный приглашать Владимира Ильича, охраняли его в пути.

Делегаты встретили Ленина стоя:

— Да здравствует товарищ Председатель Совета Народных Комиссаров!

Владимир Ильич прошел к столу президиума, поздоровался, потом — к трибуне. Вынул из кармана часы, положил перед собой. Всмотрелся в зал.

Ленин говорил о том, что теперь, когда власть завоевана, главное — научиться управлять страной. Потом — о мире, о тайных договорах...

Сосед по скамейке, знакомый балтиец, толкнул Николая локтем:

— По твоей части.

Маркин и без того старался не пропустить ни одного слова.

— ...Борьба за мир начата. Борьба эта трудна. Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит только лишь заикнуться о мире, и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек... Капиталисты сцепились в мертвой схватке, чтобы поделить добычу... Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановит на этом пути...

Ленин продолжал:

— Можно и должно работать рука об руку с революционным классом трудящихся всех стран. И на этот путь встало Советское правительство, когда опубликовало тайные договоры... Это есть пропаганда не словом, а делом.

Ильича провожали до автомобиля. Он отвечал на рукопожатия, всматривался в лица — открытые, окрыленные, улыбался, приветливо кивал.

Неведомо, представил ли кто Маркина Владимиру Ильичу,— сам Николай из скромности, конечно, не мог бы этого сделать — не в его характере. Но если представили, Ильич наверняка задержался, чтобы еще пожать руку матросу, который «не только та живая сила, которая может брать, а еще и дипломат».

18

Вернулся Маркин из города, а ему Залкинд сказал:

— Только что звонили из Смольного. В Бресте подписано перемирие.

— Начало есть! — Маркин словно изнутри светился.

Разыскал студента из приглашенных Поливановым:

— Перемирие, слыхал? Надо питерцам дать знать.

Вскоре по фасаду министерского дворца протянули транспарант:

«Перемирие подписано».

Прохожие останавливались. Одни радовались, другие брюзжали:

— Вон какие нынче пошли дипломаты!

Верно, это был первый случай, когда дипломаты с Дворцовой обращались к народу таким образом.

19

...Мы и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета не остановит нас на этом пути.

Это продолжалось весь ноябрь, декабрь, до середины февраля 1918 года.

Ленин нередко просматривал бумаги до того, как их передавали в печать. В конце ноября на Дворцовой, 6, нашли и дешифровали осведомительное донесение румынского дипломата Диаманди. Когда Ленин прочел его, позвонил в Наркоминдел:

— Это следует опубликовать вне очереди и, пожалуйста, крупно.

1 декабря в «Известиях» вместо передовой было помещено секретное дипломатическое донесение под заголовком: «Правда о Риге».

Рядом комментарий: «Измена Корнилова России».

...21 августа 1917 года в Ригу вошли немцы. На следующий день Диаманди передал посредством линий связи русских войск секретную телеграмму в Яссы румын-

скому премьер-министру Братиану (а через него стало известно и другим союзникам) о своей конфиденциальной беседе с верховным главнокомандующим русской армией генералом Корниловым. Тот успокаивал: «Не нужно придавать большого значения взятию Риги... Войска оставили Ригу по его (Корнилова) приказанию». И не потому, что немец уже так силен. Есть другой фактор — внутриполитические проблемы России. Сдача Риги — необходимая жертва для восстановления дисциплины в армии. Общественное мнение должно понять, к чему ведут разлагающие призывы к миру...

Осведомительная телеграмма подтверждала то, что большевики говорили тогда же, в августе. Русские солдаты воюют геройски, а сдача Риги есть намеренное предательство монархического генералитета и кадетско-эсеровского правительства. Ригу сдали для того, чтобы иметь предлог еще круче «завинтить гайки» на фронте и в тылу, доказать необходимость «твердой власти» (через несколько дней Корнилов начал свою известную авантюру, намереваясь стать новым Наполеоном), задушить революцию...

«Кадеты,— писали «Известия»,— организуют мятеж с изменником, отдавшим добровольно Ригу Германии и скрывшим это от народа».

И этот удар пришелся точно в цель. Газета «Антант» немедленно взяла под защиту Корнилова. Оценивая документ с «международной и союзнической точки зрения», газета лицемерно вопрошала: какой же изменник Корнилов? «Оставление Риги для спасения армии — это подвиг со стороны Корнилова». Так, мол, расценят его шаг будущие историки, а большевики возводят напраслину на доброго «патриота» и «великого стратега». Но протест «Антанта» и умиление «подвигом» Корнилова свидетельствовали только об одном: тайный документ и на этот раз обнародован вовремя!

Среди бумаг, извлеченных из дипломатических сейфов, были и документы, написанные по-русски. Такие читал и Маркин. Он читал их глазами тех солдат, которые еще оставались в окопах, своих товарищей, которые, выступая на флотском съезде, спрашивали: «Когда же конец войне?»

Чем круче ворошил запретное, тем больше в Маркине разгорался азарт первооткрывателя. Оказывается, под

сводами святилища российских дипломатов шел самый бессовестный торг! Нератовы были не только прожженными политиканами, не только казнокрадами, но и отъявленными взяточниками! В столах и сейфах высших сановников Маркин находил расписки, письма, даже вещественные доказательства того, что помощники Милюкова и Терещенко брали взятки за всякую «услугу», особенно если она оказывалась для дел международной коммерции. Брали долларами и фунтами, бриллиантами и ожерельями. Маркин находил в столах и шкафах чиновников фотографии особ женского пола, которые интересовали сих государственных мужей отнюдь не по причинам международно-политического свойства. Он нашел ценные подарки, которые дипломаты получали из-за границы и хранили не дома, а в департаменте,— это, видимо, не предназначалось для супруг статских и тайных советников. Позже Маркин эти ценности выставил напоказ и продал с торгов, передав выручку государственной казне.

Раскопал письмо русского посла в Болгарии, адресованное Нератову. Имя посла мало что говорило матросу, но Нератов был ему теперь известен. («Приходилось иметь дело!») И потому особенно заинтересовался. Финансовые дела болгарского царя Фердинанда плохи, писал русский посол в 1912 году. Вот и просит их величество для себя лично заем у русской казны в три миллиона франков. «Думать, что мы купим короля Фердинанда за ссуду в 3 миллиона франков, было бы наивно и даже не совсем достойно,— читал Маркин.— Но наше любезное содействие без всякого торга к улажению денежных дел болгарского двора несомненно учтется известным увеличением влияния нашего короля... Вот почему я стою за исполнение желания его величества — без всякого торга ни политического, ни финансового, быстро, совершенно негласно и любезно, т. е. как это делается между джентльменами. Мы тем возвысим короля Фердинанда в его собственных глазах, а подобные нравственные одолжения ценятся иногда еще больше, чем материальные»,— писал русский посол.

Вот как! Царь — нищий! А строки о том, что ссудой царя не купишь, Маркин догадывался, не больше как дипломатический туман. Тут что-то скрывалось. Но что? Через день или два ответ найден в другом документе. «Я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что сегодня,

2 сентября 1912 года, получил взаймы от Российского правительства сумму в размере трех миллионов франков золотом, которую обязуюсь уплатить тому же Российскому правительству...»

Болгарский царь получил заем на условиях, которые не приносили русской казне не только никакой финансовой выгоды, но в течение двадцати пяти лет она должна была доплачивать за Фердинанда весьма кругленькую сумму.

Среди иностранных орденов, полученных Нератовым, был и орден Фердинанда Болгарского. Не за «джентльменскую» ли услугу?

Маркин, найдя расписку Фердинанда, прибежал к Залкинду и обеспокоенно спросил, как бы взыскать с болгарского правителя народные миллионы, да с годовыми процентами, по всей справедливости!

...К середине декабря аппарат Народного комиссариата иностранных дел насчитывал уже сто двадцать шесть человек. Это были новые люди. Старых чиновников, за очень небольшим исключением, уволили за саботаж.

Не все обученные для революционно-дипломатической работы, но подготовленные партией в подполье, тюрьмах, в боях, уже трудились на Дворцовой. Георгий Чичерин еще томился в английской тюрьме. Максим Литвинов находился на положении политэмигранта. И многих других, вскоре составивших цвет советской дипломатии, еще не было в Наркоминделе.

Иван Залкинд возглавил отдел сношений с Западом, Евгений Поливанов — с Востоком. Николай Маркин стал руководителем трех отделов — лекционного, контроля и типографского (по изданию дипломатических документов).

«Антант», по-прежнему пристально следившая за всем, что происходило на Дворцовой, 6, писала 10 декабря: «Большую роль в министерстве играет матрос Маркин. Ему на правах контролера предоставлены народным комиссаром самые широкие полномочия по наблюдению за работой чинов ведомства».

Да, он ограждал аппарат комиссариата от проникновения родовитых и вороватых бывших чиновников, конфисковывал контрабанду. Но главной обязанностью оставалась публикация документов тайной дипломатии.

20

История знает целую радугу дипломатических книг: у англичан — синие, у французов — желтые, у итальянцев — зеленые, у австрийцев — красные. Российские дипломаты издавали оранжевые. В них обычно публиковались «тайны», которые были выгодны тому, кто предавал их гласности...

Так пояснял приват-доцент Евгений Дмитриевич Поливанов.

— Жаль, что красный цвет занят,— досадовал Маркин.— Он лучше всего нам подходит. Красная дипломатия — красные книги.

Думали-гадали, решили: пусть цвет будет светло-голубой. Главная цель советских сборников — поскорее достичь мира. Во имя этого публикуются тайные документы. Голубой цвет — символ мира. Он как раз и подходит.

Маркин готовил первый сборник. Сам отбирал документы, сам наладил дело в министерской типографии, сам написал введение, чтобы каждому, кто возьмет сборник, ясно было...

Когда писал, словно звучали рядом ленинские слова: «Никакая злоба и никакая клевета нас не остановит...»

И вот вышла первая брошюра. На обложке: «Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел». На обороте лицевого листа:

«ДОЛОЙ ТАЙНУЮ ДИПЛОМАТИЮ!

Да здравствует открытое честное соглашение!

Целью настоящего сборника является: ознакомление широких масс с содержанием документов хранившихся в бронированных комнатах и не сгораемых шкафах бывшего Министерства иностранных дел как одного из филиальных отделений буржуазии всех стран.

Каждый документ есть предательство Народа.

Каждый документ есть позорное клеймо угнетателям.

Все на свет Божий! Все наружу!

Пусть знают трудящиеся всего мира, как за их спинами, дипломаты в Кабинетах, продавали их жизнь. Аннексировали земли. Безцеремонно порабощали мелкие нации.

Давили, угнетали, политически и экономически.

Заключали позорные договоры.

Пусть знает всякий, как империалисты росчерком пера отхватывали целые области. Орошали поля человеческой кровью.

Каждый документ есть острейшее оружие против буржуазии.

Вся их адская работа нами будет опубликована. У нас имеются (тысячи) телеграмм, писем и других документов, которые будут еженедельно помещаться в нашем сборнике...»

На тридцать второй странице, в самом низу, стояла подпись: «Ответственный редактор Н. Маркин», а на обороте обложки:

«Да Здравствует Братство всех народов!»

Маркин был не только редактором и автором введения, но и корректором. В сборник вкрались орфографические и стилистические ошибки. (Мы воспроизвели здесь введение в таком виде, как оно опубликовано Маркиным.)

У сына ткача не было денег, чтобы вовремя заняться грамматикой. Сызмальства пришлось работать или кочевать в поисках работы. А новая власть была так молода, что еще не могла одаренность его подкрепить образованием. Люди, близко знавшие Маркина, свидетельствовали: «Человек очень умный», «поразительно деятельный и энергичный», «превосходный революционер и неустрашимый солдат революции». Он не просто исполнял свою работу, а сам ставил себе цели и всеми силами добивался их осуществления. Маркин имел поистине высшее революционное образование! Но понимал: одного этого мало. Мечтал учиться. Он писал своей сестре: надо «ума-разума набираться, чтобы легче жилось, легче дышалось и мысль была яснее, чтоб на все смотреть здравым, зрелым умом».

Первый сборник вышел в ноябре, последующие — в декабре — феврале, всего семь выпусков. В них увидели свет свыше ста секретных договоров: англо-французский (о разделе Египта и Марокко), англо-русский (о разделе Ирана и Афганистана), русско-японский (о совместном выступлении против всякой третьей державы, которая попытается укрепиться в Китае), документы о замыслах и

«ходах» послов США, Англии, Франции, аккредитованных при Временном правительстве.

Сборники раскупались нарасхват. Пришлось выпустить второе издание. Их искали не только политики и дипломаты, но и те, кто водил пальцем по строке и произносил слова по слогам.

21

Владимир Ильич Ленин:

«Действительно революционная борьба за мир начата была в России только после победы революции 25 октября, и эта победа дала первые плоды в виде опубликования тайных договоров...»

22

До переезда Советского правительства в Москву (март 1918 года) Маркин трудился на Дворцовой. В Москве тоже работал в Наркоминделе. Но летом, когда открылись фронты гражданской войны, отправился на Волгу.

В Нижнем Новгороде ему было поручено сформировать экипажи Волжской военной флотилии. В городе было неспокойно. 9 августа Владимир Ильич Ленин писал председателю Нижегородского губернского совдепа:

«В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести *тотчас* массовый террор... Ни минуты промедления».

Значит, Владимир Ильич знал Маркина, знал, что в трудную минуту этот молодой большевик, облеченный властью пролетарского «диктатора», сможет навести революционный порядок, сможет действовать без промедления и спасти дело революции в одном из крупнейших городов на Волге.

Восстание в Нижнем Новгороде было предотвращено. Волжская военная флотилия создана. Маркин стал помощником командующего флотилией.

В конце сентября корабли действовали на Каме. Они громили белогвардейцев и продвигались вперед. Но в районе селения Пьяный Бор вдруг встретили огонь береговой батареи. Случилось это рано утром 1 октября. Решено было остановиться и ждать подхода пехоты.

Между тем огонь белогвардейской батареи то нарастал, то вдруг стихал...

Лариса Рейснер, легендарный комиссар гражданской войны, свидетель того боя у Пьяного Бора, вскоре писала:

«В высоких столбах воды, поднятых снарядами, играла огнистая дуга, и на реке ежеминутно вздымались и таяли пушистые, белоснежные и радужные фонтаны...» Маркин, командовавший лучшей во флотилии канонеркой «Ваня-коммунист», только вчера одержавший крупную победу над белогвардейцами, Маркин, «привыкший к опасности, влюбленный в нее как мальчик, не мог со стороны наблюдать воинственную игру этого утра. Его дразнил и привлекал высокий песчаный обрыв, и Пьяный Бор, таинственно-молчаливый, и притаившаяся опушка, и эта батарея на берегу, где-то спрятанная...». Маркин повел свою канонерку вперед. «Один корабль не может сражаться с береговой батареей, но это утро после победы было так хмельно, так безрассудно, что «Коммунист» не отступил, не скрылся, но вызывающе приблизился к берегу...».

А пехота опаздывала. Поэтому задерживали и корабли. Они должны были действовать совместно. «Ваня-коммунист», вырвавшийся вперед, на время оказался без поддержки. Вражеские снаряды пробили борт канонерки и врезались в машину. Сломан руль. Оборван телеграф. В довершение начался пожар. На помощь Маркину направился флагманский миноносец. Но было уже поздно. Маркин отдал приказ всем оставить судно. Сам с двумя матросами начал пулеметным огнем прикрывать товарищей, плывших к своим...

На кораблях флотилии Маркина прождали всю ночь. Он «не вернулся, и о нем грустили, стоя у руля, молчаливые штурвальные, и наводчики у орудий, и наблюдатели у своих стекол, которые вдруг казались мутно-водянистыми от непролитых слез. Погиб Маркин с его огненным темпераментом, нервным, почти звериным угадыванием врага, с его жестокой волей и гордостью, синими глазами... добротой и героизмом».

В Москву на имя Владимира Ильича Ленина, Якова Михайловича Свердлова и Морской коллегии полетела телеграмма: в неравном бою с врагом «нашел себе преждевременную кончину... товарищ Маркин Николай Григорьевич, революционный герой...».

Тогда же, в октябре восемнадцатого, имя Маркина — революционера-дипломата, героя гражданской войны, имя человека, который помог выполнить одно из трудных заданий Ленина,— появилось в знак увековечения на борту волжского судна.

...Я только что вернулся с Дворцовой. Около полуночи там угасли «юпитеры», подсвечивающие фасады Зимнего и Главного штаба. В темноте ярче обозначился лунный серп, зацепившийся за вершину Монферрановой колонны... Я думал о тех, кто оставил на знаменитейшей площади мира память о своих делах. Думал о парне двадцати пяти лет в матросской бескозырке. Смотрел на подъезд, в который он вошел, чтобы открыть народам тайны, тщательно сокрытые от них. На окна, меж которых когда-то висел плакат: «Перемирие подписано». И казалось, что этот человек где-то рядом, стоит только войти в подъезд.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ МИССИЯ

1

Час назад они были в Смольном.

Теперь — в пути.

Чрезвычайная делегация выехала из Петрограда в семнадцатый день революции, 11 ноября 1917 года...

Впрочем, сначала о том, что предшествовало отъезду.

Когда министр-председатель Временного правительства и верховный главнокомандующий армиями Российской республики Александр Керенский, примчавшись в Псков, начал собирать войска для похода на большевистский Петроград, начальник штаба верховного командования генерал Духонин находился в Могилеве, в Ставке. По приказу главковерха Духонин посадил в вагоны ряд полков Западного фронта, чтобы двинуть их на Петроград. Духонин прислал в Смольный ультиматум: большевики должны немедленно отказаться от власти и подчиниться Временному правительству. «Действующая армия,— грозил наштаверх,— силой поддержит это требование».

Но случилось непредвиденное. Передовые казачьи части Краснова, брошенные Керенским под Пулково, были разбиты. Эскадроны, распропагандированные большевиками, отказались идти против революционного Питера. Эти части пришлось отвести западнее Великих Лук. На пути других полков встали большевистские силы Северного фронта. Они заявили, что ни один эшелон карателей

в столицу не пройдет. На защиту рабоче-крестьянской власти с фронта двинутся революционные солдаты. Армейские комитеты уже начали формировать ударные революционные батальоны.

К 1 ноября силы Керенского иссякли. В один день Россия лишилась министра-председателя и верховного главнокомандующего. Местопребывание Керенского оказалось неведомым даже для Ставки. Духонин стал главковерхом. В тот же день он издал приказ: движение войск на Петроград прекратить.

В Смольном приказ приняли к сведению, но не сомневались в том, что Духонин будет грозить столице. Основания для этого были. Из-под Луги стали поступать донесения о сосредоточении там 17-го и 49-го корпусов.

Несколько дней прошло во взаимной разведке и ожиданиях. Смольный присматривался к Духонину, Духонин — к происходящему в Петрограде.

По ночам Духонин дольше обычного задерживался в кабинете на первом этаже бывшего губернаторского дома. Там стоял телеграфный аппарат, связывавший Ставку с командующими фронтами, армиями и с Петроградом — генеральным штабом военного министерства. «Что в Петрограде?» — с нетерпением спрашивал Духонин. «Что в Ставке?» — следовал встречный вопрос.

В военном министерстве к тем дням еще мало что изменилось. На прежних должностях оставались временный управляющий министерством генерал Маниковский, начальник генерального штаба генерал Марушевский и другие высшие офицеры. Новый министр — народный комиссар Крыленко требовал от аппарата министерства исполнять техническую сторону управления войсками, то есть держать фронт, питать боевым снабжением, кормить и одевать солдат. Политическое руководство и оперативное использование войск — дело военной коллегии, назначенной Советским правительством. Для контроля над деятельностью министерства в различные службы и управления правительство назначило комиссаров.

В Петрограде самым близким для Духонина человеком был начальник генерального штаба Марушевский. Ему он говорил: пусть в столице знают — с большевистским правительством Ставка никаких дел иметь не будет. Декрет о мире Духонин называл замыслом неосуществи-

мым, а решение народных комиссаров открыть мирные переговоры — замыслом преступным. Командующих фронтами Духонин уверял, будто положение в общем-то не столь безнадежное. Революция в Петрограде не более как временный успех кучки людей, воспользовавшихся большевистским настроением петроградского гарнизона. Основные силы действующей армии будут «ограждены от влияния восставших элементов».

Знал ли Духонин, что слова, остающиеся на телеграфных лентах после его ночных разговоров, как и все распоряжения Ставки, тотчас становятся известны в Смольном? Видимо, знал, но не придавал значения. Он — власть армии, а армия — это сила.

4 ноября, решив, что пора переходить к делу, Духонин издал приказ, который оставлял в силе прежнее распоряжение о недопустимости движения войск на Петроград, но в то же время разрешал «производить оперативные перевозы».

В Смольном без труда расшифровали духонинский ход. Приказ стали исполнять прежде всего войска 17-го и 49-го корпусов, где еще оставались старые войсковые комитеты — эсеровские и меньшевистские. Именно с помощью таких войск Духонин намеревался сделать то, что не удалось Керенскому.

4 ноября народный комиссар Крыленко связался по прямому проводу с Духониным и в самых корректных выражениях заявил об озабоченности Совета Народных Комиссаров сосредоточением войск под Лугой. Затем передал приказ: немедленно остановить передвижение войск, впредь подобные «перевозы» производить только с согласия Совнаркома.

Положение Духонина в армии — за ним шел почти весь генералитет, высшее офицерство, тогда как новая власть лишь становилась на ноги,— обязывало к шагам обдуманным, неторопливым. И Крыленко — историк, филолог, юрист, человек, знавший вес каждому слову,— повел разговор с предельной осмотрительностью, нащупывая, каковы намерения Ставки, и обеспечивая Духонину возможность выбора. Вместе с тем Крыленко давал понять: новая власть располагает достаточными силами, чтобы заставить исполнять ее приказы.

На телеграфных лентах после разговора наркома и главковерха осталось:

Крыленко:

— Прошу не отказать ответить, как и чего мы можем ждать с вашей стороны по отношению к создавшемуся положению вещей после вступления вашего в обязанности верховного главнокомандующего? Не могу не указать, что непризнание вами органов создавшейся Советской власти и непринятие мер к остановке эшелонов возложит на вас ответственность за возможные печальные результаты. Правительство народных комиссаров имеет право ждать определенных и ясных ответов.

Духонин:

— Ставка не может быть призываема принять участие в решении вопроса о законности верховной власти и, как высший оперативный технический орган, считает необходимым признание за ней этих функций... Отношение верховного командования к гражданской войне выражено в приказе наштаверха от 1 ноября, которым остановлено движение войск на Петроград. В настоящее время производится только оперативная перевозка...

Крыленко:

— Я не призывал Ставку высказывать мнение о законности и конструировании власти...

Нарком дал понять, что не собирается дискутировать по вопросу, решение которого от генералов Ставки не зависит. Ставка должна дать ясный ответ: намерена ли она выполнять приказы Совета Народных Комиссаров.

Духонин счел нужным несколько смягчить разговор. Он сказал, что готов войти в деловые сношения с генералом Маниковским (на него были возложены обязанности снабжения войск) и с ним решать вопросы материального обеспечения фронта.

Крыленко одобрил это. Но тут же вернулся к прежнему:

— Сообщите сведения о движении эшелонов под Лугой.

— Кто спрашивает? — переспросил Духонин. (Будто не знал!)

— Я, народный комиссар Крыленко.

На минуту телеграфная лента приостановилась.

Духонин размышлял.

Потом отпечаталось:

— Я дал определенный ответ и больше добавлять ничего не буду.

Распрощались вежливо. Крыленко пожелал Духонину «всего хорошего». Но оба понимали: главное впереди.

2

Программа достижения мира, объявленная рабоче-крестьянским правительством, включала два неотложных пункта: опубликовать тайные документы и открыть мирные переговоры. Первое уже выполнялось. Ко второму было приступлено. Но и здесь оказались барьеры труднейшие.

...В Стокгольме на одной из пригаваньских улиц с осени 1915 года проживал русский инженер Орловский. Для хозяев электротехнической компании «Сименс-Шуккерт» он был лишь коммерческим агентом: закупал и отправлял в Россию оборудование и сырье, вел торговую переписку. И только немногие знали, что настоящее имя инженера — Вацлав Вацлавович Воровский; что он профессиональный революционер, близкий к Ленину.

Для связи с пролетарскими партиями Запада, создания единого фронта борьбы против империализма, распространения правды о целях и практике русских большевиков в конце марта 1917 года, по предложению Ленина, в Стокгольме было основано Заграничное бюро ЦК РСДРП(б). В него вошли Вацлав Вацлавович Воровский, известный деятель русского и польского революционного движения Яков Станиславович Ганецкий и другие.

С середины октября в России началось то, что заставило Воровского и его товарищей бодрствовать круглые сутки. И вот долгожданное! Телеграф принес известия о победе революции рабочих и крестьян. Для Воровского теперь новая задача: нужно, чтобы в Европе и Америке без промедления узнали и о том, что попытается замолчать или истолковать по-своему буржуазная пресса. И он передал социалистическим газетам Манифест Заграничного представительства большевиков. Там такие пламенные строки: «Рабочие и солдаты Петрограда прогнали [буржуазное Временное] правительство... и первое их слово — м и р. Они требуют немедленного перемирия, немедленного открытия мирных переговоров, которые

должны привести к честному миру без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов».

Манифест удалось передать (для сведения) и в Петроград. Но вскоре телеграфные аппараты, связывавшие Стокгольм с русской столицей, смолкли. Оказалось, что перерезаны провода в районе Гапаранда — Торнео, на шведско-финской границе. Стокгольм перестал отвечать и на вызовы петроградских радиостанций. Причина обнаружилась вскоре. В Гапаранде поработали антантовские агенты. Как только связь прекратилась, английские дипломаты в Стокгольме стали «доверительно» информировать журналистов: «Революция большевиков провалилась. Ленин арестован. Керенский снова у власти».

Для «достоверности» антантовцы уверяли, будто сообщения получены из «надежных источников в Гапаранде». А там об этом узнали от перебежчиков из Торнео, где стоял русский гарнизон (в то время Финляндия входила в состав России).

Ложь антантовцев охотно размножали шведские — и не только шведские! — буржуазные газеты.

Воровский и Ганецкий были в отчаянии. Нелепым слухам они не верили, но и достоверных сведений пока тоже не поступало.

Между тем события нарастали.

Вопреки измышлениям стокгольмских дипломатических «информаторов», несмотря на рогатки военной цензуры, весть о революции в России, о ленинских декретах распространялась по всему миру. И уже поступали отклики. Телеграммы шли из Германии, Англии, Франции, Австро-Венгрии.

Воровского стали посещать официальные представители рабочих партий Европы. Особо уполномоченный центрального комитета германских социал-демократов заверил, что его партия готова немедленно открыть кампанию за мир на условиях, провозглашенных Всероссийским съездом Советов. Наконец Воровский получил «от одного лица весьма важное предложение на имя молодого Советского правительства» — предложение, которое открывало путь для установления контактов с германскими дипломатами в Швеции. Понятно, как срочно надо было передать это в Петроград, Ленину.

Стокгольмские товарищи ясно представляли себе, что в Смольном не менее обеспокоены перерывом связи. Там

наверняка ждут известий из первых рук — о том, как встречен Декрет о мире на Западе, что предпринимают рабочие партии интернационалистов для открытия мирных переговоров, какова реакция правительств воюющих держав.

(И верно, в Смольном уже была заготовлена радиограмма на имя Воровского: «...революционный комитет предлагает Вам представлять его в Швеции. Примите меры к самому широкому осведомлению общественного мнения Европы, Англии и Соединенных Штатов о характере и смысле происшедшего в России переворота. Телеграфируйте подробно о впечатлении, произведенном нашей пролетарско-крестьянской революцией на различные классы и партии в Западной Европе». По свидетельству наркома А. В. Луначарского, Советское правительство уже в самые первые дни после Октября решило, чтобы Воровский без промедления вступил в мирные переговоры с представителями воюющих держав... Но заготовленные депеши остались непереданными. Лишь позднее, когда связь восстановилась, Воровский узнал, что его назначили полномочным представителем Советской республики в Скандинавии.)

А пока было возможно единственное решение: отправить в Петроград чрезвычайного курьера. Выбор пал на Ганецкого, опытного конспиратора, который до этого десятки раз нелегально переходил границы государств, чтобы доставить для Ленина, для ЦК большевиков важные бумаги.

Доехать до Гапаранды не представляло трудностей. Но дальше — граница. За рекой Торнио-Иоки — финский городок Торнео, где стоит русский гарнизон. Однако кто им командует? Исполняет ли он приказы Советского правительства или, как уверяют антантовские дипломаты, «Керенский снова у власти»?

На руках у Ганецкого единственный документ: такой-то является членом Заграничного представительства ЦК большевиков. Это надежный пропуск, если в Торнео — свои. Но тот же документ — смертный приговор, если за пограничной рекой — слуги Керенского. Для них Ганецкий еще с июльских дней — «государственный преступник», один из тех, кого контрразведка Временного правительства обвиняла по ложному, провокационному «делу Ленина и большевиков».

В Гапаранду Ганецкий приехал утром 3 ноября. Он решил действовать осмотрительно. Нашел верного финского товарища и попросил разузнать, кто же командует в Торнео.

Финн говорил по-русски. Пробравшись к пограничной реке, он окликнул солдата на противоположном берегу:

— Эй, гражданин-товарищ, дозволь подойти?!

— Ну что те? — отозвался солдат.

— Скажи по совести, что у вас там в России? Тут пишут: революция большевиков кончилась. К ногтю их. А Александр Федорович снова у руля...

Солдат, решив помочь зарубежному товарищу-пролетарию разобраться в текущем моменте, без дипломатии указал, где пребывает ныне «Сашка стриженый» (Керенский).

Финн вернулся к Ганецкому. Передал разговор с солдатом и заключил: «Похоже, что в Торнео — свои».

Ночью Ганецкий перешел границу. И когда его задержали на восточном берегу, то попросил доставить к главному начальнику Торнео.

Им оказался человек средних лет в матросском бушлате, коренастый, высоколобый. Ганецкий начал разговор осторожно, потом — слово за слово и открылся, показал мандат.

Перед Ганецким был Борис Алексеевич Жемчужин, большевик, уже известный в партийных кругах. Он знал и о Воровском, и о Ганецком.

Не медлить ни часа! То, что можно передать в Петроград открыто, сейчас же послать по телеграфу — решил чрезвычайный курьер. И он вручил Жемчужину несколько телеграмм-откликов, которые были получены Воровским в Стокгольме.

Военный телеграф между Торнео и Петроградом действовал без перебоя. В тот же день — уже было 4 ноября — в Смольном читали: «Получено Торнео от Ганецкого Швеции».

Назавтра эти телеграммы напечатали петроградские газеты.

Но в портфеле чрезвычайного курьера лежало и то, что пока разглашать преступно. Разглашать — значило бы послужить антантовцам, которые были озабочены не

тем, как закончить войну, а тем, как продолжить ее и удержать Россию в ряду воюющих государств.

Ганецкий надеялся через сутки быть в Петрограде. Тогда он лично передаст Ленину самые важные бумаги и сообщения. Но оказалось, что финские железнодорожники бастуют. Ганецкий отправился в стачечный комитет, объяснил, кто он, зачем торопится в революционную столицу. И железнодорожники пошли навстречу.

5 ноября из Торнео была отправлена телеграмма:

ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, ЛЕНИНУ

Едем Петроград экстренным поездом. Имеем очень важные поручения. Желательно немедленно после приезда с вами встретиться.

Ганецкий

Эта телеграмма, как и предыдущие, была передана по военным проводам связи. Но ее текст оказался не совсем продуманным и привлек внимание антантовских лазутчиков. Это едва не стоило Ганецкому жизни.

...На шпионской службе у военного атташе одного из союзнических посольств в Петрограде состоял белогвардеец поручик Николай Штырев. Он жил в гостинице «Астория». Поздно вечером к Штыреву пришел человек в штатском и сказал, что поручик должен немедленно отправиться в условленное место. Его ждет капитан Лоран.

— Перехвачена телеграмма, адресованная Ленину,— услышал Штырев.— Известный большевик Ганецкий едет из Швеции с «очень важным поручением». Послы союзных держав чрезвычайно заинтересованы получить об этом самые достоверные сведения. Поезд с Ганецким утром 7 ноября прибудет в Белоостров. Вы должны добыть портфель. Если понадобится убрать Ганецкого — действовать без промедления!

Штырев получил фотографию. Ему сообщили и внешние приметы Якова Станиславовича.

Утром 7 ноября поручик приехал в Белоостров. Он был вооружен. А в бумажнике лежала крупная сумма денег — аванс за «дело». Лоран обещал доплатить, когда Штырев привезет портфель.

Поезд прибыл из Торнео. И тотчас в вагон к Ганецкому вошли какие-то штатские и военные без погон.

Штырев тоже кинулся к площадке. Но его остановил матрос с винтовкой:

— Куда? Кто такой?!

Пришлось пробормотать что-то невнятное и отступить.

Поручик стал беспокойно прохаживаться по платформе. Он решил ждать, когда Ганецкий выйдет в вокзальный буфет или просто подышать воздухом. Там он и подкараулит...

Постояв меньше обычного, поезд отправился дальше, в Петроград.

Штырев не смог выполнить приказа своих хозяев.

...Петроград. Ганецкого ждали и здесь. И вот Смольный, кабинет Ленина.

Доклад Владимиру Ильичу был самый обстоятельный. О том, что пролетарии Запада приветствуют революцию Октября, ждут, что именно из революционного Петрограда «взойдет солнце мира»... В кругах антантовцев на стокгольмском международном перекрестке — растерянность и полная враждебность к идее мирных переговоров. Зато есть указания, что в политических и правительственных сферах Германии план открытия мирных переговоров может встретить поддержку. Это подтверждает позиция немецких социал-демократов. Об этом свидетельствует и то предложение, которое Воровский получил от лица, близкого к германским дипломатам в Стокгольме.

Доклад Ганецкого, надо полагать, не был единственным источником информации, убеждавшей, что Германия, по всей видимости, пойдет на мирные переговоры. Но и то, что привез чрезвычайный курьер из Стокгольма, наверняка было взято в расчет.

В ночь на 8 ноября план новых действий Советского правительства приобрел практическое выражение. Было намечено несколько акций: открыть переговоры не только с Германией, но и с державами Антанты; действовать одновременно через военное командование и по дипломатическим каналам. Именно в ту ночь Ленин подписал радиограмму Совета Народных Комиссаров генералу Духонину (в Ставке она была получена рано утром 8 ноября):

«Гражданин Верховный Главнокомандующий... Совет Народных Комиссаров считает необходимым безотлага-

тельно сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях». Правительство извещало Духонина, что такое предложение направляется соответствующим правительствам через их послов в Петрограде. Одновременно должны последовать меры со стороны военного командования. С получением настоящего приказа предписывается войти в контакт с военными властями неприятельских армий, сделав им предложение немедленно приостановить военные действия, дабы открыть мирные переговоры. Подписание акта перемирия должно произойти с предварительного согласия Совета Народных Комиссаров. О ходе исполнения приказа непрерывно докладывать.

В тот же день связной из Смольного подъехал к особняку посольства на Французской набережной. Вошел в подъезд и сказал, что прибыл с правительственным пакетом.

Это была первая советская дипломатическая нота. Французский посол Нуланс вскрыл пакет. Нота, напечатанная на пишущей машинке на полулисте бумаги большого формата, была составлена на французском языке. Нуланс обратил внимание, что в ней нет обычной дипломатической куртуазности. Обращение простое: «Господину Послу Французской Республики». И сразу: «Сим честь имею известить Вас, господин Посол...» Нуланс быстро прочел текст: следует рассматривать Декрет о мире, принятый Всероссийским съездом Советов, как формальное предложение перемирия на всех фронтах. Правительство Российской республики желает немедленного открытия мирных переговоров. С этим предложением правительство одновременно обращается ко всем воюющим народам и их правительствам... «Примите уверение, господин Посол, в глубоком уважении Советского правительства к народу Франции, который не может не стремиться к миру, как и все остальные народы, истощенные и обескровленные беспримерной бойней».

Нуланс связался по телефону с английским послом Бьюкененом:

— Сэр, я держу в руках официальную большевистскую ноту...

— Любопытно... О чем же она?

Бьюкенен попросил прислать ему копию.

Но британский дипломат напрасно беспокоился. Его не обошли. Вечером 8 и утром 9 ноября курьеры из Смольного и Дворцовой, 6, побывали во всех посольствах союзных стран — вручали аналогичные ноты.

...Духонин отмалчивался целый день. В Смольном догадывались о причине. Не дождавшись ответа, правительство уполномочило Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина, наркомов Сталина и Крыленко запросить Духонина о причинах промедления и принять решение по обстановке.

В два часа ночи Владимир Ильич Ленин и народные комиссары приехали в штаб Петроградского военного округа (Дворцовая площадь, 4) и соединились по прямому проводу со Ставкой. Члены правительства потребовали доклада о том, что сделано по их предписанию. Духонин вместо ответа стал задавать вопросы... Есть ли какой отклик на обращение новой власти к воюющим державам? Каким путем предполагается установить перемирие?

Народные комиссары сказали, что правительственное распоряжение точно и ясно указывает Ставке немедленно послать парламентеров и ежечасно докладывать о ходе дела. Детали технического порядка должны решаться в соответствующее время. И закончили: «Еще раз и ультимативно требуем немедленного и безоговорочного приступа к формальным переговорам... Благоволите дать точный ответ».

Духонин сделал вид, будто ультиматум его не касается, и начал пространно рассуждать о том, что не может вступать в переговоры от имени «непризнанного» правительства. «Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников...»

— Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить нами данное предписание? — повторили из Петрограда.

Духонин отозвался:

— Точный ответ о причинах невозможности для меня исполнить вашу телеграмму я дал...

Тогда Духонину было заявлено: «Именем правительства Российской республики... мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран... Мы предписываем

вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий... Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко».

Около пяти часов утра Владимир Ильич и его спутники направились на военно-морскую радиостанцию «Новая Голландия» (на островке у реки Мойки).

Автомобиль мчался по безлюдным, погруженным в темноту улицам.

Председатель комитета радиостанции Сазонов провел Ленина и народных комиссаров в радиорубку. Владимир Ильич, не снимая пальто, присел к столу дежурного радиста, быстро что-то написал и вручил листок Сазонову:

— Ознакомьтесь, товарищ, и обеспечьте немедленную передачу.

Дежурный радист «Новой Голландии» стал вызывать Ходынку (Москва), флотские, армейские, корпусные и дивизионные станции. В эфире неистовствовали станции, передававшие контрреволюционные воззвания и приказы. Наконец «Новая Голландия» пробилась к адресатам. И полетело в эфир: «Радио всем...» Всем воинским комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота. Генерал Духонин, отказавшийся выполнить предписание Совета Народных Комиссаров, препятствующий делу достижения мира, смещен. Солдаты! Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира... Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем... О каждом шаге переговоров извещайте... Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров... Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!

3

Вечером 9 ноября в английском посольстве собрались Бьюкенен, Френсис, Нуланс, полномочные представители Японии, Италии, Бельгии, Румынии, Сербии. Послы и посланники уже имели советскую ноту. Раздобыли и копии телеграфных лент утреннего разговора Ленина с Духониным. Знали и о радиограмме, посланной армейским комитетам (в печати эти документы появились только на сле-

дующий день, но у дипломатов было достаточно осведомителей).

Послы совещались в кабинете Бьюкенена. Высокие окна, выходившие на Неву, были завешены. Двери закрыты и тоже зашторены. Дипломаты сидели за большим столом, где на высоких бронзовых подставках горели три светильника — электрические лампочки, похожие на свечи. Они бросали свет на хмурые лица.

Совещались более двух часов... Большевистская власть — правительство вулканического происхождения. Крайние максималисты, которые ради своих коммунистических идей хотят перевернуть весь свет. Ни уважения к прежним союзникам, ни к договорам... Решили действовать солидарно. Доложить своим правительствам о ноте большевиков, их приказе русскому главковерху и призыве к солдатам самим заключать мир. На ноту Советов не отвечать, ни в какие переговоры с правительством Смольного не вступать. Пока нет «законной власти», разговаривать только с представителями русской армии. На сей счет у дипломатов созрел план. Только Френсис сказал, что еще подумает.

Ночью секретарь Бьюкенена передал шифрованную телеграмму в Могилев, главе британской военной миссии при Ставке.

4

Той же ночью Духонин вновь разговаривал с генералом Марушевским. На этот раз о предписании народных комиссаров и приказе Ленина о смещении главковерха.

Духонин говорил своему корреспонденту в Петрограде:

— Я считаю, что во временное исполнение должности главковерха я вступил на основании закона... Вот мой взгляд, Владимир Владимирович. Что вы можете сказать?

Марушевский не замедлил с ответом:

— Николай Николаевич, мы считаем вас законным главковерхом.

Это вполне устроило Духонина. Понимая, что за Марушевским стоит генералитет из военного министерства, счел нужным разъяснить, как он понимает обстановку:

— До нас доходят сведения о полной изолированности большевиков в Петрограде и что вопрос о перемирии

был их последней картой, причем выяснилось, что сами они ничего сделать не могут... Как правительственная власть они, несомненно, бессильны и делают последние отчаянные попытки вернуть себе доверие народных темных масс. Их стремление — привести к миру во что бы то ни стало, хотя бы явочным порядком.

Марушевский поддакивал. Закончил Духонин неожиданно:

— Было бы желательным, если узнаете об отъезде Крыленко сегодня или в ближайшие дни, сообщить мне, пожалуйста, заблаговременно. Честь имею кланяться.

5

Утром 10 ноября начальник британской военной миссии генерал-лейтенант Бартер покинул уединенный номер в одной из могилевских гостиниц и приказал шоферу ехать к русскому главковерху. Бартер вручил ему ноту от имени английской, французской, японской, итальянской и румынской военных миссий. «На основании точных указаний, полученных от своих правительств через полномочных их представителей в Петрограде», авторы ноты напомнили, что Россия еще в начале войны взяла обязательство без согласия своих союзников не заключать ни перемирия, ни приостанавливать военные действия. Всякое нарушение этого договора повлечет для России «самые тяжелые последствия».

Подписи американского представителя под нотой не было (Френсис для вида еще воздерживался). Но голос Вашингтона дошел в Ставку другим путем. Генеральный штаб передал в Могилев сообщение американского телеграфного агентства: правительство США распорядилось прекратить всякие поставки в Россию, военные и мирные, до тех пор, пока «большевики останутся у власти и будут проводить свою программу заключения мира».

Через день, 12 ноября, Духонину вручили заявление начальника французской военной миссии генерала Лаверня: «Председатель Совета Министров и Военный министр уполномочил меня заявить вам следующее: Франция не признает власти Совета Народных Комиссаров». Русское военное командование обязано отклонять «всякие преступные переговоры» и держать, как и раньше, свою армию «лицом к общему врагу».

Вскоре и Френсис принял решение. 14 ноября к Духонину пожаловал помощник начальника военной миссии США подполковник Керт и «согласно совершенно определенным указаниям» своего правительства, «переданным... послом С.-А. Штатов в Петрограде», поддержал заявление, врученное ранее от имени Франции, Англии и других союзных держав. Духонин по-своему использовал эти документы — разослал ноты союзников по армиям, приказав читать и «разъяснять» их офицерам и солдатам. Пусть знают комитеты, делегаты, народные комиссары, офицеры и солдаты, что ожидает армию, страну, если Россия по своей воле выйдет из войны! Американцы уже назвали первую плату за политику Советов — нас оставляют без снарядов и пушек, нас заморят голодом!..

Так определились два лагеря: Смольный и Ставка.

Опору Смольного составляли миллионы солдат по обе стороны фронта, безмерно уставших от несправедливой, чуждой им войны, миллионы рабочих и крестьян, давно ждавших мира.

Ставка опиралась на союзную дипломатию и на тех внутри России, кого рабоче-крестьянская революция лишила и власти, и богатства.

6

Когда в эфире разнеслось ленинское «Радио всем», когда к окопам полетело: «Солдаты! Дело мира в ваших руках», открылась стратегия Смольного: идти к миру, полагаясь не только на обычные приемы дипломатии, но и на методы революционные. Поднять самые низы армии, соединить глубинное движение солдат, жаждущих мира, с рассчитанными шагами сверху.

«Радио всем» было первым шагом на этом пути.

Утром 9 ноября Ленин и Крыленко присутствовали на совещании фронтовых делегатов, созванном Народным комиссариатом по военным и морским делам. Напутствуя фронтовиков перед их возвращением на позиции, Крыленко просил рассказать солдатам о происходящем в Петрограде, о декретах Советской власти, ее борьбе за скорейший мир. Правительство, говорил Крыленко, надеется на помощь армейских комитетов, которым даны большие права. Они должны ими воспользоваться. А для этого необходимо скорее завершить переизбрание комитетов, удалить «оборонцев»-соглашателей.

Ранним утром 10 ноября над немецкими позициями в районе Двинска появился русский аэроплан. Вместо бомб и гранат он разбрасывал листовки, напечатанные по-немецки: «Декрет о мире».

Днем Народный комиссариат иностранных дел разослал ноты дипломатическим миссиям нейтральных стран. Наркоминдел просил их посредничества, для того чтобы советские мирные предложения были доведены до правительств неприятельских держав. Выражалась надежда, что и остальные страны тоже не останутся безучастными к мирным усилиям Советской республики.

Германские интересы в России (на время войны) представляла шведская миссия. Получив ноту из Смольного, шведский посланник тотчас передал ее своему правительству и через Стокгольм в Берлин.

В Стокгольм отправился представитель Совета Народных Комиссаров. Он получил полномочия, действуя вместе с Воровским, вступить в предварительные переговоры о перемирии с представителем германского правительства в Швеции советником Рицлером...

10 ноября Ленин читал последние телеграммы с фронта и из провинций. Сообщалось, что в Ставке несколько дней назад появились видные генералы из Петрограда. Пожаловали и ораторствуют в качестве претендентов на пост министра-председателя то эсер Чернов, то эсер Авксентьев, то меньшевик Церетели. Эсеро-меньшевистский общеармейский комитет, состоящий при Ставке и находящийся в подчинении у Духонина и комиссара Станкевича (его назначил еще Керенский), рассылает по армиям призыв требовать «от имени фронта» создания нового правительства во главе с Черновым.

А рядом другие телеграммы. Продовольственное снабжение войск с каждым днем ухудшается. Особенно плохо в армиях Северного фронта. «Третий день полки питаются одними сухарями... Сухари кончатся — голодная армия двинется в тыл искать себе хлеба. Никакая сила этого движения не остановит. Граждане! Голодная миллионная армия откроет фронт, сметет все на своем пути, погибнет армия, погибнет и Россия. Дайте хлеба!»

Голос истеричный, эсеровский, лицо армейского комитета как на ладони! Но телеграмм об усиливавшемся голоде много. Показательно, что подвоз продовольствия

ухудшился в последние дни. Не ходы ли это Духонина и Марушевского? Вызвать недовольство солдат, спровоцировать выступление против нового правительства — не этого ли добивались Духонин и его окружение?

Телеграммы, телефонные звонки, донесения, стекавшиеся в правительство, подтверждали: солдаты ждут прежде всего мира и хлеба.

Поздно вечером Владимир Ильич составил радиотелеграмму: «Всем армейским организациям. Военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте». «Правительство Совета Народных Комиссаров целиком поглощено сейчас двумя вопросами: обеспечением продовольствия армии и немедленным перемирием... Борьба за мир натолкнулась на сопротивление буржуазии и контрреволюционных генералов...» Прочь гоните черновых и церетели! Они уже были министрами (в правительстве Керенского). И что же? Именно они повинны в том, что война затягивалась. Они — приказчики английских, французских, американских биржевиков... Солдаты! Те армейские комитеты, которые попытаются поддерживать врагов народа в их борьбе против Советской власти, должны быть немедленно распущены, а в случае сопротивления — арестованы. Вся армия должна сплотиться вокруг Советской власти в борьбе за хлеб и мир.

С двадцати трех часов сорока пяти минут ленинскую телеграмму передавали по радио, по всем линиям связи от Смольного до солдатских окопов. Это была тоже подготовка к генеральному мирному наступлению, которое организовывали большевики.

До глубокой ночи в Смольном не прекращались совещания. К сожалению, документов о них не сохранилось. Но вот обращение Советского правительства к армии и совдепам. Дата: «11 ноября, 6 часов утра. Смольный». Это — отражение того, что решено, намечено. Вновь подтверждалась готовность немедленно добиваться перемирия. Союзные дипломаты предупреждались: их обращение к Духонину, отставленному за неисполнение приказов правительства,— факт недопустимый. Но угрозы союзников обречены на провал. Солдатам, рабочим, крестьянам вновь дается заверение: революционная власть не допустит продолжения войны за чуждые народам интересы. Не для того рабочие и крестьяне России низвергали царя и Керенского, чтобы оставаться пушечным

мясом союзных империалистов. И наконец, извещение: «Солдаты... ваш Главнокомандующий прапорщик Крыленко выезжает сегодня на фронт, чтобы взять в свои руки дело борьбы за перемирие».

7

10 ноября в Петрограде Крыленко подписал документ:

ПРИКАЗ ПО АРМИИ И ФЛОТУ

№ 1

Именем Революции,

Ввиду последовавшего отказа генерала Духонина исполнить предписание правительства о начатии переговоров о перемирии, постановлением Совета Народных Комиссаров я назначен Верховным Главнокомандующим.

Выезжаю на фронт.

Общее руководство делами военного министерства поручается товарищу Подвойскому, о чем чины и начальники главных управлений настоящим поставляются в известность.

Генералу Духонину впредь до окончательной сдачи дел предписывается ведение всех оперативных действий против неприятеля.

Товарищи! Солдаты революционной армии! Борьба за мир теперь в ваших руках. Несчастия, болезни, лишения, голод, смерть стоят у вас на пороге. Товарищи! В борьбе за мир мы должны победить.

Да здравствует немедленный мир!

Верховный Главнокомандующий
и Народный комиссар по военным делам
Крыленко.

В тот же день Крыленко и Подвойский пришли к начальнику генерального штаба Марушевскому.

Крыленко сказал, что нужно срочно сформировать группу военных парламентеров и послать ее через линию фронта, чтобы предложить немцам прекращение огня. Неисполненное Духониным должно быть исполнено помимо него! В числе парламентеров желательно иметь офицера Генерального штаба.

Марушевский слушал сидя в кресле, переводя взгляд то с Крыленко на Подвойского, то с Подвойского на Крыленко.

— Я вполне с вами согласен. России нужен мир,— отозвался Марушевский.— Но весь вопрос, какой ценой его получить? Прежде чем отправляться в путь, надо решить именно это. Россия не может оставаться без союзников. А союзники против переговоров с Германией. Я имею об этом исчерпывающую информацию от военных миссий в Петрограде. Генерал Духонин также осведомлен. И он считает своим долгом и своей честью не допустить опрометчивых переговоров во вред общему делу союзников.

— Генерал, мы делали революцию, не считаясь с тем, нравится она или не нравится так называемым союзникам. Надеюсь, вы сегодня читали в газетах первые документы тайной дипломатии. Они достаточно объясняют, почему союзники не желают окончания войны,— сказал Подвойский.

— Назовите офицера, который мог бы войти в состав делегации парламентеров,— потребовал Крыленко.

— Я не знаю такого офицера. Напротив, я знаю, что в Генеральном штабе многие думают так же, как генерал Духонин.

Крыленко и Подвойский ушли, объявив Марушевскому, что он может не утруждать себя. Парламентеры найдутся в солдатских окопах, где лучше знают, какими надеждами живет сейчас армия.

8

В Двинске квартировал штаб V армии. Ею командовал опытный генерал Болдырев, педант и службист. В половине седьмого утра 11 ноября, еще до того, как правительственное сообщение о выезде Крыленко дошло до Двинска и Могилева, командарм-пять вызвал по прямому проводу Ставку и поднял Духонина с постели:

— У меня имеется сведение, что сегодня прибывает экстренным поездом в Двинск прапорщик Крыленко. Армискому[1] пятой указано из Петрограда обеспечить ему меры личной безопасности и подготовить товарищей, зна-

[1] Армиском — Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов армии.

ющих немецкий язык. Из этого я заключаю, что поездка эта может иметь попытку переговоров о мире. Ввиду того что все комитеты армии, и в особенности армейский, явно большевистского направления, а идея немедленного мира очень живуча и остра в сознании солдатской массы, полагаю, что приезд этот будет встречен сочувственно, и помешать ему, не имея реальной силы, я не могу... Не исключаю возможности — докладываю это лишь предположительно — попытки захватить здесь власть и обосноваться, опираясь на сочувствие комитетов. Докладываю об изложенном и спрашиваю: не последует ли по сему каких-либо указаний от вас?

Духонин спросил, когда стало известно о выезде прапорщика Крыленко и когда его ожидают. Болдырев уточнил: сведения получены из секретного доклада телеграфиста, находящегося в Петрограде; он утверждает, что приезд должен состояться между десятью и двенадцатью часами.

Духонин не поверил. Ночью он говорил с генералом Марушевским. Тот докладывал: никакого выезда «красного прапорщика», по крайней мере до двадцати четырех часов, не было. «Крыленко свой предполагаемый приезд (но не на фронт, а в Ставку) отложил». Все же, не прерывая разговора, Духонин на всякий случай приказал вновь навести справки. А Болдыреву сказал:

— Лично я более чем уверен, что Крыленко не поедет на фронт, пока обстановка в Петрограде с союзниками не разъяснится.

Но Крыленко поехал. Правда, он отправился из Петрограда не в час, указанный Болдыреву его лазутчиком-телеграфистом.

Утром 11 ноября Крыленко был на приеме у Владимира Ильича Ленина. Вместе с главковерхом находился член ЦК партии большевиков А. А. Иоффе. Ленин дал инструкции, «как вести себя с немцами, как вести переговоры...»

Из Смольного Крыленко и Иоффе отправились на Варшавский вокзал. Туда же приехала Елена Розмирович, работник Смольного, тоже включенная в состав правительственной делегации.

...Экстренный поезд состоял из трех вагонов. Один был «министерский». В первом и третьем разместились матросы и красногвардейцы — охрана миссии.

Крыленко, невысокий, плотный, прибыл на вокзал в дубленом полушубке, потертой папахе и сапогах. Ворот полушубка был расстегнут, виднелся суконный армейский френч. В тридцать два года да при том возбуждении, каким был охвачен главковерх, холодный ноябрьский ветер не чувствовался. Иоффе, в пенсне, с бородкой клинышком, был тоже в полушубке, но в штатской шляпе и штиблетах с калошами. Елена Розмирович отправлялась на фронт в осеннем пальто курсистки, зато в сапогах и пышной ворсистой шапке.

Делегаты прошли во второй вагон.

Комендант поезда, матрос-авроровец, перепоясанный вдоль и наискось ремнями и патронными лентами, с маузером и карабином, доложил: «Все готово к отъезду».

Два часа дня. Свисток, поезд тронулся и пошел без остановок. Экстренный!

9

Николай Васильевич Крыленко был сыном ссыльного студента. Приехав в столицу, он тоже стал студентом — поступил на филологический факультет Петербургского университета. Мечтал стать профессором. Но кафедру получил досрочно — на уличных сходках и митингах, то за Невской заставой, то на Выборгской стороне. В годы кануна мировой войны Крыленко был уже видным профессиональным революционером. Встречался с Лениным в эмиграции, выполнял его задания. Часто приезжал в Петербург. Бывал на сходках солдат, на встречах с рабочими-большевиками, членами Государственной думы. Центральный Комитет партии прикомандировал его к рабочим депутатам в качестве нелегального инструктора по политическим и юридическим вопросам.

Секретарем большевистской фракции IV Государственной думы была Елена Розмирович — ровесница Крыленко и тоже многоопытная революционерка. Ее отец, немец, прибыл в Россию не то из Германии, не то из Австрии. Приехал работать у богатого украинского помещика, но остался навсегда, женившись на русской. Елена училась сначала на родине, потом в Германии. Домой вернулась убежденным социал-демократом. И началась для нее жизнь борца. Подпольная революционная работа в Киеве, аресты, снова тайные явки.

Одна мечта, одна трудная судьба, совместная партийная работа — все это сблизило Крыленко с Розмирович. И они прошли вместе долгие годы. Правда, часто разлучали жандармы. По доносу небезызвестного провокатора Малиновского в 1913 году была арестована и выслана из Петербурга Елена Федоровна, а вскоре и Николай Васильевич. Встретились в Харькове. Снова партийная работа. Но и Харьков пришлось покинуть. Ушли буквально за считанные минуты до предстоявшего ареста. Эмиграция. Встреча с Лениным. В июле 1915 года одним путем, но под разными фамилиями (он — Лохвицкий, она — Галлер) приехали в Москву. Задание заграничного центра большевиков. Но... провал.

Война уже была в разгаре. Царской армии требовалось много пушечного мяса. Посылали на фронт и политических. Крыленко в чине прапорщика направили в действующую армию. С пакетом, запечатанным сургучом, со строгим приказом командиру полка: беречь солдат от «крамольной» агитации прапорщика!

Февральская революция. В два-три месяца Крыленко проходит путь от председателя полкового до председателя армейского комитета. Потом Петроград. По поручению ЦК РСДРП(б) Крыленко становится одним из организаторов Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций партии. Его избирают членом бюро большевистской «военки». И опять совместная работа с Еленой Розмирович в «военке», в «Правде», в большевистской «Солдатской правде», широко связанной с фронтовиками.

Крыленко, по словам Владимира Ильича Ленина, становится одним «из самых горячих и близких к армии представителей большевиков».

Петроград. Смольный. Военно-революционный комитет. Крыленко среди тех, кто готовил историческое восстание, в гуще тех, кто приносил победу. Ночью 26 октября «красный прапорщик» становится военным министром (народным комиссаром) и членом ВЦИК.

...Час назад в Смольном нарком получил и другой мандат — верховного главнокомандующего армиями Российской республики. На документе — подпись Ленина.

Вагон, в котором ехали делегаты, имел несколько спальных купе. Вторую половину занимал салон. Посередине стоял большой полированный стол из мореного дерева, его окружали мягкие кресла. По стенам между окон — зеркала. Видимо, оттого в салоне было светло, как на застекленной веранде.

Раньше в дорожном салоне разъезжал военный министр. Теперь распоряжались прапорщик-главковерх, советский дипломатический советник, женщина-комиссар.

С полчаса после отъезда, когда осмотрелись, устроились, делегаты собрались в салоне. Посоветовавшись, решили сделать остановку в Пскове.

Делегаты знали, что их ожидают не апартаменты профессиональных дипломатов. До этого еще далеко! Сейчас они едут к солдатам в окопы. И всю дорогу размышляли о том, с чего начать. Общая картина ясна: мир не может быть заключен только сверху; мира нужно добиваться снизу. Надо безотлагательно двинуть к немцам парламентеров. Но в нынешних условиях, когда генералы, кадеты, эсеры, меньшевики, все «оборонцы» повсюду клянут большевиков за то, что те якобы хотят «сговориться с немцами», действуют против воли союзников и оставляют-де Россию в одиночестве перед лицом армий Вильгельма, послать людей с белым флагом не так-то просто. И не только потому, что в спину могут полететь пули. На карту поставлено гораздо большее. Та власть, которая располагает поддержкой армии, во сто крат прочнее. Надо, чтобы солдатская масса борьбой своей, революционной силой расчистила дорогу тем, кто пойдет с призывной трубой и белым флагом. И чтобы солдаты знали: парламентеры идут не «продавать» Россию, а договариваться об условиях перемирия.

Но как это сделать?

Поезд подходил к Пскову, когда за окнами было уже темно. Изредка в черной дали возникали и скрывались за деревьями, за поворотом дороги одинокие огоньки.

Делегаты, сидевшие в салоне, были полны ожидания.

В Пскове дислоцировался штаб армий Северного фронта, войск, оперировавших в Прибалтике. Фронтом командовал молодой генерал Черемисов. За ним была известность офицера, отличившегося во многих боях, чело-

века умного и сложного. Командующим фронтом он стал недавно и, оказавшись поближе к Ставке, почти сразу же впал в немилость. Черемисов позволил себе не соглашаться даже с Керенским. И говорил об этом вслух. Через полтора-два месяца командующий фронтом был зачислен в ряд «вольнодумцев». Керенский ждал удобного случая, чтобы сместить Черемисова. И позднее командующий Северным фронтом во многом расходился со Ставкой. Он открыто заявлял Духонину: нельзя идти на поводу у союзников, требующих «войны до победного конца»; самое сильное желание солдат — скорее заключить мир. «Союзники не имеют ни малейшего представления ни о материальном положении наших войск, ни об их настроении». Вместо того чтобы расшаркиваться перед англо-франко-американскими советниками, надо открыть им глаза на действительное положение вещей и проводить линию, соответствующую реальной обстановке. Черемисов зло и метко высмеивал эсеро-меньшевистских комиссаров, назначенных в свое время Керенским в Ставку и в штаб фронта, говорил, что они «балансируют между двумя стульями», а как только обнаруживается опасность — «дают тягу». Правда, это не помешало самому Черемисову в дни Октября то поддерживать правительство Керенского, то исполнять приказы Военно-революционного комитета фронта. Но как поведет себя Черемисов сейчас, когда нужны практические решения, как закончить войну? Готов ли он настолько порвать со Ставкой, со своей средой, чтобы содействовать успеху чрезвычайной делегации Совета Народных Комиссаров? Никто этого не знал.

Перед выездом из Петрограда Крыленко послал телеграмму Черемисову и Шубину (меньшевик, комиссар Северного фронта): прибыть на вокзал, доложить о состоянии войск. Не почести нужны были новому главковерху. Явка на доклад означала бы признание командованием Северного фронта Советской власти и Крыленко как ее представителя. Это во многом облегчило бы исполнение и главной задачи, ради которой ехала делегация.

Поезд остановился. На перроне, освещенном тусклыми фонарями, стояла небольшая группа военных и штатских. Крыленко, делегаты вышли из вагона. Среди встречавших они увидели Бориса Павловича Позерна,

активного работника партии, председателя Псковского ревкома.

Ни Черемисова, ни Шубина на вокзале не было.

Крыленко пригласил ревкомовцев в вагон.

Псковские товарищи охарактеризовали обстановку.

Делегаты Петрограда решили еще раз вызвать Черемисова. Крыленко направил своего адъютанта позвонить командующему. Адъютант вскоре вернулся: «Генерал ответил, что хотел бы видеть прапорщика Крыленко у себя».

Стало ясно: Черемисов не союзник; рассчитывать на его содействие нет оснований. При всей оппозиции к Ставке он оказался неспособным сделать тот шаг, который, видимо, представлялся ему слишком крутым.

Члены делегации и псковские ревкомовцы договорились, как действовать. Позерн и его сотрудники отправились в город.

Тем временем к главковерху прибыла делегация 12-го Финляндского полка, квартировавшего в районе Пскова. Разговор шел о том, что мира можно достичь только революционным путем. И он указан в декретах Совета Народных Комиссаров. Долг финляндцев поддержать Военно-революционный комитет Пскова, который отныне берет в свои руки контроль и над штабом Северного фронта.

Полчаса спустя к экстренному поезду стали подходить колонны солдат. Собрались железнодорожники. Пришли рабочие из города. Так возник необычайный митинг — уже был одиннадцатый час ночи. Прожекторы паровозов осветили площадку перед поездом.

Крыленко выступил с речью. Говорил, что революционные солдаты не дадут себя запутать и будут поддерживать план мира, предложенный Советом Народных Комиссаров.

— Мы, делегаты Советского правительства,— послы народной воли. О каждом своем шаге будем тотчас докладывать солдатам, всему трудовому народу России... Духонин, Ставка, генералы Северного фронта отказываются исполнять предписания правительства. За это генералы должны держать ответ перед народом. Мы призовем их к ответу!

11

В час ночи поезд ушел из Пскова. Перед самым отъездом делегация отправила в Петроград первое телеграфное донесение правительству:

«...Отдано распоряжение об отстранении Черемисова... Одновременно отстранен комиссар Шубин и назначен Позерн... Солдаты и железнодорожные служащие встретили речь Крыленко с большим подъемом. Влияние большевиков заметно растет. За декрет о перемирии ухватились с жадностью. Весь гарнизон Пскова всецело на нашей стороне. Выехали дальше».

Поезд мчится через болотистые леса, взбирается на сухие песчаные насыпи, пролетает над мостами и вновь вонзается в узкий лесной коридор, оставляя позади грохот колес и отсвет красных огоньков, мерцающих в мглистой ноябрьской ночи.

Делегаты долго не могут уснуть. Вновь возникают лица солдат, освещенные прожекторами. Солдаты — за. Первая разведка не оставляет в этом никакого сомнения. «Верхи» по-прежнему против. Саботаж неминуем.

...Поезд идет на юго-запад. В Смольном еще бодрствует Ленин. Ему передана телеграмма из Пскова... Черемисова пришлось отстранить. Что ж, такова логика событий. «Влияние большевиков заметно растет. За декрет о перемирии ухватились с жадностью». Это очень важно. Это надо в печать.

Из Смольного псковская телеграмма передается в редакции петроградских газет.

...Поезд идет на юго-запад. А в Петрограде типографские машины печатают не только большевистские, но и контрреволюционные газеты. Завтра рано утром эти последние рассеют по Питеру, по стране очередную порцию ядовитой желчи:

«Прапорщик Крыленко, просто прапорщик Крыленко, «именем Российской республики» предлагает мир неприятелю, хозяйничает на всем протяжении государства и творит будущее великой страны. Прапорщик Крыленко берет на себя смелость подводить итог мировой войне... Кто уполномочил прапорщика Крыленко быть выразителем всенародного стремления к миру? Кто? Неужели достаточно той власти, которая тяжелой артиллерией про-

ложила себе дорогу к Зимнему дворцу и Московскому кремлю?»

Буржуазно-«социалистическому» публицисту представляется, будто он нашел «убийственные» слова для уничижения Крыленко. Но в смятении своем, в страхе перед грозной силой, приведенной в движение тягой миллионов к миру, он не замечает, что его тирада оборачивается против него же. В его вопросах содержится верный ответ! Да, Крыленко — один из тех, кто уполномочен быть выразителем всенародного стремления к миру! Уполномочен революцией, миллионами солдат и рабочих. На его стороне та сила, которая взяла Зимний и Кремль. И это — достаточно веский мандат!

...Поезд идет на юго-запад. А в Могилеве, в Ставке, генерал Духонин сидит в кресле и диктует телеграфисту:

«Крыленко... проехал через Псков в Двинск. Никто его не арестовал, железные дороги пропустили его экстренный поезд, нанеся тем существенный вред армии и нашей родине».

В ту же ночь заседает Псковский ревком. Принимаются решения, санкционированные правительственной делегацией. В ту же ночь арестовывают меньшевистского комиссара Северного фронта Шубина. Отряд Красной гвардии и солдат занимает помещение комиссариата Северного фронта. Новый комиссар, Позерн, объявляет по телеграфу о вступлении в должность. Генерал Черемисов отстранен, но впредь до заместительства ему предписывается руководить оперативными действиями под контролем комиссара Позерна.

12

В девять часов утра 12 ноября чрезвычайная делегация прибыла в Двинск. Когда поезд остановился, возле него выстроилась небольшая группа военных: солдаты, два прапорщика, штабс-капитан. Из вагона первым вышел Крыленко. Штабс-капитан подал команду «смирно», сделал три шага вперед и отрапортовал:

— Товарищ верховный главнокомандующий...

Такое было в первый раз.

Военные, встретившие делегацию, представляли армейский комитет V армии.

Не случайно после Пскова делегация направилась в расположение войск именно этой армии.

Когда ночью 25 октября в Смольном открылся Всероссийский съезд Советов, в президиуме рядом с Лениным, Луначарским, Коллонтай, Крыленко и Ногиным сидел двадцатипятилетний врач-фронтовик Склянский. На съезде он представлял четыреста тысяч солдат V армии (был председателем армейского комитета).

Уже с лета 1917 года V армия слыла «ненадежной». В мае в Двинск приезжал Керенский. Выступая перед солдатами, он звал их «к войне до победы». Керенского встретили холодно. Зато зал городского театра, где проходил съезд, сотрясался от аплодисментов, когда говорил делегат 19-го корпуса военврач Склянский. Каждое слово метко разило Керенского, отвергало его доводы и разрушало его кадетско-эсеровские призывы.

В V армии работала сплоченная группа партийцев-коммунистов. С 21 октября, после очередного солдатского съезда, руководство армейским комитетом перешло в руки большевиков. Председателем стал Склянский. В канун Октябрьского восстания он отправился в Петроград на Всероссийский съезд Советов. 25 октября армейский комитет выделил из своего состава ревком, который разослал комиссаров на узловые станции Витебск, Смоленск, Вязьма, Ржев, Бологое. И они взяли под контроль железнодорожное движение на важнейших магистралях, ведущих к столице. Ни один воинский эшелон «усмирителей», направляемый духонинской ставкой, через эти станции не прошел.

По телеграмме Крыленко из Петрограда армиском подготовил двенадцать ударных батальонов для помощи революционной столице. И только сигнал «отбой», последовавший из Смольного, оставил батальоны на месте.

Армейский комитет и ревком получили такую поддержку солдат, что сочли возможным взять под контроль даже прямой провод командарма с командующим фронтом. Лишь спустя несколько дней, когда успех революции в Петрограде был обеспечен, когда угроза прорыва «усмирительных» войск к столице миновала, ревком согласился снять контроль над прямым проводом командарма.

Но Болдырев и после этого не переставал жаловаться Черемисову: «Двинск фактически находится во власти армейского комитета», командующему армией оставлено

только право руководить оперативной частью и сохранять фронт; армиском «стоит на точке зрения исполнения приказов руководящей партии большевиков из Петрограда... На стороне армейского комитета — большинство армии».

13

Накануне вечером, когда поезд делегации еще находился в Пскове, Болдырев попросил армиском сообщить Крыленко, что он, командарм, ждет гражданина прапорщика у себя в Двинске, «чтобы передать ему крайне важные сведения». Духонину, в Ставку, Болдырев доложил: «Я имел в виду ноту союзников». Болдырев, видимо, догадывался, что Крыленко знает об этой ноте и что она не остановит его. Но Болдырев хотел создать положение, когда и волки были бы сыты и овцы целы. Ничем себя не обязывая перед новой властью, показать, что готов говорить с Крыленко. К тому же приглашение, переданное заранее, полагал Болдырев, избавит его от необходимости самому встречать «красного прапорщика».

Делегация еще в Пскове разгадала смысл приглашения Болдырева, и Крыленко ответил: командарм должен сначала сам прибыть.

Но Болдырев не приехал.

Тогда решили передать ему приглашение от имени армискома участвовать в заседании комитета,— оно было назначено на вторую половину дня. Этот своеобразный компромисс давал Болдыреву возможность «достойно» выйти из трудного положения. Что касается делегации, то она понимала: согласие командарма в какой-то степени содействовало бы чрезвычайной миссии, произвело бы впечатление на генералитет и офицерство армии.

Болдырев не явился и на заседание комитета. Дальше приглашения Крыленко командарм пойти не захотел.

Заседание армейского комитета проходило в городе, в одном из помещений штаба армии. Собралось человек сорок.

Болдырев получил подробный доклад — на заседании оказался начальник особого отдела армии штабс-капитан Красовский, который все услышанное взял на карандаш. С его слов Болдырев докладывал Духонину...

— Три задачи стоят перед нами, три врага на нашем пути,— говорил Крыленко на заседании армейского комитета.— Первый враг — внешний. Это германский империализм и его союзники.

Крыленко обрисовал положение, создавшееся в Германии. Он говорил о двух немецких партиях в руководящих сферах страны. Одна стоит за продолжение войны и достижение конечных целей вооруженной силой. Это партия военщины. Вторая партия считает, что Германия может мирным путем добиться своих целей на Востоке. Это финансово-промышленные круги, усматривавшие в продолжении войны опасность для внутриполитического строя Германии. Они знают, что на фронте и в тылу задают вопрос: «Если русские смогли убрать царя, то что мешает нам, немцам, сбросить Вильгельма?» Финансисты и промышленники понимали: продолжение войны, особенно когда на стороне союзников выступили Соединенные Штаты Америки, не принесет успеха германскому оружию.

— Второй враг,— продолжал Крыленко,— голод в армии. Это особенно опасно в нынешней ситуации. Правительство народных комиссаров говорит трудящимся, солдатам, всем сторонникам Советов: «Товарищи, давно жданный мир близок, армия скоро пойдет по домам. Но в один день сделать все невозможно. Мы обязаны кормить и одевать солдат, которые твердо стоят на позициях».

— Третий враг — контрреволюционный генералитет во главе с Духониным. Но корниловцы должны усвоить: пощады не будет!

— А как насчет ноты союзников?

Это спросил штабс-капитан Красовский.

— Нас не должны смущать подобные ноты. Это шантаж. То, что имеет значение для корниловских генералов, решительно отвергает революционная власть. Мы идем к миру, и никто нас не остановит.

После речи главковерха члены армейского комитета и делегации собрались в узком составе. Договорились о шагах практических.

Поздно вечером поезд с делегацией продвинулся ближе к линии фронта, к полкам 19-го корпуса.

В войска этого корпуса накануне прибыли Э. М. Склянский и А. М. Коллонтай — народный комиссар. Они явились в самое нужное время.

Только что закончилось корпусное совещание комиссаров. Оно приняло обращение ко всем солдатам «и тем офицерам, которые идут рука об руку с нами». Комиссары, «представители окопные», писали о том, что они, получив радиотелеграмму Совета Народных Комиссаров начать мирные переговоры, «думали, что это сон, но, обсудив вопрос со всех сторон», пришли к мнению: «это не сон, а факт».

«Товарищи, дело перемирия взял армейский комитет... а нас он просит, как ваших представителей, сохранить в ваших истощенных рядах спокойствие,— вот с этим лозунгом, мы как ваши выборные, и обращаемся. Товарищи, сохраните полное спокойствие, не делайте самочинных выступлений... всего того, что может повредить делу перемирия и всеобщего давно жданного мира, помните твердо, товарищи, что это выступление на руку только тем, кто не слушал грохота орудий, кто не держал штыка в руках, кто не делал перебежки на верную смерть, не зная за что и для чего, кто не стоял у бойниц полуголодный, кто не лежал в этом сыром клоповнике-землянке, а лишь только кричали «Война до полной победы...»

...Быть может, кайзер попробует двинуть в последний раз свои полки, мы также твердо верим, что вы не дрогнете и не сделаете шагу назад...

Да здравствует решительность, твердость, смелость, мужество, терпение, с которым мы придем к давно жданному миру... Да здравствует приостановка грохота орудий!

Все комиссары XIX корпуса».

Своеобразное по языку и заключенному в нем смыслу, обращение дает представление, о чем думали и как думали солдаты того участка фронта, где должны были пройти парламентеры мира. Почва была вспахана глубоко!

После совещания комиссаров собрался корпусной съезд. Его также использовали для пропагандистской подготовки мирного «прорыва» фронта. Тут, как и в

Пскове, еще и еще выверялось отношение самой сердцевины армии к программе мира, проводимой Советом Народных Комиссаров.

Председатель армейского комитета Склянский говорил на корпусном съезде о виденном и пережитом в Петрограде, о встречах с Лениным, о пути к миру, что должны делать солдаты... Главное — революционная выдержка. В полосе корпуса через линию фронта пойдут парламентеры Советской власти. Надо создать обстановку, чтобы ни один провокатор не смог помешать великому делу!

Как всегда, ярко и взволнованно говорила Коллонтай:

— Меч над богом войны занесен — пламенный меч рабочей революции! От самих солдат зависит, чтобы тот меч опустился без промедления и в самом нужном месте. Генералы — против мира, но они должны знать, что нет больше солдат, безропотно исполняющих приказы... Большевиков называли безумцами, когда они говорили: «Война — войне». Теперь все видят, кто прав, кто служит народу, а кто идет против его воли... К миру, товарищи солдаты! За полную поддержку политики революционной рабоче-крестьянской власти!

После корпусного совещания в полках вблизи передовой прошли солдатские митинги. На них выступала Коллонтай. И Склянский. И комиссары, принимавшие обращение к солдатам. Тут же, в ротах, решалось, что сделать, чтобы твердо держать фронт, и чтобы не было самочинных выступлений, и чтобы местные духонины не смогли помешать исполнению того, что вчера казалось «только сном, а теперь — факт».

15

Ночью 12 ноября чрезвычайная делегация передала по телеграфу второе донесение Совету Народных Комиссаров:

«...Делегацией армискома V тов. Крыленко встречен как Верховный главнокомандующий. Армиском V взял на себя организацию перемирия на фронте армии... Корпусной съезд XIX корпуса всецело признал новое правительство. За неисполнение приказа о явке отстранен от должности и подвергнут аресту командующий V армией генерал Болдырев. Общее положение на фронте благо-

приятное. Распространяется на немецком языке Декрет о мире...

Необходимо выслать максимальное количество юзистов армиском Псков и Двинск.

Секретарь делегации *Е. Розмирович*».

16

До позднего вечера 12 ноября, пока Болдырев оставался командармом, Духонин получал донесения из Двинска. Он знал чуть ли не о каждом шаге делегации. И Ставка продолжала интриговать. Духонин разослал по телеграфу обращение «Ко всем представителям политических партий»: «Русский народ!.. Дайте исстрадавшейся земле русской власть». Духонин взывал к армии: «Солдаты-граждане!.. Не поддавайтесь обольщению внешнему» — большевики все равно мира дать не могут, их никто не признает... Мир можно получить только совместно с союзниками.

Понимая, что в V армии дело уже проиграно, Духонин и Станкевич, главный комиссар Ставки, начали создавать заслоны, чтобы не допустить Крыленко в Ставку, в Могилев. Общеармейский комитет, послушный Станкевичу, направил Крыленко телеграмму: «Ваш приезд в Ставку является совершенно излишним». А Духонин отдал приказ начальнику 1-й Финляндской дивизии: «В случае продвижения из Двинска на Могилев поезда с прапорщиком Крыленко» состав немедленно остановить, Крыленко предложить вернуться назад. «Вы обязываетесь, если бы потребовалось, вооруженной силой воспрепятствовать» продвижению поезда на Могилев.

17

Ранним утром 13 ноября Крыленко и Иоффе в сопровождении представителей армейского комитета и делегатов 19-го корпуса вышли к передовым линиям окопов Московского пехотного полка. Выбрали место, откуда пойдут парламентеры, и возвратились к поезду.

Тем временем связисты подтянули к нему провода. В салон-вагоне, у окна, на двух небольших столиках поместили телеграфный и телефонный аппараты. Комендант установил круглосуточное дежурство юзистов, вы-

званных из штаба армии. У телефона дневалили матросы. Армейский комитет расставил надежных людей по всей линии проводной связи: вниз — до окопов Московского полка и вверх — от штаба корпуса до штаба фронта.

Вся армия, весь фронт насторожились, прислушиваясь и ожидая.

Армейский комитет предложил в качестве парламентеров военного врача Михаила Сагаловича и вольноопределяющегося Георгия Мерена. Третьим парламентером был офицер, вызванный из Петрограда.

Все трое получили наставления:

— Если немцы ответят согласием, надо обусловить начало переговоров не ранее чем через пять дней.

Парламентерам вручили письменное удостоверение:

«13 ноября 1917 г.

Именем Российской Республики, по уполномочию Совета Народных Комиссаров, я, Народный Комиссар по Военным и Морским делам и Верховный Главнокомандующий армиями Российской Республики, уполномочиваю парламентеров... членов армейского комитета V армии военного врача Михаила Сагаловича и вольноопределяющегося Георгия Мерена, обратиться к высшему начальнику германской армии на участке, где будут приняты эти парламентеры, с просьбой запросить высшее командование германской армии, согласно ли оно прислать своих уполномоченных для открытия немедленных переговоров об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран, в целях начатия затем мирных переговоров. В случае удовлетворительного ответа со стороны высшего командования германской армии, парламентерам поручено установить место и время для встречи уполномоченных обеих сторон.

Народный Комиссар по Военным и Морским
Делам и Верховный Главнокомандующий
Н. Крыленко».

Автомобиль увез парламентеров к фронту.

Тотчас в Смольный полетела срочная телеграмма: «Сегодня в 11 час. утра Верховным Главнокомандующим посланы парламентеры со следующим полномочием...»

В пятнадцать пятьдесят матрос Жулин, дежуривший

у аппарата в вагоне чрезвычайной делегации, принял первую телефонограмму снизу:

«Парламентеры прибыли и находятся в штабе Московского полка, предполагается выйти правее Поневежеской железной дороги, у Белорусской заставы».

18

В полосе V армии уже несколько дней происходило братание. Ни одна война раньше не знала такого. Шапки летят кверху, а «ничейная земля», поле смерти, становится землей братства. «Ура!», «Долой войну!» И солдат русский обнимает солдата-немца. Оба — братья по классу, и обоим ненавистна война. И пусть не долог между ними мир — офицеры преследуют братание (за это полагается полевой суд), но и те считанные минуты, покуда рука в руке, покуда нет врага и нет войны, запоминаются надолго...

Когда парламентеры, покинув штаб полка, направились к траншеям, впереди происходило братание. И вдруг из глубины послышалось:

— Расходись, товарищи! По окопам!..

Стоял тихий солнечный полдень. Голоса были услышаны. Солдаты нехотя начали отходить. На желтой траве, покрытой изморозью, остались свежие вмятины от армейских сапог. Заиграла труба, и трое военных с белым флагом вышли из кольцевого окопа, который солдаты называли «Фердинандовым носом». Русские и немцы расступились, пропуская парламентеров.

Войска, державшие фронт под Двинском, давно обжили здешние места. Солдаты знали каждый холмик, каждую тропку, ведущую к неприятелю. Делегатам V армии провожатые не понадобились. Они вышли на «ничейную» землю и подошли к вражеским проволочным заграждениям. Тотчас показался немецкий офицер:

— Кто вы?

— Парламентеры Российской республики... Вот наши полномочия.

Их было трое. Но за каждым их шагом следили сотни глаз.

Их было трое, за ними — миллионы.

Вскоре полетело донесение в Петроград, в Смольный, В. И. Ленину:

«В 3 часа 50 минут дня парламентеры прибыли на передовую линию и в 4 часа 10 минут, без всяких затруднений, перешли в немецкие окопы».

19

Парламентерам завязали глаза и провели в ближайший немецкий штаб. Четверть часа спустя о прибытии русских уже знали в Бресте, в штабе командующего германскими армиями Восточного фронта, а немного спустя — и в верховной ставке в Берлине.

Парламентеров посадили в автомобиль и повезли по шоссе в сторону Паневежа. В половине седьмого вечера автомобиль остановился перед большим каменным домом в саду. От ограды до портика с колоннами дорожка была посыпана свежим желтым песком.

Немецкий офицер сообщил, что парламентеров представят командиру дивизии генерал-лейтенанту фон Гофмейстеру.

Генерал был в парадной форме, при орденах, звезде и ленте. Его окружали чины штаба дивизии. Генерал указал парламентерам место напротив себя. Он заговорил по-немецки. Михаил Сагалович ответил по-русски. Генерал сказал своему переводчику:

— Передайте господам русским офицерам, что не я к ним приехал, а они ко мне. Если настоящие парламентеры не владеют немецким языком, то я готов принять других, говорящих на языке армии, с которой российский главнокомандующий желает перемирия.

Михаил Сагалович ответил по-французски:

— Господин генерал, я предлагаю пользоваться языком дипломатов. Полагаю, изъяснение на французском устроит всех.

Генерал прошелся левой рукой по мягкому ворсу своего мундира. Вверх — вниз. Задел ордена. Посмотрел вправо, влево. Офицеры штаба ничем не выказали своего отношения к происходящему. Стояли, ждали, что скажет генерал.

— По-французски? Но это язык страны, с которой императорская германская армия воюет уже четвертый год.

— Господин генерал, если придерживаться подобной логики, нам придется исключить и много других языков.

Сошлись на том, что будут пользоваться национальными языками и дипломатическим — французским.

20

В вагоне чрезвычайной делегации целый вечер ждали сообщения от парламентеров. И оно пришло:

«...Нам обещан ответ... к 20 часам вечера 14 ноября.

Во избежание недоразумений просим прекратить братание и боевые действия на всем фронте впредь до нашего возвращения.

Настоящее донесение посылается с разрешения старшего начальника штаба, где мы находимся».

В двадцать три часа Крыленко отдал приказ армейскому, корпусным и дивизионным комитетам V армии:

«Предписываю прекратить перестрелку и братание на всем фронте V армии до 20 часов 14 ноября — срока возвращения парламентеров. Ответственность за срыв дела мира падает на вас».

Делегация не сомневалась, что в полосе V армии приказание будет выполнено. Но как сделать, чтобы его исполнили и на других участках фронта? Как быть с армиями, которые слушаются еще Духонина? Из донесения парламентеров следовало, что прекращение огня — требование немецкой стороны. Более того, это проверка немцами того, насколько реальна власть командующего, от имени которого прибыли парламентеры.

Крыленко не скрывал своей озабоченности. Если соседние армии не исполнят приказ, все дело сорвется. Но выход был найден. Делегация передала по радио обращение к солдатским комитетам, поручив им помимо командного состава распространить по всем фронтам приказ прекратить перестрелку и карать всякого, кто посмеет нарушить это указание.

21

Телеграмма: парламентеры перешли в немецкие окопы в 4 часа 10 минут — облетела не только фронт, но и всю страну. В редакциях столичных газет, не дожидаясь возвращения парламентеров, стали готовить первые отклики. Среди прочего отмечалось геройство красных парламентеров. Для тех, кто четвертый год сидел в окопах, кто ждал мира, кого восемь месяцев обманывали Милюков, Керенский, Терещенко, Церетели, для тех, кто понимал, что мир несет России не только выход из войны, но

и укрепление власти Советов,— для них парламентеры были людьми высокого подвига.

«...Необходимо отметить имена тех самоотверженных товарищей, которые рискнули пойти в германские окопы,— писал несколько лет спустя Николай Ильич Подвойский.— Они рисковали не только свободой, но и жизнью, не только в момент перехода в окопы, но и за все время пребывания их у германцев. Ведь не было никакой гарантии, что провокационный шальной выстрел где-нибудь на протяжении тысячеверстного фронта не сорвет попытки добиться перемирия и не поставит парламентеров под угрозу расстрела, так как германское командование, приняв парламентеров, поставило условием немедленное прекращение перестрелки на протяжении всего фронта... Было известно, что меньшевики и эсеры пытались организовать такую провокацию, однако зоркость солдатских масс и революционных комитетов не допустила этого. За все время... пребывания парламентеров у немцев ни одна пуля не была выпущена с нашей стороны по германским окопам».

22

В два часа 14 ноября Крыленко издал «Приказ № 2». Парламентеры находятся в расположении немецких войск, к вечеру ожидается ответ. «Товарищи, дело мира близко... Стойте крепко в эти последние дни... Держите фронт. От вашего революционного упорства зависит успех. Презрением клеймите лживые и лицемерные призывы окопавшейся в Ставке шайки генерала Духонина и его буржуазных лжесоциалистических приспешников». Крыленко сообщал об отстранении Черемисова и аресте Болдырева, о том, что Духонин за «преступные действия, ведущие к новому взрыву гражданской войны», подлежит аресту; производство его «поручено будет особо уполномоченным на то лицам».

Из салон-вагона «Приказ № 2» тотчас передали по всем линиям связи— через штабы и минуя их.

Члены чрезвычайной делегации уже вторые сутки не отдыхали ни минуты. Делегатский поезд оставался штабом дипломатическим, военным, пропагандистским — тем, что требовала операция «Мир», в которой решалась

судьба миллионов и каждого — от солдата в окопе на передовой до командующего фронтом и главковерха.

Около полудня в Двинске появился экстренный выпуск газеты «Двинское слово»:

«КО ВСЕМ СОВДЕПАМ

Мои парламентеры перешли немецкие окопы... Давно жданный мир близится, но сразу ничего сделать нельзя. До заключения мира фронт должен быть непоколебим. Нужно помнить о нашей армии, четвертый год несущей величайшие жертвы. Необходимо последнее напряжение всех сил страны. Фронт голодает, фронт раздет, фронт разут. Нет фуража, лошади падают, не на чем подвозить.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должны принять на себя заботу о фронте. Накормите голодных, оденьте раздетых, обуйте разутых в окопах. Им хуже, чем нам. Еще немного, и мы добьемся всеобщего мира. Пока же — все внимание, вся забота об армии в окопах. Нельзя ждать помощи от других, нужно самим взяться за дело.

Народный комиссар по военным и морским
делам Верховный Главнокомандующий
Крыленко».

Обращение было немедленно передано по всем линиям воинской связи и во всероссийскую печать.

23

Генерал-лейтенант фон Гофмейстер получил ответ из Берлина раньше, чем ожидал. Уже в ноль часов двадцать минут 14 ноября командир немецкой дивизии вновь пригласил к себе парламентеров и вручил им документ о том, что германское верховное командование готово вести переговоры о перемирии. Это возложено на командующего Восточным фронтом. Если русская сторона согласна, то должна отправить в его штаб-квартиру делегацию. Там будет представлена и германская сторона.

Генерал фон Гофмейстер и парламентеры уточнили время и место встречи уполномоченных: 19 ноября в Ставке главнокомандующего Восточным фронтом, находящейся «на российской территории, в городе Брест-Литовске». Договорились и о том, где советские уполномочен-

ные перейдут линию фронта, где их встретят немецкие офицеры.

...Снова автомобиль, снова черные повязки на глазах. Но теперь путь обратно — туда, где ждут товарищи солдаты, где ждут уполномоченные Совета Народных Комиссаров.

В половине двенадцатого — снова окопы «Фердинандова носа», в два часа дня — вагон чрезвычайной делегации.

24

«Приказ № 3 по армии и флоту». Дата: «16 часов 15 минут 14 ноября». «Наши парламентеры вернулись...» Переговоры делегаций назначены на 19 ноября. «Всякого, кто будет скрывать или противодействовать распространению этого приказа, предаю революционному суду местных полковых комитетов вне обычных формальностей». Перестрелку и братание прекратить. «Необходима усиленная бдительность по отношению к противнику... Все на своих местах! Только сильный добьется своего...

Главковерх Крыленко».

И опять юзисты работают не поднимая головы. Опять красные радисты пробиваются в эфир через заслоны духонинской Ставки. Опять до хрипоты кричат телефонисты.

Поздно вечером 14 ноября делегация телеграфирует правительству: «Точный полный текст германского Верховного главнокомандования будет доставлен завтра. Выезжаем в Петроград...»

25

Утром прямо с вокзала отправились в Смольный. На улицах уже продавали газеты. Телеграммы, посланные накануне из Пскова и Двинска, из поезда, приказы и обращения были напечатаны на самых видных местах. Все дошло по назначению. Спасибо юзистам, присланным из Смольного!

В Смольном доклад был о самом главном. Как готовили операцию. О том, что неповинующихся генералов

пришлось сместить. О революционной дисциплине солдат, авторитете и распорядительности воинских комитетов. Их поддержка обеспечила успех. О том, какими надеждами живет фронт.

— Духонин наверняка навяжет бой. Он собирает силы южнее Могилева...

— Навяжет? Тогда зачем же нам ждать?

— Торопиться не следует. Дипломаты поедут в Брест, а главковерх отправится в Могилев... Если немцы будут знать, что советские делегаты говорят не только от имени правительства Петрограда, но и всей армии, это придаст им больший вес.

...Вечером в Смольном состоялось совместное заседание ВЦИК, Петроградского Совета и делегатов происходившего в те дни Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Обсуждались вопросы самые жгучие, среди них — о том, как исполняется программа мира, возвещенная революцией 25 октября.

Многие заметили, как поздоровались и сели рядом за столом президиума Николай Крыленко и старик крестьянин в коротком сером зипуне, с огромной сивой бородой, с кирпичным загаром и глубокими морщинами на лице. Это был член исполкома крестьянских Советов Роман Илларионович Сташков, человек, проживший долгую жизнь, помнивший и крепостное право, и «освобождение», знавший крестьянские бунты и выступавший в пятом году и в феврале и в октябре семнадцатого. Он был из тех, кто олицетворял российское революционное крестьянство.

Заседание вел Яков Михайлович Свердлов. Пришел черед выступать Крыленко — о поездке чрезвычайной делегации. Он доложил о том, что уже сделано, и о том, что теперь главная преграда на пути к миру — духонинская Ставка. Нужно без промедления разворошить это контрреволюционное гнездо.

— Я прошу высокое собрание, представляющее волю всех отрядов российской революции, подтвердить, что оно уполномочивает меня принять самые беспощадные меры, которые только понадобятся, чтобы сломить сопротивление врагов мира.

Овация была ответом главковерху.

Выступали наркомы, делегаты с фронта. Потом слово получил Роман Сташков. Взойдя на трибуну, он покло-

нился на все четыре стороны и начал речь. О том, что свершилось великое: отныне едины рабочие и землепашцы, едины в стремлениях строить новую жизнь. И первое, что для этого необходимо,— скорее зажить мирной жизнью. Все стоящие поперек дороги должны быть убраны рукой, исполняющей волю трудового народа.

Был момент, когда на мгновение Сташков замолчал, вытер рукавом крупные капли пота, нависшие над бровями. Он закончил призывом:

— Да здравствует революция, земля и воля! Мир — народам!

И снова поклон на четыре стороны.

После заседания Сташков еще долго находился в Смольном. Его пригласили в кабинет Свердлова. О чем говорилось там? Не о том ли, что через три дня в Брест должна отправиться полномочная делегация революционной России и одним из тех, кому представлять ее за столом дипломатов, пусть будет делегат крестьянства Роман Сташков? Во всяком случае, именно такое решение вскоре состоялось...

26

А как же союзники? Согласны ли ехать в Брест, включиться в мирные переговоры? Приглашение начать совместные шаги к миру было послано еще 8 ноября, в первой ноте советского Наркоминдела.

Прошла целая неделя, а ответа не было. Френсис, Бьюкенен, Нуланс, послы Италии, Японии, Бельгии, Румынии молчали. То, что было ими решено 9 ноября, оставалось в силе: никаких контактов со Смольным!

Дело дошло до смешного... Джордж Бьюкенен, как и подобает послу, держал в своем гараже несколько автомобилей. Но в последние дни стал ходить пешком. Почему? Оказывается, чтобы пользоваться автомобилем, полагалось иметь пропуск Военно-революционного комитета. Обращаться же в комитет значило «установить контакт» со Смольным. А это могло быть истолковано как «фактическое признание» власти Совета Народных Комиссаров. Нет, лучше ходить пешком, решил английский посол.

Во имя целей «высокой политики» можно было пойти и на такие жертвы. Но как быть, когда иностранному

подданному надо, например, выехать из России? Пешком до границы не добраться, да и без визы не пропустят. И послы придумали. Ни к кому не адресуясь, ни о чем никого не прося, выдавали документ: господин такой-то есть подданный Великобритании (Франции и т. п.), к выезду его из России посольство препятствий не имеет. С сей бумагой иностранец шел в Смольный и там (если возражений не было) ставили пометку: НКИД не возражает. Комиссары на границе, в Торнео, знали, что это равнозначно выездной визе, и пропускали господ иностранцев на все четыре стороны.

Это была политика глухих и немых. Из своих столиц послы получали директивы: продолжайте молчать. Правительство Смольного, мол, продержится недолго, нет смысла завязывать с ним какие-либо отношения. Послы в свою очередь докладывали: «настоящая власть России» придет из Могилева. Она образуется под защитой Ставки из черновых и авксентьевых.

Вот почему, несмотря на ноты Смольного, послы вели переговоры с Духониным.

Узнав, что Крыленко получил положительный ответ от германского командования, Духонин тотчас поспешил доложить об этом «друзьям», заверить, что действия Крыленко не имеют «законной силы», а он примет «все доступные меры, дабы не прекращать военных действий». Кстати, когда Духонин писал эту фразу, рука его дрогнула, и, зачеркнув: «дабы не прекращать военных действий», он вывел: «дабы не нарушать союзных обязательств».

Судьба миллионов превыше амбиций. Еще 14 ноября, когда чрезвычайная делегация сообщила о возвращении парламентеров, Владимир Ильич Ленин подписал обращение, адресованное народам и правительствам воюющих стран. «Военные действия на русском фронте по обоюдному согласию приостановлены... Решающий шаг сделан... Сейчас все правительства, все классы, все партии воюющих стран призваны ответить категорически на вопрос: согласны ли они вместе с ними приступить 19 ноября... к переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире. Да или нет». Если союзные державы не пришлют своих представителей в Брест, Советская Россия будет одна вести переговоры.

Ленинское обращение немедленно передала в эфир радиостанция Царского Села. Оно дошло до Берлина.

16 ноября имперский канцлер фон Гертлинг сделал заявление в рейхстаге: полученная радиограмма Ленина содержит основу для переговоров. Это был ответ уже самого германского правительства. Через два дня в Петроград поступила радиограмма из Вены. Правительство Австро-Венгрии также усматривало в советских предложениях основу для переговоров и решило направить своих представителей в Брест.

А союзные державы?

Их послы в Петрограде отмалчивались. Что касается откликов из столиц Англии, Франции и других союзных держав, то они свелись к повторению брани и гнусной лжи, распространявшейся уже много дней.

17 ноября Комиссариат иностранных дел вновь объявил: как и раньше, правительство революционной России желает всеобщих переговоров и всеобщего мира. Пусть послы союзных держав соблаговолят ответить, будут ли их уполномоченные в Бресте 19 ноября.

Ответа не последовало...

27

Рабочие революционной России — за мир!

Крестьяне — за мир!

Солдаты — за мир!

Матросы — за мир!

В состав делегации, отправлявшейся в Брест, входили рабочий Павел Андреевич Обухов, питерец, большевик; крестьянин Роман Илларионович Сташков, член ВЦИК, беспартийный; солдат (старший унтер-офицер) Николай Кузьмич Беляков, один из работников большевистской «военки»; матрос Федор Владимирович Олич, член Президиума ВЦИК, большевик.

Председателем делегации Советское правительство назначило Иоффе, секретарем — Карахана. В состав делегации вошли также Каменев и Сокольников — от партии большевиков, Биценко и Масловский (Мстиславский) — от фракции «левых» эсеров, члены ВЦИК. Группу военных экспертов возглавил контр-адмирал Альтфатер.

...Когда список делегации был опубликован, пожимали плечами, ухмылялись союзные дипломаты. Разводили руками отставные российские политики. Но ничего противоестественного в выборе делегатов не было. Они представляли тех, от чьего имени надо было говорить в Бресте,— революционных рабочих, крестьян, солдат и матросов.

Дипломатические переговоры — дело тонкое, серьезное, многосложное. Во все времена государи и правительства для посольских миссий отбирали людей специально подготовленных. Сташкову и Оличу, людям без образования и опыта, до того пахавшим землю или работавшим под грохот разъяренной морской волны, пришлось бы туго при всей их крестьянской, народной мудрости, окажись один на один с дипломатами немецкого кайзера, прошедшими университеты Европы, объездившими целый свет и прослужившими по ведомству иностранных дел десятилетия. Вот почему делегацию возглавили опытные партийные политики. Профессиональных дипломатов республика еще не имела. Старые оказались за иной гранью истории, новые кадры только формировались.

Советский дипломатический корпус создавался из коммунистов, познавших тонкости внешней политики не на дипломатических раундах, не на международных конференциях, не на специальной службе за границей, а путем самообразования, чаще в тесных одиночках царских тюрем или в поселениях среди снегов и безлюдья Сибири.

Если наши будущие профессиональные дипломаты и оказывались за рубежом, то приезжали туда не по дипломатическим паспортам, а как эмигранты, для которых родина оказывалась мачехой. Теоретические курсы истории международных отношений они проходили не в университетах, а в эмигрантских дискуссионных клубах, ютившихся в полуподвалах, где спорили до хрипоты и до рассвета. А утром отправлялись в библиотеки и готовились к новым «боям». Чичерин, Иоффе, Литвинов, Воровский, Карахан, Коллонтай и другие пионеры советской дипломатии были профессиональными революционерами, подпольщиками-большевиками, решавшими злободневные вопросы международной и внутренней политики то в баррикадных боях, то на митингах и демонстрациях, то в казармах и окопах.

...За несколько часов до отъезда делегации в Брест Владимир Ильич Ленин принял ее главу Иоффе. Беседа была недолгой, Ленин с предельной ясностью изложил цель Советского правительства в Бресте: добиться подписания мира и использовать переговоры для разоблачения грабительских вожделений германского империализма. Для этого вносить в протокол все, что будет характеризовать позиции сторон. Народы легко разберутся, кто хочет честного мира, а кто идет на мир ради иных целей. Ленин шутливо говорил: «Как только они (немецкие дипломаты.— *М. С.*) покажут свои империалистические ушки, вы их остановите и требуйте: а позвольте-ка это записать!»

Поезд делегации отправился из Петрограда в восемь часов вечера 18 ноября. Ехали в салон-вагонах, ранее приписанных какому-то великому князю и прочим персонам из царской фамилии. Поезд был украшен красными флагами и полотнищами.

Из Петрограда выехали только члены политической секции. Военные консультанты присоединились в Пскове.

До глубокой ночи делегаты совещались. Иоффе рассказал об инструкциях, полученных от Совета Народных Комиссаров.

— Мы едем не вымаливать мира. Мы едем требовать его. Требовать от имени революционной России, доказавшей, что она достаточно сильна. Мы не обычные дипломаты в мундирах, мы — послы народной власти, представители дипломатии не тайной, а открытой, честной, ответственной перед трудящимися всех стран... О каждом своем шаге мы будем сообщать для сведения всех.

В Двинск поезд прибыл в одиннадцать часов утра 19 ноября. У вокзала делегатов ждали обитые красным кумачом автомобили. На шинелях шоферов, членов армискома были красные банты. В городе заседал съезд делегатов V армии. И как ни хмурилось серое, обещавшее затяжной дождь небо, вокруг было празднично.

Армейский съезд представлял те четыреста тысяч солдат, которые несколько дней назад помогали проложить по земле, изрытой войной, первую тропинку к миру. Теперь они ждали новых добрых вестей.

Члены дипломатической делегации посетили армейский съезд. Их встретили торжественно.

— В этом громе аплодисментов вы, товарищи делегаты, должны слышать те чаяния, которые V армия, из-

голодавшаяся в сырых окопах, возлагает на вас. Это должно вселить в ваши души сознание, что вы должны принести мир, которого жаждет армия и страна,— сказал председатель армейского комитета Склянский.

Слово получил рабочий Павел Обухов. Молодой, кудреватый, в черной суконной куртке, он говорил, взмахивая правой рукой, сжатой в кулак. Говорил привычно горячо:

— Сердце петроградского рабочего всегда болело за вас, товарищи солдаты. И эта боль заставила нас вместе свергать старое правительство. Верьте, товарищи, вам не долго осталось сидеть в окопах. Мы едем не только мириться, но и судить виновников войны. Дело мира в надежных руках.

«Шумную овацию,— засвидетельствовала газета «Двинское слово»,— вызвало выступление крестьянина с большой седой бородой, присутствие которого в мирной делегации было такой приятной неожиданностью».

— Я представитель Центрального Комитета крестьянского Совета,— говорил Сташков,— и, как крестьянин, хочу обратиться к крестьянам враждебных стран, чтобы они тоже строили общий всенародный мир...

28

В два часа пополудни дипломатическая делегация, сопровождаемая членами армейского комитета, выехала из Двинска, и скоро поезд достиг 514-й версты Северо-Западной железной дороги. Дальше путь был разрушен. Делегатов ждали автомобили, присланные армейским комитетом. Но дождь, зарядивший еще с утра, не позволил воспользоваться машинами. Они засели в расползавшейся, напоенной водой глине. Пришлось добираться пешком. Шли по насыпи железнодорожного полотна, огибая воронки от артиллерийских снарядов, шли под изнуряющим шипением мелкого водяного бисера, падающего на головы, на землю, на кустарник. Проводниками были члены армейского комитета. В сумерках вступили в полосу проволочных заграждений и засек. Делегатов заметили солдаты в землянках и окопах. Стали выходить и присматриваться. Шли рядом, молча, глубоко запавшими глазами вглядываясь в лица тех, кто шел туда, шел за миром. Так шагали долго — по мокрым ослизлым кру-

чам, по заполненным водой ложбинам, по чавкающей под ногами глине, мокрой траве, обходя воронки, пни, завалы.

Уже в густых сумерках, перед немецкими проволочными заграждениями, солдаты повернули назад. С ними возвратились и делегаты армейского комитета.

А впереди...

Федор Олич, в бушлате и ушанке, рослый плечистый, поднял на древке белый флаг. И тотчас белый флаг показался на немецкой стороне — так было условлено. Потом ручные фонарики осветили фигуры в плащах и остроконечных, закрытых чехлами, касках. Чужая речь в темноте... Маленькие вагончики узкоколейки, храп лошадей, бегущих по насыпи через дождь, через ночь. И вот станция Турмонт. Здесь — другой поезд из спальных вагонов, с рестораном; в конце поезда — багажный.

Немецкие офицеры распорядительны. Комендант поезда, рослый грудастый лейтенант, все знает, все у него заранее продумано. Времени до отправления поезда осталось полчаса. Господа русские делегаты, извольте подняться в багажный вагон... Зачем? Вещей у них нет. Ах да, на ногах грязь, глина. В багажном вагоне сидят немецкие солдаты со щетками и баночками ваксы. Солдаты в мундирах с нумерными знаками на фуражках... Прошу поставить свой сапог, господин бородатый комиссар. К вашим услугам денщик императорской армии. И вы, красный господин в шубе и шляпе-котелке... И вы, матрос...

Но бородатый комиссар Роман Сташков стоит в нерешительности. Как же он, революционер, может поставить свой сапог, чтобы подневольный германский солдат (наверное, тоже крестьянин) ползал у его ног? Сташков просит щетку — будет сам чистить. Солдат растерянно смотрит на коменданта. Тот, ухмыльнувшись, отходит в сторону. Сташков работает щеткой. А потом — и Павел Обухов, и Федор Олич... Немецкий солдат, красный от смущения, от неожиданного оборота дела, оглядываясь, жмет руку Сташкову и говорит что-то полушепотом. Теперь смущен Сташков: смоленский дипломат не знает по-немецки. Выручает Карахан. Он переводит:

— Солдат сказал: «Счастливого пути, товарищ».

Ровно в двадцать два ноль-ноль поезд отходит от платформы. Впереди Брест.

Тем временем Духонин и его люди в Петрограде продолжали свое. Они следили за каждым шагом Крыленко и за всем, что указывало на новые шаги Смольного. Соответственно действовали сами — одни в открытую, другие таясь, выжидая, лавируя.

15 ноября, когда красные парламентеры возвратились с согласием Германии вступить в мирные переговоры, начальник Генерального штаба Марушевский подал рапорт управляющему военным министерством генералу Маниковскому: «...не считаю себя вправе занимать больше пост начальника Генерального штаба и принимать участие в работах по создавшемуся положению вещей».

Смысл рапорта был ясен: отойти на время в сторону, чтобы подготовить генеральские тылы для будущих акций против Смольного. Но положение самого Маниковского, находившегося под контролем представителей новой власти, было таково, что он не мог самостоятельно ни удовлетворить, ни отклонить рапорт начальника Генерального штаба. И Марушевский пока оставался на своем посту.

Ночью 17 ноября генерал Духонин провел очередной переговор по прямому проводу с Марушевским.

— Я получил донесение, что из Петрограда двигаются на юг эшелоны матросов,— сказал Духонин.— Не знаете ли, с какой целью?

Марушевский не мог не знать, что́ это за эшелоны и куда направляются. (Эшелоны во главе с Крыленко двигались к Могилеву, чтобы выступить против духонинской Ставки и убрать последние барьеры на пути к миру.) Но Марушевский уклончиво ответил:

— Я совершенно не в курсе операций революционного характера. Прямых сведений по этому вопросу не имею. Если это вооруженная сила для воздействия на мнение Ставки, то я со своей стороны предпринял все, чтобы отговорить народных комиссаров от какого бы то ни было вооруженного предприятия в данном направлении. Насколько мои разговоры имеют влияние, я не знаю...

19 ноября эшелоны Крыленко подходили к Могилеву, Марушевский понял, что часы Духонина сочтены. Окончена и его, Марушевского, игра. Надо любыми средст-

вами спасать себя во имя будущих планов. И он написал новый рапорт генералу Маниковскому.

...Подсчитывая силы, которые выступят на защиту Ставки, Духонин имел в виду полки 1-й Финляндской дивизии, расквартированные от Витебска до Орши, два батальона ударников-юнкеров, батальон георгиевцев в самом Могилеве. Но ни георгиевцы, ни финляндцы, ни ударники-юнкера не оправдали надежд могилевского главковерха.

Духонин — «человек, который стал поперек дороги к миру, поперек желаниям $^{99}/_{100}$ русской армии»,— говорил Ленин.

Отряды под командованием Крыленко вступили в Могилев 20 ноября и овладели штабом.

(В тот же день в Петрограде был арестован генерал Марушевский.)

Духонин собирался бежать из Могилева. Его помощники уже приготовили автомобиль. Но генерал не успел им воспользоваться.

Духонина вызвали в вагон советского главковерха Крыленко. Генералу объявили, что он смещен и будет держать ответ перед революционной властью.

Тем временем вагон Крыленко окружили матросы и солдаты. Они были возбуждены. Накануне ночью из Быхова, городка под Могилевом, по приказу Духонина освободили из тюрьмы Корнилова, Деникина и других генералов, виновных в сентябрьском монархическом мятеже. Они бежали на юг. Матросы потребовали выдачи Духонина.

Крыленко вышел на площадку вагона и успокоил: под надежной охраной Духонин будет доставлен в Петроград. Это сделает он сам, главковерх.

— Погоны его!..

Погоны главного генерала, который был теперь самым ненавистным армии и флоту, пошли по рукам матросов и солдат.

Внезапно появился Духонин. Хотел что-то сказать возбужденной толпе.

Ударом штыка генерал был сбит с ног...

Крыленко направил по всем линиям связи телеграмму, подчеркнув, что «с падением Ставки борьба за мир получает новую силу».

Штаб командующего армиями немецкого Восточного фронта находился в старинной Брестской крепости. Русской делегации отвели два наскоро выклеенных обоями и вычищенных барака.

Каждый делегат увидел в своей комнате на столе пять листков линсванной белой бумаги, пять конвертов, черный и чернильный карандаши, ручку с пером, две пачки папирос и два коробка спичек. Около умывальников были приготовлены два полотенца и кусок туалетного мыла... Извольте, мол, господа дипломаты, пользоваться! Про нас ваши газеты пишут, что мы грабители, захватчики, империалисты,— извольте сами видеть, как мы принимаем гостей, даже не очень желанных.

Под вечер красных послов пригласили на первое заседание. Их провели к двухэтажному особняку. У входа в зал стоял германский офицер в полной походной форме, при оружии и каске.

По одну сторону громадного прямоугольного стола уже заняли места делегаты — немецкие, австрийские, турецкие, болгарские. В центре восседал хилый старикашка, военный, со знаками отличия, каких не было у других,— Леопольд Баварский, один из приближенных германского императора, главнокомандующий армиями немецкого Восточного фронта. Впрочем, Леопольд только символически командовал. Бразды правления находились у начальника штаба фронта генерала Макса Гофмана, сидевшего сейчас рядом,— холеного, манерного, с моноклем, с суровым взглядом прощупывающих глаз. Слева и справа от Леопольда Баварского и Гофмана на офицерских мундирах все блестело, сияло, светилось: золото эполет, погон, разноцветная эмаль крестов, звезд, полумесяцев.

Очки, монокли, глаза сидящих обратились в сторону вошедших. И всех сидящих обдало холодком.

Советские делегаты заняли места. В центре — Иоффе, слева и справа — члены политической секции (полномочные делегаты) и представители с совещательным голосом — военные консультанты.

Леопольд Баварский сказал, что он приветствует представителей правительства Российской республики, что германское верховное командование уполномочило

его руководить переговорами. В свою очередь, он поручает генералу Гофману председательствовать. Другие страны Четверного союза[1] представлены... И назвал имена — австрийские, турецкие, болгарские.

Иоффе ответил:

— Мы явились сюда в качестве послов революционной России, которая исполнена решимости положить конец войне общим миром, что соответствует справедливым стремлениям демократических масс всех воюющих стран.

Делегаты обменялись документами о полномочиях и приступили к переговорам. Уже без Леопольда Баварского.

Вступительную декларацию советской стороны Иоффе читал медленно, внушительно, часто останавливаясь, ожидая, пока переведут на немецкий, турецкий, болгарский, пока запишут в протокол. Он знал: отсюда голос Советской республики разнесется по всему свету, будет услышан по обе стороны солдатских окопов. Иоффе говорил о первом манифесте Октябрьской революции — Декрете о мире, о том, что рабоче-крестьянское правительство России хочет мира для всех воюющих стран, мира без аннексий и контрибуций, с гарантией прав на национальное самоопределение. По мнению советской делегации, необходимо обсудить условия перемирия на всех фронтах и немедленно обратиться к не представленным здесь воюющим странам, чтобы они присоединились к переговорам.

Генерал Гофман слышал слово «революция», а про себя думал: «Бунт черни, который, к сожалению, возбуждает и немецкого солдата». «Власть Советов», а для Гофмана — «анархия крайних максималистов». Будь на то его воля, он с превеликим наслаждением приказал бы: «К стенке большевистского дипломата и этих мужиков!» Но генерал понимал, что за этими «красными» стоит та власть, которая правит Россией... Вот Иоффе сообщил о приглашении других участников войны. Медленным поворотом головы, стальным уколом глаз Гофман прощупал русских делегатов от фланга до фланга. Переменившись в лице, заявил: он видит перед собой только русскую делегацию, других здесь нет. К тому же, это, наверное, заметили господа делегаты из России, со стороны Четвер-

[1] Державы Четверного союза — Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция.

ного союза на конференции представлены лишь военные. Правительства уполномочили нас вести переговоры только о чисто военном перемирии. Политические вопросы выходят за рамки полномочий.

— Русские уполномоченные,— последовал ответ,— принимают во внимание заявление господина генерала и предлагают, чтобы представители Четверного союза изложили своим правительствам пожелания русской стороны и запросили для себя новые полномочия. А до этого предлагают перейти к обсуждению военных условий перемирия.

На следующем заседании первым слово получил контр-адмирал Василий Михайлович Альтфатер. Он был в морской форме, но без погон (их уже отменили). Коренастый, с моложавым лицом и небольшой бородкой, адмирал чеканил по-военному...

Предложения, зачитанные «красным» адмиралом, свелись к трем пунктам: Советская Россия желает перемирия длительного настолько, чтобы мог собраться мирный конгресс народов для выработки демократических условий всеобщего мира. Перемирие не должно быть использовано для военного давления Германии на других фронтах. Ее войска должны очистить острова Моонзунда в Балтийском море (были захвачены в октябре 1917 года), а Россия не будет занимать их во время перемирия.

Когда Гофман услышал о Моонзундских островах, лицо его стало багровым, брови нахмурились. Переглянулись немецкие офицеры. Вздрогнули кресты, полумесяцы и звезды на мундирах других военных.

Предложение относительно островов Моонзундского архипелага было бы понятно, процедил Гофман, если бы армии Германии и ее союзников были разбиты. Но этого, как хорошо знают господа русские делегаты, нет. Германская армия достаточно сильна, чтобы защищать то, чем она владеет...

(«Владеет? А по какому праву?»)

Но Иоффе ответил спокойно. Подчеркнуто спокойно:

— Господин генерал, очевидно, запамятовал, что цель наших переговоров — поиск путей мира, а не обсуждение боевых возможностей армий...

(«Как только они покажут свои империалистические ушки, вы их остановите и требуйте: а позвольте это записать».)

— Предлагаем внести в протокол сделанные здесь заявления и приступить к заслушиванию условий перемирия стран Четверного союза, а затем к постатейному обсуждению советского и германского проектов,— закончил Иоффе.

Генерал Гофман задумался и предложил устроить перерыв.

Заседание возобновилось через полчаса. Военный эксперт немецкой стороны зачитал условия перемирия, предлагавшиеся делегациями Четверного союза. Время подготовки мирной конференции ограничить четырнадцатью сутками, начиная со дня подписания документа. Советские делегаты не согласились, считая срок недостаточным. Гофман был предельно сдержан и пошел на уступки. Договорились удвоить срок с автоматическим продлением его, если не последует отказа с какой-либо стороны, о чем должно быть заявлено за семь дней.

31

Вечером германская делегация устроила прием. Он проходил в большой, роскошно меблированной гостиной офицерского собрания. Немцы явились подтянутые, свежевыбритые, безупречно причесанные. Еще ярче блестели надраенные пуговицы, золото крестов, звезд и полумесяцев. Стена мундиров образовала большой полукруг. Ждали русских. Вошли. Послышалось бряцание шпор и перезвон регалий. Иоффе поклонился изысканно, даже театрально. Каменев, Карахан едва заметно кивнули. Сташков сначала смутился, пропуская вперед Олича и Белякова, но, увидев, что те идут смело, тоже заторопился.

Советские делегаты стали так, что круг замкнулся. Наконец появился Леопольд Баварский. Старичок в парадном мундире протянул свою маленькую руку Иоффе, тот ответил легким прикосновением. Немецкий главнокомандующий спросил, как чувствует себя в германском штабе господин русский председатель. Иоффе ответил, что в российском городе Брест-Литовске он бывал, но теперь заметил много перемен. Леопольд понял намек. Пошел дальше. Особое внимание уделил Анастасии Биценко, столь неожиданной в окружении мундиров. Вы-

сказал ей какую-то витиеватую любезность, затем стал разглядывать Сташкова, Олича, Обухова, Белякова...

Распорядители подходили к русским и говорили, какое место занять за столом. При этом учитывался «революционный табель о рангах». Иоффе посадили между Леопольдом Баварским и генералом Гофманом. Биценко оказалась в соседстве с турецким пашой и болгарским флигель-адъютантом. Соседом Белякова был немецкий полковник.

Подали густой суп с картофелем, кореньями и капустой. В меню значилось «Tschi». Немцы произносили «чи» и любезно обращали внимание: «в честь русских гостей». Подали жареную свинину с картофелем и опять любезно: «в честь гостей».

Разговор за столом был только светский. Но временами он нарушался самым неожиданным образом. Гофман говорил о мужестве русского солдата, потом о прелестях Гималайских гор. И вдруг: «У нас здесь, в Бресте, ворон едят... Ворон стаи, а вот детей не видно». Тотчас получил ответ: «Это всегда так, господин генерал, там, где много черных ворон, там детей нет».

Леопольд Баварский давно примеривался, как бы задеть мужика в зипуне. Наконец спросил нарочито громко:

— Господин Стачков, мне докладывали, что в Петербурге сейчас полно медведей. Это правда?

И немцы, и австрийцы, и турки подобострастно заблестели зубами, довольные едкой шуткой первейшего генерала Восточного фронта.

Сташков понял намек.

— Ваше высокопревосходительство, вам докладывали совершенно точно. Все улицы Питера запружены медведями, и все они с ружьями...

От неожиданности матрос Олич прыснул (совсем недипломатично). Обухов тоже громко рассмеялся. Иоффе стал вытирать губы салфеткой, пряча улыбку. Леопольд Баварский сначала побледнел (и побледнел генерал Гофман, и угасли льстивые улыбки на лицах немецких оберстов). Потом, приняв позу величественную, заставил себя улыбнуться и промолвить: остроумен, очень остроумен этот русский. Теперь он понимает, почему его привезли в Брест.

— Вы верно заметили, господин генерал, товарищ Сташков представляет здесь русское крестьянство,— сказал Карахан.—Он хорошо знает настроения крестьян, и его мнение представляет большую ценность для делегации.

Не прошло и пяти минут, как Леопольд Баварский встал, поклонился вправо, влево и удалился.

Обед окончен...

32

Немцы должны были связать советскую делегацию прямым проводом с Петроградом. Но работы на участке между германским фронтом и Двинском задержались. Наконец ночью 21 ноября аппарат юза ожил. Иоффе доложил в Смольный о ходе переговоров. В ответ последовало: на данной стадии формальное перемирие не подписывать, не идти на уступки относительно непереброски войск, вопрос о Моонзунде оставить открытым. Вместе с тем сохранить договоренность о приостановке военных действий до новой встречи, которую желательно назначить через десять дней.

Утреннее заседание 22 ноября продолжалось недолго. Главы делегаций подписали протоколы и совместные заявления. Подтвердили, что до следующей встречи военных действий не будет.

Спустя час советские делегаты были снова в пути.

Поезд шел через перелески, по заснеженным полям, минуя города и села.

Красные послы возвратились в Петроград 24 ноября. В тот же день они дали отчет ВЦИК. И, между прочим, заметили: «Состав делегации нарушил все представления старого мира о дипломатии».

Накануне газеты напечатали правительственное сообщение: Советская республика хочет всеобщего, а не сепаратного мира. Но союзные народы должны знать, что переговоры будут продолжаться независимо от поведения нынешних союзных дипломатов.

В Петрограде понимали, что это будет нелегко — немцы еще не раз покажут себя в Бресте. Но из Смольного шли сообщения одно решительнее другого: полномочные представители революционной России продолжат

борьбу за мир с той же решимостью, с какой они ее начали. Это был ответ тем, кто стоял на фронте от Балтийского до Черного моря. И тем окопникам, которые несколько дней назад напутствовали красных послов в Двинске. И тем, кто провожал их до немецких линий.

2 декабря из Бреста пришла телеграмма — подписано перемирие.

Начиналась новая полоса дипломатической борьбы. Она по-прежнему велась не только в Бресте. В нее была вовлечена и миссия Воровского. Он позже вспоминал, что в дни Бреста в Стокгольме «велись... «побочные» переговоры между нами и немцами: все, чего немцы не могли или не хотели говорить в Бресте, передавалось в Стокгольм и через советника (немецкого) посольства Рицлера доводилось до моего сведения и для сообщения в Петроград».

...А что же сталось со Штыревым? В ночь на 2 января 1918 года его арестовали чекисты Дзержинского. Шпионская служба белогвардейца окончилась.

ПОЕЗД С ЦВЕТОЧНОЙ

1

Над Петроградом неистово кружила февральская вьюга. Снежные замети вырастали вдоль гранитных цоколей домов, подбирались к окнам первых этажей, к витринам магазинов, к заколоченным ставням. Заносило мостовые, набережные, дворы.

В один из таких дней по Невскому проспекту торопливо шагал рослый мальчишка в огромных валенках, солдатской шинели и высокой папахе. В его озябших руках были кипы белых листков и ведерце с клейстером. Он подходил к афишным тумбам, пробирался к заборам, к стенам домов. На поблекшие объявления, военные приказы, театральные афиши ложились свежеотпечатанные листки:

«Социалистическое отечество в опасности!»

...Когда в начале декабря 1917 года смолкли пушки, советской дипломатии предстояло самое трудное: так повести брестские переговоры, чтобы Республика Советов смогла получить мир наименьшей ценой, наименьшими жертвами.

С конца декабря во главе германской делегации в Бресте стал имперский статс-секретарь ведомства иностранных дел Кюльман. Но и генерал Гофман оставался на посту...

Кюльман объявил: Германия подпишет мир лишь в том случае, если Советское правительство признает, что Польша и Эстония больше не входят в состав России; после того, как германские войска займут такие-то области Латвии, Литвы и Белоруссии. За Германией должна быть признана свобода действий на Украине. Сверх того,

российское Советское правительство выплатит Германии контрибуцию — якобы за содержание военнопленных — примерно три миллиарда рублей.

Мир грабительский, зверский, похабный, архитяжкий — так характеризовал немецкие условия Ленин.

Кюльман понимал, как должны встретить в России немецкие требования. Но не зря рядом с ним в Бресте сидел Гофман. Он был наготове в любую минуту прервать диалог дипломатов и заговорить огнем пушек.

На первых порах тактика советской дипломатии сводилась к тому, чтобы всячески затягивать брестский диалог. А тем временем, используя трибуну Бреста, говорить народам: вот две политики; одна — германского империализма (захваты, насилие, грабеж), другая — советская, социалистическая, сформулированная в Декрете о мире: войну надо закончить справедливо, то есть без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей и без контрибуций; каждый народ должен получить полную свободу национального развития и полную свободу экономического, политического и культурного объединения. Директивы Смольного, которые шли в адрес советской делегации, сводились и к тому, чтобы шаг за шагом, в упорных битвах за столом переговоров, добиваться соглашения, наиболее терпимого для молодой республики.

Но время шло, и становилось очевидным, что тяжелые жертвы неминуемы.

Хорошо бы разговаривать с Гофманом, держа в одной руке Декрет о мире и разорванные тайные договоры, а в другой — пушку. (Так говорил Ленин.) Но пушек у республики в то время было ничтожно мало.

Царская Россия вступила в войну технически неподготовленной. За три года она понесла потери в несколько раз большие, чем союзники, вместе взятые. Армия прошла и через полосу революции. Часть кадровых офицеров разбежалась — кто к Каледину, кто в тыл,— отказываясь принимать контроль солдатских комитетов. Солдаты, до предела истомленные войной, при первых известиях о брестских переговорах стали требовать демобилизации. И ее пришлось начать.

В тылу — положение не лучше. Страна переживала неслыханную хозяйственную разруху. Назревала гражданская война. Свергнутые классы готовились дать реши-

тельный бой, надеясь вернуть потерянное. Советская власть должна была иметь развязанные руки, чтобы не только отразить атаки российской буржуазии, но и добить ее окончательно.

Ленин, оценивая обстановку, брал в расчет и оперативно-стратегическое положение на фронтах. Германия еще располагала мощными вооруженными силами, и начни она наступление в Прибалтике, говорил Владимир Ильич, ее войска без особого труда смогут занять все побережье до Ревеля (Таллина), обойти наши полки с тыла и ударить на Петроград, в самое сердце революции.

Вот почему уже в начале января 1918 года Ленин пришел к выводу, что «никакие дальнейшие отсрочки более неосуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы *уже* сделали все возможное и невозможное». Он определенно высказался за принятие немецких условий мира. Этот мир, хотя и архитяжкий, даст молодой республике передышку для накопления сил.

В середине января 1918 года в Брест для возобновления переговоров уезжала советская дипломатическая делегация во главе с Троцким. Ленин дал директиву:

«...Мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем».

Ультиматум последовал в конце января. Троцкий медлил... Он вновь запросил Ленина: как быть? Ленин телеграфировал вечером 28 января:

«Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время...»

Но Троцкий не исполнил ленинской директивы. В тот же день он заявил в Бресте: отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Это была пресловутая формула «ни мира, ни войны», которую Троцкий отстаивал во внутриполитической дискуссии, уже третий месяц бушевавшей в Питере и по всей республике. На вопрос: «Как закончить брестскую драму?» — в партийных кругах тогда предлагали три ответа. Ленин требовал идти даже на самые тяжелые жертвы, лишь бы получить передышку, чтобы создать новую армию, укрепить тыл, обезвредить буржуазию внутри страны. Иной ответ давали так называемые «левые комму-

нисты» (Бухарин и другие). Глядя на мир «сквозь шапки, опущенные на глаза», заменяя политический реализм громкой безответственной фразеологией, они требовали объявить Германии «революционную войну». Троцкий предложил «третий путь»: «ни мира, ни войны». Он уверял, будто немцы не смогут начать наступление. У Вильгельма и так достаточно хлопот: вот-вот в стране вспыхнет революция, и тогда мир надо будет подписывать не с кайзером, а с Карлом Либкнехтом, правительством германских Советов. Но революционная ситуация в Германии еще не сложилась, и требования Троцкого были столь же авантюрными и гибельными, как и план «революционной войны».

Предательское заявление Троцкого в Бресте поставило республику на грань катастрофы.

Вечером 16 февраля генерал Гофман объявил: с двенадцати часов 18 февраля Германия вновь считает себя в состоянии войны с Россией.

Когда это известие пришло в Петроград, там не сразу поверили. Есть письменное соглашение: ни одна из сторон не может возобновить военные действия, не предупредив об этом за семь дней! Но Кюльман и Гофман с этим не посчитались. В полдень 18 февраля на всем фронте от Балтийского до Черного моря вновь заговорили немецкие пушки.

Еще с вечера 17 февраля в Петрограде начались чрезвычайные заседания ЦК партии большевиков и Совнаркома. Заседания продолжались, с перерывами, и весь день 18 февраля.

Утром 18-го Ленин заявил:

— Мы стоим перед положением, когда необходимо действовать.

Он рекомендовал немедленно телеграфировать в Брест: мы готовы подписать мир. Троцкий выступил против. Он стал доказывать, будто немцы «рассчитывают на психологический эффект. Необходимо подождать, какое впечатление это все произведет на немецкий народ».

Ленин настоял на голосовании: мир или война? Но за это предложение проголосовало шесть членов ЦК из тринадцати, присутствовавших на заседании. После полудня открылось новое заседание ЦК. К этому времени немцы заняли Двинск. Теперь предложение Ленина было принято — большинством в один голос.

В 5 часов утра 19 февраля советские радиостанции передали в эфир, через линию фронта, радиограмму в адрес германского правительства: «Совет Народных Комиссаров выражает свой протест по поводу того, что германское правительство двинуло войска против Российской Советской Республики...» А дальше — вынужденное, смертельно вынужденное: Совет Народных Комиссаров, учитывая создавшееся положение, заявляет «о своей готовности формально подписать тот мир, на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство. Вместе с тем Совет Народных Комиссаров выражает свою готовность, если германское правительство формулирует свои точные условия мира, ответить не позже как через 12 часов, приемлемы ли они, эти условия, для нас».

Поздно вечером 19 февраля в Петроград пришел ответ за подписью генерала Гофмана: «Изложите ваше предложение в письменной форме и передайте его нашим представителям в Двинск».

Назавтра в Двинск поспешил советский дипкурьер. Он повез правительственный документ, подтверждавший радиограмму, переданную утром 19 февраля. Он поехал и за тем, чтобы привезти точные условия мира. Вечером 20 февраля дипкурьер пересек линию фронта западнее Режицы (Резекне).

Прошла ночь. Прошел томительно долгий вьюжный день 21 февраля. Дипкурьер все еще не возвращался. Ночью Совет Народных Комиссаров утвердил декрет-воззвание, написанный Лениным: «Социалистическое отечество в опасности!» Правительство извещало: «Чтоб спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира...» В Двинск послан советский дипкурьер... До сих пор ответа нет. Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом... Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. Все силы и средства должны быть обращены на дело революционной обороны!

Пункт за пунктом декрет предписывал меры для мобилизации фронта и тыла.

Не оставляя забот о подготовке новой фазы дипломатического действия, Ленин и партия занялись организацией военной защиты республики, особенно ее столицы,

положение которой становилось все более угрожающим.

И не только потому, что к ней приближался внешний враг.

Еще несколько дней назад буржуа с опаской выходил на Невский. А тут разом осмелел, возрадовался, засуетился, повалил на заснеженные плиты тротуаров. Невский расцвел эполетами, кокардами, лампасами, крестами, медными пуговицами. Вновь пожаловали генералы и тайные советники, «мудрейшие государственные умы», сменившие мундиры на халаты, и гвардейские офицеры, и саботажники приват-доценты, и высшие чиновники. И послышалось: «Слава богу, идут...» А если кто замечал: «Но все-таки немцы...» — следовал окрик: «А что немцы? Наведут порядки!»

На Невском объявились добровольные продавцы газет — из генеральш, адвокатов, юнкеров. В то время как юные газетчики-профессионалы, сыны рабочих окраин, тревожно оповещали: ««Отечество в опасности!», читайте «Правду»!», дородные «добровольцы», напрягая с непривычки простуженные голоса, выкрикивали: ««Отечеству идет спасение!» читайте «Речь»!»

Российский буржуа начал спешно создавать «пятую колонну», чтобы облегчить приход немецких войск в революционную столицу.

Надо было действовать решительно, без промедления. И уже 21 февраля сформировался Комитет революционной обороны Петрограда. Он двинул на фронт наиболее стойкие полки столичного гарнизона, вооруженные отряды рабочих и матросов. В те же дни создавалась армия внутренней обороны города. Революционные организации получили предписание поддерживать в Петрограде железный порядок. Государственные и общественные здания взять под охрану. У частных домов выставить сторожей. На улицы вышли красногвардейские патрули — предотвращать антисоветские сборища и выступления.

2

Дипкурьер, посланный в Двинск, томился там до вечера 22 февраля. Германское правительство медлило с ответом, желая выиграть время, чтобы продвинуть свои войска поближе к Петрограду.

И вот курьер возвратился.

23 февраля, десять часов тридцать минут. Ленин распечатал пакет...

Десять пунктов «уточненных» условий мира. И каждый пункт значительно хуже, чем те, которые немцы выставляли раньше. Вот цена авантюристической тактики «ни мира, ни войны»!

Пункт десятый:

«Вышеуказанные условия должны быть приняты в течение 48 часов. Российские уполномоченные должны немедленно отправиться в Брест-Литовск и там подписать в течение трех дней мирный договор...».

Условия поистине «зверские». Но Ленин сохраняет самообладание. Он выкраивает время, чтобы написать статью, объясняющую новую обстановку и то, каков выход из положения. Эта статья — «Мир или война?» — публикуется в вечернем выпуске «Правды» 23 февраля. Да, ответ германцев ставит нам условия мира еще более тяжкие. Но есть только один путь к спасению Республики Советов — принять этот мир. Старая армия, настигнутая немецким наступлением в момент ее демобилизации, оказалась не в состоянии противостоять врагу. Новые вооруженные силы республики еще только создаются. Немецкое наступление подбодрило внутреннюю контрреволюцию. В Питере, на Невском и в буржуазных газетах, уже «смакуют свой восторг по поводу предстоящего свержения Советской власти немцами... Мы вынуждены пройти через тяжкий мир... Мы примемся готовить революционную армию не фразами и возгласами... *а организационной работой,* делом, созиданием серьезной, всенародной, могучей армии».

В тот день Ленин выступает многократно: на заседании ЦК, на объединенном заседании вциковских фракций большевиков и левых эсеров; в три часа утра 24 февраля — на заседании всего состава ВЦИК...

Обстановка необычайная! Срок ультиматума — сорок восемь часов!.. Враг внешний наступил «коленом на грудь». Враг внутренний хватает за горло. А тут еще в своих рядах неурядицы — фразеры, болтуны, дезорганизаторы и люди, ослепленные вершинными вспышками революции и не замечающие пожара, подтачивающего самый фундамент советского здания.

Накал борьбы достигает высшего предела. Ленин требует безоговорочного и безотлагательного принятия ультимативного мира. «Герои фразы» продолжают добиваться иного решения. Ленин по-прежнему непреклонен. Тем, кто ищет половинчатых решений, он бросает: немецкие условия надо подписать; если вы не подпишете мир сегодня, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели. Ни малейшей тени колебаний! Наша армия «так истерзана, измучена была войной, как никакая другая». Для нас самым лучшим исходом является выигрыш времени. Мирный договор дает возможность путем энергичной работы «создать крепкую и прочную армию на защиту своей революции...»

Ленин зовет к временному и организованному отступлению, чтобы собрать силы и завтра победить. Он не сомневается ни секунды, что трудящиеся России сознают «всю неслыханную тяжесть, грубость, гнусность этих (немецких.— *М. С.*) условий мира и тем не менее оправдают наше поведение». «...Те, которым приходилось переживать долгие годы революционных битв в эпоху подъема революции и эпоху, когда революция падала в пропасть... знают, что все же революция всегда поднималась вновь».

Доводы Ленина неотразимы. Его предложение собирает большинство.

После заседания Владимир Ильич пишет:

«Согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в $4^1/_2$ часа ночи, Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск».

Теперь самое неотложное — передать это германскому правительству.

...Адъютантом главковерха Крыленко в то время был молодой прапорщик большевик Василий Александрович Баландин (один из трех братьев Баландиных, известных по июльским событиям 1917 года). Всю ночь, покуда в Таврическом и Смольном решалось, как быть, Василий Баландин оставался на ногах. Он привозил для Крыленко последние сводки с фронтов, сходившиеся в наркомат по военным делам; исполнял множество других приказаний главковерха. К утру получил разрешение отдыхать. Баландин уехал в наркомат на Мойку, 67.

Василий не слышал, как троекратно прозвенел в кабинете телефон — адъютант спал на диване.

— Товарищ Баландин, вставайте! Немедля! Быстрей! Отправляйтесь в Смольный. Вас ждет главковерх.

Был уже шестой час утра. В комнате управления делами Совнаркома кроме Крыленко находился секретарь СНК Горбунов.

— Что же вы так долго? — выговорил Крыленко.

— Мы гнали автомобиль на полном газу...

— И все-таки долго! — Крыленко посматривал на настенные часы. Казалось, он отсчитывает каждую секунду.— Пройдите сюда. Вас соединят по телефону с квартирой товарища Ленина.

Баландин вошел в соседнюю комнату. Дежурный телефонист — рабочий парень — несколько раз крутнул ручку разговорного аппарата и передал трубку.

Баландин назвал себя.

Дальнейшее происходило в кабинете Ленина.

Баландин слушал стоя, как военный, получающий боевой приказ.

Напутствуя дипкурьера, Владимир Ильич сказал, что ВЦИК и Совнарком постановили германские условия мира принять. Сообщение об этом сейчас передается в Берлин по радио. Но кроме того, ответ надо доставить в письменном виде. Только этот документ имеет силу...

Доставить документ поручается Василию Баландину. В пакете всего сорок с лишним слов. Но сегодня в них судьба революции и республики.

Баландин вернулся в комнату управления делами Совнаркома. Вскоре особый дипкурьер получил два пакета. В одном был документ, подписанный председателем Совнаркома Лениным, в другом — главковерхом Крыленко.

— А это — ваш мандат,— сказал Горбунов, передавая Баландину бумагу:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сим удостоверяется, что предъявитель сего мандата, Василий Баландин, уполномочен Советом Народных Комиссаров передать Германскому Верховному Командованию официальный ответ Русского Правительства на условия мира, предлагаемые Германским Правительством.

Он же уполномачивается принять официальный пакет от Германского Правительства, если таковой будет, для передачи его Русскому Правительству.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Последнее напутствие в Смольном сделал Крыленко:

— В ваше распоряжение выделяется специальный поезд и отряд матросов под командованием товарища Приходько. Матросы уже на Варшавском вокзале. Заезжайте на Мойку, договоритесь, чтобы вам дали переводчика, и сразу — на Варшавский! Помните: ни минуты промедления!

В наркомате по военным делам Баландин обратился к Подвойскому:

— Да, задача...— проговорил Подвойский.— Тут все старое офицерье... Свяжитесь лучше с моряками.

Но и в Адмиралтействе нужного человека в короткий срок не нашлось. Баландин решил ехать. В пути наверняка встретятся штабы, солдатские комитеты. Помогут.

Варшавский вокзал. 24 февраля 1918 года. Девять часов утра. Экстренный поезд из одного вагона и паровоза отправляется на Лугу. По линии летят срочные телеграммы: «Экстренный «Б № 401» пропускать вне очереди.

В Лугу прибыли около двух часов дня. Вокзал, железнодорожные пути забиты войсками, отступающими с фронта. А где сейчас фронт? Никто не знал. Баландин отправился к дежурному по станции.

По прямому проводу связался со станцией Струги-Белые. Путь до той станции — так сообщили — пока свободен. А что дальше, никто не знает.

...Чем дальше от Луги, тем поезд идет медленней. На каждом полустанке задержка. Дорога однопутная. А встречные эшелоны рвутся напролом. Здесь хозяева уже не железнодорожники, а те, что стоят с пулеметами на паровозах.

— Как продвигается наш дипкурьер? — Владимир Ильич требует точного доклада.

Вечером на стол Ленина ложится телеграмма: Поезд «Б № 401» с курьером в 18 часов 52 минуты проследовал станцию Серебрянка.

— Медленно. Принять меры! Требовать беспрепятственного продвижения!

Около восьми часов вечера экстренный с курьером прибыл на станцию Струги-Белые, где размещался штаб XII армии.

— А нет ли здесь товарища Нахимсона? — поинтересовался Баландин.

Он знал, что Семен Михайлович Нахимсон, видный большевик-подпольщик, был эмигрантом, учился в Берне, владеет языками, возглавляет исполком солдатских депутатов XII армии.

Нахимсон оказался на месте. Баландин, найдя его, рассказал о том, что решено в Питере, о своей миссии и затруднении с переводчиком.

— Ну и курьез! — рассмеялся Нахимсон.— Я поеду с вами.

Около девяти часов вечера поезд достиг станции Торошино. Дальше можно было следовать только на лошадях: железнодорожный мост на станции взорван.

Баландин и Нахимсон достали лошадей, розвальни и двинулись дальше. «Ни минуты промедления!» Но что поделаешь, если все дороги — и конные и пешие — забиты отходящими войсками?

От Торошино до Пскова всего два десятка километров. Но ехать пришлось целую ночь. В Псков добрались около восьми-девяти часов утра.

На центральной площади стоял немецкий регулировщик. Нахимсон спросил, как найти старшего воинского начальника. Солдат безучастно ответил:

— Ищите в районе вокзала.

Старшим воинским начальником оказался командир батальона, который минувшим вечером первым вошел в Псков.

Нахимсон прочел, переводя на немецкий, удостоверение Баландина. Услышав имя Ленина, командир батальона воскликнул:

— О!

Трудно было понять, что это означало. Но всем своим поведением немецкий офицер выказал удовольствие, что оказался в роли человека, неожиданно причастного к дипломатическим делам. Командир пригласил курьера и переводчика сесть.

— Мы уполномочены передать пакет германскому воинскому чину в ранге не ниже чем командующий армией,— на ходу сочинил Баландин.— При этом мы должны получить его согласие и обязательство самым срочным образом доставить послание главы Советского правительства в Берлин.— Баландин говорил медленно, выбирая слова, которые могли звучать дипломатично. Нахимсон переводил, придавая своей речи на немецком еще более дипломатические оттенки.

Подумав, немецкий офицер ответил:

— Вы отправитесь в Режицу, к командиру корпуса. Если он сочтет необходимым, поедете дальше. Сейчас я вызову для вас автомобиль...

В Режицу приехали вечером в сопровождении немецкого офицера и солдата. Аудиенция у командира корпуса. И снова в путь. Утром 26 февраля — Двинск. Пакеты вручены командующему армией. Он тут же отправляет пакеты в Берлин.

...А в Петрограде тем временем идет формирование дипломатической делегации. Она должна отправиться в Брест и подписать там мирный договор. «Левые коммунисты» еще хорохорятся. Иоффе поначалу вовсе отказывается войти в состав делегации. Весь день 24 февраля идут переговоры, одни лица заменяются другими. Наконец состав делегации определен. Полномочия для подписания договора от имени Советской республики получают Георгий Васильевич Чичерин, Лев Михайлович Карахан, Григорий Иванович Петровский... Иоффе, подчиняясь партийному решению, едет в качестве советника.

Для Чичерина, будущего народного комиссара иностранных дел, это первое дипломатическое поручение чрезвычайной важности.

...Сотрудник архива министерства иностранных дел, историк и филолог Георгий Васильевич Чичерин в 1901 году писал к сотой годовщине историю российского ведомства иностранных дел. И читал книги... о социализме. Марксистская литература привела его в ряды русских революционеров. В 1905 году Чичерин был вынужден уехать за границу. Наступили долгие годы эмиграции... Германия, Франция, Бельгия, Англия. Активная деятельность в заграничных организациях РСДРП, во французской социалистической партии, среди русских эмигрантов в Лондоне...

Из России приходят первые вести о Февральской революции. И в Петроград Чичерин шлет горячие слова приветствия: «Да здравствует Россия свободной демократии!» Он призывает через «Известия», чтобы Россия потребовала освобождения из английских тюрем русских интернационалистов. Чичерин начинает борьбу за возвращение большевиков-эмигрантов на родину (в Англии их было много). Но ему противостоит посол Керенского в Лондоне Набоков. Чичерин ведет активную кампанию в английской профсоюзной прессе, организует митинги протеста. Набоков не только не дает въездных виз, он связывается с английской разведкой. И российский гражданин большевистской политической ориентации Георгий Чичерин оказывается в Брикстонской тюрьме. Там он и узнает об Октябрьской революции.

Через две-три недели имя Чичерина мелькает во многих русских и британских газетах. Народный комиссариат иностранных дел требует от английского посла в Петрограде освобождения Чичерина. Но Бьюкенен делает вид, будто ничего не знает о таком эмигранте. «В свободной Англии за политические воззрения в тюрьмы не сажают». Тогда сэру Джорджу Бьюкенену точно указывают, где заключен Чичерин. В конце ноября следуют официальные представления Советского правительства и в качестве ответной меры предупреждение: отныне ни один английский подданный, ни один английский дипкурьер не выедет из Советской России, пока не будут возвращены на родину Чичерин и другие русские большевики, незаконно содержащиеся в британских тюрьмах.

...10 января 1918 года. III Всероссийский съезд Советов. Делегаты аплодисментами встречают Георгия Чичерина.

— Товарищи! Пролетарско-крестьянское правительство освободило меня и моих товарищей из тюрьмы, в которую нас бросили английские империалисты... Они, привыкшие за кулисами вершить судьбы народов, впервые встретили голос независимого пролетарского правительства и должны были склониться перед ясно выраженным требованием о нашем освобождении.

С 29 января 1918 года Чичерин — заместитель народного комиссара по иностранным делам. Первые контакты с Лениным по вопросам внешней политики. Не сразу наступило полное согласие. «Для всех нас,— вспо-

минал Чичерин,— перелом от прежних взглядов подпольной революционной партии к политическому реализму стоящего у власти правительства был чрезвычайно труден, и в момент моего первого разговора с Владимиром Ильичем я еще не успел подчиниться необходимости подписания «похабного» мира. Однакс перелом во мне совершился, и я поехал в Брест-Литовск».

...Делегация отправилась из Петрограда в час ночи на 25 февраля. Экстренным поездом «№ 403». Он проследовал станцию Серебрянка в пять часов тридцать минут утра 25 февраля. Но дошел только до Новоселья (перед Псковом). Дальше — взорванный мост.

Делегация опаздывала. Надо было известить германское правительство, что дипломаты уже в пути.

Тогда не было специальных правительственных линий связи, когда важные донесения дублируют по телефону, телеграфу, радио, не было реактивных самолетов со сверхзвуковой скоростью, быстродействующих шифровальных машин.

Тогда была станция Новоселье, запруженная войсками бегущей армии, поездами, которые брались с бою, телеграфист у единственного старенького аппарата на направлении, где немцы наносят главный удар. Телеграфиста атакуют военные и гражданские, и он не успевает передать даже десятой доли срочных телеграмм.

Карахан пробивается к юзисту и наскоро диктует телеграмму в Петроград, Ленину. Просьба известить германское правительство о прибытии к линии фронта советской делегации.

Как это понять? Первое, что вспомнилось Ленину: Чичерин еще несколько дней назад колебался. Иоффе вовсе отказывался ехать в Брест...

Ленин ответил:

«Не вполне понимаем вашей телеграммы. Если вы колеблетесь, это недопустимо. Пошлите парламентеров и старайтесь выехать скорее к немцам».

Следует объяснение из Новоселья: «Задержаны против нашей воли и при первой возможности двинемся дальше».

Вечером 25 февраля дипломаты продолжают путь. В дороге они встречают возвращающихся из-за линии фронта дипкурьера Баландина и Нахимсона.

3

В те дни в политической жизни России не было ни одного сколько-нибудь значительного события, которое не окрашивалось бы отблесками искр, высекавшихся при столкновении классов, партий, групп и отдельных личностей из-за различного подхода к проблемам Бреста. Потому и раздували огни и дымы Бреста те, кто искал повод оболгать большевиков и нажить на этом политический капитал. Враги лицемерно кричали, что большевики — «агенты Вильгельма», что у них «тайный сговор с Гофманом» и т. п.

...Когда немцы, взяв Псков, двинулись на Петроград, внутренний фронт в столице обозначился еще более явственно.

С рассвета до полуночи и с ночи до рассвета бодрствовали комиссары семьдесят пятой комнаты Смольного — комитета, который возник в самом начале декабря 1917 года и был помощником ВЧК в деле борьбы с контрреволюцией. Сюда стекались самые разные донесения.

Парень лет пятнадцати, в замасленном картузе, ерзая на стуле, рассказывал, что вчера вечером к подъезду их дома подъезжал автомобиль и какие-то военные сгрузили и пронесли в подъезд тяжелые ящики. «Должно быть, пулеметы».

— Ясно,— выслушав парня, сказал молодой человек в кожаной куртке, с обветренным лицом матроса и руками рабочего.— Повтори адрес.

Другой комиссар слушал старушку. Ее платок скрывал и лоб, и щеки, и подбородок. Открытыми были только глаза, полные доверия и озабоченности.

Она стояла в очереди за хлебом. Там говорили, будто в Питере муки осталось на два дня. А потом хоть камни грызи. А еще говорили, будто Ленин со своими помощниками собирается куда-то бежать. А какая-то барыня объяснила: «Ленин потому собирается бежать, что давно заключил договор с Вильгельмом очистить столицу в надлежащий срок. За это Ленину обещаны миллионы».

В семьдесят пятой комнате выслушивали всех и вся, ибо по опыту знали: в самых невероятных слухах, в ворохе самых немыслимых небылиц вдруг обнаруживается такое, что впоследствии приобретает важность чрезвычайную...

Удар извне подкрепить ударом изнутри — таков был план антисоветских подпольных центров, активизировавшихся с началом немецкого наступления. Монархисты, кадеты, эсеры, меньшевики, анархисты, за спиной которых стояли буржуазия, помещики, кулачество, гостинодворцы и лабазники, бросились вербовать белых офицеров, юнкеров, саботирующих чиновников, шпионов, громил, подкупать и вооружать подонки общества.

Сеять смуту, терроризировать население. Подстрекать недовольных Советской властью, провоцировать вооруженные выступления, чтобы «вернуть Россию в лоно своих старых и верных союзников». Внутренняя контрреволюция нашла в этом самую широкую поддержку, моральную и материальную, со стороны Френсиса, Бьюкенена, Нуланса.

В Смольном вовремя вскрыли новую опасность. 25 февраля Комитет революционной обороны Петрограда предписал районным совдепам немедленно «приступить к организации летучих отрядов для борьбы с контрреволюционерами в Петрограде». Началось формирование рабочих дружин для охраны заводов и фабрик. Всероссийская ЧК и Комитет семьдесят пятой комнаты обрастали еще большей сетью добровольных помощников. Создавалась мощная армия внутренней обороны города.

В конце февраля были проведены массовые ночные обыски в квартирах буржуазии и подозрительных организациях. Было извлечено не только много оружия, но и огромное количество важных документов.

Чекисты и комиссары семьдесят пятой вскрыли и нанесли удары по подпольным контрреволюционным центрам, готовившим террористические акты против руководящих деятелей большевистской партии и Советского правительства.

Приближение германских войск к Петрограду, активизация внутренней контрреволюции, необходимость для правительства быть ближе к глубинным районам страны — все это требовало безотлагательно решить вопрос, который уже обсуждался в советских руководящих кругах: не перенести ли столицу в Москву?

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома и председатель Комитета семьдесят пятой комнаты Смольного, беседуя с Лениным в конце февраля, выражал мнение, что «смольнинский период

истории Советского правительства должен быть закончен и что правительству необходимо переезжать...».

Владимир Ильич согласился, что надо взять курс на подготовку учреждений к переезду в Москву. Но условились пока это не разглашать, а переезд «организовать насколько возможно внезапно».

Очевидно, в тот же день Ленин написал проект постановления:

«1) Выбрать местом нахождения Москву.

2) Эвакуировать каждому ведомству только минимальное количество руководителей центрального административного аппарата, не более 2—3 десятков человек (плюс семьи).

3) Во что бы то ни стало и немедленно вывезти Государственный банк, золото и Экспедицию заготовления государственных бумаг».

Ночью 26 февраля ленинский проект с незначительными изменениями был утвержден на закрытом заседании Совнаркома.

4

«Керенский — дряхлая, истеричная баба! Вместо того чтобы убрать Ленина и перестрелять всех большевиков, он, как провинциальный трагик, по всякому поводу падает в обморок» — так говорил военный атташе английского посольства в Петрограде Нокс на совещании в американской миссии Красного Креста за несколько дней до Октября.

Генерал Нокс раньше служил в Индии. Он слыл человеком с «железной рукой»... К нему приводили связанных пленников и говорили: «Сэр, этим мазурикам не нравится, что на Красном форту в Дели развевается британский флаг». «Ах, не нравится?» Генерал натягивал белые перчатки, брал стек и подходил к индийцам. Требовал, чтобы те смотрели ему в глаза. И начинал просвещать, насколько великодушна политика правительства его величества в колониях. Далее следовал короткий приказ: «Расстрелять!»

В России Нокс не мог расстреливать. Но без устали трудился над тем, чтобы как можно больше русских погибло на поле боя. Разумеется, не только во имя британского короля, но и «общих интересов союзников».

В последние недели генерал Нокс был крайне обеспокоен событиями в России. Он приехал к генералу Томпсону, чтобы вместе с американскими, французскими и прочими коллегами «в частном порядке» обсудить, как расправиться с большевиками и изничтожить «ржавчину пораженчества» в русской армии.

Генерал Вильям Бойс Томпсон, в отличие от Нокса, исполнял в России куда более «гуманную миссию». Еще бы! Над его резиденцией развевался флаг Красного Креста — символ милосердия и бескорыстной помощи страждущим. Он следил за тем, чтобы сотни пар солдатских ботинок и сотни тысяч порошков от головной боли, привезенные из-за океана, были вручены именно тем, кто способен оценить великодушие и щедрость его страны. Томпсон отдавал много энергии и другой работе: нравственному просвещению русского народа. Он направлял деятельность «Комитета гражданского воспитания свободной России», созданного с его участием на американские доллары. США вложили в комитет ни много ни мало — двенадцать миллионов!

Формально председателем сей организации была «эсеровская богородица и великомученица» мадам Брешковская.

Томпсон на одном из приемов в своей резиденции пространно и весьма прозрачно изложил американскую точку зрения, на что должны быть израсходованы миллионы долларов.

— Господа! Русский солдат, который находится сегодня в окопах, это не солдат четырнадцатого года. Тогда он знал: впереди немцы, а позади казацкая нагайка. На войну послал царь. И пока есть царь, будет нагайка. Волей-неволей приходилось солдату воевать. Теперь царя нет. И русский солдат спрашивает: «Почему же мы еще воюем?» Когда был царь, говорили: надо водрузить православный крест на святой Софии, надо воевать за царя. Теперь солдату внушили,— это сделали большевики,— что Керенский не лучше царя, заставляет воевать за «чуждые интересы». И русский солдат все настойчивей говорит: «С меня хватит. Я сыт этой войной. Настрадался не только я, но и моя семья». Таковы факты, господа. Не я это выдумал.

Вильям Бойс Томпсон лишь по обязанности службы носил военный мундир. Он был сугубо штатским, мед-

ным магнатом, банкиром, миллионером. Но, как человек деловой, любил, чтобы во всем была ясность:

— Господа, позвольте быть откровенным. И ваша, русская, пропаганда, и наша, союзная, сейчас до примитивности глупа. К чему она сводится? К картинкам и листовкам на тему о том, как могущественна Америка, как велика Англия, как сильна Франция... «У нас через несколько недель будет на фронте двадцать тысяч аэропланов, десятки тысяч пушек. Мы выиграем войну одним махом».

Томпсон с удовольствием произнес это «махом» по-русски.

— А знаете, как отвечает русский солдат? «Очень хорошо, что у вас будет столько аэропланов и что вы выиграете войну одним махом. Воюйте. А я уже перекормил всех вшей в окопах. Крови нашей пролито с избытком. Поеду-ка я домой, посмотрю, как там моя баба и мои детишки. Хата разваливается. Скотина дохнет...» Господа, наша пропаганда размагничивает волю русского солдата. А мы призваны цементировать ее. Русский солдат должен сражаться. Наш долг убедить его, что слово «свобода», которое он запомнил с Февраля,— дорогое слово. Победить Германию — значит защитить ту самую свободу, которую провозгласили в Феврале. Мы должны внушить русскому солдату, что если победим не мы, союзники, а Германия, то к власти придут несправедливые люди, которые будут платить русскому рабочему не пятнадцать рублей поденной платы, а два, как при царе. Мы должны заставить русского солдата увидеть, что за германскими штыками идут мистер Николай II и великие князья, которые, возвратясь с помощью немецких штыков, покажут мужику, как жечь помещичьи усадьбы и создавать земельные комитеты...

Среди слушателей генерала Томпсона были не только военные и политики, но и дамы из большого петербургского света, давно восторженно обожавшие известного американца как блестящего кавалера (был еще не стар). Теперь они узнавали, что он еще и умнейший политик. И вновь расплывались в улыбках.

— Мы должны разговаривать с русским солдатом,— продолжал Томпсон,— языком доходчивым, доверительным. Надо не жалеть денег, для того чтобы в близких к нам газетах сотрудничали самые талантливые журнали-

сты. Мы должны издавать брошюры специально для крестьян и рабочих. Посылать на митинги людей, согласных с нашим образом мыслей. Нас должны слышать и в церквах и на рынках. Господа, я призываю создать нечто вроде евангелия борьбы против германской автократии, за объединенные усилия всех союзников! И мы, я надеюсь, это сделаем!

Восторженные аплодисменты были ответом на речь.

Не аплодировал лишь полковник Раймонд Робинс, помощник главы американской миссии Красного Креста в России.

Это заметили все. Это обескуражило Томпсона.

Объяснение между ними произошло в тот же день. Томпсон вызвал Робинса в свой кабинет.

— Полковник! — повелительно сказал генерал, и Робинс стал навытяжку.— Я не могу понять мотивов вашего демонстративного поступка. То, о чем я говорил сегодня, почти то же самое, что раньше говорили вы. В чем же дело?

— Да, говорил. Но теперь я не верю в это. Теперь я вижу, что это безнадежно.

— План одобрен президентом. Вы понимаете, что означает лично для вас неуспех начатого предприятия?

— Я понимаю, на карту поставлено многое...

— Нет, не об этом сейчас речь. Я хочу спросить: знаете ли вы, что ожидает вас, лично вас, если двенадцать миллионов, вложенных в комитет, вылетят в трубу? Вас расстреляют, полковник, как расстреливают военного, который не выполнил боевого приказа.

Робинс покраснел, но ответил решительно:

— Прекрасно. Люди помоложе меня каждодневно гибнут на Западном фронте. В бою. Я предпочитаю отправиться на фронт, чтобы в случае неудачи быть расстрелянным там. Но не здесь — за провал абсолютно несостоятельного дела.

Томпсон окинул Робинса таким взглядом, словно увидел его впервые. Закурил, проследил, как рассеиваются колечки дыма от сигары. Опять взглянул на полковника:

— Что с вами, Робинс? Садитесь. Давайте вместе подумаем над тем, что вы сейчас сказали.

Разрешение садиться означало, что официальное объяснение окончено.

Они говорили долго...

5

Раймонд Робинс в молодости был шахтером, потом профсоюзным функционером. Он быстро сделал карьеру и стал сенатором. В июле 1917 года приехал в Россию в качестве помощника главы миссии американского Красного Креста. И увидел не ту Россию, какую представлял себе по сообщениям американской прессы. Робинс рассказывал, что «в первые же недели пребывания в России» он «обнаружил, что Временное правительство не пустило прочных корней в русской жизни».

— У вас были конкретные наблюдения? — спрашивали его.

— Я в этом убедился, когда с мандатом Временного правительства приезжал в русские села, чтобы вести порученное мне дело. (Робинс говорил о поручениях по заготовке продовольствия для раненых.— *М. С.*)

Робинс бывал и на солдатских и на рабочих митингах в Петрограде. Слушал и сам выступал. Лояльно проводил программу борьбы с «ржавчиной пораженчества», которую наметили посол Френсис и генерал Томпсон.

Вскоре после Октябрьской революции генерал Томпсон поспешно ретировался из России. Главой миссии стал Робинс. На новом посту он продолжал исполнять приказы Френсиса, как делал Томпсон. Даже те, которые не отвечали его, Робинса, взглядам.

Миссия Красного Креста, «Комитет гражданского воспитания» были частью той гласной и негласной агентуры, которой располагало в Петрограде посольство США.

Некий мистер Икс (его имя осталось неизвестным) руководил американской печатной пропагандой в России. Его назначение утвердил сам президент. Этот мистер скупил 17 русских газет, которые изо дня в день писали то, что было необходимо для «двойной игры» Френсиса.

По плану «двойной игры» Френсиса на рынках и в домах, на улицах и в других людных местах Петрограда появлялись особы, похожие на бывших классных дам из Смольного института. И они уверяли, что «собственными глазами» видели в Смольном германских офицеров. Те «сидели за одним столом с вождями большевистского правительства». Будто «собственными ушами слышали», как «офицеры диктовали большевистским вождям документы, которые потом печатались за подписью Ленина»...

По плану Френсиса в методистской епископальной церкви в Петрограде с амвона читал проповеди настоятель ее. Он призывал мирян «верить не в революцию, а в эволюционный христианский социализм». Тот же господин впоследствии сам рассказывал, как облачался в одежду русского рабочего — надевал рубашку, доходящую почти до колен, напяливал старую шляпу с опущенными полями и надевал никелевые очки: «большевик»! — и в таком наряде выходил на улицу, толкался среди людей, подслушивал их разговоры. А потом шел обедать к мистеру Френсису. Правда, бывали случаи, когда по пути заходил к бывшему полицейскому начальнику, с которым «был в хороших отношениях».

«Двойная игра»... В первые недели после Октябрьской революции американская дипломатия не вела столь прямолинейной и непримиримой политики, как это делали Нуланс и Бьюкенен. Но в своем дневнике Френсис признавал, что оставался в России ради подготовки военной интервенции США и их союзников.

1 декабря 1917 года глава американской военной миссии и главный военный атташе посольства США в Петрограде генерал Джедсон посетил Смольный. Он заявил, что, хотя не уполномочен говорить от имени своего правительства (США не признали Совета Народных Комиссаров), его визит имеет целью завязать сношения, выяснить некоторые обстоятельства и разъяснить кое-какие недоразумения.

Выслушав разъяснение о внешнеполитических планах новой России, генерал попросил разрешения на передачу советского заявления правительству США.

В тот же день американское агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило, что правительство США придерживается позиции терпимости в русском вопросе и у него нет намерения в данный момент рассматривать Россию как врага, если бы даже она заключила перемирие с Германией.

Раймонд Робинс, человек, близкий к посольству США, вскоре свидетельствовал (и не перед кем-нибудь, а перед сенаторами США), что видные американцы, находившиеся в начале 1918 года в Петрограде и влиявшие на политику США, только и твердили: большевики продержатся у власти считанные дни, на смену им вот-вот придут желанные, милые, достойные кадеты милюковы, гуч-

ковы, родзянки, с которыми американцы только и могут иметь дело.

Их прихода Френсис ждал, на это рассчитывал, этому негласно содействовал, а пока по его указке американская пропаганда твердила о «дружбе» с Россией.

Когда же начались переговоры в Бресте, американские и прочие союзные проповедники, после бурных протестов в ноябре и декабре, стали доказывать, что «дружба» союзников к России неизменна, но главная опасность, которая подстерегает русский народ,— соглашение с Германией, что война вот-вот закончится поражением кайзера, а поэтому «не следует связывать свою судьбу с потерянным делом». В интересах, мол, самой России продолжать войну на стороне Антанты. Причем любое русское правительство может рассчитывать на щедрую поддержку союзников.

...Раймонд Робинс, наблюдая за развитием событий в России, все более размышлял над тем, «какова сущность новой власти», «насколько она прочна, чего можно ожидать от ее сотрудничества как для русского народа, так и для дела союзников». И он приходил к выводу: Советы, руководимые большевиками,— «действительная власть в России». А в России — сто восемьдесят миллионов жителей. Они населяют шестую часть земли с богатыми естественными ресурсами. Пока Россия разорена. Но у нее гигантские возможности. Экономическое сотрудничество с ней выгодно Америке. Никаких надежд на то, что опять будут править родзянки и милюковы. Надо иметь дело с реальной властью.

Такие размышления привели Робинса в Смольный.

6

...8 декабря 1917 года Владимир Ильич Ленин обсуждал с Робинсом русско-американские отношения в связи с брестскими переговорами. Они обсуждали и другие проблемы международной политики.

30 декабря Робинс вновь посетил Смольный. Он вручил Ленину полный текст речи, произнесенной американским президентом Вильсоном 26 декабря.

Американский посол давно хотел, чтобы президент специально обратился к русскому народу с разъяснением «истинных» целей США. Он просил об этом государст-

венный департамент, просил и самого президента. И вот последовало...

Президент уверял, что он за немедленный и справедливый мир для всех. Упоминал советский Декрет о мире. Но каждое слово Вильсона было продиктовано одной заботой: противопоставить программе Ленина американскую. Вильсон, разумеется, не говорил об этом прямо.

Но в Советской России знали цену словам президента. Правительство США уже начало экономическую блокаду молодой республики. Американские дипломаты поддержали демонстрации своих союзников против советской программы перемирия. Френсис делал все для того, чтобы попытаться сорвать брестские встречи...

Основные положения речи Вильсона уже были известны в Петрограде и опубликованы советской печатью.

...Прибыв в Смольный и оказавшись в кабинете Ленина, Робинс спросил, читал ли господин председатель сегодняшнюю «Правду».

— Да, разумеется...

— Мистер Ленин, то, о чем я буду говорить, не совсем лестно характеризует вашу прессу.

— Понимаю, «Правда» задела вашего президента?.. Что ж, бывает, меня у вас тоже не обходят...

— Задели, и несправедливо. Посудите сами... Наш президент, оказывается, «известнейший дипломатический эквилибрист». Вот.

Робинс положил перед Лениным газету и попросил прочитать отмеченные абзацы. Там было написано, что в речи президента можно найти, хотя и искусно замаскированные, лозунги о войне до конца, о грабеже под маской самоопределения народов. А «американская биржа сочла нужным не только посчитаться с большевистской властью, но и запасливо сделать ей реверанс». Двумя красными линиями рукой Робинса было подчеркнуто и следующее: «На то Вильсон есть Вильсон, чтобы словами не выражать истинных своих побуждений».

— Я хотел бы услышать ваше мнение, мистер Ленин.

— Но я не читал всей речи президента.

— Главные пункты советская пресса изложила достаточно объективно. Я это сверил.

— В таком случае я не скрою, что журналист, который это писал,— он указал на подчеркнутые Робинсом строки,— человек проницательный...

Робинс откинулся на спинку кресла. Не ожидал он такого ответа.

Ленин заметил:

— Я знаю, господин Робинс, как вы относитесь к нашей стране. Вы один из тех находящихся в России американцев, которые, видя перед собой дерево, называют его деревом. Я знаю и другое: вам неприятно узнавать, что ваш президент, за которого вы голосовали на выборах, неискренний человек. Вам неприятно читать, что американский президент — дипломатический эквилибрист. Но что поделать. О любых фактах надо говорить так, как они называются.

— Я ожидаю, господин Ленин, я почти убежден, что признание Советов со стороны нашего правительства произойдет в самое ближайшее время. Я заключил это из бесед, которые имел с мистером Френсисом. Полагаю, что это поддержит и наш президент. Его последняя речь дает основания так думать.

— Господин Робинс! Согласитесь, что дипломатия — вещь тонкая. Иногда говорят очень мило, а за этим — яд... Американцы — народ деловой и расчетливый. А о нас говорят, что мы народ сметливый. Думаю, одно и другое справедливо. И вот у русских есть пословица: «Не поддавайся на пчелкин мед, у нее жальце в запасе».

Ленин говорил по-английски, но пословицу произнес по-русски, потом перевел.

В глазах Ильича мелькнула лукавинка.

Робинс оживился.

— Очень вежливая пословица...

И опять переменился в лице:

— Я полагаю, что многие американцы разделяют мои надежды.

— Господин Робинс, я готов на компромисс. Давайте договоримся: «Поживем — увидим». И такая поговорка есть у русских. Что касается ваших усилий не ссорить, а мирить Америку с Россией, то можете не сомневаться: русский народ ценит все доброе. Я желаю вам всяческих успехов... [1]

---

[1] Если бы сохранилась стенограмма этой беседы, то, возможно, в каких-то деталях обнаружились бы расхождения с тем, что представлено здесь. Но такой стенограммы нет. Автор представил беседу так, как она подсказана изучением документов, примет времени и биографий исторических личностей.

* *
*

«— ...Раймонд Робинс думает, что есть возможность признания Советов...

— Да,— сказал Ленин,— но Робинс представляет либеральную буржуазию Америки, не они решают политику Америки, ее решает финансовый капитал...»

Альберт Рис Вильямс. (Из воспоминаний.)

7

Петроград, проснувшийся утром 27 февраля, увидел на стенах домов отпечатанные на пишущих машинках прокламации: «Россия продана немцам!» На Невском и Владимирском проспектах, на Миллионной и Лиговке в то утро было еще больше продавцов буржуазных газет. Они подходили к «своим» и предлагали:

— Покупайте «Наш век». России больше нет, Россия кончилась. Здесь все написано.

Вместе с газетой они вручали листки:

«Германские генералы предлагают петербургскому населению запастись продуктами на десять дней».

И шепотом:

— Через десять дней...

Новый ультиматум Германии был уже напечатан в газетах. «Гибнет, гибнет Россия!» — послышалось из всех политических подворотен. Но за этими криками угадывалось: «Скорее бы пришел в столицу тот самый Вильгельм, тот самый Гофман, которому «служат большевики»». Придут и сделают то же, что уже сделали в Режице, Пскове. «Банки сразу все откроем... Все получим, все вернем»...

Хотели и другого: чтобы большевики, прежде чем изойти кровью в рабочих кварталах Петрограда, частью полегли еще на подступах к нему.

Но возрадовались не только потерявшие банки и заводы. Больше прежнего активизировались и «социалисты» — эсеры и меньшевики. Они тоже не прочь были пустить Вильгельма в Петроград (как потом открывали дорогу американским, английским, французским интервентам на Севере, Юге и Дальнем Востоке).

8

Два Невских — старый и новый — сошлись 27 февраля лицом к лицу и схватились круто, жестко.

Во всю ширину проспекта заалели полотнища: «Петроград защитим!», «Отечество защитим!» Под ними, как под арками, проходили колонны красногвардейцев, спешивших на фронт. Обгоняя колонны, за город мчались грузовики: рабочие и работницы отправлялись рыть окопы, возводить проволочные заграждения.

И в те же часы по очередям, по лавкам, трамваям, конторам, а за пределами Невского — по заводам и солдатским казармам шныряли переодетые белогвардейские офицеры, «христианские миссионеры» с американскими или английскими паспортами, саботажники всех мастей. И к прежним невероятным слухам, лживым, гнусным, прибавлялись новые. О том, будто Ленин получил от Вильгельма миллионы марок за подпись, которую Чичерин поставит в Бресте. О том, что «особая цена установлена за очищение Петрограда». О том, что Ленина якобы видели уже на Волге...

Те, кого возбуждали таким образом, и те, которые это делали, собрались в полдень на Знаменской площади перед Николаевским вокзалом, на Лиговке и на Гончарной. Самая большая толпа была возле памятника Александру III.

Снежные хлопья, словно потешаясь, разукрасили царя, как бы подтверждая прозвище, которое дали ему питерцы: «Пугало». Широкозадый, кособрюхий, плосколицый Александр III, восседавший на куцем битюге, совсем не парадно расставившем задние ноги, запорошенный на горизонталях снегом, еще больше выпячивал свою тупую, грубую несуразность.

Крикуны, примостившиеся у памятника царю, призывали немедленно сформировать «отряды общественного спасения», чтобы «избавиться от чекистов, красногвардейцев и дипломатов, продающих Россию». Среди ораторов были господа в шубах, генералы и чиновники в шинелях, ротмистры в фланелевых башлыках, дородные дамы в меховых капюшонах, лабазники в поддевках, истеричные барышни в плюшевых шляпках. Все, что составляло злобу дня,— и мир с Германией, и положение

в Петрограде, и возможный переезд правительства — перемешивалось в словесной толчее.

Антисоветские сборища на Знаменской площади были продуманной мерой контрреволюционного подполья, пробой сил для открытых выступлений.

Когда на Знаменской площади начались летучие митинги, с вокзала позвонили в Смольный. Там решили:

«ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ
Раб. и Солд. Депутатов
Комитет революционной
обороны Петрограда
Смольный институт
№ 355

27 февраля 1918 г.

ПРИКАЗ
БОЕВОЙ ДРУЖИНЕ...

Комитет революционной обороны г. Петрограда приказывает вам немедленно по получении сего послать отряд в 150 человек для разгона митингов, имеющих место на Знаменской площади (угол Невского и Лиговки). Об исполнении сообщите по телефону 62».

Комиссар семьдесят пятой поспешил на Кирочную, где находилась дружина. На Знаменскую площадь отправились латышские стрелки.

Дружинники и латышские стрелки приехали на грузовиках. «А ну, расходись!..» Появились броневики. Они открыли огонь из пулеметов. Правда, в воздух. Но и это подействовало. Толпа рассеялась.

9

Каждый раз, когда советская дипломатия делала резкий шаг, задевая джентльменов с Фурштадтской улицы, Французской и Невской набережных, послы союзных держав немедленно грозили: «Мы уйдем». Так было, когда из тайников дипломатического архива на суд миллионов вытащили секретные дипломатические бумаги и договоры. Так было, когда началась вторая акция прорыва фронта войны, и советские делегаты выехали к немецким окопам.

Но каждый раз послы оставались.

С декабря, когда политический барометр в Бресте показывал то «ясно», то «бурю», союзные дипломаты тоже лавировали. Они были готовы вернуться к «дружбе» и даже помогать России, когда в Бресте возникали осложнения. И опять угрожали, когда на брестском горизонте тучи начинали рассеиваться.

23 февраля, когда дипкурьер Наркоминдела вернулся из Двинска с пакетом от Гофмана с десятью пунктами немецкого ультиматума, американское, японское, бразильское посольства и миссии объявили, что покидают Петроград и «намерены обосноваться в Вологде».

Ну что ж, нервы сдают, не хотите рисковать — поезжайте, рассудили в Смольном. И 24 февраля по Северной железной дороге в Вологду уехало 150 иностранных дипломатов. Френсис пока оставался в Петрограде. Раймонд Робинс — тоже. Шведская, датская и норвежская миссии заявили, что уезжать не собираются.

Но вот Чичерин направился в Брест для подписания мирного договора. На следующий же день в Наркоминдел, а затем в Комитет революционной обороны Петрограда явился начальник штаба французской военной миссии (выхода не было, пришлось обращаться в Смольный) и от имени посла Нуланса, поверенного в делах Великобритании Линдлея (у посла Бьюкенена еще в декабре начались почечные колики, и он уехал в Лондон), от имени дипломатов Италии, Бельгии, Сербии попросил предоставить специальный поезд со спальными вагонами, вагоном-рестораном, багажными вагонами и платформами для автомашин. А для охраны дать красногвардейцев, а также снабдить документами «для беспрепятственного проезда по Финляндской железной дороге за границу».

— За границу? Но зачем же туда? Россия велика, места в ней достаточно. Господин американский посол избрал, например, Вологду...

Но ответ был один: только за границу!

Французский и английский послы решили, что пришло время «хлопнуть дверью».

Просьбу дипломатов удовлетворили. Вечером 28 февраля они выехали с Финляндского вокзала. Им выделили и спальные вагоны, и ресторан, и багажные вагоны, и платформы. Член Комитета революционной обороны Петрограда Крыленко распорядился дать дипломатам красногвардейскую охрану.

10

1 марта в восемь часов вечера в Смольный поступила телеграмма из Бреста: «Вышлите нам поезд к Торошино [около Пскова] с достаточной охраной...» Внизу стояла

подпись секретаря советской мирной делегации Карахана. Ни слова о переговорах, о подписании мира! В Смольном решили, что немцы опять сорвали переговоры и надо готовиться к худшему.

Ленин тут же написал телеграмму, адресованную «Всем совдепам. Всем. Всем». Он сообщил об известии, полученном из Бреста, предупредил, что надо быть готовыми к немедленному наступлению германцев на Питер и на всех фронтах вообще, «обязательно всех поднять на ноги и усилить меры охраны и обороны».

Утром 2 марта «Правда» вышла с аншлагом через всю первую страницу:

«НАША МИРНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ПЕТРОГРАД. ВОПРОС О ВОЙНЕ И МИРЕ РЕШЕН: ВОЙНА БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЕЙ ИМПЕРИИ ПРОТИВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ... РАБОЧИЕ, СОЛДАТЫ, КРЕСТЬЯНЕ! ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ НАШИ ТРУПЫ ВРАГ ПРОЙДЕТ В ПЕТРОГРАД!»

Ошибка обнаружилась, когда десятки тысяч экземпляров «Правды» уже разошлись по Петрограду. Оказалось, что советская делегация отправляла из Бреста не одну, а две телеграммы. Первая была о том, что мирный договор будет подписан 3 марта. Но ту телеграмму, шифрованную, задержал немецкий штаб.

Лишь 4 марта из вечерних газет питерцы узнали, что мир с Германией заключен. Но грозная весть, распространенная ранее, уже возымела действие. Пришли в движение не только те, кто был готов защищать Петроград. Тысячи людей бросились на Невский, к Пассажу; за разрешением на выезд. Другие, потеряв надежду получить документы, стали покидать город пешком. Третьи ринулись к вокзалам, надеясь силой овладеть поездами.

В те дни на Петроград обрушился поток демобилизованных солдат старой армии. Среди них были и такие, кто оставил фронт по приказам о демобилизации, изданным до немецкого наступления. Другие бежали, поддавшись панике. Каждый увиденный на прифронтовой станции поезд, каждый порожний вагон они брали с бою. «Домой! На Питер! На Москву! На Кавказ! За Урал!» Среди них были не только честно, до дна испившие чашу войны. Был и деклассированный элемент, накипь армии и революции. Эти заприметили лишь одну сторону вой-

ны — власть силы. Ими предводительствовали белогвардейские офицеры и анархистские вожаки.

Было крайне важно разгрузить Петроград от столь опасного элемента, науськиваемого и используемого врагом. Но транспорта не хватало. Предстоял переезд правительственных учреждений. Железнодорожная Красная гвардия получила приказ действовать силой, чтобы сдержать мутный поток, выбрасываемый фронтом, и дать возможность транспорту работать в интересах республики. И опять к Николаевскому вокзалу пришлось вызывать броневики...

11

В Бресте ни восторженных речей, ни рукопожатий не было.

3 марта в два часа тридцать минут участники мирной конференции собрались в последний раз, чтобы подписать соглашения. Быстрой мелкой вязью расписался Георгий Чичерин, размашисто — Григорий Петровский. Затем немцы, австро-венгры, болгары, турки.

— Желает ли кто высказаться? — спросил председатель австриец фон Мерей.

Ответа не последовало.

В пять часов пятьдесят две минуты Брест-Литовская мирная конференция закрылась.

Еще на утреннем заседании советская делегация огласила заявление своего правительства: Брестский договор — не «мир соглашения», а ультиматум, продиктованный с оружием в руках; это «мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия»...

Немецкие дипломаты сделали вид, будто удивлены столь «резким тоном» заявления. Они «надеялись услышать только мирные и спокойные речи». Но разве могли быть такие речи? Германское командование продолжало грубо нарушать договоренность: немецкие войска торопились занять выгодные рубежи для новых атак против Петрограда. «Нет тени сомнения для меня, что немцы подготавливаются за Нарвой... Под Псковом немцы собирают свою регулярную армию, свои железные дороги, чтобы следующим прыжком захватить Петроград»,— говорил В. И. Ленин 7 марта 1918 года.

В этих условиях необходимость переезда правительства оставалась столь же острой.

...Начальник штаба Высшего военного совета республики М. Д. Бонч-Бруевич (брат управляющего делами Совета Народных Комиссаров, в прошлом генерал) три раза в неделю делал личные доклады Ленину. 4 марта в обычное время приехал в Смольный. Особое внимание он обратил на обстановку в районе Финского залива. Донесения разведки и появление немецкого флота на Балтике свидетельствовали о том, что немцы готовят высадку морского десанта в Финляндии. Лед в верхней части Финского залива пока непроходим, но весна не за горами. С высадкой десанта Петроград будет окружен не только с суши, но и с моря.

Наштаверх высказал мнение, что находящееся в Петрограде правительство является как бы магнитом для немцев. Они отлично знают, что столица не защищена с севера.

Ленин слушал спокойно, сосредоточенно. Когда Бонч-Бруевич кончил, Владимир Ильич испытующе посмотрел на него.

— Где же, по вашему мнению, должно находиться правительство?

— В Москве, Владимир Ильич.

Ленин задумался, встал из-за стола и начал ходить по кабинету.

— Дайте мне об этом письменный рапорт.

Бонч-Бруевич сел за стол Ленина и написал:

«ДОКЛАД

Германцы занимают Псков и, вероятно, в ближайшее время утвердятся в Нарве. При такой близости неприятеля считаю необходимым доложить, что правительству надлежит теперь же уехать из Петрограда, например в Москву.

Отъезд правительства в данную минуту вытекает из обстановки; отъезд под угрозой германцев будет носить характер бегства и потому нежелателен.

Член Высшего Военного Совета
М. Бонч-Бруевич

4 марта 1918 года
г. Петроград».

Ленин подтвердил ранее принятое решение: ехать.

12

Председатель исполкома Николаевской железной дороги Павел Осипович Осипов и комиссар вокзала Петр Григорьевич Лебит еще раньше получили приказание скрытно сосредоточить в Петрограде три состава поездов для переезда правительства. Один, вызванный из Москвы, поставили на Портовую ветвь. Другой состав железнодорожники подготовили на станции Обухово, за Петроградом. Его ночью тоже подали к морскому порту. Третий взяли «взаймы» у Северо-Западной дороги и переправили на Портовую ветвь. Но подъезды к ней со стороны Смольного были затруднены. Железнодорожники решили перебазировать все три состава на другую платформу.

...Ночью 4 марта Петра Лебита и Павла Осипова вызвали на Фонтанку к наркому путей сообщения Владимиру Ивановичу Невскому.

Владимир Иванович сидел за столом, заваленным бумагами и железнодорожными справочниками. Тут же стоял недопитый стакан чаю и солдатский котелок, прикрытый газетой.

— Первый поезд прошу подготовить к отправке в ночь на 7 марта,— сказал Невский.— В Москву уезжает Народный комиссариат путей сообщения. Время отхода прошу сохранять в тайне...

13

«Сохранять в тайне...» Это было уже невозможно.

Вечером 4-го и утром 5-го советские газеты опубликовали извещение Совета Народных Комиссаров: договор, подписанный в Бресте, подлежит ратификации, то есть окончательному утверждению. Это зависит от Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Согласно решению ВЦИК съезд соберется в Москве...

«Едут...»

Для контрреволюционного подполья это стало сигналом: «Действовать!»

5 марта с Центрального телеграфа в ряд крупных городов страны ушла телеграмма: власть Совета Народных Комиссаров свергнута, издан закон о возвращении земель помещикам. На петроградских улицах появилось

воззвание, якобы исходящее от городского Совета: «Правительство уезжает, Петроград объявляется вольным городом...»

Цель — взвинтить обывателя, укрепить его во мнении, будто положение правительства непрочно и оно «бежит».

Исполком Петроградского Совета приказал срывать фальшивки, а лиц, расклеивающих воззвания, судить по законам революции. «Красная газета» вышла со статьей «Рано пташечки запели». Напрасно буржуазия радуется, напрасно надеется, что с отъездом правительства Петроградом снова будет править городская дума и опять будет рай для буржуазии. Все останется как было — повсюду власть рабочих и крестьян!

14

В те дни готовился не только переезд правительства. Было принято решение начать усиленную эвакуацию петроградской промышленности.

Казалось бы, зачем теперь увозить заводы, фабрики? Мир был подписан. Верховный главнокомандующий отдал приказ: «Прекратить военные действия, оставаясь на занимаемых в настоящий момент позициях». Но приказ не мог быть выполнен, ибо на некоторых направлениях, в том числе под Петроградом, как уже говорилось, немецкие войска продолжали наступать. К тому же не было уверенности, что рейхстаг ратифицирует брестские соглашения. В Германии в любую минуту могла взять верх партия войны. Следовало считаться и с тем, что продолжалась дезорганизаторская деятельность Троцкого и «левых» коммунистов, а это могло затруднить ратификацию договора предстоящим съездом Советов. Если ратификация будет сорвана, то Петроград окажется под более сильным натиском врага. Вот почему ЦК партии пришел к выводу: до ратификации форсировать разгрузку Питера.

15

В конце февраля посол Френсис, получив информацию о положении в советской столице и закончив там свои дела, тайные и явные, отправился в Вологду. Раймонд Робинс все еще оставался в Петрограде.

5 марта в Смольном полковнику Робинсу подготовили следующий документ:

Народный комиссар
по иностранным делам
№ 176
5 марта 1918 г.
г. Петроград

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Вагон № 447, находящийся в распоряжении Американской Миссии Красного Креста для России, имеет право свободного передвижения во всех направлениях согласно указаниям полковника Американской Миссии Красного Креста для России Р. Робинса.

...Прошу все дорожные организации оказывать всяческое содействие в выполнении сего.

По поручению народного комиссара
по иностранным делам *(подпись)*

Чем же было вызвано такое внимание?

В тот день Советское правительство решило обратиться к Соединенным Штатам Америки с нотой, которая должна была многое прояснить и поставить все точки над «и» в той «двойной игре», которую вел Дэвид Френсис и в которую после отъезда Чичерина в Брест включился даже «самый непримиримый» Нуланс. Уже с пути, уже «хлопнув дверью», Нуланс 26 февраля на всякий случай прислал в Наркоминдел телеграмму: «В вашем сопротивлении Германии вы можете рассчитывать на военное и финансовое содействие Франции». Через Робинса продолжали поступать заявления примерно такого же рода.

Не имея оснований доверяться словесным заявлениям антантовских дипломатов и желая знать точно, чего можно ожидать, если новая война с Германией станет неизбежностью, Советское правительство решило обратиться через посла Френсиса к правительству США.

«В случае, если Всероссийский съезд Советов откажется ратифицировать Мирный договор с Германией или если германское правительство, нарушив Мирный договор, возобновит наступление с целью продолжить свой грабительский набег или, если Советское Правительство вынуждено будет действиями Германии отказаться от Мирного договора, до или после его ратификации, и возобновить военные действия,— во всех этих случаях для военных и политических планов Советской власти в высшей степени важно получить ответ на следующие вопро-

сы: 1. Может ли Советское Правительство рассчитывать на поддержку США, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии...» Совет Народных Комиссаров запрашивал, какого рода поддержка может быть оказана в ближайшем будущем и каким образом — военным снаряжением, транспортными средствами, субсидиями и продовольствием, какую помощь готовы оказать сами США.

Дальше подчеркивалось: эти вопросы обусловлены само собой разумеющимся предположением, что «внутренняя и внешняя политика Советского Правительства будет как и раньше направляться в соответствии с принципами интернационального социализма и что Советское Правительство сохранит свою полную независимость ото всех несоциалистических правительств».

Ноту вручили Робинсу. В тот же день американца принял Ленин. Он ответил на вопросы, возникшие в связи с нотой. Раймонд Робинс хотел быть уверенным, что ратификация Брестского договора не состоится до того, как правительство Соединенных Штатов Америки даст ответ...

6 марта Раймонд Робинс уехал для встречи с послом.

16

Поздним вьюжным вечером к Петрограду подходил московский поезд. Ехали мешочники, солдаты, армейские и флотские начальники нарождавшейся Красной Армии и Красного Флота, командированные (это слово входило в обиход). Пахло прелью портянок, сыростью сапог и шинелей. У окна сидела молодая женщина, спрятав руки в дешевую меховую муфточку. Рядом — молодой человек в студенческой шинели и фуражке с синим околышем. Оба то дремали, опустив голову на грудь, то незаметно переглядывались. Каждый, кто смотрел на них, вызывал тревогу: не чекист, не комиссар ли семьдесят пятой?

В октябре 1917 года «левые» эсеры блокировались с большевиками. Их представители тогда вошли во ВЦИК, СНК и в местные Советы. Но и тогда, как было метко замечено, «левые» эсеры «без пяти минут поспевали за большевиками». То и дело говорили: нет, с этим мы не согласны, это для нас не подходит, то круто, то либераль-

но. Что касается программы мира, сначала они в принципе поддерживали большевиков. Потом стали хмуриться. А кончили тем, что потребовали: никаких подписей в Бресте!

Когда немцы двинулись на Петроград, когда лучшие силы пролетариата отправились под Псков и Нарву, кровью и мужеством преграждая путь врагу, газета «левых» эсеров «Знамя труда» выступила с призывами: долой «государственную войну», да здравствует партизанское восстание в тылу немецких войск!

Громкий клич к восстанию, а на деле — политическое отчаяние и надрыв, удар в спину тем, кто действительно борется с врагами революции, отстаивает Отечество социализма и делает это трезво, мужественно, геройски, с политическим предвидением и реализмом,— вот что означал призыв к восстанию.

К концу февраля 1918 года правые и «левые» эсеры еще находились на разной ступени предательства. «Левые» эсеры под видом борьбы с Брестом активно выступили позднее — организовали в июле антисоветский вооруженный мятеж. Правые опередили их, начав борьбу с Советской властью еще в 1917 году. Но, понимая, что широкой поддержки в массах не получат, прибегли к тайным заговорам и индивидуальному террору.

В середине февраля петербургский комитет партии эсеров на секретном заседании принял решение подготовить нападение на В. И. Ленина, якобы в знак протеста против брестских переговоров. Для согласования этого с центральным руководством партии в Москву выехали двое доверенных — те, на кого было возложено совершить покушение.

Двое, студент и барышня, ездившие в Москву и уже тренировавшиеся в стрельбе (где-то за городом), Петр Ефимов и Лидия Коноплева, теперь возвращались в Петроград.

Несколько суток Ефимов и Коноплева бродили по Петрограду, разузнавая, где бывает Ленин. Проникли и в Смольный. Но попасть в кабинет или встретить Ленина в другом месте не смогли. То ли показалось или действительно так было: им все время встречались двое молодых парней в коротких пиджаках и кожаных фуражках... Покушение не состоялось.

В начале марта, когда стало известно, что Совнарком

переезжает в Москву, эсеровское подполье решило, что наступило самое время действовать.

...Вечер. Явочная квартира. Окна тщательно завешены. У стола под оранжевым абажуром сидят трое. Один — худой, хмурый, с длинными, зачесанными назад волосами. Другой — краснолицый, с белесыми бровями, говорливый. Между ними — сутулая женщина, с седеющими волосами. Это были члены петербургского комитета эсеров Шаскольский, Брюллова-Шаскольская, Эстрин. Чуть поодаль разместились Коноплева и еще двое. Председательствовала Брюллова-Шаскольская. Она говорила примерно то же, что Коноплева слышала неделю назад в Москве. «Либо полная капитуляция перед большевиками, либо применение самых крайних мер». Необходимо воспользоваться моментом и организовать крушение поезда Совнаркома. Начали обсуждать план диверсии. Одни предлагали взорвать паровоз или железнодорожное полотно, другие — облить маслом рельсы, остановить поезд, третьи — взорвать «американский» железнодорожный мост через Обводный канал.

Решили использовать все способы. Какой удастся. На Коноплеву возложили разведывательные обязанности. Поручику Тисленко, которому удалось пробраться на службу в один из штабов Красной Армии, приказали достать шесть пудов динамита...

17

6 марта в Таврическом дворце открылся VII экстренный съезд партии. Главный вопрос — война и мир. С докладом выступил Ленин. Он оперировал доводами революционной политики, расчетами экономиста, фактами историка, наблюдениями психолога, донесениями военной разведки. Он поднимался на трибуну много раз, доказывая, что брестские соглашения надо ратифицировать, что за Брестом последует полоса подъема, собирания сил, углубления корней Советской власти, а значит, непобедимость ее.

Съезд признал необходимым утвердить мирный договор.

18

О намерении эсеров взорвать поезд, в котором поедет Ленин, узнали чекисты. Тотчас к Владимиру Ильичу отправился Бонч-Бруевич.

— И что же, мы все-таки поедем? — спросил Ленин, выслушав доклад.

— Конечно...

— Гарантируете вы нам благополучный проезд?

— Предполагаю, что проедем спокойно, так как я целой системой мер и действий думаю совершенно парализовать террористические замыслы эсеров.

Бонч-Бруевич рассказал о том, что уже сделано и предполагается сделать. Ленин одобрил.

19

Если пришлось бы придумывать название железнодорожной станции, с которой Ленин и правительство, завершая один из великих периодов в истории России и открывая новый, отправятся в Москву, то лучшее, чем было на самом деле, не придумаешь: Цветочная площадка! Название поистине символическое!

Примерно за неделю до отъезда Совнаркома Бонч-Бруевич прибыл на Цветочную, чтобы осмотреть платформу и местность вокруг. Его сопровождал бессменный адъютант комиссар семьдесят пятой Михаил Цыганков. Место понравилось: окраинное, среди глухих улиц, где преимущественно живет работящий питерский народ. И вместе с тем подъезд хороший.

Бонч-Бруевич сказал Цыганкову:

— Надо поручить нескольким нашим товарищам, чтобы они наведывались сюда. Всю местность осветить... Понятно?

— Ясно!

Обеспечивая одну из самых конспиративных операций, комиссары семьдесят пятой ходили вокруг Цветочной и все примечали. Ходили небритые, оборванные — ни дать ни взять безработные. «Исколесили буквально все улицы, переулки и закоулки этой окраины»,— рассказывал Бонч-Бруевич. Подолгу сидели в трактирах, чайных, мастерских, заводили разговоры о том о сем. И убедились: решительно никто не интересуется Цветочной площадкой, куда для пробы направили несколько вагонов.

20

Тем временем в Смольном не только упаковывали ящики. В адрес Ленина шли и шли телеграммы, письма. Их нужно было готовить для доклада Владимиру

Ильичу. Вся революционная Россия была с Лениным, ее вождем... В таежном далеком Ишиме собрался первый уездный съезд Советов. Только недавно там установилась новая власть, и сибиряки торопились доложить Ильичу: «Доводим до вашего сведения — власть в руках совдепов. Наш уголок Сибири присоединяется к общей семье Советской социалистической республики». Горячий привет из Тамбовской губернии, заверение: «...верьте, дорогие товарищи, что не допустим контрреволюционной гидре капиталистов справлять кровавую тризну по Советской власти. Во всякое время с оружием в руках готовы по вашему зову выступить в защиту социализма». Телеграммы из Ставрополья, Смоленска, Алтая, Крыма с полным одобрением политики Совнаркома, Ленина, ведущих страну к миру.

6—8 марта Владимир Ильич большую часть времени проводил в Таврическом, на съезде партии. Но в часы перерывов, рано утром или поздно вечером, приходил в свой кабинет, читал бумаги, выслушивал доклады, принимал наркомов... Поздно ночью Ленин оставался один, продолжая работать, готовя документы к заседаниям съезда, для печати, для очередных заседаний Совнаркома.

21

В двенадцать часов двадцать минут ночи на 9 марта, закрыв последнее заседание партийного съезда, Яков Михайлович Свердлов попрощался с Лениным, с членами ЦК и вскоре покинул Таврический дворец. Он прошел на улицу через бывший министерский павильон, занесенный снегом, и сел в автомобиль.

— В Смольный, а потом на вокзал...

Председатель ВЦИК должен был торопиться в Москву: там назначен IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. За съездом последнее слово: быть или не быть Брестскому миру.

...На Николаевский вокзал подали два пассажирских поезда: один из синих царских вагонов, другой обычный. Даже дежурившие при входе на платформе красногвардейцы на сей раз оказались словоохотливыми. Их спрашивали вокзальные старожилы-солдаты:

— Кто же в царских-то поедет?

Красногвардейцы отвечали:

— Высшая рабоче-крестьянская власть, члены ВЦИК.

На вокзале появились депутаты — рабочие в картузах, крестьяне в овчинных полушубках и зипунах, в яловых сапогах или валенках.

Появились и левоэсеровские и меньшевистские лидеры. Они выделялись и одеждой и манерами — большей частью длинноволосые, в черных широкополых шляпах. Прохаживались по платформе нарочито приметно.

Члены ВЦИК всех фракций имели на руках пропуска, где был поставлен номер вагона и номер места.

Когда посадка закончилась, оказалось, что в каждом вагоне сидят депутаты всех фракций: большевиков, «левых» эсеров, меньшевиков. Причем в первом вагоне — преимущественно лидеры оппозиционных партий.

Поместив левоэсеровских и меньшевистских лидеров в головном вагоне, рассредоточив депутатов этих фракций по всему поезду, Бонч-Бруевич был уверен, что правоэсеровские террористы не станут взрывать поезд, в котором едут депутаты партий, находящихся в оппозиции к большевистской власти!

Второй поезд был предназначен для служащих различных наркоматов и других правительственных учреждений.

Перед отходом первого поезда к Николаевскому вокзалу подъехал крытый автомобиль. Вышел матрос, потом комиссар Михаил Цыганков, за ним Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, последним — Яков Михайлович Свердлов. Толпившиеся перед вокзалом военные и гражданские, случайные и не случайные, узнавали:

— Свердлов!

— Стало быть, ВЦИК в полном составе едет...

Свердлов и Бонч-Бруевич поднялись в головной вагон первого поезда. Поздоровались. Поинтересовались, как устроились. Как бы вскользь была брошена фраза: «Я еду в этом же поезде». Потом прошли во второй, третий вагоны, до конца состава. Вагоны сверкали огнями. Еще бы — царские! Впрочем, самый последний почему-то был темным. Багажный? Свердлов и Бонч-Бруевич зашли в него. И вышли. Только с обратной стороны. Там, где на платформе не было ни единого огонька!

Бонч-Бруевич провел Свердлова во второй поезд. На всякий случай, для безопасности.

Распрощались.

С интервалом в двадцать минут оба поезда ушли в Москву.

С каждой крупной станции поступали донесения: «Следуют по расписанию».

22

Вечером 9 марта Бонч-Бруевич приказал исполкому Николаевской железной дороги подготовить два пассажирских состава. Отправление поездов — 10 марта в двадцать один сорок пять. Поедут работники ряда комиссариатов, будет погружено имущество управления делами Совнаркома.

9—12 марта подробные разъяснения о причинах переезда Советского правительства для трудового Питера сделали «Правда» и «Известия». В передовой статье «Москва — столица» газета «Правда» писала: войска немецкого империализма все еще стоят на расстоянии трех переходов от Петрограда. Если правительство останется в этом городе, то будет во власти любого германского ультиматума, а это возможно в любой момент. Уезжая из Петрограда, правительство одновременно защищает и позицию революционной власти — покидает сферу, слишком подверженную немецкой военной угрозе, и одновременно город перестает быть мишенью для удара врага. Перенесение столицы в Москву покажет, что Советская власть одинаково прочна по всей стране.

23

В последнюю ночь пребывания Ленина в Смольном командир латышских стрелков Берзинь не спал ни минуты. Рослый, в длинной офицерской шинели и высокой папахе, с маузером в деревянной кобуре, он вышагивал от караульного к караульному, напоминал: «Глядите, товарищи, в оба! Может, этой ночью контра решила прощупать нас...»

Допоздна горели огни на третьем этаже в кабинете Ильича. Потом засветились окна ленинского жилья на втором этаже. И в ночь перед отъездом Ленин работал как обычно.

...Вражеские лазутчики рыскали по городу, чтобы проведать, откуда и когда поедет Ленин. Правые эсеры готовили взрыв поезда.

24

10 марта в двадцать один тридцать черный лимузин миновал ворота Смольного и, разбрасывая снежную пыль, врезался в темноту Лафонской площади.

В автомобиле ехали: Ленин, Крупская, Ульянова, Бонч-Бруевич.

Внезапно из темноты выскочил броневик. Он как бы прокладывал дорогу ленинскому автомобилю. У Литейного пристроился грузовик с латышскими стрелками.

— Заканчивается петроградский период деятельности нашей центральной власти. Что-то скажет нам московский? — тихо произнес Владимир Ильич.

Все молчали. Чувствовалось общее понимание важности момента.

— Столица государства через двести лет вновь переносится в Москву.

Так запомнился этот разговор Бонч-Бруевичу.

На Литейном тоже не было огней и царило безмолвие. Ленин откинулся на спинку сиденья и пальцами сжал веки. Спутники тихо переговаривались. Ленин отвечал, когда его спрашивали, иногда включался в общий разговор, но чувствовалось: его мысли занимает другое...

Черный лимузин пересек Невский, проскочил под огромной аркой Московских триумфальных ворот и вырвался на широкое заснеженное шоссе. Поворот налево. Фары погасли. Внезапно с двух сторон дорогу перекрыли комиссары из семьдесят пятой. Машина остановилась. Комиссары вскочили на подножки, осветили фонариками пассажиров. Увидев Ленина, разрешили шоферу ехать дальше.

Вскоре показалось железнодорожное полотно. Возле вагонов стояли проводники в синей суконной форме. Они держали керосиновые фонари с зелеными, красными и желтыми стеклами. Внутри вагонов кое-где мигали свечи.

В назначенный час, минута в минуту, ленинский поезд (он значился у железнодорожников под кодом «4001»), охраняемый латышскими стрелками, ушел с Цветочной.

25

— Что же, мы так и будем сидеть во тьме? — спросил Владимир Ильич, когда в салон-вагон вошел Бонч-Бруевич.

— Нам бы только выйти на главные пути. У нас везде электричество,— ответил Бонч-Бруевич и тут же зажег лампочку на столике.

— Вот это хорошо!

«Владимир Ильич так обрадовался свету,— вспоминал Бонч-Бруевич,— что я не решился закрутить лампочку, задернул вплотную занавеси на окнах и так со светом в салон-вагоне, правда, вряд ли проникавшим через шторы, мы двигались далее.

Как только мы вышли на главные пути и пошли, усиливая ход на Любань, тотчас же поезд осветился...

У Владимира Ильича собрались товарищи, и мы принялись пить чай. Весело шла наша беседа. Владимир Ильич шутил, смеялся и, видимо, был доволен строгой, чисто военной организацией, дисциплиной латышского отряда, начальник которого как из-под земли вырастал после каждой станции с рапортом, что поезд прошел такую-то станцию и что на станции и в поезде все благополучно. Караулы сменялись, как полагается, через каждые два часа. Все делалось... по-военному.

Владимир Ильич утомился и решил идти спать в отдельное купе, ему приготовленное».

26

Спать?..

То, о чем Ленин думал еще в автомобиле, когда машина бежала навстречу тревожному безмолвию ночи, что пришло тогда на память, легло сейчас в правом верхнем углу небольшого листка бумаги:

«Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь!»

Ленин, почти не останавливаясь, стал писать дальше, склонившись над маленьким столиком, освещаемым лампочкой под абажуром. Стучали колеса, за окном свистел ветер, иногда слышались гудки паровоза. Они разносились далеко в звонкой сухой тишине леса, пронизанного морозом и наполненного ночной мглой.

Мысль Ленина была о России, ее минувшем, настоящем, будущем. Не той России, которую лицемерно оплакивали наемные плакальщики. А о России борющейся, творящей, делавшей один из самых великих, самых труд-

ных поворотов в истории, «из бездны страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира». Ленин с гордостью писал о всемирно-освободительном значении подвига, который совершила революционная Россия. В несколько дней она разрушила одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. В несколько недель свергла буржуазию. В несколько месяцев большевизм прошел победным, триумфальным шествием из конца в конец громадной страны и начал широко задуманную систему социалистических преобразований. Новая Россия пробудила веру в свои силы и зажгла огонь энтузиазма в сердцах миллионов рабочих всех континентов, бросила вызов империалистическим хищникам. Подняла знамя мира и социализма над всей планетой. Ленин писал о сложностях обстановки, с горечью отзывался о Брестском мире, обосновал не только неизбежность его, но и ту перспективу, которая открывалась для страны, вырывавшейся из пучины войны.

Ленин мысленно вновь спорил с теми, у кого на крутых поворотах истории кружилась голова, кем овладевало отчаяние, кто искал спасения под сенью красивой, увлекательной фразы. Призывал всегда беречься от самообмана, необоснованных восторгов и вместе с тем не предаваться унынию. Звал к борьбе, к труду. Взвешивал как на ладони все то, что есть прекрасного и великого в уже созданном, и рисовал картину будущего. Он как бы говорил: смотрите, как гигантски богата наша родина и природными кладовыми, и запасами человеческих сил, какой размах дала народному творчеству великая революция!

Но страна еще лежала в руинах, разруха охватила ее хозяйственный организм, старое с треском и шумом надламывалось, рушилось, новое нарождалось в муках. Россия еще только вступала на дорогу мира, да и он еще был непрочный. А Ленин уже видел, верил: новая Россия будет поистине могучей и обильной. Русь станет таковой!

Для этого нужно, напрягая каждый нерв и каждый мускул, «собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над

укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил...»

Поезд мчался, разрезая прожектором синюю мглу. Пассажиры — наркомы, курьеры, секретари, машинистки — давно уже спали. Бодрствовали только караульные на паровозном тендере, на леденящем, прожигающем насквозь ветру, да караульные в тамбурах вагонов. И работал Ленин.

Статья, которую Владимир Ильич написал, называется «Главная задача наших дней». Это одно из самых поэтических созданий Ленина-публициста. Это то, что писалось «одним дыханием». Это то, что потребовало оценки концентрированной. И не только умом государственного деятеля, но и сердцем. Возможно, именно поэтому Ленину пришли на память некрасовские строки, столь точно отвечавшие настроенности, духу и биению пульса жизни, тому, что виделось в последние недели в Питере и вокруг.

Когда, раскрыв ленинский томик, вы встретите страницы с эпиграфом из некрасовских строк, пусть возникнет перед вами Петроград конца февраля — начала марта 1918 года. Пусть явятся перед вами воззвания на ледяных стенах домов: «Социалистическое отечество в опасности!» — и машинописные афишки: «Россия продана немцам». Невский проспект с транспарантами: «Петроград защитим!» — и Невский, сияющий эполетами и генеральскими кокардами. Колонны красногвардейцев, идущих на фронт, и ораторы на Знаменской площади. Вспомните комиссаров семьдесят пятой и эсеровских террористов, рыскающих по городу. Георгия Чичерина, ставящего подпись в Бресте, и немецкие войска, ночью 4 марта атакующие Нарву. Ленина на трибуне Таврического дворца и эшелоны, увозящие из Петрограда станки, железо, золото, ротационные машины. Поезд ВЦИК с Николаевского вокзала и поезд Ленина с Цветочной. Вы согласитесь, как был точен Ленин при выборе эпиграфа, отвечавшего тому, что было в те дни, и тому, что угадывалось впереди. Представьте Ленина, склонившегося над столиком тесного вагонного купе и размышляющего о судьбах России, о ее призвании в делах внутренних и внешних. Вам наверняка передастся взволнованность Ильича. И вы почувствуете всю необычность, заключен-

ную в тех ленинских страницах, которые озаглавлены: «Главная задача наших дней».

Под статьей-размышлением Ленин поставил дату: 11 марта 1918 года. Он закончил ее писать, видимо, утром.

Ленин подвел итоги «питерскому периоду» Советской власти, когда мир был провозглашен, в муках и в подвигах завоеван и когда открывался «московский период», чтобы, став на дорогу мира, Советская Россия отправилась в новый гигантский поход.

27

На одной из станций Бонч-Бруевич получил секретную депешу: перед отходом первого совнаркомовского поезда с товарных путей Николаевского вокзала проскочил эшелон с матросами. В нем неспокойно. К тому же эшелон мешает движению правительственных поездов. Последовал приказ: отвести эшелон на запасные пути ближайшей станции.

К утру «4001-й», окутанный паром, подошел к Малой Вишере.

Эшелон с демобилизованными уже более часа стоял на запасных путях. Над теплушками клубились дымки от «буржуек», валил пар из полуоткрытых дверей. Слышался гам, ругань, толчея... Перед вагонами стояли люди в матросских бушлатах, шинелях, кто в узких венгерках, перехваченных у талии ремнями, а кто в пальто с бархатными воротниками. Почти у каждого на поясе висело несколько гранат, за плечами — винтовки и карабины. Большая группа вооруженных стояла на перроне, возбужденно толкуя о том, почему задержали их состав.

Как только матросы узнали, что эшелон ставят на запасные пути, человек десять — двенадцать с предводителем — высоченного роста блондином в перешитой шинели и в шевровых штиблетах с кожаными крагами — ворвались к дежурному по станции и подняли шум:

— Если раньше дадите паровозы для комиссарских поездов, всех перестреляем!

Комиссар станции Василий Васильевич Яковлев успел вызвать из депо вооруженных рабочих (там был небольшой отряд Красной гвардии), собрать дежуривших милиционеров, приказать вооружиться рабочим при багажной кассе. Начальнику станции приказал дать теле-

грамму коменданту поезда «4001» об опасности. А сам незаметно пошел вдоль эшелона.

Яковлев был опытным человеком. Солдат-фронтовик, в дни Октября вызванный в Смольный, прошел там комиссарскую школу. Затем его послали на железную дорогу — укреплять революцию. Яковлев впоследствии подробно рассказал о том, что случилось в то памятное утро.

Стоявшие возле теплушек матросы заметили Яковлева, но не знали, кто он. Строго допросили:

— Чего тебе здесь надо?

— Осматриваю буксы, не видишь! — и двинулся дальше. А слух был обострен. Прежде чем действовать, решил в точности узнать, что затевается.

Голоса в теплушках:

— Надо посмотреть, кто там едет. Мы их прощупаем.

— Мы первыми приехали, нам первый и паровоз!

— Наверняка везут коньяк и спирт...

— Тут главное — ручной гранатой действовать!

— Золотишко тоже, наверное, при себе...

— Золотишко, коньяк... Дальше носа не видишь. Россию продали, вот в чем суть.

Возня, ругань, крики.

Эшелонные — народ разношерстный. Одни спешат домой, другие — мародеры, у третьих, которые верховодят, разработан план. Не исключено, что в этот вооруженный муравейник затесались белогвардейские и эсеровские боевики-террористы, посланные заговорщиками.

Возвращаясь к вокзалу, Яковлев подсчитал, какими силами располагает — два-три десятка вооруженных людей,— и решал, как же действовать. Самим не справиться. Надо ждать прибытия «4001», а там — латышские стрелки.

Как только «4001» прошел входные стрелки, предводитель эшелонных махнул рукой и крикнул:

— Пошли!

Матросы и солдаты, бывшие на платформе, мигом разделились на две группы, человек по сорок, и разместились в конце и начале перрона. Стали спешно вставлять запалы в гранаты. Другие побежали к эшелону за подкреплением.

Яковлев приказал вооруженным железнодорожни-

кам оставаться на месте и ждать. Сам побежал к поезду, который уже тормозил:

— Срочно позовите коменданта...

Солдат из латышских стрелков юркнул в глубину вагона. Тотчас появился Бонч-Бруевич. Рядом выросли Берзинь и Цыганков.

Яковлев доложил о случившемся. В ответ услышал слова, которые хорошо запомнились:

— Нам можно тридцать раз умереть, а Совет Народных Комиссаров обязаны защитить!

Яковлев спросил, не вызвать ли товарища Ленина. Может, он успокоит матросов. Бонч-Бруевич ответил: Владимир Ильич только что уснул. «Будить не буду. Сами пойдем попробуем».

Внезапно затрещали пулеметы. Это — с тендера. Очевидно, эшелонные пытались захватить паровоз. Берзинь дважды выстрелил в воздух. Тотчас с крыш совнаркомовского поезда отозвались пулеметы — красноватые вспышки появились в середине и в хвосте состава. Но стрельба велась вверх. Только для острастки! И все же эшелонные не устояли...

Тем временем наседали латыши. Одна группа стрелков с двумя пулеметами побежала к вокзалу, на помощь железнодорожникам. Другая с несколькими пулеметами устроилась на перроне и стала очищать его от матросов, явно растерявшихся при виде латышских стрелков. Никто из них, видимо, не ожидал столь решительных действий. Начали разбегаться, кто в сторону, падая в сугробы, кто к своему эшелону.

Но с тыловой стороны другие матросы пытались прорваться в вагоны совнаркомовского поезда.

Бонч-Бруевич, Берзинь и Цыганков перешли на другую сторону поезда. Туда же направили главные силы латышских стрелков. В несколько минут все ступеньки вагонов были очищены. Осталось последнее — разоружить эшелонных. Берзинь двинул свой отряд к товарному поезду. Метрах в ста от него расположил цепью на снегу.

Некоторые эшелонные с тревогой выглядывали из теплушек, ожидая, что будет. Другие стали прятаться под вагонами, третьи небольшими группами выстроились возле поезда. Блондина-вожака здесь уже не было. Очевидно, понял, что дело проиграно, и скрылся.

— Сдать всем оружие! — приказал Бонч-Бруевич.— Не сдадите добровольно, прикажу стрелять.

Двери ближайших вагонов мгновенно закрылись. В других теплушках началась возня, потом показались стволы винтовок и карабинов. Матросы, стоявшие на путях, ближе сошлись друг к другу.

— Вы должны меня знать. Я Бонч-Бруевич. За нашим поездом следует еще полк латышских стрелков и два эскадрона кавалерии. Если оружие не сдадите, все будете арестованы и преданы суду.

Но и эта угроза не подействовала. Тогда Бонч-Бруевич повернулся к Берзиню и сказал:

— Именем рабоче-крестьянского правительства приказываю разоружить всех позорящих Советскую власть!

О том, что произошло дальше, рассказал бывший латышский стрелок А. П. Жилинский.

...Берзинь выдвинулся вперед, по-военному скомандовал:

— По вагонам! Даю десять минут!

— Насилие! К чертовой матери! В гранаты их, братва! — взбурлили ответные голоса.

Берзинь сохранял спокойствие. Вынул часы, посмотрел и крикнул:

— Осталось шесть минут. Граждане, поторапливайтесь!

— Не дрейфь, не посмеют латыши колоть штыками.

— Осталось четыре минуты. Готовьсь!

Пулеметчики мгновенно прижались к земле, широко разбросав ноги, крепко стиснув рукоятки, медленно стали разворачивать тупые рыла пулеметов в сторону разрозненных групп. Это решило все. Словно завороженные, передвигая внезапно отяжелевшие ноги, с яростными возгласами и руганью матросы стали расходиться. Когда пути были очищены, Берзинь подал новую команду: «Закрыть вагоны!»

Михаил Цыганков бросился к теплушкам. Рукоятью револьвера ударял по дверям. Те открывались. Быстро влезал в теплушку и оттуда рапортовал:

— Так что здесь все вооруженные...

Приходили стрелки и повторяли приказ: сдать оружие. Перед вагонами вырастали груды винтовок, гранат, патронов. Железнодорожники относили их в последний вагон...

28

Около восьми часов вечера «4001» прибыл в Москву. Его приняли на первую платформу Николаевского (ныне Ленинградского) вокзала. Никакой официальной встречи не было. Владимир Ильич прошел на вокзальный двор, сел в автомобиль и отправился в гостиницу «Националь». Весь вечер Ильич провел в кругу московских товарищей, старых партийцев. Говорили о новой столице, о Брестском мире, предстоявшем съезде Советов, о неотложных делах правительства.

Тем временем Михаил Цыганков расставил у комнат В. И. Ленина караулы — своих товарищей по семьдесят пятой. Один из комиссаров отправился в редакцию «Известий». Ленинскую статью «Главная задача наших дней» немедленно сдали в набор.

29

...Утро было солнечное. Таял снег. На Москве-реке всплывали льдины.

Около двенадцати часов Ленин, Свердлов, Крупская и Бонч-Бруевич подъехали к Троицким воротам Кремля. Там стояли часовые.

— Кто едет?

— Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин,— громко сказал Бонч-Бруевич и показал пропуска.

Начальник караула сделал два шага назад, отдал по-военному честь. Владимир Ильич приветливо улыбнулся и приложил руку «под козырек».

Автомобиль въехал в Кремль. Там еще виднелись следы октябрьских боев — шрамы и выбоины в стенах и башнях. Валялись развороченные повозки, фуры, пушки. Машина остановилась у здания, где когда-то был суд и межевое присутствие. Владимир Ильич и его спутники вошли в подъезд...

В этом здании и разместились СНК и ВЦИК. В тот же день сюда вошли комиссары семьдесят пятой. Михаил Цыганков, назначенный комендантом, принялся осматривать чердаки, подвалы, налаживать охрану.

В тот же день было передано по радио за границу и по телеграфу для совдепов республики:

ПАРИЖ. ЛОНДОН. СОФИЯ. БЕРЛИН. НЬЮ-ЙОРК. ВЕНА. РИМ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ХРИСТИАНИЯ. СТОКГОЛЬМ. ГЕЛЬСИНГФОРС. КОПЕНГАГЕН. АМСТЕРДАМ. ЖЕНЕВА. ЦЮРИХ. ТОКИО. ПЕКИН. МАДРИД. ЛИССАБОН. БРЮССЕЛЬ. БЕЛГРАД. ВСЕМ СОВДЕПАМ. ВСЕМ. ВСЕМ. ВСЕМ.

Правительство Федеративной Советской Республики — Совет Народных Комиссаров и высший орган власти в стране — Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов прибыли в Москву.

Адрес для сношений: Москва, Кремль...

30

Революция, пройдя через Москву, уже в те дни сделала свои отметины: одно разворошила, другое обновила, третье создала заново. За несколько дней явились и приметы столичные. В Кремле, в гостиницах «Националь», «Метрополь» и других, где устраивались на новое житье Совнарком, ВЦИК, наркоматы и ведомства, засуетились, заработали комиссары масштаба всероссийского, депутаты и делегаты со всей Руси. Для всей России!

14 марта в здании бывшего Дворянского собрания у Охотного ряда (ныне Дом Союзов) открылось первое в Москве всероссийское советское депутатское собрание — IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. Колонный был украшен кумачом. В зале пестрота необычайная — в одежде, в облике людей: вся Русь Советская!

Съезд открыл Яков Михайлович Свердлов. Он предоставил слово для приветствия председателю Московского Совета Михаилу Николаевичу Покровскому.

— Московские рабочие,— сказал оратор,— рады видеть в стенах Москвы полномочное собрание, представляющее рабочую и крестьянскую революцию всей России...

Когда говорил Покровский, Ленин сидел не за столом президиума, а на небольшом диванчике, среди членов ЦК и наркомов. Он иногда вполголоса переговаривался с ними, что-то писал, положив тетрадь на колени.

Свердлов, отвечая на приветствие Московского Совета, поблагодарил товарищей за работу, проведенную по организации съезда, а потом добавил:

— Как ни тяжело нам было расставаться с красным Питером, мы можем быть уверены, что Москва будет не менее красной, чем Петроград.

Потом Свердлов стал зачитывать телеграммы-приветствия, полученные в адрес съезда. Он еще продолжал читать, когда Владимир Ильич, привстав, передал маленькую записку для председательствовавшего:

«Тов. Свердлов, 1) у меня письмо Вильсона. Нужно? 2) Когда мне говорить? Ответьте».

Свердлов быстро написал ответ и вновь обратился к делегатам:

— Среди полученных телеграмм имеется также приветствие от президента Американской республики Вудро Вильсона. Позвольте зачитать.

...Раймонд Робинс встретился с Лениным не то в Кремле до открытия съездовского заседания, не то в Колонном зале. Он передал послание американского президента советскому съезду. Ленин беседовал с Робинсом накоротке: звали дела. Вручая депешу Вильсона, Робинс на этот раз ничего не говорил о своем президенте. За те месяцы, которые прошли со времени первой встречи с Лениным, многое переменилось в мире, многое прояснилось и много новых открытий, видимо, сделал для себя и сам Робинс.

Послание Вильсона (своеобразный ответ на советскую ноту от 5 марта, которую полковник Робинс увозил в Вологду для Френсиса) состояло из медовой патоки, к которой был подмешан яд. Телеграмма президента имела одну цель: помешать ратификации Брестского договора. Но форма была избрана необычная — «пчелкин мед, а жальце в запасе».

Проект ответа Вильсону написал Ленин. Это было еще до открытия съезда. Теперь Ленин хотел знать, нужен ли Свердлову текст вильсоновской телеграммы. Но послание не понадобилось. Американский генеральный консул в Москве позаботился вручить такую же телеграмму и ВЦИК.

Свердлов зачитал сначала телеграмму из Вашингтона, а затем проект ответа.

Хотя цели Вильсона были ясны, Ленин решил использовать послание президента как повод, чтобы обратиться через голову правительства США к американскому народу, к народам всех стран.

И в Колонном зале зазвучало:

«...Ставши нейтральной страной, Российская Советская республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистской войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся».

Съезд утвердил ленинский проект ответа.

После этого слово получил Георгий Чичерин, как глава советского ведомства иностранных дел.

Чичерин был в черном штатском костюме с жилетом, в накрахмаленной рубашке с белоснежными манжетами. Это было ново для наркомовской среды. Там преобладали френчи или кожаные куртки поверх рубашек-косовороток. Но у Чичерина была особая служба, и она ко многому обязывала.

Прошло лишь три месяца после выступления Чичерина на III Всероссийском съезде. Тогда, в Питере, его встретили овацией. Теперь — по-деловому, молча, сосредоточенно, ожидая услышать весьма важное. В Питере перед съездом был политический эмигрант, недавно приехавший на родину и приобретший громкое имя в связи с необычайностью возвращения. Теперь — дипломат на государственной службе. Тогда — теоретик, только что окунувшийся в кипень российской революции, захваченный ее водоворотом и ожидающий, что вот-вот такое же начнется в Европе. Теперь — революционер, усвоивший, что революции не совершаются в заказанные сроки, переживший перелом от взглядов парижского дискуссионного клуба к политическому реализму практика. Дипломат, поставивший подпись под документом, поднявшим на дыбы многих и многих.

Чичерин изложил главные пункты брестских документов и закончил:

— Вот содержание договора, который нас заставили подписать, приставив ко лбу пистолет.

Еще слишком остро воспринималось все связанное со словом «Брест». Людей, которые видели за этой чертой светлеющий горизонт, с каждым днем становилось боль-

ше, но и тяжесть ноши, принятой в Бресте, сказывалась. Два года спустя, вспоминая эти мартовские дни, Чичерин дал более полную оценку брестской истории: «Советское правительство сознательно шло на тяжелые испытания... зная, что рабоче-крестьянская революция будет сильнее империализма и что передышка означает путь к победе».

Слово для политического доклада о ратификации мирного договора получил Председатель Совета Народных Комиссаров:

— Товарищи, нам приходится решать сегодня вопрос, который знаменует поворотный пункт в развитии русской и не только русской, а и международной революции...

Ленин призвал ратифицировать договор.

Потом были речи «за» и «против». Против выступил один из лидеров «левых» эсеров Камков. Против — меньшевик Мартов, «левые» левее левых. Опять были фразы «р-р-революционные», а за ними замыслы самые черные. «Левые» эсеры заявили, что не признают брестские соглашения и отзывают своих представителей из СНК.

На следующий день Ленин произнес на съезде заключительную речь. Зал ответил одобрительными возгласами и аплодисментами, когда Владимир Ильич назвал партию «левых» эсеров «мыльным пузырем». Влияние этой партии никогда не было значительным и окончательно исчезло, когда девять десятых России высказались за передышку, за политику большевиков.

Ленин говорил о великом повороте, который совершился в умах подавляющего большинства коммунистов. Этот поворот наглядно отметило голосование, состоявшееся накануне съезда во фракции большевиков. Абсолютное большинство делегатов-коммунистов высказалось за ратификацию мирного договора. Поэтому никакие злобные выпады врага уже не имели значения: «...Если бы завтра собрали все те ругательные слова, которые сыпались по нашему адресу от правых, почти правых, околоправых, левых эсеров, кадетов, меньшевиков, если их все собрать и напечатать, если получится сотни пудов, все это будет для меня весить, как перышко...» Он закончил призывом не дать увлечь себя в западню, имея в виду и тех охотников, которые были представлены в стенах Колонного зала, и тех, кто сидел «на колесах» в Волог-

де[1]. Он вновь потребовал ратификации мирного договора.

Делегаты сначала голосовали «за» или «против» поднятием руки. Потом поименно. (Решалась судьба России!) Это затянулось до глубокой ночи. Лишь к утру были подсчитаны голоса. За резолюцию, предложенную Лениным,— 784 голоса, против 261, воздержалось 115 (главным образом «левые коммунисты»).

16 марта по эфиру в разные концы света от одной станции к другой полетело: Россия вышла из войны, мирный договор вступил в силу!

31

25 апреля 1918 года Раймонд Робинс прислал Ленину письмо:

«...Я готовлюсь сейчас выехать из России в Соединенные Штаты... Позвольте мне воспользоваться случаем, чтобы выразить... твердую надежду, что Российская Советская Республика разовьется в прочную Демократическую Державу и что Ваша конечная цель — сделать Россию прочной экономической демократией — будет осуществлена.

Ваша пророческая проницательность и гениальное руководство позволили Советской власти укрепиться во всей России, и я уверен, что этот новый созидательный орган демократического образа жизни людей вдохновит и двинет вперед дело свободы во всем мире.

...Моим горячим желанием было принести пользу делу ознакомления американского народа с этой новой демократией, и я надеюсь продолжить усилия в этом направлении по возвращении на родину.

С признательностью, лучшими пожеланиями и глубоким уважением

искренне Ваш *Раймонд Робинс*»

30 апреля Ленин ответил:

«Дорогой м-р Робинс,

весьма благодарен Вам за Ваше письмо. Я уверен, что новая демократия, то есть пролетарская демократия,

---

[1] Дипломатический поезд, отправившийся 28 февраля из Петрограда за границу, дошел до Таммерфорса (Финляндия) и там оставался до середины марта. Как только антибрестская демонстрация утратила свое значение, господа союзные дипломаты возвратились в Россию и обосновались в Вологде.

установится во всех странах и сокрушит все препятствия и империалистско-капиталистическую систему в Новом и в Старом Свете.

С сердечным приветом и благодарностью преданный Вам

Ленин»

Робинс уезжал 14 мая.

К тому времени в Кремле уже все было обжито, все устроено.

Кабинет Ленина был залит майским горячим солнцем. Ильич работал. Перед ним лежала стопка бумаг. Колонки цифр, разграфленные таблицы, расчеты, экономические обоснования. Это были наметки плана экономических отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами Америки — документы, подготовленные ВСНХ.

Закончив читать, Ленин взял листок бумаги и написал Раймонду Робинсу: «...я надеюсь, что этот предварительный план может оказаться полезным для Вас при Вашей беседе с Американским Министерством Иностранных Дел и американскими специалистами по экспорту».

Робинс получил от Ленина и другой документ — мандат: всем представителям Советской власти оказывать американскому полковнику всяческое содействие при его возвращении на родину.

ПЕРВЫЕ — ВПЕРВЫЕ

1

В конце декабря 1917 года радио принесло из Петрограда известие, которое напечатали английские газеты: «Именем Советов рабочих и крестьянских депутатов гражданин Литвинов сим назначается временным уполномоченным Народного Комиссариата иностранных дел в Лондоне...»

В тот же день Максим Максимович Литвинов послал письмо в Форин оффис — британское министерство иностранных дел. Он известил о своем назначении и напомнил о том, что бывший российский посол Набоков лишен полномочий еще в прошлом месяце.

Литвинову ответил вице-министр иностранных дел лорд Гардинг. Королевское правительство, не признавшее новой власти в России, не может признать и ее посла. Но министерство иностранных дел готово сноситься с господином Литвиновым через специально на то уполномоченного чиновника.

Ответ Форин оффис не менял статуса Набокова. Прежний российский посол еще нужен был британской дипломатии, чтобы через него держать связь с контрреволюционными силами в России. Но и Литвинова не отвергали вовсе. Брестские переговоры лишь начинались, и дипломаты Антанты надеялись «удержать» Советы от мира с Германией. Это и продиктовало решение: на всякий случай поддерживать контакты с Литвиновым.

Первое, за что взялся советский полпред,— освободить Чичерина и других русских интернационалистов, томившихся в британских тюрьмах. Удалось осуществить и другое. Отныне ни один английский подданный, включая

и дипкурьеров, не мог въехать в Россию без визы советского полпреда. Только его подпись признавали на границе в Торнео, а затем в Белоострове.

В марте, однако, наступил финал брестских переговоров. Форин оффис счел, что нет надежд на соглашение с большевиками; контакты с Литвиновым стали эпизодическими.

2 сентября 1918 года ВЧК арестовала в Москве английского дипломата и международного разведчика Локкарта, готовившего вооруженный мятеж против Советского правительства. На квартиру Литвинова явились агенты Скотланд-ярда и увезли его в тюрьму. Только в октябре 1918 года он был отпущен в обмен на Локкарта.

Так закончилось первое лондонское посольство Литвинова.

Другие страны Антанты — Франция, США вовсе не принимали советских дипломатических представителей.

В конце 1917 года СНК назначил полпредом в нейтральную Швейцарию В. А. Карпинского. Но швейцарское правительство не признало полномочий Карпинского. Лишь в мае 1918 года в этой стране удалось открыть советскую миссию во главе с Я. А. Берзинем.

Женева в ту пору еще не была «столицей вселенной» — резиденцией Лиги наций. Страна напоминала курортно-дискуссионный клуб, где дипломатией занимались преимущественно скучавшие журналисты и «дипломаты», ни одно правительство не представлявшие. Берзин и его сотрудники читали, узнавали, что делается в мире, налаживали связи с представителями западноевропейских политических партий, с другими осведомленными людьми, докладывали в Москву. Это было очень важно. Но большая политика в Женеве пока не делалась.

Стокгольм и Берлин — вот где «красная дипломатия» смогла обосноваться и вести бои значительные, часто решающие.

2

Как открылся путь в Берлин?

В конце марта 1918 года в германском рейхстаге шли дебаты о ратификации мирного договора. Консерваторы, национал-либералы и другие пангерманисты уверяли, что в Бресте «еще не все сделано». Германская граница должна быть отодвинута к Пскову и Нарве, а на Украине

должно быть предоставлено «право» солдатам императорской армии выйти к морю.

Левые социал-демократы, отражавшие настроения немецких рабочих, выступали против захватнических планов магнатов Рура, биржевиков Берлина и юнкеров Пруссии.

— Да вы большевики больше, чем сами русские большевики! — бросали левым депутатам пангерманисты.

Но те парировали:

— То, что в ваших устах звучит как брань, для нас — честь. Да, мы солидарны с русскими рабочими и крестьянами. Мы тоже за право всех народов жить свободно!

В разгар прений в дипломатической ложе, где подремывали господа в наимоднейших сюртуках и накрахмаленных сорочках, появился рослый человек в простецком черном костюме и рубашке-косоворотке. Быстро занял отведенное ему кресло. Его тотчас заметили и в соседних ложах, и на депутатских скамьях, и на хорах, где хозяйничали репортеры: «Он?» — «Да, да, из Москвы... Первый».

Это был Петр Михайлович Петров, в прошлом питерский рабочий, один из русских интернационалистов, которые, оказавшись в Англии, выступали там против войны. Год назад он еще находился в тюрьме. Английской. Как и Чичерина, его освободили по настоянию Советского правительства. Возвратившись на родину, Петров стал работником Наркоминдела. Архивы сохранили документ, подписанный Владимиром Ильичем Лениным. В январе 1918 года Петров назначался «полномочным представителем Совета Народных Комиссаров с чрезвычайной миссией в Великобританию». Газеты писали, что Петров с Литвиновым должны образовать в Лондоне «коллегию дипломатов, представляющих там Совет Народных Комиссаров». Осуществился ли этот план, сказать трудно: свидетельств нет. Но абсолютно достоверно другое. В двадцатых числах марта 1918 года Петр Петров в сопровождении трех латышских стрелков выехал из Москвы в Берлин. Он повез бумаги, заключенные в переплет с красной лентой,— ратификационную грамоту об утверждении Брестского договора Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов. Петров должен был получить такую же грамоту от правительства Германии. Так впер-

вые в дипломатической ложе немецкого рейхстага появился официальный представитель Советской России.

Петров пробыл в Берлине десять дней. В рейхстаге, как гость, он только слушал. Но его статьи печатали многие немецкие газеты. И это был голос русских рабочих и крестьян, которые, принимая Брестский договор, в то же время указывали, насколько он грабительский, навязанный силой. Петров писал и о том, что внешнеполитические цели РСФСР — добиваться права для всех народов жить так, как они хотят. Он рассказывал о советских декретах, провозгласивших новые принципы международной политики. Его осаждали корреспонденты иностранных газет. А потом появлялись интервью под аршинными заголовками: «Первый красный дипломат, прибывший в Берлин, рассказывает...»

Ночью 3 апреля Петров возвратился в Москву. В его портфеле была германская ратификационная грамота.

3

В соглашении, подписанном в Бресте, говорилось: обе стороны возобновят дипломатические и консульские сношения немедленно после вступления договора в силу. 2 апреля 1918 года германское правительство назначило послом в Москву графа Мирбаха, прусского юнкера и дипломата. Через два дня министерство иностранных дел Германии запросило советский Наркоминдел: кто будет послом в Берлине?

5 апреля Ленин подписал постановление СНК: полномочным представителем РСФСР в Германии назначается А. А. Иоффе.

Полномочия получил тот, кто утром 13 ноября 1917 года вместе с Николаем Крыленко направил красных парламентеров через линию фронта. Тот, кто участвовал в брестских переговорах (правда, не всегда занимая последовательную позицию). И тот же, кто в бурные, смертельно опасные февральско-мартовские дни 1918 года переболел «чесоткой фразы» и лечился в очистительной «бане» ленинской беспощадной критики.

Вечером 18 апреля в районе Орши встретились два посольских поезда: один шел в Берлин, другой — в Москву. В первом ехал Иоффе, во втором — Мирбах.

Граф Мирбах до войны служил советником немецкого

посольства в Петрограде. В середине декабря 1917 года он снова приезжал туда. Уже как глава германской делегации, которая направлялась для решения вопросов, вытекавших из подписанного тогда перемирия. Мирбаха принимал Ленин. И речь шла о том, как организовать обмен гражданскими пленными, инвалидами, как восстановить культурные и хозяйственные связи. Теперь Мирбах ехал с полномочиями чрезвычайного посла.

За несколько дней до этого Ленин послал записку наркому Чичерину:

«Нельзя ли «подготовить» к приезду Мирбаха такое толкование нашей конституции, что *послы* вручают свои верительные грамоты Председателю ЦИК?»

Раньше послы вручали грамоты высочайшему российскому повелителю. А теперь? И Ленин подсказал.

На Александровском вокзале Мирбаха встретили два сотрудника Наркоминдела, шведский и датский консулы. Высоченный, плотный, уже в летах, с гордой осанкой, Мирбах вышел из вагона, держа в руке шляпу-котелок. На платформе стояли толпы любопытных. Мирбах ждал приветствий. Над толпой поднялись лишь две-три шляпы... Опустив глаза, дипломат проследовал к выходу. Шведский консул повез его в город.

Два дня спустя германский посол нанес первый визит советскому наркоминделу Г. В. Чичерину.

Утром 26 апреля радио Кремля передало в Берлин дипломатическую ноту. Поскольку Брестский договор вступил в силу, народы России ждут главного — состояния мира. Но германские войска наступают под Орлом, Курском, Воронежем, вторглись в Крым. Немецкое командование поддерживает антисоветские военные формирования на Украине и в Прибалтике. «Сегодня, когда германский посланник граф Мирбах вручает Российскому Правительству верительные грамоты», правительство РСФСР ожидает, что германская сторона сделает совершенно ясные заверения и примет самые эффективные меры для прекращения действий, подрывающих основы мира.

Копию ноты Наркоминдел направил советскому полпреду.

Мирбах приехал в Кремль в три часа. Его сопровождал Чичерин. Красноармеец раскрыл двери в кабинет председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова. Чи-

черин представил посла. Мирбах вручил председателю ВЦИК запечатанный конверт.

«Королевское германское правительство,— начал читать переводчик,— решило послать Российской Федеративной Советской Республике временного королевского посла графа фон Мирбаха...»

Мирбах поклонился. Свердлов ответил тем же.

«Граф фон Мирбах будет выполнять принятую на себя задачу — поддерживать мир и дружественные отношения между обоими государствами и приложит все силы, чтобы заслужить доверие правительства Российской Федеративной Республики».

Мирбах, в парадном мундире, облегавшем его статную фигуру, еще больше выпрямился. Свердлов, в суконном френче, в пенсне, заметно сутулый, тоже выпрямился и окинул Мирбаха долгим взглядом больших черных глаз. Чичерин заметил этот молчаливый поединок и незаметно улыбнулся.

Грамота заканчивалась просьбой германского правительства благосклонно принять посла и оказать ему полное доверие.

Свердлов поправил пенсне и сказал:

— От имени Российской Социалистической Федеративной Советской Республики имею честь приветствовать в вашем лице, господин посол, представителя державы, с которой был заключен мирный договор...

Свердлов указал на значение брестских соглашений и подчеркнул:

— Все, что препятствует миру, должно быть устранено.

Сказал, что сегодняшняя нота Народного комиссариата иностранных дел, сообщенная и господину посланнику, имеет одну цель — содействовать устранению всех опасностей, грозящих миру.

— Я позволю себе выразить надежду, что вы, господин посол, примете со своей стороны меры к удовлетворительному разрешению вопроса и к обеспечению мира между германским правительством и Советской республикой.

Мирбах ответил, что будет точно следовать полномочиям, которые определены его верительной грамотой.

И Свердлов и Мирбах сознавали, сколь многое их разделяет, как по-разному понимают «мир». Но главное со-

стоялось: впервые посол иностранной державы предстал перед высшей властью рабоче-крестьянской России, засвидетельствовав свое аккредитование при этом правительстве и готовность капиталистической страны поддерживать дипломатические отношения.

Возвратившись из Кремля, Мирбах приказал поднять над немецким посольством государственный флаг — старый флаг старой Германии.

...В те же дни советский полпред в Берлине получил ключи от пустовавшего особняка бывшего российского посольства. Над зданием полпредства взвился красный флаг Страны Советов.

Как много это значило!

8 апреля 1918 года высший орган власти первого государства рабочих и крестьян — ВЦИК принял декрет: «Флагом Российской Республики устанавливается Красное Знамя с надписью: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика»».

Легко понять современников этого исторического события, которые в те дни писали: «Отныне красное знамя будет развеваться не только по всей революционной России, но и в других странах — всюду, где будут находиться официальные представители Советской Республики, послы великого народа, несущего освободительный благовест народам всего мира... Красное знамя будет безвозбранно развеваться над русскими посольствами и в Стокгольме, и в Берлине, и в других столицах. Когда мимо него будет проезжать, развалясь в коляске, жирный буржуа, он, увидев этот... красный флаг, отвернется от него с негодованием. Но когда будут возвращаться с работы измученные непосильным трудом на своих господ пролетарии, их согбенные спины распрямятся... Сердца их забьются радостью, потускневший взор заблестит, в усталой груди вспыхнет энергия, воля к победе и надежда на освобождение... Иди же смело в путь, наше родное Красное Знамя!»

4

«...Создавать новую... дипломатию,— писал Ленин,— дело трудное». Он приводил латинское изречение: «Festina lente» (торопись медленно, не делай наспех). Совето-

вал товарищам в Берлине: действуйте «энергично, терпеливо и выдержанно...»

Главной заботой Ленина и советской дипломатии после Брестского мира было «по мере возможности продлить передышку и отсрочить ожидавшиеся дальнейшие шаги Антанты» против Советской республики, свидетельствовал Георгий Чичерин. «Главным средством нашего дипломатического действия» в тот труднейший период было заинтересовать деловые круги Германии, нейтральных и антантовских стран в экономическом сотрудничестве с молодым государством.

Дипломаты, направленные в Берлин,— Адольф Иоффе, Леонид Красин, Вячеслав Менжинский — мужественно, искусно отстаивали интересы своей родины. Это было очень трудно. Сошлись два мира, совсем не похожих. И люди, представлявшие их, совсем различные. Но советская дипломатия одержала победу. Преодолела препоны, рогатки, барьеры. Следуя советам и указаниям Ильича, отвечая на каждый ход буржуазных дипломатов еще более продуманными шагами, достигла того, что Германия, как говорил Ленин, «ничего не взяла от Брестского мира, кроме нескольких миллионов пудов хлеба». А в политическом плане Брест тоже оказался знаменательным. «В первый раз,— подчеркивал Владимир Ильич,— в масштабе гигантски-большом, среди трудностей необъятных мы сумели использовать противоречия между империалистами так, что выиграл в конечном счете социализм».

...Еще в Бресте было условлено, что по экономическим вопросам обе стороны проведут дополнительные переговоры (о размере «долгов», которые Советская страна должна выплатить за «содержание военнопленных», за «потерю немецкого имущества» и т. п.).

Для советской дипломатии открылось новое поле битвы. Надо было сделать так, чтобы налагаемая Германией экономическая дань была минимальной. Стояла и другая задача. Республика, унаследовавшая бедность и отсталость старой России, к тому же разоренная войной, нуждалась в широкой внешней торговле. В ходе советско-германских переговоров надлежало строго разграничить: это мы даем вынужденно, в счет «долгов», а это продаем в обмен на необходимые товары. В. И. Ленин, инструктируя советских дипломатов, требовал именно такого разграничения. Следует внушать немцам-купцам, «что

войной с нас *ничего* не возьмешь, *все* сожжем». В интересах обеих стран — равноправные деловые сношения. «Сырья немцам дать сможем». Но взамен получать то, в чем особо нуждается республика. Впоследствии Ленин характеризовал такую политику предельно кратко: «Давать, чтобы получать».

В помощь дипломатам Советское правительство направило в Берлин ряд видных экономистов. Первый народный комиссар финансов Вячеслав Рудольфович Менжинский стал генеральным консулом. Для ведения переговоров по так называемым дополнительным соглашениям в Берлин выезжала делегация в составе Красина, Ганецкого и других видных работников партии, хорошо знавших политическую экономию. «Надеюсь, что Красин и Ганецкий как деловые люди Вам помогут...» — писал Владимир Ильич Ленин полпреду Иоффе.

Деятельность берлинской миссии была многогранной, ибо здесь, наряду со Стокгольмом, сходились важнейшие нити тогдашней международной политики Советской республики.

5

Летом 1918 года в Петрограде говорили о топливном голоде с не меньшей тревогой, чем о нехватке хлеба. Донбасс, Грозный и Баку захватил враг. Заводы простаивали. Сутками не ходили трамваи. Когда кончились белые ночи, питерцы пользовались свечами и даже лучинами. Уличные фонари мертвенно раскачивались на ветру. А впереди была зима. И в Берлин шли телеграммы: «Прежде всего — уголь для Петрограда!»

...Утром 7 июля 1918 года Леонид Борисович Красин вышел из подъезда берлинского посольства и сел в автомобиль. Машина развернулась и влилась в быстротечный поток улицы. На повороте Красин оглянулся. Над посольским зданием припал к древку — было безветрие — красный флаг. «Удержится ли этот флаг теперь здесь, в Берлине?»

Радиотелеграмма, присланная вчера Лениным, известила, что в два часа дня двое неизвестных, предъявив подложный документ от ВЧК, пробрались в германское посольство и бросили бомбу в кабинет посла. Мирбах, тяжело раненный, скончался. Представители Советского правительства Ленин и Свердлов посетили германское по-

сольство и выразили свое негодование по поводу политической провокации врагов республики. Полпреду в Берлине предписывалось немедленно нанести визит министру иностранных дел и сделать соответствующее заявление.

Убийство Мирбаха совершили «левые» эсеры. В тот же день они подняли в Москве вооруженный мятеж. Их цель — снова столкнуть республику с германскими армиями и при помощи немецких штыков вернуть к власти Керенского.

Полпред Иоффе был болен. Он послал министру письменное соболезнование. Советское правительство возмущено истеричной и провокационной авантюрой врагов рабоче-крестьянской России. Правительство республики надеется, что этот трагический случай не вызовет тяжких осложнений в отношениях между Германией и РСФСР.

Красин ехал на встречу с Густавом Штреземаном, лидером немецкой национал-либеральной партии, одним из наиболее влиятельных людей в рейхстаге.

Пять с половиной часов продолжалась их беседа. Начали с событий печальных и проблем самых острых. Красин заверил, что республика Советов хочет только одного — чтобы на посевах с трудом добытого мира скорее произросли полезные плоды. Когда страсти улеглись, Красин заговорил о хозяйственном положении Советской России, ее будущем. Россия встанет в ряд величайших индустриальных держав мира. Но пока она разорена, бедна. В интересах не только РСФСР, но и Германии торговать друг с другом, менять русское сырье на немецкие промышленные товары. Правительство республики готово предоставить немцам концессии, чтобы сообща разрабатывать богатые недра российской земли. Начинать, конечно, надо с малого. Петроградская промышленность испытывает острую нужду в топливе. И пусть пробным камнем станет такая сделка: Германия отправит пароходы с углем, а взамен получит медь, марганец, лен. Республика готова закупить десятки миллионов тонн угля...

Красин и другие товарищи в Берлине с тревогой ожидали развития событий. Быстрая ликвидация левоэсеровского мятежа, усилия советских дипломатов в Москве и Берлине привели к тому, что мир с Германией удалось сохранить. Красное знамя осталось над берлинским полпредством! Инициатива Красина тоже дала результаты.

Через несколько дней Густав Штреземан, выступая в рейхстаге, потребовал, чтобы правительство скорее восстановило хозяйственный товарообмен с Россией.

И уже 13 июля генеральный консул В. Менжинский телеграфировал в Москву: переговоры о закупке угля начаты. Немцы готовы продать пока сто тысяч тонн. Первый пароход может быть направлен в самое ближайшее время. В обмен немцы хотят получить резину, лом черных и цветных металлов, асбест. В Москву выезжает представитель концерна «Гуго Стиннес», крупнейшей угольной фирмы, господин Дейбль. Он имеет полномочия и от «Рейхс виртшафтс АМТ» — имперского ведомства экономики.

Первая проба. Для начала лишь один пароход. Но впервые! И затрагиваются глубокие пласты не только экономики, но и политики и дипломатии.

Из Берлина в адрес Владимира Ильича Ленина, ВСНХ, Народного комиссариата торговли и промышленности летят телеграммы: с Дейблем будьте осторожны, прожженный коммерсант может надуть. Для ориентировки сообщаем: мировые цены на уголь такие-то. А вслед: «Первым пароходом немцы очень прицеливаются вывезти из Петрограда, как они говорят, «свои товары», якобы закупленные еще до войны. На самом деле — попытка обойти советский декрет о монополии внешней торговли и вывезти контрабанду».

А в Петрограде «левоглупизм» еще дает себя знать. «Никаких дел с диктаторами Бреста! Никакой торговли с империалистами!» — требуют догматики-крикуны в городском Совете. Представитель совнархоза свидетельствует: положение критическое, угля нет, подвоза ждать неоткуда. Увещевает: нужно считаться с реальными фактами. Германия согласна продать уголь в обмен на сырье. Что же здесь зазорного или невыгодного? Шесть часов длятся горячие споры. Наконец большинством голосов принимается резолюция: «Петроградский Совет признает необходимым начать правильный товарообмен со всеми теми странами, от которых рабочее правительство может добиться приемлемых условий обмена».

В Берлине Красин и Менжинский все ставят на деловую почву. Они осведомлены: концерн Стиннеса получил выгодные предложения из других стран (всюду нуждаются в угле). Поэтому действуют так, чтобы не упу-

стить продавца и вместе с тем купить на выгодных условиях. Идут переговоры о ценах, компенсационных товарах. Заботятся о том, чтобы в Петрограде уже готовили эти товары. В Москву посылают телеграмму, просят создать «деловую организацию», которая обеспечила бы все необходимое для начала товарообмена.

В Москве господин Дейбль ведет себя так, словно приехал в африканскую колонию, зависимую от короля угля и стали Гуго Стиннеса. Он требует за уголь цену едва ли не в десять раз большую, чем существует на мировом рынке. В компенсацию хочет непременно получить резиновое сырье. (Германской армии очень нужны автомобильные покрышки!) Пробует шантажировать, уверяет, будто Красин обещал только резину.

Москва советуется с Красиным. 31 июля он телеграфирует: «...безмерные требования (Дейбля и германского консула) отклоняйте спокойно, но решительно. Внушайте им убеждение, что мы надуть себя не позволим. Мы никогда не обещали резины как компенсацию за уголь, полагаем сохранить резину для более важных товаров, например некоторых специальных машин или патентованных методов». Еще раньше Менжинский сообщил: «О ценах будем торговаться здесь».

Гер Дейбль умеряет пыл. Оказывается, большевики смыслят не только в политике! У них достаточно деловых людей!

Телеграмма из Берлина: «Москва, Наркомторгпром, копия т. Ленину... Первый пароход углем две тысячи двести тонн, именуемый «Анни Гуго Стиннес», выйдет Петроград 4 августа». Дальше просьба, чтобы от Бьерке были предоставлены русские лоцманы для беспрепятственного следования к месту назначения.

Нарком Чичерин докладывает Ленину: «Это первый немецкий уголь нам, начало товарообмена. Необходимо встретить его наилучшим образом». Владимир Ильич, читая записку, подчеркивает строки о том, что это первый уголь, что это начало...

«Анни Гуго Стиннес» разгружается в Петрограде с 26 августа. Потом прибывает второй пароход. На борту его тоже имя отпрыска династии короля угля и стали. «Пусть знают красные, кто идет первым в Россию!»

Проба удачна! И сразу же начинается второй тур переговоров: Петрограду — сто тысяч тонн угля!

В стокгольмской миссии было лишь несколько сотрудников. А дел — уйма. Воровский занимался и дипломатией, и политикой, и торговлей. Дипломатией — чтобы Советская республика получила международное признание. Политикой — чтобы крепить солидарность с пролетариями других стран. Торговлей — чтобы вслед за «коммерческим» диалогом устанавливать нормальные отношения и в других сферах межгосударственных связей.

Инженер, политик, дипломат, публицист, много лет проживший в Скандинавии, Воровский хорошо знал экономику этих стран. Видел их потребности, острую нужду в сырье. Подводная война, полное прекращение подвоза из Англии и США сделали Россию, писал Воровский в Москву, почти единственным источником, могущим питать промышленность скандинавских стран. Воровский понимал и другое: насколько важно для молодой республики, отрезанной от остального мира, получать шведские энергетические и земледельческие машины, и инструмент, и даже косы, пилы, спички — во всем испытывалась острая нужда.

Но как наладить дело, если между Россией и Швецией прекратились товарные, почтовые, пассажирские сообщения? Транзит товаров через Финляндию тоже стал невозможен (белофинны закрыли границу). К тому же русский рубль не принимали в заграничных банках, а русские ценные бумаги более не котировались на международных биржах. Выход был найден: торговать на началах товарной компенсации (этот опыт затем пригодился в сношениях с Германией).

В старину говорили: «Деньги на бочку!» А тут другое: товар за товар, по их стоимости. При этом не нужны ни кредиты, ни валюта. А перевозить товары — морем.

План компенсационной торговли нашел поддержку и в Москве, и в Стокгольме. До Воровского стали доходить вести, что шведское правительство готово менять земледельческие машины на лен, смазочные масла, пеньку, металлический лом.

В середине апреля 1918 года в Петроград приехал шведский консул Карл Видерстрэм. Вскоре туда же прибыла и королевская торговая делегация. Ее возглавил Видерстрэм. Шведы начали с дальней «разведки». Заяви-

ли протест против «несправедливых» советских декретов (в конце 1917 года были реквизированы товары, которые шведы продавали в Россию втридорога. По советским законам всякая спекуляция преследовалась). Не получив удовлетворения в Петрограде, шведы приехали в Москву. Там их выслушали. Совнарком даже создал специальную комиссию. Затем делегации объявили: советские законы против спекуляции обязательны для всех. Но были сделаны кое-какие уступки, чтобы наладить новые связи. Шведы, как деловые люди, оценили это и приступили к переговорам о торговле.

Тем временем стокгольмские промышленники и купцы ждали вестей из России: «Как переговоры? Есть ли возможность торговать с большевиками?» Когда Видерстрэм дал понять, что перспективы благоприятные, резиденцию Воровского немедленно атаковали журналисты. За ними двинулись представители самых влиятельных промышленных, торговых и судоходных фирм. Одни предлагали товары в обмен на сырье, другие — пароходы для открытия товарного и пассажирского сообщения с Петроградом.

Первым был решен вопрос о судоходстве. 13 мая Воровский телеграфировал в Москву, что считает важным наладить такое сообщение. Шведская экономическая делегация в свою очередь подняла тот же вопрос перед Советским правительством. СНК предоставил торговым судам Швеции право свободного плавания в порты республики. И уже 28 мая в Петрограде впервые после четырех лет войны бросили якоря два иностранных торговых судна. Это были шведские «Элиас Зельштедт» и «Рунеберг».

Накануне в Стокгольме произошло не менее примечательное событие. Полпред РСФСР подписал документ, положивший начало советско-шведским торговым связям. Документ назывался «Контракт между Русским государством, представленным нижеподписавшимся инженером Вацлавом Воровским, именуемым в дальнейшем продавцом, с одной стороны, и фирмой Ионсен и К°...» Шведский делец избежал упоминания дипломатического звания Воровского и того, какое именно «русское государство» представляет «инженер Воровский». Купец оглядывался на тех, кто в его стране и за ее пределами не одобрял контактов с Советами. Но Ионсен очень

хотел купить русский лен. Чтобы соблюсти политическую «нейтральность», на всякий случай он оговорил: мол, имею дело с инженером-продавцом, а не с государством...

Вацлав Воровский согласился подписать такой контракт по той причине, что видел дальше купца. Советскому правительству он докладывал: в интересах РСФСР всемерно поощрять товарообмен со скандинавами, что выгодно в экономическом отношении. Вместе с тем это наиболее реальное средство для политического сближения. Предвидя экономические выгоды от сотрудничества с РСФСР, шведы будут более энергично сопротивляться нажиму антантовской дипломатии, которая стремится к полной изоляции Советской России.

В Москве придерживались того же мнения.

1 июня 1918 года Народный комиссариат торговли и промышленности и торговая делегация Швеции подписали первое межправительственное соглашение по товарообмену. Затем последовали новые контракты, и к концу года их было свыше двадцати.

Шведские пароходы, открыв рейсы в мае, до конца навигации доставляли в Петроград молотилки и сепараторы, шарикоподшипники и электромоторы, телефонные аппараты и пилы, спички и пуговицы. А увозили лен и пеньку, лом цветных металлов и смазочные масла...

7

Позолоченная гипсовая вязь на потолке, ангелы на синем разливе полуденного неба, люстры из бронзы и хрусталя, мебель, инкрустированная слоновой костью. За большим письменным столом в бывшем великокняжеском дворце сидел усталый, со впалыми щеками человек в комиссарской куртке. Николая Тюльпина, вчерашнего машиниста, революция сделала одним из руководителей Балтийского транспортного флота.

Вошел холеный господин и положил перед Тюльпиным визитную карточку: «Антон Вальберг. Директор фирмы. Судоходство. Стокгольм».

Гость не тратил лишних слов:

— Я приехал, чтобы предложить вам выгодную сделку... Для перевозки грузов по советско-шведским контрактам нужно много судов. Я знаю: ваше правительство реквизировало большой флот. Но не секрет, что пока он

вынужден бездействовать. Причина очевидна. Международно-правовое положение советского флота, если говорить откровенно, весьма неопределенное. Ваша национализация пока не признана ни одним государством. А пароходы должны заходить в иностранные порты. Но есть выход. Мы готовы взять ваши суда в аренду, поднять на них шведский флаг и поддерживать ими сообщение между Петроградом и Стокгольмом.

— Господин Вальберг, ваши соотечественники уже предлагали нам подобное. И получили отказ.

— Странно... Вы отвергаете то, в чем для вас спасение?

— Господин директор, мы принимаем в Петрограде шведские пароходы. К нам теперь заходят и немецкие. Не считаете ли вы, что и у нас должно быть желание, чтобы советские пароходы тоже могли плавать в иностранные порты?

Швед смотрел на Тюльпина так, словно тот говорил что-то непонятное.

— Вы видели красный флаг над советской миссией в Стокгольме? — решил «пояснить» Тюльпин.— Мы хотим, чтобы наш морской флаг тоже получил международное признание. Чтобы наравне с другими он тоже развевался в иностранных гаванях.

Вальберг качнул головой:

— Так-так. Понимаю.— И вдруг решительно: — Но ваш флаг...

Тюльпин не дослушал:

— Да, он красный! Вам не нравится. А нам очень дорог. Мы подняли его в Октябре для всего мира. Под ним, только под ним должны и будут плавать наши суда!

Швед пожал плечами.

— Вы в это не верите? — спросил Тюльпин.— Нас подстерегают ловушки? Знаем! Но мы пойдем на все и своего добьемся.

Тюльпин встал. Гость холодно откланялся.

...Брестский договор оставил на Балтике лишь одну крохотную щель для выхода советского флота во внешние моря — через Кронштадт. Но дальше стояли германские военные корабли. Существовало и другое препятствие. Многие судовладельцы и держатели акций пароходных компаний, национализированных Советской властью, успели бежать за границу. Другие были иностранцами.

Трети оказались на территориях, оккупированных германскими войсками. Следовало ожидать, что, как только национализированные суда появятся за границей, бывшие хозяева завопят: «Это наше!» И побегут к немцам, датчанам, шведам: «Помогите защитить священное право частной собственности!» Вот почему дипломаты и моряки действовали осторожно.

В начале июня 1918 года Народный комиссариат иностранных дел послал советскому полпреду в Берлине директиву: добиться от Германии официальных гарантий для безопасности плавания торговых судов под флагом РСФСР на Балтийском, Белом и Черном морях. Получить заверения, «что причитающийся русскому национализированному пароходству фрахт не будет подвергнут аресту по искам каких-либо держателей аннулированных русских ценностей или акций национализированных предприятий. Кроме того, при содействии Германии обеспечить, чтобы суда нашего флота не задерживались ни в море, ни в портах... Просить германское правительство разрешить судам нашего торгового флота проходить через Зунд и Бельты для посещения портов Швеции, Норвегии и Дании».

Такие же гарантии запросили у правительства Швеции. Оно откликнулось довольно скоро. 12 августа шведское посольство в Москве подтвердило: советским торговым судам, «могущим... прибыть в Швецию из России, будет предоставлен свободный въезд и возвращение из шведских гаваней».

27 августа в петроградской гостинице «Астория» народный комиссар торговли и промышленности Леонид Борисович Красин (к тому времени он вернулся из Берлина) встретился с коммерческим атташе датского посольства Андерсеном. Нарком предложил следующий план. Советское правительство пошлет в Данию два парохода в адрес своего полпреда В. Воровского. Суда подвезут образцы товаров. То, что понравится, датчане смогут заказать.

— Пароходы пойдут под государственным флагом Советской республики, и они должны пользоваться правом свободного входа и выхода из датских гаваней,— подчеркнул Красин.— Если возникнут какие-либо препятствия со стороны третьей державы, то датское правительство должно путем дипломатического вмешательства

отстаивать суда и грузы так, как если бы они были собственностью Дании.

Нарком пояснил, что рассматривает это как первый шаг к установлению советско-датского сотрудничества. Передал атташе официальный документ Советского правительства, содержавший те же предложения. Андерсен уточнил некоторые детали и сказал, что ответ, он полагает, будет дан в возможно короткий срок.

План Красина предусматривал вовлечь в сношения с РСФСР еще одну скандинавскую страну и проверить, возможно ли появление советского флага в иностранных гаванях.

Но успех задуманного плана зависел не только от ответа датчан. Первое слово за немцами. Если они не пропустят пароходы, то за пределы Кронштадта не выбраться.

А на представление, сделанное советским полпредством, германское министерство иностранных дел сначала отмалчивалось, потом стало без конца «уточнять»: куда пойдут советские пароходы? Сколько их будет? С каким грузом? Как называются суда?

Ответы следовали незамедлительно: пойдут в Данию и Швецию. Первый караван будет насчитывать шестнадцать пароходов. В их трюмах самые мирные грузы — лен, пенька, лесные материалы. Навигацию откроет пароход «Федерация». Однако и после этого немецкие дипломаты не говорили ни да, ни нет. Но вот в Петроград прибыл «Анни Гуго Стиннес», за ним — второй германский пароход. В начале октября завершились переговоры об обмене ста тысяч тонн немецкого угля на русское сырье. Из рейнских портов к Неве отправились новые караваны торговых судов. Германские дипломаты уже не могли больше тянуть.

21 октября 1918 года министерство иностранных дел Германии уведомило полпреда РСФСР в Берлине, что «Федерация» и еще три советских судна могут беспрепятственно следовать в Данию и Швецию. Германскому командованию на Балтийском море даны соответствующие указания.

Так начатое в Берлине переплелось с новой инициативой Советской республики. Инициативой, которая в равной мере была и дипломатической, и коммерческой. Когда прокладывались первые нити мирных международ-

ных связей, дорогу для соглашений политических, как правило, открывали «купцы».

Но германские дипломаты тут же стали выставлять рогатки. Они потребовали, чтобы «Федерация» и другие советские суда, направлявшиеся в скандинавские порты, обязательно заходили в Ревель (оккупированный тогда Германией) для принятия лоцманов, снабженных немецкими картами минных заграждений. Карты эти секретные, и доверить их, мол, никому не можем.

Немцы просто хотели знать, что везут русские, и держать на советских судах своих проводников. Последовал протест. Из Берлина ответили: «Решение, что «Вера» («Федерация») должна зайти в Ревель, надлежит рассматривать как окончательное».

Диктат! Но что поделать, ведь тогда был год тысяча девятьсот восемнадцатый...

8

Николай Тюльпин прошел обычную для тех лет жизненную школу. Большевистский агитатор в подполье, рабочий депутат в Совете, председатель Балтийского комитета моряков торгового флота, затем член коллегии Трансбалта (управления транспортным флотом Балтийского моря). Тюльпин был человеком начитанным, умным, наблюдательным, много видавшим (плавал с юных лет). Словно праздник, встретил он приказ наркома Красина: отправку «Федерации» назначить на 6 ноября.

Тюльпин пригласил капитана Д. А. Томсона, членов бюро коллектива коммунистов и судового комитета «Федерации». Зачитал им телеграмму наркома и вручил капитану предписание, каким курсом следовать, какие световые сигналы передать на шведские и датские береговые маяки. В Копенгагене отыскать консула Советской республики, а если его не окажется, то телеграфировать о своем прибытии полпреду Воровскому в Стокгольм. Затем Тюльпин вручил Томсону «Патент № 1 на поднятие флага Российской Социалистической Советской Республики».

— Номер один! — повторил Тюльпин.— Большая честь, товарищи! Помните, вы вроде помощников наших полпредов. Больше того, вы в своем деле сами послы республики!

Момент был торжественный, и моряки приняли «Патент» стоя.

Тюльпин был взволнован еще больше. Он знал, каких трудов стоило подготовить флот к плаванию после саботажа судовладельцев, после битв за национализацию пароходных компаний, после апрельского перехода из Гельсингфорса, когда суда пришлось спасать из ледяного плена под огнем белофинских батарей, под угрозой германских десантов. Тюльпин знал, сколько тревог было потом. Возможно или невозможно, учитывая международную обстановку, посылать национализированные суда за границу? Много раз обсуждалось в Наркоминделе. Об этом дипломаты и моряки советовались с полпредом Воровским. И снова горячие прения в ВСНХ, в среде дипломатов, доклады СНК. Наконец «добро» было получено. Коммунисты Балтики поняли, какая ответственность на них лежит. Каждого моряка, назначенного на «Федерацию» и другие суда заграничного плавания, обсуждали на партийных и профсоюзных собраниях, списки вывешивали для всеобщего обозрения: судите, товарищи, достоин ли? И крепок ли духом? Ведь всякое может случиться.

...На «Федерации» все пришло в движение. Срочно закончили погрузку. Кочегары подняли пары в котлах, матросы закрыли трюмы. Но утром 6 ноября из Москвы неожиданно передали: «В связи с радио от 5 ноября за подписями председателя СНК т. Ленина, председателя ЦИК т. Свердлова и комиссара по иностранным делам т. Чичерина... немедленно задержать пароход «Федерация» впредь до особого распоряжения».

Что же случилось?

9

Нам придется на время возвратиться в Берлин и познакомиться с событиями, предшествовавшими ноябрьским дням 1918 года.

В августе и сентябре генеральный консул Менжинский несколько раз встречается с управляющим министерством иностранных дел д-ром Иоганнесом. Потом Менжинского посещает фон Шнех, полковник генерального штаба, и Ф. Валлмихрат, представитель синдиката Гуго Стиннеса. Обе стороны приходят к согласию. Германское правительство поставит в Петроград «сто тысяч тонн угля

из Рурско-Вестфальского угольного района по срокам доставки так, чтобы пароходы до конца навигации могли возвратиться из Петрограда». Перевозить уголь будут пароходы Гамбургского союза судовладельцев «за счет и риск Российского правительства». После трудных переговоров достигнуто соглашение о ценах на уголь и о товарах для обмена. Оставалось договориться с судовладельцами о фрахте и страховании пароходов.

В самом начале октября из Гамбурга в Берлин приехал Христиан Шмидт, один из директоров Гамбургской судоходной компании. С ним советники и эксперты. В. Менжинский тоже пригласил советников. Это члены делегации советско-германской комиссии по вопросам торгового мореплавания: капитан дальнего плавания К. М. Булдырев (впоследствии профессор, видный советский ученый), судовой механик В. Т. Пошехонов и инженер Л. М. Ловягин — опытные моряки, прошедшие суровую школу в боях за национализацию торгового флота.

— Драка предстоит жесточайшая. Немцы уже передали нам свой проект. Они шантажируют, хотят содрать с нас десять шкур. Но мы должны быть дипломатами: себя в обиду не дать и своего добиться.

Менжинский зачитывает немецкий проект. Генеральный консул и моряки уславливаются, как действовать.

Переговоры начались 3 октября. Директор Шмидт и его советники приехали за три минуты до назначенного часа. Стриженный бобриком, мясистый и потный, Христиан Шмидт тяжело дышит. Он садится напротив Менжинского и вытирает шею платком с вензелями. Потом курит, медленно, с нескрываемым любопытством оглядывая консула и его советников. Вячеслав Менжинский, в пенсне, с пышными усами и густыми прядями волос, зачесанными от пробора влево, размеренным движением длинных пальцев выравнивает листы, лежащие перед ним.

— Не будет ли возражать гер директор, если мы начнем обсуждать немецкий проект постатейно?

Шмидт кивает головой и подает знак своему советнику. Тот, вертлявый, напомаженный, с усами жгутиком, блестя очками, раскрывает кожаный портфель и достает такие же листки, как у Менжинского.

— «Договор фрахтов,— читает советник.— Статья первая. Провозная плата за тонну угля устанавливается 125 марок».

— Это принимается,— говорит Менжинский.

— «Статья вторая. Депозит[1] устанавливается из расчета 700 марок с регистровой тонны»...

— Семьсот марок? — громко спрашивает капитан Булдырев и тут же на бумаге производит расчеты.— Получается 140 миллионов марок... Да это же, господа, три четверти стоимости сорока немецких судов, которые мы хотим зафрахтовать!

Тишина. Гер Шмидт снова пускает в ход носовой платок с вензелями. Молчит.

— Я плавал на многих международных линиях,— включается механик Пошехонов,— никто такой страховки никогда не требовал.

— Да и кто согласится сделать мертвым капиталом столько денег? И лишь ради одной сделки? — вставляет Ловягин.

Гер Шмидт молчит.

— Нам трудно понять, чем вызвана такая непомерно высокая страховая сумма. Траление мин до Петрограда уже проведено. Мы гарантируем проводку судов самыми опытными лоцманами. Наконец, шведы ходят в Петроград с мая, ваши два парохода тоже вернулись целыми и невредимыми. Никаких серьезных опасностей для плавания в Петроград нет,— говорит Менжинский.

Гер Шмидт как бы бесстрастно замечает:

— Мы имеем в виду страховку на случай «общей аварии»[2].

— Общей?! — Булдырев негодует.

Менжинский снимает пенсне, держит его на весу:

— Но какие для этого основания? Я уже говорил: корабельный путь до Петрограда разминирован.

— Да, да! — раздражается директор Шмидт.— Допустим, что все подводные мины выловлены. Но есть и другие — они хуже. Кто даст гарантию, что нынешняя российская власть прочна? С Советами у нас мир. А кто знает, что станет с нашими пароходами, если в Петербурге

---

[1] Депозит — страховая сумма, которая вносится в банк или суд как обеспечение фрахтовой сделки.

[2] В морской практике и судопроизводстве предусматривается правовое обеспечение «частной» и «общей аварии». В последнем случае предусматривается возмещение убытков, причиненных не только гибелью судна, но и потерей груза и фрахта.

их встретят не ваши сторожевые корабли, а господина Керенского вкупе с французскими и английскими?

— Вот как? — улыбается Менжинский.

— Господин консул, я сказал не все. Немецкий государственный корабль с некоторых пор тоже петляет, и бог знает, чем это кончится. Как видите, я не дипломат и называю вещи своими именами. Кто поручится, что завтра германские большевики Либкнехта не попробуют сделать в Берлине то, что сделал господин Ленин в Петербурге?

Шмидт еще больше распаляется, лицо его покрывается пятнами. Менжинский и моряки переглядываются. Не скрывают того, что неожиданная исповедь Шмидта веселит их.

— В России Советы правят скоро уже год,— отвечает Менжинский,— и, представьте, никакой аварии!

— Петербургские судовладельцы, у которых отняли их пароходы, надеюсь, другого мнения...

— Они — да! Для них — авария! Но вы же имеете дело не с ними. А наша власть, смею вас заверить, установлена навсегда!

— Все идеалисты думают, что они первые и последние.

— Господин Шмидт, если вы намерены дискутировать, я готов.

— Вы сами меня вынудили.

— В контракте, который будет подписан, мы готовы оговорить любое для вас приемлемое условие о возвращении ваших судов в Германию до закрытия навигации.

— В какую Германию? — почти кричит Шмидт.— Завтра она может стать другой!..— Он спохватывается, что слишком открылся, и быстро переводит разговор.— Мы — деловые люди, и нам нечего придумывать новое, если до нас все придумано. Есть гарантии, общепринятые в международной практике.

— Но ваши условия депозита унижают достоинство Советской республики. К тому же они непомерно обременительны. Мы на это не пойдем. Если мы с вами не договоримся, то будем настаивать, чтобы перевозить уголь на наших пароходах.

Шмидт долго вопросительно смотрит на Менжинского. На капитанские нарукавные ленты Булдырева. На то, как Пошехонов спокойно делает махорочную самокрут-

ку, как делится табаком с Ловягиным. И... предлагает устроить перерыв до завтра.

В тот же день директор Шмидт отправился в министерство иностранных дел. Но там его спрашивают: «Вы хотите, чтобы «красные» пароходы вошли в Рейн? В Гамбург?»

Снова встреча с Менжинским. Гер Шмидт пошел на уступки.

5 октября СНК утвердил соглашения, подготовленные в Берлине, и уполномочил генерального консула Вячеслава Рудольфовича Менжинского поставить подпись от имени правительства РСФСР.

Совет Народных Комиссаров создал Чрезвычайную комиссию по германскому товарообмену и выделил шесть миллионов рублей на работы по разгрузке угля, утвердил список обменных товаров. Председателем Чрезвычайной комиссии был назначен Леонид Борисович Красин.

...Менжинский телеграфирует из Берлина: до конца навигации в Петроград прибудут около сорока германских пароходов. Нужно хорошо подготовиться.

Красин поехал в Петроград, поднял всех на ноги — и водников, и профсоюзы, и совнархоз, и городской Совет. Разъяснял, что немецкий уголь не только спасение для города. Это и международная политика, проверка нашей способности быть хорошими «красными» купцами.

В Петроградском порту — малолюдье. Причалы, погрузочные механизмы полуразрушены. Шведские пароходы, приходившие в Петроград, были малотоннажными. Разгружать их сравнительно просто. А германские — на четыре-пять тысяч тонн. Да и груз особый. Срочно нужно привести в действие углеперегружатели, мобилизовать тысячи грузчиков.

В порт вызывают лучших ремонтников. Чрезвычайная комиссия запрашивает из Кронштадта плавучие краны. Но вот беда — не хватает крановщиков. Мобилизуют вагоновожатых трамваев. Через пять-шесть дней они уже управляют кранами. С биржи труда прибыли сотни безработных. Для них в порту устраивают жилье, столовую. Им выдают одежду.

19 октября приходит первый германский пароход. Но разгружают его не так быстро, как договорено с немцами. Генеральный консул Менжинский телеграфирует нар-

коминделу Чичерину: «Германцы получают из Петрограда сведения о задержке в разгрузке судов. Это тревожит здешние деловые круги. Задержки могут привести к полной остановке отправки пароходов». Чичерин дублирует телеграмму Менжинского в Смольный, руководителям петроградских организаций: «Вам хорошо известно, в каком тяжелом положении очутится Петроград, лишившись возможности получить 6 миллионов пудов угля (100 тысяч тонн)... Просьба принять самые энергичные меры».

В порт приходят заводские рабочие — на вторую смену. Мобилизованы и речники.

Петроградские газеты каждый день сообщали о трудовой битве у морских причалов. Призывали дорожить каждым днем, оставшимся до конца навигации. «Германский уголь облегчит нам предстоящую тяжелую зиму. Больше помощи порту!»

Откликаются военные моряки Балтики. Обливаясь потом так, что тельняшки прилипают к телу, полуголодные,— все так в Питере! — катят тачки с углем, таскают тяжелые корзины. Лица моряков черны как сажа. Теплые потные струйки оставляют на воспаленной коже красноватые бороздки. Матросы работают с утра до ночи. Рядом с ними трудятся солдаты, моряки торгового флота — кочегары, смазчики, матросы. «Да, мы революционеры! Да, мы понимаем, как нужен уголь Петрограду! Как важно не ударить в грязь лицом перед капиталистами!»

Но германский консул в Петрограде опять недоволен. Ему кажется, что компенсационные товары грузятся медленнее. Шлет телеграммы в Берлин: большевики, мол, не выдерживают сроков по контракту. В СНК пишет: петроградские власти недостаточно распорядительны. За простой пароходов придется платить дополнительно.

Красин звонит в Петроградскую ЧК:

— Товарищи, мобилизуйте буржуев, всех «бывших», находящихся у вас под следствием.

И четыреста с лишним господ с белыми руками, с животами-подушками, с благородными бакенбардами спускаются под конвоем солдат в пароходные трюмы. «А ну, проворней!» — покрикивают конвоиры. И холеные лица, запорошенные пылью, тоже мгновенно чернеют.

Другие разгребают старые калоши и всякую прочую резиновую рвань, «мобилизованную» для того, чтобы торговая сделка с немцами была выполнена во всех пунктах в точности!

...В конце октября разгрузка пароходов продолжалась. К Петрограду подходили новые суда.

Между тем в Берлине заседала германо-советская комиссия по торговому мореплаванию. Российские представители настаивали на заключении общего соглашения, по которому торговые суда РСФСР могли бы пользоваться международными водными путями без запроса в каждом отдельном случае охранных грамот от германского правительства.

1 ноября капитан Булдырев телеграфировал в Москву: «Германская сторона в принципе соглашается разрешить... плавание наших судов, но предварительно требует полный список судов, предназначенных к отправке за границу (имелось в виду в текущую навигацию.— *М. С.*), с указанием порта назначения».

Следующее заседание должно быть 6 ноября. Булдырев готовился. Но оно не состоялось.

...3 ноября в Киле вспыхнуло восстание немецких матросов. Их поддержали рабочие и солдаты. Германия вступила в полосу революции.

Революция вызревала давно. Немецкие пролетарии, безмерно уставшие от тягот войны, по примеру русских рабочих и крестьян поднялись на борьбу против тех, кто развязал и кому была выгодна война. Немецкие пролетарии требовали хлеба и демократии. Первым препятствием была кайзеровская монархия. И Вильгельм II разделил участь Николая II. 9 ноября 1918 года в Берлине были образованы Советы рабочих и солдатских депутатов. (Предчувствия гера Шмидта оправдались.) Но борьбу за власть начали и буржуазные партии. (Шмидты не собирались сдаваться.) Время должно было показать, какая власть останется — пролетарская или буржуазная.

Это — впереди...

А 4 ноября у власти еще стояло, правда уже шатаясь, императорское правительство. Стремясь удержаться во что бы то ни стало, оно предприняло и провокации...

В этот день из Москвы в Берлин приехали советские дипкурьеры. Они привезли почту для берлинского, вен-

ского и стокгольмского полпредств. На берлинском вокзале дипломатический багаж переносили немецкие носильщики. Когда поблизости советских курьеров не было, вдруг один из ящиков выпал из рук и раскололся. Из него посыпались... листовки с призывом к революции.

Провокация на берлинском вокзале была подготовлена полицейскими агентами. Для «доказательства», что «беспорядки» в Германии, дескать, вызваны пропагандой советских дипломатов. Таким путем правительство, терявшее остатки власти, надеялось остановить угрожающее развитие событий. По этому поводу Ленин саркастически-едко писал: «Германское правительство потеряло голову, и, когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом».

5 ноября министерство иностранных дел Германии потребовало немедленного отъезда из Берлина советских представителей. Поздно вечером в полпредство явился агент и заявил, что к утру миссия и консульство должны покинуть страну. Вскоре прибыл другой агент с нарядом полиции и галантно объявил:

— Поезд подан.

Полицейские оцепили соседние улицы и выстроились вдоль всего пути следования до самого вокзала...

В ночь на 6 ноября Ленин, Свердлов и Чичерин разослали радиограмму местным органам Советской власти и военному командованию: быть начеку, возможен разрыв Германией дипломатических отношений.

В ту ночь балтийские моряки и получили телефонограмму: в связи с радио Ленина отложить отправку «Федерации».

10

В начале ноября еще трудно было предсказать, смогут ли революционные силы от «немецкого Февраля» перейти к «немецкому Октябрю». Хотелось верить, что на соседних берегах Балтики рождается государство немецких рабочих и крестьян, с которым Советская Россия сможет жить не только миролюбиво, но и по-братски. 9 ноября, когда над Берлином заполыхали красные знамена, а на улицах рабочие-агитаторы разбрасывали листовки: «Носители короны лишены власти! Германия становится социалистической республикой!» — политическая

власть перешла к Советам. На многотысячных митингах принимались резолюции: немедленно вернуть советское полпредство; народный комиссар торговли и промышленности телеграфировал в Петроград: срочно отправить «Федерацию» в Копенгаген. В Москве верили, что путь для советских судов открыт по визе, данной революцией немецких рабочих и солдат.

10 ноября к трем часам дня в Петроградском порту собрались сотни людей. Пришли делегаты с фабрик и заводов. Выстроился оркестр. На «Федерации» и на причале развевались флаги. Алели транспаранты, вывешенные к первой годовщине революции. Начался митинг. Слово получил Николай Тюльпин. Речь, приготовленную 6 ноября, он смог произнести только сейчас:

— Товарищи! Совет Народных Комиссаров начертал план международных сообщений и товарообмена нашим социалистическим, национализированным красным флотом. Во исполнение плана мы отправляем сегодня во внешние моря первый социалистический пароход. Это будет наш морской привет западноевропейскому пролетариату. Это послужит осуществлению идей международной солидарности рабочих. Это вклад в усиление международных позиций Советской Социалистической Республики. И еще, товарищи... Наша «Федерация» убедит всех, что новая Россия полна мирных забот, что мы хотим, как говорит товарищ Ленин, экономических соглашений со всеми.

Тюльпин говорил о красном флаге, который появится в морских гаванях капиталистических государств. О том, как это важно для престижа республики и для того, чтобы «идеи Коммуны шагнули через все границы».

Прозвучали последние напутствия:

— Счастливого плавания!

Под звуки оркестра пароход медленно отвалил от причала.

Но в тот день «Федерация» смогла дойти лишь до Кронштадта.

Удары, нанесенные Ноябрьской революцией, ускорили не только политическое, но и военное крушение германской монархии. Немецкие генералы, увидев, что их солдаты отказываются воевать и создают свои Советы, поспешили подписать 11 ноября в Компьенском лесу (во Франции) военное перемирие с генералами Антанты. Обе

стороны пошли на мировую, чтобы открыть единый фронт против Советов: в Германии и в России. Но это позже. А пока несомненным было то, что сломлены силы, которые восемь месяцев назад продиктовали кабальный Брестский договор.

13 ноября ВЦИК РСФСР заявил об аннулировании брестских соглашений, выразив уверенность, что на место империалистического мира придет социалистический мир, заключенный народами, которые сбросили гнет капитализма.

Таким образом, сложилась благоприятная обстановка для отправки за море первой «красной ласточки» и исполнения тех больших планов, которые с этим связывались.

Из Москвы в Кронштадт пришла телеграмма: ««Федерацию» немедленно пропустить». В девять часов сорок пять минут 14 ноября пароход вышел в открытое море, держа курс на Копенгаген.

Мы еще пройдем по пути «Федерации»... А пока возвратимся к прерванному рассказу об операции «Уголь для Петрограда».

11

К началу ноября 1918 года в Петроград прибыли девять немецких судов. Они привезли около сорока тысяч тонн угля. Его сразу же отправили на заводы и в топки электростанций. Но в Берлине произошло то, чего больше всего боялся Христиан Шмидт: «общая авария»!.. Капитаны четырнадцати судов, находившихся в пути к Петрограду, получили приказ следовать в германские порты. А капитанов судов, уже стоявших в устье Невы, обязали немедленно возвращаться, если даже русские не погрузили компенсационные товары.

12 ноября капитан парохода «Гаймон» запросил разрешения на выход из порта. Пограничники Кронштадта снеслись с Москвой. Некоторым из них казалось, что немцев выпускать не следует: «Пусть германские капиталисты возместят хотя бы миллионную часть того, что они награбили на оккупированных землях России!» Но народный комиссар иностранных дел ответил: германские угольные суда выпускать беспрепятственно. Народный комиссар торговли и промышленности потребовал сделать расчеты, чтобы выпустить компенсационные товары

только «на сумму, соответствующую стоимости привезенного в Петроград угля, минус стоимость провоза недоставленного количества угля, так как мы уплатили за фрахт ста тысяч тонн, а получили пока только сорок тысяч». Дипломатия дипломатией, а ни одна советская копейка не должна пропасть!

«Гаймон» бежал в фатерланд гера Шмидта, а «Федерация», гордо неся красный флаг, шла на Запад, чтобы утверждать международный престиж первой в мире республики Советов.

В Петрограде еще оставался пароход «Арта». Ему тоже было разрешено вернуться в Германию. Но экипаж не сразу воспользовался этим. Оказалось, что директор Шмидт не учел, что немецкие Советы могут появиться и в... Петрограде!

«Сегодня в десять часов утра отряд интернационалистов занял помещение германского консульства, заменил национальный флаг красным знаменем. В четырнадцать часов образовался военно-революционный комитет германских интернационалистов, арестовавший весь состав консульства и находящихся там германских офицеров... Идет прием дел и опись складов консульства и прочих германских официальных учреждений». Это телеграфная информация Петроградской ЧК, посланная 10 ноября 1918 года В. И. Ленину, Я. М. Свердлову, Г. В. Чичерину и Ф. Э. Дзержинскому. Немецкие интернационалисты — бывшие военнопленные, узнав о событиях в Берлине, решили: кайзеровские чины консульства не могут представлять ту Германию, которая рождается в революции.

Военно-революционный комитет германского консульства склонил на свою сторону экипаж «Арты» и задержал судно в Петрограде. 5 декабря комитет предложил советским властям освободить «Арту» от компенсационных товаров. Немецкие товарищи ссылались на обстановку, сложившуюся к тому времени на Балтике. Если «Арта» выйдет в море, ее могут захватить англичане. Пропадут и советские товары — достояние рабоче-крестьянской республики.

Между тем правые социал-демократы, шейдемановцы, изменив рабочему классу, не допустили установления в Германии социалистической республики. Буржуазии удалось разгромить Советы и сохранить свою власть.

Красный флаг над германским консульством в Петрограде был спущен...

24 декабря 1918 года министерство иностранных дел Германии прислало Наркоминделу РСФСР радиограмму с требованием немедленно возвратить «Арту» с грузом компенсационных товаров, которые возместили бы стоимость полученного Россией германского угля.

Еще 19 декабря последний немецкий пароход покинул Петроград. Министерству иностранных дел вручили полную коммерческую выкладку: столько-то угля получено, столько-то товаров вывезено взамен. Кроме того, гамбургские судовладельцы получили фрахт за перевозку ста тысяч тонн угля, тогда как доставили в Петроград меньше половины. Адрес директора Шмидта такой-то, с него и надлежит получить разницу...

Так закончилась дипломатическо-коммерческая операция «Уголь для Петрограда». По нынешним масштабам она не столь уж значительна. Но когда приходилось все начинать с азов, впервые, даже малое становилось важным в большой политике.

12

После ухода «Федерации» почти две недели о ее судьбе ничего не знали ни в Москве, ни в Петрограде. Наши торговые суда тогда еще не имели радиостанций. Связь поддерживалась через береговые пункты. Ждали, когда «Федерация» отшвартуется в датском порту.

От Петрограда до Копенгагена пять-шесть суток хода, подсчитывали в Москве и Питере. Вот-вот должна быть телеграмма.

Но проходили дни, а известий никаких...

Вечером 27 ноября нарком Л. Б. Красин доложил Владимиру Ильичу:

«Пароход «Федерация» под флагом Советской Республики благополучно прибыл в Копенгаген с грузом для товарообмена на сумму около пяти миллионов датских крон».

Казалось, начало отличное.

Но 2 декабря радио принесло из Стокгольма другое известие: «В Швецию прибыл под флагом Советской Республики пароход «Федерация», возбудивший Кальмаре подозрение лоцманского капитана, заметившего пароходе старое название «Вера»... По распоряжению властей

пароход остановлен... Газеты высказывают всевозможные нелепые предположения... Воровский».

Как же «Федерация» оказалась в Стокгольме?

Вечером 20 ноября советский пароход подошел к Копенгагену. У приемного плавучего маяка на борт поднялся датский лоцман. Он повел «Федерацию» в гавань. Однако вскоре появился военный катер и подал сигнал следовать за ним. Потом с катера был дан другой сигнал: «Стоять здесь» — на большом рейде, в трех милях от береговых причалов. Капитан Томсон решил, что причалы заняты, такое бывает, утром пароход введут в порт...

Нет точных указаний, кто сообщил наркому Красину о прибытии «Федерации» в Копенгаген. Дело, видимо, обстояло так. Накануне, 26 ноября, в Петроград на имя агента «Шведской компании торговли и мореходства» пришла телеграмма: «Сообщите Трансбалту: «Федерация» прибыла в Копенгаген... Отправьте другие пароходы, телеграфируйте дни отправления. Министр иностранных дел».

«Шведская компания торговли и мореходства», одна из крупных мировых транспортных фирм, имела свои конторы по всей Скандинавии и во многих портах Западной Европы и США. Ее руководителями были лица, близкие к шведскому правительству. В конце октября 1918 года Главное управление водного транспорта (Главод) ВСНХ заключило с этой фирмой договор на обслуживание советских судов (снабжение продовольствием, углем, грузовые операции, финансовые расчеты), которые будут прибывать в порты Швеции и Дании. Договор был заключен с согласия шведского правительства «с целью реального осуществления товарообмена между Швецией и Россией в государственном масштабе».

Подпись министра иностранных дел была достаточно авторитетной, чтобы верить телеграмме, посланной от его имени. Когда же вскрылось неблаговидное поведение фирмы, попытавшейся путем различных спекуляций нанести вред советскому судоходству, у работников Главода сложилось мнение, что телеграмма от 26 ноября была своеобразной ловушкой: вызвать в иностранные порты побольше советских судов и там задержать их. Эти подозрения не лишены основания. Агент фирмы вскоре скрылся.

Но вернемся в Копенгаген. Утром 21 ноября капитан Томсон решил отправиться в город, чтобы разыскать советского консула. Но ему запретили сообщаться с берегом. Капитан не мог даже послать телеграмму...

Между тем консул Я. З. Суриц, получив известие о прибытии «Федерации», сам приехал в порт. Там ему объявили:

— Пароход к причалам допущен не будет. Посещение судна кем бы то ни было запрещено.

— На каком основании? — Консул напомнил об обязательстве датского правительства принять два советских парохода и гарантировать их безопасность.

— Ничего не знаем, обращайтесь к господину королевскому министру торговли и промышленности.

Суриц нанес визит министру. Тот выслушал и обещал «рассмотреть весь комплекс возникших проблем».

Лишь на третьи сутки консулу разрешили посетить «Федерацию», притом обязательно в сопровождении шефа таможни. Суриц уже знал, что у датского министра побывал агент старых владельцев «Федерации» и слезно умолял: «Помогите вернуть нашу «Веру»...»

Министр отдал секретный приказ, чтобы портовые власти под любым предлогом принудили капитана ввести «Федерацию» в порт: там проще задержать ее.

Консул поспешил предупредить капитана «Федерации». За Сурицем неотступно следовал глава датской таможенной службы. Но консулу удалось сказать Томсону, чтобы ни в коем случае не заходил в Копенгагенский порт, невзирая на требования датских властей. По сигналу с берега взять курс на Стокгольм.

«Федерация» снялась с якоря утром 29 ноября, а через несколько часов в датской гавани появилась английская военная эскадра. Вечером газеты Копенгагена напечатали:

«Если бы «Федерация» не ушла утром, то ей не пришлось бы уйти вовсе».

...30 ноября перед Стокгольмом, у Доллоро, военный сторожевой корабль преградил дорогу «Федерации». На сей раз шведский. Томсону заявили:

— В датской печати сообщено, что ваш пароход краденый. Вам придется это опровергнуть. В противном случае мы вынуждены будем вас задержать.

Капитан предъявил «Патент № 1». Но советский герб

не удовлетворил шведских пограничников. «Федерация» осталась в Доллоро, в сорока милях от Стокгольма.

Тогда и последовала радиограмма Воровского В. И. Ленину с извещением, что первый «красный» пароход прибыл в Швецию, но остановлен...

«Постойте,— скажет читатель.— Неужели Воровский не мог сразу же передать в Москву, что «Федерация» в опасности?»

Вопрос законный. Но Воровский не промедлил ни часа. Послал радиограмму в тот же день, 30 ноября. И не его вина, что в Москву она пришла лишь 2 декабря.

На страницах этой книги мы уже не раз встречались с фактами, когда несовершенство и расстройство тогдашней связи приводило к печальным результатам. Прямой телеграфной связи с Москвой стокгольмская миссия не располагала. Маннергеймовские власти не предоставляли провода, проходящие через Финляндию. Воровский вынужден был пользоваться радио и эпизодически дипкурьерами. Свои донесения для Москвы полпред отсылал на стокгольмскую международную станцию. Та передавала их Царскосельской радиостанции под Петроградом, отсюда депеши дублировали в Петроград, а затем по проводам в столицу. Следует добавить, что нередко важные сообщения умышленно задерживали шведские радисты. Вот и радиограмма из Стокгольма шла трое суток до Москвы.

С 27 ноября по 2 декабря — срок небольшой. Но в те дни были приняты важные решения на основании информации, что начатое дело идет успешно: первый пароход — у цели. Впрочем, были и другие свидетельства, тоже убеждавшие в этом.

Крушение Германской империи отозвалось повсюду, где стояли немецкие оккупационные войска. Народы Прибалтики расценили крах монархии Вильгельма как наилучший момент, чтобы подняться против оккупантов и «отечественных» капиталистов. 29 ноября 1918 года в Нарве было образовано правительство Эстляндской Трудовой Коммуны (Эстонской Советской Республики). Красногвардейские полки, сформированные под Нарвой, двинулись на Ревель, чтобы изгнать оккупантов. На помощь пришли флот и сухопутные войска Советской России. Подводные лодки красной Балтики доходили до самого Ревеля. Командиры-подводники докладывали: «Гер-

манских кораблей не видно». Это еще больше укрепило во мнении, что советские пароходы больше не встретят препятствий со стороны германского флота. Путь в Скандинавию открыт!

В ночь на 29 ноября в Петроград пришло распоряжение наркома Красина немедленно подготовить к отправке еще четыре парохода: «Северную Коммуну» — в Копенгаген, «Республиканца», «Циммервальда» и «Лассаля» — в Швецию. Из Петрограда 30 ноября ответили, что пароходы готовы. Но, словно предчувствуя недоброе, добавили: полпред Воровский запрошен, возможно ли выпускать суда. Ответ еще не получили. И дальше: «Откуда сведения о благополучном приходе «Федерации» в Копенгаген? От Воровского или из Петрограда?»

Что ответил Красин, неизвестно. Но 1 декабря по его распоряжению вышли из Петрограда «Северная Коммуна» и «Циммервальд», на следующий день — «Республиканец» и «Лассаль». 2 декабря стала известна радиограмма Воровского от 30 ноября. Тотчас были приняты меры. Но два судна уже были в открытом море. Николай Тюльпин предложил послать вдогонку пароходы «Республиканец» и «Лассаль», задержавшиеся в Кронштадте.

Однако решили ждать новых известий из Стокгольма. В первых числах декабря по настоянию Воровского «Федерацию» удалось ввести в Стокгольмский порт, начать разгрузку и продажу товаров.

6 декабря от Воровского пришла радиограмма: «Телеграфируйте, когда выйдут пароходы со льном и пенькой?» Он просил также ускорить отправку шведских пароходов. Обращал внимание на то, что в Стокгольме «распускают слухи о затруднениях в Петрограде, чинимых шведским пароходам, их произвольной задержке. Это пугает пароходные общества, опасаются давать тоннаж под наши грузы. Сообщите, в чем дело».

Нарком Красин телеграфировал в Петроград: «Воровский настаивает на скорейшей присылке всей пеньки, льна. Полагаю необходимым выпустить до конца навигации максимальное количество наших товаров, предназначенных в Швецию».

8 декабря из Кронштадта вышли «Республиканец» и «Лассаль». Три дня спустя Красин приказал готовить еще пять судов, а до конца навигации отправить не менее шестнадцати. Он сообщил об этом Наркоминделу и

ВЧК. Красин торопился. В Петрограде начались морозы, Нева стала. Можно было ожидать, что в ближайшую неделю лед закроет и Морской канал.

Чтобы Воровский мог опровергать слухи о «чинимых» в Петрограде препятствиях, ему передали по радио полный список шведских судов, побывавших в устье Невы и отправленных оттуда без малейшей задержки. Сообщили и о советских судах, уже начавших дальние рейсы и о готовившихся выбрать якоря. Снова запрашивали Воровского: «Сообщите положение ранее выбывших пароходов... Можно ли выпускать новые?»

Вечером 13 декабря пришел ответ: «Вопрос безопасности пароходов выясняю, поэтому до получения моей телеграммы ничего и никого не отправляйте... «Вера» («Федерация») выгружается, после чего пойдет назад, если не помешают посторонние обстоятельства».

А о других судах? Где они? Пока — ни слова...

13

Предположение о том, что германский флот в создавшихся условиях не представит больше опасности для советского судоходства, оправдалось полностью. «Виза», данная Ноябрьской революцией, действовала безотказно. Однако со второй половины ноября 1918 года все отчетливее вырисовывалась новая опасность. Надвигался новый внешний враг, который вскоре круто и тягостно изменил международное положение Советской республики. Это, в свою очередь, решило исход того исторического эпизода — одного из многих, связанных с деятельностью стокгольмской миссии,— о котором идет рассказ.

Еще 19 ноября Вацлав Воровский радировал Наркоминделу: «По местным сведениям, английская эскадра прошла Каттегат на пути в Балтику. По тем же сведениям, предполагаемая цель — высадить десант в Ревеле». Это шли авангардные силы Антанты, чтобы подчинить немецкие оккупационные войска, расположенные в Прибалтике, заодно подавить зреющие там народные восстания. И наконец, образовать единый фронт из антантовских, германских и белогвардейских войск против Советской республики.

Английская эскадра продвигалась медленно. 29 ноября один из ее отрядов зашел в Копенгаген. Потом появился у берегов Швеции. Другие отряды в начале де-

кабря прибыли в Ригу и Виндаву. 12 декабря эскадра под командованием адмирала Синклера оккупировала Ревель.

Все это создало новую обстановку в бассейне Балтийского моря.

Дипломатия Антанты и раньше вела подрывную работу в скандинавских странах, вынуждая их захлопнуть последнее советское «окно» во внешний мир. С востока, севера и юга республика уже была блокирована. Нажим дипломатический дополнился военным. Именно поэтому английские корабли пожаловали к берегам Дании и Швеции. Внутри самих скандинавских стран тоже наметилось усиление позиций реакционных сил, готовых примкнуть к антисоветскому блоку, создаваемому Антантой. Признаки такого поворота полпред Воровский стал замечать еще в октябре и об этом докладывал Ленину.

Вместе со «скандинавской отдушиной» республика лишалась не только последних торговых связей, но оказывалась под угрозой полной дипломатической изоляции. Уже не было миссии ни в Германии, ни в Австрии, ни в Швейцарии (их правительства солидаризировались с берлинскими провокаторами). Советский флаг теперь развевался лишь над стокгольмской миссией. Если закроется и она — полная блокада, железное кольцо! Вот почему Воровский получил директиву народного комиссара иностранных дел:

«Оставайтесь в Швеции по возможности дольше».

Нужно было предотвратить или хотя бы отсрочить назревающий разрыв. Но как сделать это? Воровский пришел к выводу, что нужно «держать под шахом шведских экспортеров и импортеров». Еще больше усилить их заинтересованность в сотрудничестве с новой Россией. Доказывать, как много потеряют от разрыва с ней. Тем самым побуждать шведские деловые круги оказывать давление на свое правительство и призывать к «терпимости» в отношении Советской республики.

Резиденция Воровского и раньше была центром, где решались не только важные чисто дипломатические, но и коммерческие дела. «...Все концентрируется в миссии, где ведают всей внешней торговлей и фрахтуют шведские суда для Петрограда»,— писал советский морской агент, часто бывавший в те дни в полпредстве. Тем большую активность развил Воровский в ноябре — декабре 1918 года.

Тогда он продал шведскому Синдикату льнопрядильных и джутовых фабрик двести тысяч пудов льна и пеньки, оговорив доставку их из Петрограда как шведскими, так и советскими судами. Расширил связи с промышленниками, судоходными фирмами и банками. Заинтересовывал их новыми и новыми контрактами. Сам вникал во все, что касалось таких сделок, ибо видел за этим большую политику.

Так, в те дни Воровский провел переговоры о размещении на одном шведском заводе советского заказа на миллион земледельческих серпов. Он запросил срочно прислать ему из Петрограда образцы отечественных серпов. И добавил: «Прислать первым же дипкурьером!» В Стокгольм прибыл дипкурьер, имея в своем портфеле, рядом с ленинскими директивами по международным вопросам, два стальных серпа!

Этот «дипломатический багаж» для Воровского поистине символичен!

20 декабря, когда тучи в Стокгольме уже сгущались и разрыв становился неотвратимым (еще 7 декабря на основании сфабрикованной шведской полицией фальшивки Воровский был лишен права пользования дипломатическим шифром, а несколько позднее получил от шведского правительства предписание покинуть Стокгольм), полпред просил наркоминдела Чичерина и наркомторгпрома Красина ни в коем случае не порывать с теми фирмами, которые сотрудничали с РСФСР, точно соблюдать подписанные контракты «во имя будущих взаимоотношений». Это требовало отправки в Швецию новых советских судов, нагруженных товарами для фирмы «Иенсен и К°», Синдиката льнопромышленных фабрик и многих других. Отправлять даже с учетом того, что это теперь определенный риск. Но риск ради большого дела!

Советское правительство, понимая, как важно поддержать дипломатические ходы Воровского, сочло необходимым послать в Стокгольм уже подготовленные суда, но задержанные после радиограммы Воровского от 13 декабря.

Работники ВСНХ 21 декабря написали Красину: «Просим письменно подтвердить, что ответственность при настоящих политических условиях на Балтийском море за отправку судов в заграничные воды вы целиком принимаете на себя». Красин, более осведомленный в планах

правительства, категорически ответил: «Подтверждаю сделанное мною словесно распоряжение о выпуске наших судов с грузами в Скандинавию... Я принимаю на себя ответственность за целесообразность этой меры». Нарком добавил, что пароходы не должны заходить в Ревель, ибо прежние требования Германии утратили силу.

В Петрограде подняли пары еще на пяти пароходах. Но в последний момент отправку их отложили. Поступили известия, что четыре советских парохода задержаны в Ревеле. В Стокгольме произошли новые осложнения. 26 декабря пришла радиограмма от Воровского: «Пароход «Федерация» (прежде «Вера»)... Стокгольме выгрузка задержана шведскими властями чинящими всякие препятствия тчк Эстонская группа (неразборчиво) претендует на владение пароходом старается добиться секвестра... остальные пароходы в Швецию из Петрограда задержаны Ревеле, из них «Республиканец» (раньше «Либава») послан с эстонской командой Лондон но по пути задержан Копенгагене по претензии Восточно-Азиатского пароходства... судьба прочих пароходов пока неизвестна... сообщите главоду... Воровский».

Связь со Стокгольмом во время приема этой радиограммы несколько раз прерывалась. Не все в ней было понятно. Но основное расшифровывалось. Выгрузка «Федерации» задерживается. Снова препятствия. Эстонские агенты Рижской судоходной фирмы, пекущиеся в Стокгольме о «Федерации», добиваются ее ареста. Попавший в плен «Республиканец» кто-то попытался угнать в Лондон, но по пути пароход задержала Восточно-Азиатская компания (судоходная фирма, где под русским флагом выступал датский капитал).

Несколько позднее Воровский уточнил: «Наши пароходы задержаны вместе с грузами в Ревеле. «Лассаль», «Республиканец», «Циммервальд», «Северная Коммуна» уведены англичанами, находятся сейчас в Копенгагене. Все попытки освободить... безуспешны».

О посылке новых судов уже не могло быть и речи. Красин отменил свое приказание.

14

Что же произошло в Ревеле?

Советские суда приблизились к гавани, когда к Ревелю уже подходила английская эскадра адмирала Син-

клера. Местная знать взялась за оружие, призвала всех, кто видел в лице рабочих Ревеля (Таллина) своих врагов. Подавить зреющее восстание эстонского пролетариата, преградить путь красногвардейским полкам, наступавшим со стороны Нарвы, установить в Эстонии буржуазную диктатуру под защитой английских пушек — вот чего добивалась националистическая буржуазия. 12 декабря, как уже говорилось, английская эскадра заняла Ревель. Пушки и пулеметы, привезенные Синклером, сразу же оказались на позициях против Нарвы и на улицах Ревеля против рабочих. В Эстонии образовалось буржуазное правительство.

8—12 декабря белоэстонские вооруженные отряды, действуя под прикрытием кораблей адмирала Синклера и германских войск, тоже подчиненных Синклеру, ворвались на советские суда и арестовали команды. «Красного флага мы не спустили,— рассказывал матрос Новиков, бежавший несколько месяцев спустя из плена.— Нас взяли силой. Это было как раз в тот день, когда с моря подошли английские корабли...» Другие моряки, пережившие те тяжкие дни и тоже вырвавшиеся на родину, поведали, что было дальше. Арестованных моряков провели по Ревельскому порту, на виду у английских кораблей. Офицер-конвоир, издеваясь, сказал:

— Видите, чертовы большевики, британский флаг? Запомните: рядом с ним большевистскому не бывать!

«А мы верили: бывать! Не сегодня, так завтра, а бывать. Придет день, и красному флагу будут салютовать все. Британский — тоже!»

Путь моряков лежал через город. Таллин переживал дни возбуждения, бурных толков, размежевания. «Красных ведут!» Одни на улицах ухмылялись, другие провожали сочувственными взглядами. Тюрьма. Потом германский эсминец, Либава (Лиепая). Издевательская записка немецкого коменданта лагеря для военнопленных: «С командой поступлено как с большевиками: все арестованы и обобраны». Голод. Первые потери. Побег. Линия фронта. Родина!

15

В январе 1919 года, когда шведское правительство объявило, что порывает дипломатические сношения с РСФСР, и повторило требование о выезде советской

миссии из Стокгольма, Воровский продолжал ту линию, которую наметил,— не сжигать, а прокладывать новые мосты. Пусть сегодня разрыв. Но завтра сами шведы поймут, обязательно поймут, чего лишились, и будут стучаться в советскую дверь. Он продолжал фрахтовать шведские суда, чтобы поскорее вывезти на родину закупленные товары. Вновь и вновь радировал Красину: контракты соблюдать! (Будут и другие времена, вера шведских деловых людей, что с коммунистами можно торговать, не должна быть поколеблена.)

17 декабря 1918 года в Латвии образовалось Советское правительство. 8 января 1919 года Воровский запросил Красина: «Можно ли направить грузы на Ригу для переотправки оттуда в Москву?» Воровский знал, как был труден путь в Петроград (в Ревеле — англичане, у Сестрорецка — белофинские корабли. К тому же наступил ледостав). Искал любые щели, чтобы продвинуть на родину товары, купленные на народные деньги, а заодно исполнить контракты по фрахтованию шведских судов. Но положение Советов в Латвии было еще непрочным, и Красин 10 января радировал Воровскому: «Отправка грузов на Ригу преждевременна».

...А что с «Федерацией»?

В первой половине января 1919 года пароход удалось разгрузить. Товары были проданы шведским фирмам. Это дало Воровскому значительную сумму местной валюты. Он закупил товары для Советской республики и зафрахтовал суда.

21 января 1919 года правительство Швеции предписало Воровскому покинуть Стокгольм к 25 января. В местной печати поднялась новая волна антисоветской истерии. Этим немедленно воспользовались те, кого в бешенство приводил красный флаг над бывшей «Верой». «Авторитеты»-юристы стали доказывать, будто советские декреты о национализации «не имеют законной силы». Требовали судебного разбирательства, чтобы по приговору шведского суда (как будто его решения были обязательны для суверенного Советского правительства!) вернуть пароход господам Гельмсингу и Гримму.

На причале у «Федерации» появились шведские полицейские. Капитану объявили, что пароходу запрещено покидать портовую стоянку. Экипаж лишили права закупать продовольствие. На исходе оказался уголь.

Все попытки Воровского отправить «Федерацию» на родину ни к чему не привели. Началось судебное разбирательство. При выходе «Федерации» из Копенгагена на Стокгольм советский консул сумел застраховать ее в одном из иностранных банков, и это значительно укрепило международно-правовое положение владельца судна, то есть представительства Советской России.

Воровский принял решение: оставить на пароходе минимальное количество моряков, а остальных возвратить в Петроград.

Утром 30 января на «Федерацию» прибыл представитель полпредства и вручил отъезжавшим на родину паспорта. Он сказал, что вечером подойдет буксир, который доставит их на финский пароход, уходящий в Або.

Но кто-то помешал... Буксир в назначенное время не пришел. Только назавтра, уже на другом пароходе, моряки выехали из Стокгольма. Их путь оказался нелегким. Отделив моряков от дипломатов — сотрудников миссии, пользовавшихся иммунитетом, шведские власти обращались с ними, как с арестованными. К финскому пароходу их препроводили под конвоем. В море тоже держали под арестом.

В начале февраля моряки вернулись на родину.

...Двенадцать членов команды «Федерации» остались в Стокгольме. Полицейские, дежурившие у трапа, злорадствовали:

— Чем кормитесь, господа?

Какие-то типы забрасывали на палубу антисоветские листовки. Появлялись джентльмены, говорившие по-русски:

— Кончайте волынку, сходите на берег, все равно вам придется стаскивать свой большевистский флаг.

Все двенадцать продолжали мужественно оберегать стяг Советской республики.

Морякам удалось переправить на родину письмо. Они передавали товарищеский привет и скупо обрисовывали свое положение: денег нет, продовольствия не дают. И спрашивали: «Не желательно ли, чтобы при открытии навигации (весной) пароход был отведен в какой-либо из портов Балтийского моря, где установлена Советская власть... С настоящим числом команды, 12 человек, эта задача выполнима».

Тюльпин понял замысел экипажа. Уйти в открытую невозможно. Но моряки надеялись на другое. «Порт, где установлена Советская власть»,— Рига. До национализации «Федерация» («Вера») была приписана к Рижскому порту. Моряки намеревались воспользоваться формальным поводом: «Идем в свой порт».

Но и этот план не удался. 22 мая 1919 года Ригу вновь оккупировали интервенты. Только 30 мая представилась возможность отправить на «Федерацию» ответ. Тюльпин призывал моряков держаться до последнего, ждать новых указаний.

Даже плененная, «Федерация» продолжала служить интересам республики. Над пароходом по-прежнему реял красный флаг, напоминая, с чем и для чего приведен он сюда. Это был мирный корабль с мирными грузами (не эскадра адмирала Синклера!). Это была «красная ласточка», возвещавшая, что страна, пославшая ее, предлагает народам мир. Эти факты невозможно было перечеркнуть никакой антисоветской пропагандой.

«Держаться до последнего» — значило, несмотря на трудности — голод, лишения,— держать здесь, в чужой стране (но где и немало друзей), флаг первого государства рабочих и крестьян. Держать до тех пор, пока это необходимо в интересах республики...

16

О том, что советские суда, направлявшиеся в Данию и Швецию, захвачены в Ревеле, писали все газеты Скандинавии. Знали об этом в парламентах Стокгольма и Копенгагена. Газеты сообщали и о том, как «поступлено с большевиками» — членами советских морских экипажей. Но никто из правительственных кругов скандинавских столиц не выступил с протестами. (Протестовала только левая социалистическая печать. Кстати, поддержкой шведских рабочих организаций пользовались моряки «Федерации», и это их спасало.) Ответственность за учиненный разбой несло и правительство Англии. Гнусный акт насилия совершался под охраной британской эскадры. Захваченные суда были укрыты в английских и датских портах. 2 и 6 февраля 1919 года Советское правительство направило ноты протеста правительствам Вели-

кобритании, Швеции и Дании, возложив на них ответственность за совершенное насилие и потребовав полного возмещения убытков.

17

Несколько лет собирал я в разных архивах документы, позволившие восстановить картину, прошедшую здесь перед читателями. Иной раз у меня возникали вопросы: «А не поспешно ли все это делалось? А не дорого ли обошелся эксперимент, хотя и очень важный по замыслу?» Но тут приходили на память слова, не раз повторявшиеся Лениным: в политике (а тем более в дипломатии) нет ровной и гладкой, как Невский проспект, дороги. А какие крутые перемены в международном климате происходили именно в те самые дни! То, что сегодня барометр показывал «ясно», завтра оборачивалось бурей. Когда Ленин советовал дипломатам: «торопитесь медленно», он ведь одновременно требовал действовать и энергично. В эпизоде, рассказанном здесь, было все — и осмотрительность, и натиск.

Итоги первой навигации, всех усилий по продвижению советского морского флага за границу тогда же рассматривала специальная комиссия. И люди, облеченные большим доверием, пришли к выводу: вся беда в том, что Советскую власть не признают за границей. «Без такого признания наши суда неизбежно будут задерживаться». Но признание не зависело ни от Воровского, ни от Красина, ни от Тюльпина, ни от моряков. Именно ради этого признания, ради того, чтобы оно наступило, предпринималось все возможное, в одних случаях шли напролом, в других — просачиваясь сквозь малейшие щели.

«Изменить положение может только всеобщий мир или заключение Россией особых мирных договоров со странами, прилегающими к Балтийскому морю, и Англией» — был второй вывод комиссии. Но это вовсе не значило, что оставалось сидеть сложа руки и ждать прихода такого времени; значило бороться за такой мир, за международное признание Советского государства. И тогда же было принято решение возобновить при первой же возможности наши морские сношения с заграницей.

В Советской стране были убеждены — такое наступит. Так ведь и случилось. Но путь оказался нелегким.

БИТВА ПРИ ГЕНУЕ

1

По Охотному ряду, по Лубянке и Неглинной в расписных санях беспечально катят граждане-господа новейшей формации. Тут и главы семейств, что снова с деньгами и амбицией, и дамы в дорогих шубах, и розовощекие молодцы, и барышни в наимоднейших шляпках.

— На Тверскую, к бывшему Елисееву!

— На Петровку, в бывший «Мюр и Мерилиз»!

В залитых огнями витринах полуаршинные балыки, пудовые банки с икрой, сыры-бочонки, огромные цепи из колбасных колец, россыпи баранок, сушек, калачей, французских булок.

У прилавков толчея:

— Окорок у вас вестфальский?

— Да, мадам. Триста тысяч за фунт. Сколько изволите?

— Пару фунтиков.

— Мне говядинки, милейший. Вот этой.

— Курица почем?

— Четыреста тысяч.

— Парочку взвесьте.

Щелкают костяшки счетов.

— Итого два миллиона двести девяносто пять тысяч.

Говорится это запросто. Рубли тоже платят без тени смущения. Одна забота — извлечь из корзин фунты бумажных совзнаков.

Перед обладателями миллионов самый разнолакомый, зазывной выбор: «Лучшее сахарное пирожное у Каде!», «Моссельпром МСНХ продает пирожные на двадцать процентов дешевле», «Государственная фабрика

№ 1 (бывшая Чичкина) предлагает колбасы копченые, вареные, ливерные. Качество довоенного времени. Остерегайтесь подделок!», «Элегантное платье для дам. Мясницкая, 43, во дворе», «Универсальный магазин Мосторга, Петровка, 2 (бывший «Мюр и Мерилиз»)». Поставщики товаров — крупнейшие государственные фабрики Москвы, Петрограда, Нижнего Новгорода, Иванова-Вознесенска. Все для дома и семьи. Цены ниже, чем у частников!

Страстной бульвар, Сретенка, Арбат... Распахиваются двери ресторанов. Нэпманши в соболях и каракулях. Золото, бриллианты. Шумные, надменные повеления. В другой раз — румяна без соболей. Дешевые шубки да и те взяты напрокат. Фальшивые блестки. Черные круги под глазами. Это особы древнейшей профессии, но еще без стажа... Сани с красными фонарями уносятся в звездную просеку.

Москва конца двадцать первого года...

«С 1 августа наши сотрудники не получают ничего. Из остатков прежних складов мы даем им более чем скудный обед (грязная вода) — вот и все. Живут тем, что продают старые вещи... Все торгуют. Заведующие отделами на улице продают старые штаны — посланники проходят и видят их. Сейчас у меня в канцелярии журналистка упала в обморок...»

Это тоже Москва второй половины двадцать первого года — по письму народного комиссара иностранных дел Георгия Васильевича Чичерина. Голод пришел и к дипломатам, хотя на Тверской у Елисеева — балык и сыры, пирожные и французские булки.

Трудовая столица живет на самый скудный паек. Черный рынок не для нее.

А в сотнях километров от Москвы еще печальнее. Под снегом теперь даже коренья и травы, всю осень спасавшие людей от гибели. Тысячи и тысячи бродят по лесам и полям Поволжья, коченеют, замерзают, остаются под белым саваном, так и не добравшись до суррогатной, но спасительной пищи. Тысячи и тысячи уходят в города. А там не только голод, но и тиф. Тридцать миллионов населения Советской России (из ста пятидесяти) обречены на самую черную зиму.

2

В середине декабря 1921 года при переезде Наркоминдела из «Метрополя» в здание на углу Лубянки и Кузнецкого моста Георгий Васильевич Чичерин простудился. И снова дала себя знать старая болезнь. Его душил кашель, особенно по ночам. Он сдерживал его, поднося к губам конец теплого шарфа.

В свитере, в старом пиджаке, большелобый, худой, осунувшийся от недоедания, рыжеусый, с бородкой, задумчивый и усталый, Чичерин работал даже в ночные часы. Дел было по горло.

Когда отходила дневная горячка — срочные ответы на запросы Владимира Ильича; совещания коллегии наркомата; телефонные переговоры с Кремлем и секретарями ЦК; шифрованные телеграммы Красину в Лондон, Воровскому в Рим, Крестинскому в германскую столицу; когда позади оставались часы, в которые Георгий Васильевич переходил от одного стенографа к другому и диктовал ноты и запросы Керзону — по-английски, Лушеру — по-французски, немцам — по-немецки; когда прочитывались важнейшие документы, поступавшие из-за границы, Чичерин принимался за иностранные газеты (советские читал обычно утром).

Эти ночные занятия были необходимостью — знать противника, знать и то, как выглядят в глазах Запада дела и помыслы родной страны.

С тех пор как начался нэп, как разразился голод, одно и другое стало не только областью экономики, политики, но и дипломатии.

Внутри республики приняли все меры к тому, чтобы голод ослабить. Хлеб из менее пострадавших губерний повезли в районы наибольшей беды. Но собственного хлеба было очень мало.

2 августа 1921 года к пролетариям Запада обратился Владимир Ильич Ленин: «Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев».

Первыми отозвались те, кто своими руками сеет, жнет и перевозит хлеб. Они отказывали себе, но посылали русским. Откликнулись и западные политики. Но как? Одни потирали руки: мол, теперь осталось ждать недолго.

Русский народ, доведенный до отчаяния, покончит с большевиками. Другие не верили в подобное и строили иные планы. Они рассуждали так. Большевикам не на что покупать хлеб ни в Европе, ни в Америке. Им нужны кредиты. Кредиты нужны им и для восстановления своего разоренного хозяйства. Дать, но потребовать: заплатите старые долги России, верните иностранным собственникам их заводы, рудники, шахты, нефтяные промыслы, землю, дворцы. Знаем — сейчас вы нищие. Платить наличными не можете. Но есть выход. Вы начали внутренний нэп — частные лавочки, свободный рынок... Вам придется раскрыть ворота пошире. Впустите в Совдепию наших банкиров, наших деловых людей, технических специалистов, и мы будем гарантированы, что Россия заплатит и старые и новые долги.

В таком духе высказались участники Брюссельской конференции антантовских держав, которые совещались в бельгийской столице в начале октября 1921 года.

«Дело понятное,— заметил в те дни Владимир Ильич Ленин.— Когда же видано, чтобы кровопиец рабочего человека, капиталист и ростовщик, помогал ему бескорыстно... Нашим голодом хотят сейчас воспользоваться, чтобы уничтожить нашу кровью добытую свободу...»

И все же пришлось вступить в диалог.

28 октября 1921 года, после советов Ленина, нарком Чичерин направил ноту участникам Брюссельской конференции — правительствам Великобритании, Франции, США, Италии и Японии:

«...Никакой народ не обязан оплачивать стоимость тех цепей, которые он носил в продолжение веков. Но в своем непоколебимом решении прийти к полному соглашению с другими державами Российское Правительство готово сделать ряд существенных и значительных уступок... Оно готово признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 года...» Для этого требуется, во-первых, чтобы Советскому правительству были предоставлены условия, дающие возможность выполнить эти обязательства. Во-вторых, великие державы должны положить конец действиям, угрожающим безопасности советских республик. В-третьих, Советское правительство должно быть признано юридически. В-четвертых, нужно созвать международную кон-

ференцию, которая рассмотрела бы требования других держав к российскому правительству и требования Советского правительства к этим державам. Наконец, конференция должна выработать окончательный мирный договор между заинтересованными странами.

Ни одна советская нота, до тех пор посланная на Запад, не вызвала там столько откликов и пересудов.

Нэп, голод, согласие большевиков обсуждать вопрос об уплате старых долгов, а заодно и последние декреты правительства, которыми подкреплялась новая внутренняя политика хозяйствования, стали предметом самых горячих суждений на страницах главнейших газет мира.

В ту зимнюю ночь, когда болезненный кашель Чичерина разносился по притихшим коридорам здания на Кузнецком, официозные и просто буржуазные газеты Лондона и Нью-Йорка, Берлина и Парижа, Рима и Брюсселя комментировали происходящее в Москве, нашептывали и подсказывали, требовали и предрекали.

Корреспонденты западных газет писали из Москвы, что в частных русских магазинах снова продают французские булки, даже ночью! Рестораны и кафе переполнены. В них снова подают изысканные блюда и напитки. Правда, за это надо платить миллионы. Но в Москве уже достаточно людей, владеющих советскими миллионами. Это мелкие предприниматели и спекулянты всякого рода. Здесь зовут их нэпманами. Они варят мыло в подвалах и продают на Сухаревском рынке. Они открыли тысячи лавчонок и торгуют контрабандой, старьем, товарами, спрятанными еще до войны, и товарами, произведенными теперь бог весть каким образом.

По улицам Москвы теперь реже ходят с красными флагами и меньше митингуют. Все работают, все что-то продают или покупают. Не только частники. Широко шагают государственные тресты и кооперативные союзы. Между ними и частником уже идет конкуренция. Кто победит?

«Нэповская программа большевиков — пересмотр их первоначальных концепций в области иностранной, торговой, финансовой и социальной политики».

«...Единственно возможный путь для восстановления России — это пребывание Европы в Москве, контроль русского хозяйства, русской политики, русской советской армии, русской пропаганды».

Чичерин знал почти всех иностранных корреспондентов, работавших в Москве. И когда по ночам он читал их сообщения, комментарии, домыслы о планах Кремля, то за подписями, стоявшими внизу, угадывал нечто большее. Для Чичерина в этих корреспонденциях слышались голоса биржевиков, потерявших в России миллионные доходы, а теперь засуетившихся, авось удастся вернуть... Английских, французских, бельгийских, американских промышленников, у кого советские национализации отняли рудники, заводы, нефтяные промыслы. Эти господа тоже воспылали интересом к московской жизни, к декретам Совнаркома, к нотам «кремлевских дипломатов»: не близится ли день, когда потерянное вернется.

В том, что писали иностранные корреспонденты из Москвы, были и надежды немецких бюргеров, данников Версаля, искавших себе союзников, чтобы противостоять Антанте. И голоса высокомерных заокеанских политиков, которые еще с дней Октября продолжали твердить: большевиков не признаем!

В разноязыких пересудах и прогнозах западных газет Чичерин находил и другие высказывания —трезвых политиков буржуазного мира, реально оценивавших положение в собственных странах. Те видели: их хозяйство расстроено, послевоенный кризис создал армии безработных, поднял на борьбу с нищетой миллионы и миллионы... Россия и при большевиках остается частью хозяйственного организма Европы. Без русского сырья и русского рынка не может быть нормальной европейской и мировой торговли. Значит, нужно иметь дело с Россией, с Советской властью. Решать русский вопрос без большевиков все равно что ставить «Гамлета» без принца!

Ночь на исходе. В соседней комнате дешифруют только что полученную телеграмму Красина, наркома внешней торговли и полномочного представителя Советской России в Англии. Чичерин предупрежден: донесение особо важное. Он ждет. И вот оно перед ним:

«Вчера я был приглашен в десять часов вечера сэром Робертом Хорном [1], который заявил, что меня желает видеть Ллойд Джордж, и мы немедленно же внутренним ходом прошли на Даунинг-стрит, 10, где в кабинете состоялось совещание втроем».

---

[1] Роберт Хорн — в то время министр торговли Великобритании.

Красин сообщал, что разговор касался широкого круга вопросов, в центре которых — послевоенное восстановление Европы. Ллойд Джордж признает необходимым участие Советской России в мировом экономическом обмене. Красин заметил, что широкая торговля России с западными странами невозможна до тех пор, пока Советское правительство не будет признано юридически.

«Ллойд Джордж заявил, что он вполне понимает важность этих аргументов, но предвидит затруднения со стороны Франции, в особенности ввиду неопределенности вопроса о признании долгов. Я возразил на это,— продолжал Красин,— что признание долгов довоенных нами объявлено в совершенно недвусмысленной форме». Добавил также, что это сложный вопрос и его простым обменом нотами не разрешить. Поэтому Советское правительство предлагает созвать международную конференцию и рассмотреть претензии и контрпретензии сторон.

«Разговор в таком роде продолжался около часа. В заключение Ллойд Джордж сказал, что на будущей неделе [в Лондон] приедет Бриан [премьер-министр Франции.— *М. С.*] и Ллойд Джордж попробует убедить его в необходимости переговоров с Россией... Общее впечатление таково, что сам Ллойд Джордж, по-видимому, уже примирился с необходимостью рано или поздно признать Советское правительство... На будущей неделе, очевидно, получим более подробное осведомление... Крайне необходимо уже теперь готовиться к предстоящей общеевропейской конференции, собирать весь материал, назначить представителей».

Чичерин что-то подчеркивает на телеграмме и кладет ее в папку, где хранит бумаги для срочного доклада Ленину.

3

Вечером 23 декабря Чичерин приехал в Большой театр. Он прошел людный вестибюль и свернул к боковой лестнице. Здесь перед ним расступились двое — высокий, белесый, в отутюженном костюме, прилизанный и напомаженный; другой был в пальто и меховой шапке с растопыренными ушами, в очках. Чичерин узнал корреспондентов германских газет «Берлинер тагеблат» и «Франкфуртер цейтунг».

— Господа, я не вижу у вас красных книжечек, вот

этих.— Чичерин вынул из портфеля только что изданный к IX Всероссийскому съезду Советов годовой отчет НКИД.— Рекомендую обзавестись. Должны быть в книжном киоске.

— Непременно. Большое спасибо...

Корреспонденты сообразили, что им самим богом ниспослан случай взять интервью, так сказать, экспромтом.

— Господин Чичерин, позвольте один вопрос.

— Только один? — улыбнулся нарком.— Слушаю вас.

— Мы прошлись по Тверской. Москва делает покупки к Новому году. Но бросается в глаза, что прилавки магазинов осаждают главным образом нэпманы. Не находите ли вы, что ваша новая политика порождает новый класс богачей? А ведь советская революция...

Чичерин мгновенно уловил подспудную суть вопроса:

— Правильно, наша революция покончила с классом эксплуататоров. Навсегда! И нэп — это программа реорганизации и подъема *советской* экономики. Я подчеркиваю: *советской*! А частники, нэпманы — вынужденная пена, сор на приливе нашего экономического подъема. Если хотите, господа, это кривое зеркало, неверное, уродливое отражение того, что есть в наших действительных намерениях.

— «Кривое зеркало»? Очень интересно... И как долго вы намерены терпеть это зеркало?

— Во всяком случае, сегодня вечером разбивать мы его не будем.

— На Западе больше всего интересуются именно тем, как долго и как далеко вы намерены идти вашим новым курсом?

— Скажите, а государственный капитализм, иностранные концессии надолго? — наступал другой корреспондент.

Чичерин шагнул к лестнице.

— Господа, вы же сказали, что у вас только один вопрос?

Вечером 23 декабря 1921 года в Большом театре открылся IX Всероссийский съезд Советов. Зал — для делегатов: меховые деревенские полушубки, городские пальто, кожаные куртки, шинели... Верхние ложи — для гостей, рабочих Москвы, государственных служащих. Для иностранных дипломатов и полудипломатов (посольств в Москве еще мало, больше торгово-экономических мис-

сий); для советских и иностранных корреспондентов. В глубине сцены, слева и справа от стола президиума, который покрыт красным сукном,— народные комиссары. Ближе к рампе, сбоку, декорированная трибуна для ораторов. Председательствующий Михаил Иванович Калинин объявляет:

— Слово по первому пункту дня имеет товарищ Ленин.

«Небольшого роста человек в темном пиджачном костюме с мягким воротником короткими шагами быстро подходит к самой рампе. Его встречает буря рукоплесканий, и в этом слышится, сколь велик авторитет Ленина»,— напишет корреспондент германской газеты «Франкфуртер цейтунг». Он сделает и такие наблюдения. «Просто, естественно говорит Ленин, обращаясь к многолюдной аудитории. Так говорят, когда знаешь, чего хочешь, и когда чувствуешь, что ведешь за собой массу. Ленин располагает всеми данными и пускает в ход и статистические аргументы, и смелую убежденность свою, и тонкую иронию. Его речь становится абстрактной, когда дело касается вещей, требующих осторожного обращения... Он совершенно спокоен. Только изредка замечаешь нервное движение пальцев, когда перелистывает немногие заметки, куда занесены его цифры. Вообще же он говорит вольно, шагает взад и вперед вдоль рампы... Ленин — оратор, который внутренне потрясает аудиторию. Он доминирует над ней авторитетом, корни и истоки которого находятся вне зала».

Впрочем, таких отчетов о московском съезде иностранные корреспонденты послали на Запад не много. Преобладали другие и другое.

Прошел год, когда впервые после трех лет гражданской войны, интервенции и блокады народы Советской России могли воспользоваться относительным миром и хоть сколько-нибудь заняться делами по восстановлению страны. 1921 год принес и иные перемены. В столицах антантовских держав наконец начинали усваивать, что ни силой оружия, ни цепями голода и впредь не сломить, не задушить республику Советов.

16 марта 1921 года британский министр торговли Роберт Хорн и народный комиссар внешней торговли Советской России Леонид Красин, после затяжных и трудных переговоров, поставили свои подписи под докумен-

том, которым правительства двух стран, впервые после Октября, пришли к согласию начать мирный обмен товарами и сырьем. Тогда же в английском парламенте первый раз было заявлено: правительство Великобритании признает правительство Советов «фактически существующим».

Примеру Англии последовали Германия, Италия и другие буржуазные государства.

И вот вечером 23 декабря 1921 года Владимир Ильич Ленин не без гордости говорил в Большом театре: Россия «обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных, постоянных торговых сношений, представительств, договоров...»

Ленин приводил цифры, характеризовавшие внешнюю торговлю республики. Он говорил как о событии чрезвычайном, что уже получена первая полсотня шведских и германских паровозов (из тысячи заказанных). Правда, за них приходится платить втридорога. Но все-таки буржуазная Европа уже торгует с нами. Продает не только паровозы, но и цистерны, молотилки, сеялки, лекарства. За этим Ленин видел многое. Три года нас зверски душили. Три года строили всяческие расчеты, как бы с нами расправиться. Но «наш расчет, в большом масштабе взятый», оказался более правильным. «Есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения...» Они и заставили даже такого интервента, как Ллойд Джордж, приказать министру Хорну поставить свою подпись рядом с подписью большевика Красина.

Ленин приводил данные о вывозе советских товаров за границу и замечал: цифры пока мизерные, до смешного малые. Всякому знающему человеку они говорят — нищета...

Да и как не быть нищете, если Россия испытала такую тяжесть войны, какую не пережил никакой другой народ. А за войной империалистической пошла война гражданская, интервенция. Если в пору военного лихолетья Республика Советов походила на осажденную крепость, а вокруг океан вражды. Если страна теряла то угольные, то нефтяные районы, то лесные кладовые, то хлебородные губернии. А каждый, кому на время доставались народные богатства, только истощал и разорял

их. За годы войны поля России пропитались людской кровью, почти не знали плуга и семени. И земля стала бесплодной. Стоило случиться засухе, как в минувшее лето, и обрушилась новая беда. 1921 год стал «годом неслыханной тяжести». Но уже есть проблески надежды. «...Мы все-таки теперь стоим на пути, который открывает нам возможность улучшения нашего положения, вопреки непрекращающейся вражде к нам...» Из-за рубежа приходят известия, что антантовские державы в будущем году собираются созвать международную конференцию и пригласить на нее Россию. Хотят обсуждать условия мира. Что же, это примечательно, наши условия известны.

Ленин перешел к вопросам внутренней политики республики. А здесь в числе главных была новая экономическая политика, провозглашенная весной на X съезде партии. Ленин подводил первые итоги нэпа и говорил о том, как налаживается внутренняя торговля, какие горизонты открываются на других фронтах начинающегося хозяйственного строительства.

Но что же западные корреспонденты? В своих отчетах о происходившем в Большом театре они написали так, что французский биржевик, английский промышленник, буржуазный парламентарий должны были прежде всего усвоить, что Ленин назвал Ллойд Джорджа одним из чрезвычайно искусных вождей капиталистического мира. И в этом не только «новый советский этикет», но и предзнаменование каких-то новых дипломатических шагов Кремля... «Ленин снова повторил, что Советская Россия была вынуждена отступить к государственному капитализму, к концессиям, к свободному рынку»... «Вождь русских большевиков призвал учиться хозяйствовать и торговать у частных предпринимателей и купцов». Относительно старых долгов Ленин сказал: «Мы не отказываемся платить и торжественно заявляем, что готовы об этом говорить деловым образом»».

«Упразднение ВЧК»! Западные газеты напечатали и это под самыми крупными заголовками. Да, Ленин касался на съезде вопроса о ВЧК. Он говорил, что ее следует реорганизовать и почему теперь, после гражданской войны, после отражения интервенции, это возможно и необходимо. **«Повышение законности ВЧК и ее реформа»** — значилось в ленинских тезисах. Но ленинские комментарии не устраивали западных корреспондентов. Они и в

реорганизации ВЧК выискивали какой-то скрытый смысл. Одни уверяли, будто большевики пересматривают все свои позиции, что происходит «демобилизация пролетарской диктатуры». Другие рассуждали: «Ленин зовет иностранных капиталистов: «Приходите, мы дадим концессии»». Но кто же из иностранцев пойдет в Совдепию, покуда там сохраняются «чрезвычайки»?

...Последние дни двадцать первого года. Нэп с его замыслами и «кривым зеркалом». Голод после войн и засухи. И гордость, что отражены все нашествия, что государство Советов теперь простирается от моря до моря. И беда: нарушен кругооборот хозяйственной жизни. Дымит только одна из трех заводских труб. Еще лежат почти нетронутыми несметные клады российских недр. По железным дорогам еле-еле тянутся искалеченные паровозы, да и тех в десятки раз меньше, чем надо. Морские гавани полумертвы. Сотни русских судов угнаны в чужие воды, уцелевшие стоят на заржавленных якорях.

И все же люди новой России — в грезах будущего. Миллионы вершителей Октября, миллионы бойцов, вернувшихся с фронтов,— победители Каледина и пуришкевичей, Деникина и кадетов, Колчака и эсеров, Врангеля и националистов, победители интервентов четырнадцати держав — преисполнены нетерпеливого порыва сделать все, что они начертали на своих знаменах еще в Октябре. Будущее... А пока голодавшей России нужен хлеб, нужны машины, нужны технические специалисты. И хлеб, и машины, и специалистов может дать Запад. Но какой ценой?..

4

Поздно вечером 7 января 1922 года кремлевский телеграф принял из Рима депешу на имя Председателя Совнаркома Ленина и народного комиссара иностранных дел Чичерина. Советское представительство в Риме извещало, что получено следующее сообщение итальянского министерства иностранных дел:

«Вследствие принятого на днях Верховным советом [1] решения, в Италии в марте месяце созывается экономическая финансовая конференция, в которой примут участие все европейские государства. Итальянское правительство,

[1] Имеется в виду Верховный совет стран Антанты.

в согласии с британским правительством, считает, что личное участие в этой конференции г. Ленина значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом становлении Европы. Королевское министерство иностранных дел просит поэтому Российскую экономическую делегацию соблаговолить срочно сообщить в Москву о желании Королевского правительства, чтобы г. Ленин не преминул принять участие в конференции. Желательно, чтобы ответ мог бы быть сообщен в Канны в будущий понедельник».

Но почему в Канны?

Со времени Версальской конференции 1919 года, когда державы Антанты занялись послевоенным «устройством» Европы и мира, международные конференции держав-победителей вошли в обычай. В пятницу 6 января в курортном городе на юге Франции, в Каннах, собрались отдохнувшие и порозовевшие после рождественских праздников премьер-министры и министры, составлявшие Верховный совет Антанты.

В одиннадцать часов утра председательское место занял Аристид Бриан, премьер Франции, сутулый, пышноволосый, в тесном черном пиджаке.

Бриан приехал из Кошреля — там было его поместье со знаменитыми фермами коров и телят. За время праздников Бриан вдоволь насмотрелся на своих любимцев. Вдоволь наговорился за семейным столом. Но в Каннах на его лице почему-то была тревога.

Рядом с французским премьером сидел Дэвид Ллойд Джордж — краснощекий, кругленький, с белой щеткой усов, беззаботно веселый, внешне этакий уютный, добродушный старикан-буржуа.

Бриан предоставил слово Ллойд Джорджу. И когда тот заговорил, прежнее впечатление сразу рассеялось. Теперь это был коренастый, большой, сильный, «настоящий Ллойд Джордж» — тот, которого мир знал по речам и портретам — «чародей политической интриги», «искусный лавировщик», одновременно «хитрый, как рубенсовский вакх», и «загадочно зловещий». Он говорил и обращал свой взгляд то на лорда Керзона и сэра Хорна — членов своего кабинета, то на премьера Бриана и министра иностранных дел Франции Лушера, то на Бономи, премьера Италии. Утверждая, что экономическое восстановление Европы невозможно без участия России с ее

рынком и источниками сырья, Ллойд Джордж смотрел на Роберта Хорна, зная, что тот — единомышленник. Когда английский премьер призывал Францию согласиться на созыв европейской конференции с участием России и Германии, глаза «чародея политики» ощупывали Бриана. Говоря о том, что для успеха международной конференции неизбежно представительство Советов, Ллойд Джордж в упор смотрел на итальянца Бономи: «Не так ли? Разве можно против этого возражать?» Когда Лушер бросил шутку, задев чем-то Ллойд Джорджа, тот улыбнулся, дав понять, что шутку ценит, но тут же метко парировал и спокойно перешел к делу.

— Развитие экономических сношений с Россией предполагает, разумеется, обеспечение с ее стороны определенных гарантий капиталов, собственности и прибылей от предприятий иностранных капиталистов.

В три часа тридцать минут дня премьеры и министры совещались снова и решили: экономическую конференцию созвать в городе Генуе и пригласить все страны, включая Германию, побежденную в мировой войне, и Россию, «не признанную» после Октября. Просить итальянское правительство взять на себя честь устроителя предстоящего съезда наций.

В Риме еще не было советского посла. Правительство РСФСР представляла Российская экономическая миссия. Ее возглавлял Вацлав Вацлавович Воровский. Вот почему телеграмма поступила в Москву через советское представительство в Риме.

О возможном приглашении на международную конференцию Москва догадывалась и раньше. Об этом еще в конце декабря сообщал Красин из Лондона.

5 января 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) постановило образовать комиссию Наркоминдела для подготовки к международной экономической конференции. 8 января Москва ответила в Канны:

«Российское Правительство с удовлетворением принимает приглашение на европейскую конференцию, созываемую в марте... Выбору Российской делегации будет предшествовать Чрезвычайная сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, которая снабдит ее самыми широкими полномочиями. Даже в том случае, если бы Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин, вследствие перегруженности работой, в особен-

ности в связи с голодом, был лишен возможности покинуть Россию, тем не менее состав делегации, равно как и размеры предоставленных ей полномочий придадут ей такой же авторитет, какой она имела бы, если бы в ней участвовал гражданин Ленин. Таким образом, ни в коем случае со стороны России не будет каких-либо препятствий к быстрому ходу работ конференции».

Под телеграммой стояла подпись Чичерина.

В Каннах, конечно, заметили, что прямого ответа на вопрос, приедет ли Ленин, телеграмма не давала. «Перегруженность работой?» Но разве другие премьеры не занимаются государственными делами? Впрочем, смолчали, ожидая «развития событий» в России.

В телеграмме Чичерина умалчивалось о болезни Владимира Ильича, начавшейся с конца 1921 года. Но стоило ли раньше времени сообщать каннским дипломатам? Во-первых, болезнь еще не проявлялась опасно. Была надежда, что Владимир Ильич вскоре вернется в Москву (он находился в Горках). И тогда ЦК и правительство решат, ехать ли ему в Геную или нет. Во-вторых, речь шла о поездке в буржуазную страну через буржуазные государства, где было полно белогвардейцев, где голову поднимали фашисты.

«Ни в коем случае не отпускать товарища Ленина в буржуазные государства!» — говорилось в резолюциях рабочих и крестьянских собраний.

«Где гарантия того, что не произойдет провокаторских поступков в отношении тов. Ленина со стороны белогвардейской эмигрантщины и реакционной клики международных хищников?!»

«Мы просим ВЦИК заявить тем, кто приглашает тов. Ленина в Геную: если у вас так велико стремление видеть его — пожалуйста к нам в Москву. Дорога открыта. А к вам его не пустим, потому что мы вам не верим — плохо себя зарекомендовали».

5

Что именно и на каких условиях предлагают западные дипломаты обсуждать в Генуе? Такие вопросы задавали и в Кремле и на Кузнецком мосту.

Москва ждала.

Между тем в Каннах разыгрались события, вероятность которых Аристид Бриан предвидел еще раньше.

В кабинете Бриана военным министром был Луи Барту. Он уже более двадцати лет занимал высшие правительственные посты, в том числе премьер-министра.

Барту вместе с бывшим президентом Раймоном Пуанкаре теперь вел кампанию за ниспровержение Бриана.

Аристид Бриан принадлежал к тем политическим деятелям Запада, которые признавали, что прежняя политика правительств Антанты в отношении Советской России не оправдалась. Ни военная интервенция, ни экономическая блокада не сломили большевиков. Нужен новый подход в «русском вопросе». Великобритания тоже блокировала большевиков, посылала против них войска, но Ллойд Джордж нашел новое решение в виде англо-советского торгового договора. Англичане пошли торговать с Советами. Почему же должна отставать Франция? Медлить — значит потерять русский рынок.

Но гибкость Бриана не устраивала национал-милитаристов во главе с Пуанкаре и Барту. Те считали, что провал интервенции и блокады по-прежнему не исключает жесткой политики в отношении Советов. Первая и главная цель Франции — получить с большевиков старые долги России, принудить вернуть национализированную собственность французов и других иностранцев; заставить большевиков уважать «священные законы», на которых покоится «цивилизованный мир». А это, мол, в конце концов приведет к «естественной смерти большевизма».

Когда Бриан поддержал в Каннах план Ллойд Джорджа созвать международную конференцию с участием России и Германии, Барту, воспользовавшись отсутствием премьера в Париже, провел тайное совещание с Пуанкаре, а затем настроил парламент послать Бриану телеграмму с запросом: на каких условиях приглашается глава большевиков Ленин?

Бриан ночью 9 января телеграфировал ответ. Он направил в Париж и министра финансов Думера — лично разъяснить коллегам в Бурбонском и Елисейском дворцах позицию французской делегации.

Наутро телеграмму Бриана зачитали в Елисейском дворце, где у президента Мильерана собрался кабинет министров. Первым взял слово Барту. Он открыл огонь по политике главы правительства, применяя снаряды из арсенала национал-милитаризма. Потом выступил министр Думер. Тот Думер, который в Каннах прощался

с Брианом при улыбках и заверениях, что премьер может на него положиться. Но в Елисейском дворце он сказал другое:

— Господин премьер капитулировал перед настойчивостью Ллойд Джорджа и происками большевиков. Приглашение Ленина в Геную сделано без достаточного обеспечения интересов Франции.

Снова застучал телеграф. Париж сообщил Бриану, что кабинет министров считает возможным приглашение русской делегации в Геную при условии, если Советам будет предъявлено категорическое требование безоговорочно признать долги Франции.

Бриан поспешил в Париж. Утром 12 января он беседовал с президентом Мильераном. Потом провел совещание министров. В час дня корреспондентам передали официальное сообщение: «Премьер изложил своим коллегам ход переговоров в Каннах. Совет министров постановил выразить свое полное согласие с премьером». Но уже никто не верил этому.

— Последний сувенир бриановского правления! — шутили журналисты, небрежно пряча в карманы переданные им листки.

Вопрос об условиях приглашения Советской России в Геную не был единственным, по которому разошлись Бриан и группа Пуанкаре — Барту.

В Каннах обнаружились острые разногласия между Францией и Германией в связи с требованиями последней о пересмотре некоторых условий репарационных платежей. Переговоры продолжались, и Бриан, проявляя гибкость, искал удовлетворительные для Франции решения.

Выступая перед парламентом в Бурбонском дворце, Бриан говорил 12 января, что каннские переговоры о Германии прерывать нельзя. Если это произойдет, то Франция может понести серьезные потери.

Пуанкаре, Барту и их сторонники отвергли политику Бриана и в отношении Германии.

— При создавшемся положении вещей я не могу возвращаться в Канны,— закончил премьер свою речь в парламенте.

Бриан подал президенту прошение об отставке. В четыре часа дня Раймон Пуанкаре начал формировать новый кабинет министров. Луи Барту получил портфель министра иностранных дел и вице-премьера.

...В Каннах тем временем продолжалось заседание Верховного совета Антанты.

13 января совет провел заключительное заседание. После этого Ллойд Джордж сказал журналистам, что в отсутствие главного делегата Франции Верховный совет не может продолжать работу. Тем не менее задачи Каннской конференции отчасти решены. Принято постановление созвать экономическую конференцию в Генуе с участием России и Германии.

6

В тот же день, 13 января, председатель кабинета министров Италии Бономи направил в Москву копию резолюции, принятой союзными державами в Каннах. Сославшись на телеграмму Чичерина от 8 января, он повторил приглашение делегатов России на международную финансово-экономическую конференцию, которая намечена на начало марта. Бономи просил сообщить ему имена российских делегатов и лиц, которые будут их сопровождать, чтобы снестись с заинтересованными правительствами и обеспечить безопасность делегатов при следовании в Геную.

Вместе с тем Бономи заявил Чичерину, что резолюция рассматривается Верховным советом союзников как гарантии, установленные им «в качестве необходимого условия плодотворного сотрудничества между Союзными державами и Россией в деле экономического и финансового возрождения Европы...» Условиями, необходимыми для плодотворной работы конференции, признаются следующие: «Нации не могут присваивать себе права диктовать другим принципы, на основе которых они желают организовать свою внутреннюю экономическую жизнь и свой образ правления. Каждая страна в этом отношении имеет право избрать для себя ту систему, которую она предпочитает»[1]. Иностранцы, предоставляющие свой капитал

[1] Как выяснилось впоследствии, текст этого параграфа, переданного Бономи в Москву на французском языке, оказался не совсем точным. Правильной была формулировка (на английском языке), принятая в Каннах по предложению Ллойд Джорджа. В английском подлиннике указывалось, что речь идет о праве каждой нации избирать для себя «свою систему собственности». Этой формулировке В. И. Ленин придавал особо важное значение. Ленин толковал первый параграф каннской резолюции как признание того, что в определенный исторический период неизбежно сосуществование двух систем собственности — капиталистической и социалистической.

для помощи другой стране, должны быть уверены, что их имущество и права будут пользоваться неприкосновенностью. Нации, желающие получить иностранные кредиты, должны добровольно признать публичные долги и обязательства, а также возместить потери и убытки, причиненные иностранным интересам конфискацией имущества; восстановить систему законов и судопроизводства, охраняющую выполнение коммерческих и других контрактов. Все государства должны сообща принять обязательство воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий против своих соседей. «Если Российское правительство в целях обеспечения необходимых для развития русской торговли условий потребует официального признания, Союзные державы могли бы согласиться на это признание лишь в том случае, если бы Российское правительство приняло вышеуказанные условия».

Москва ответила через неделю. А тем временем по страницам буржуазных газет прокатилась волна откликов, суждений и пересудов, догадок и предсказаний.

Лондонская «Вестминстер газет», по-своему истолковывая события в России, уверяла: «весь план Генуэзской конференции, по-видимому, является лишь хитроумной маской для прикрытия частной беседы между представителем западного капитализма Ллойд Джорджем и представителем восточного коммунизма Лениным».

В британском парламенте премьер-министра спросили:

— Вы хотите собрать в Генуе тысячу финансовых и дипломатических экспертов? Не слишком ли это дорого?

— Но тысяча советников военных обходится дороже! — ответил Ллойд Джордж.

Намек был ясный: военная интервенция уже испробована, а результат ее известен.

Печать Пуанкаре продолжала кампанию, начатую в дни атак против Бриана. Парижские официозные газеты писали, что Франция, конечно, не может отказаться от выработанных в Каннах соглашений (там стоит и ее подпись). Но принятые условия нуждаются в уточнениях, особенно в отношении проблем Германии и условий приглашения в Геную большевиков. Необходимо самым категорическим образом потребовать от Кремля уплаты долгов и возврата собственности иностранцам. Лишь тогда можно разговаривать с большевиками. Бриан в

достаточной мере это не оговорил, и Франция ему не простила. Долг нового правительства исправить положение.

В Вашингтоне стали обсуждать другое: стоит ли Соединенным Штатам посылать своих дипломатов в Геную? Не лучше ли, если европейцы сами столкнутся лбами. К тому же французская делегация при руководстве Пуанкаре сможет выразить интересы американских собственников, «пострадавших от большевизма в России», так же полно, как и свои.

Засуетилась российская эмиграция.

Небезызвестный монархист Владимир Бурцев напечатал в своей газетенке «Общее дело»: «На все приглашения каннских дипломатов признать большевиков мы отвечаем: Никогда! Никогда! Никогда!»

— Мы — Россия, а не большевики! Только с нами надо иметь дело! — заторопились «образумить» Ллойд Джорджа кадетско-эсеровские вещатели из Парижа и Лондона, Берлина и Праги.

Первопрестольный кадет Милюков, в прошлом министр иностранных дел Временного правительства, и Авксентьев, один из лидеров правых эсеров, при первых же известиях о Генуе выступили с совместной декларацией: «Осуждаем всякие переговоры с Кремлем!»

Известный промышленник Рябушинский, граф Коковцев из кабинета министров Николая Романова и бывший министр колчаковского правительства миллионер Третьяков поспешно собрали в Париже совещание российских толстосумов-беглецов и осудили западных политиков за их «поворот к большевикам». Рябушинские воззвали к «совести» европейских буржуа... Что же это вы, господа, тянетесь в Россию? Знайте, все, что там есть, наше! Вы потеряли там пустяк в сравнении с тем, что отняли у нас большевики. Мы еще вернемся!

Рябушинские отговаривали Европу от поспешных решений. Нэп, предупреждали они, только приманка, блуждающие болотные огоньки; это не тот свет, «который озарит Россию». «Нас должна объединять общая цель: «Большевистский Карфаген да падет!»»

Меньшевики, изображая себя ревнителями «чистого социализма», находили, что болотные огоньки нэпа вовсе не столь безобидны, как уверяют рябушинские. Это завтрашнее пожарище, которое уничтожит все, ради чего десятилетиями боролся российский пролетариат. Благодаря

большевистскому нэпу, уверяли меньшевики, «взоры капиталистического мира встретились с взорами Ленина», и он, Ленин, «поворачивается лицом к международной буржуазии». В Генуе Ленин будет «демонстрировать, как ликвидируются зачатки коммунизма и как реставрируется национальный капитализм» (?!).

Москва знала о нелепейших писаниях и гнусных измышлениях и спокойно проводила свою программу, ничего общего не имевшую с «пророчествами» врагов. Газеты Москвы публиковали официальные документы, связанные с приглашением Советской России в Геную, но до поры до времени воздерживались каким-либо образом комментировать. Вместе с тем советская печать использовала любой случай, чтобы обнажить противоречия в лагере союзников, показать рабочему и крестьянину, с кем придется иметь дело в Генуе.

7

Что и как ответить Бономи?

Итальянский премьер не просто повторил приглашение в Геную. Он изложил условия союзных держав для участия России в конференции. Декларация о равноправии народов и государств, конечно, не может вызвать возражений. А все остальное? Это же выпады против Советов, хотя и прикрытые словесным туманом! Нужно ли сразу открыто отвергать каннскую резолюцию? Не лучше ли повременить, ведь торг только начинается?

Сначала об этом совещались в Наркоминделе. Чичерин предложил ответить Бономи, что Советское правительство ознакомилось с мнением держав Антанты касательно условий хозяйственного возрождения Европы. Но тут же запросить: а какая повестка дня намечается для Генуэзской конференции? (Мол, каннская декларация — это только общие рассуждения о путях восстановления Европы). Относительно состава советской делегации ответить, что ее назначит специальная сессия ВЦИК, и тогда будет сообщен поименный список.

Проект Наркоминдела послали Ленину (он жил то в Горках, то приезжал в Москву). 16 января Владимир Ильич ответил письмом на имя членов Политбюро: «В общем... Чичерин прав». В той же записке, уже вне рамок ответа Бономи, Ленин предложил наметки по формированию генуэзской делегации:

«Не назначить ли от ВЦИКа (для тонкости):

Ленин — пред.

Чичерин — зам. со *всеми* правами преда, ежели он не сможет.

Иоффе?? и ??Красин??	*2 помзама?* или 3—4 *помзама?»*

Владимир Ильич, видимо, не был уверен, что сможет поехать в Геную. Потому и предлагал сразу же оговорить: Чичерина назначить заместителем, но со всеми правами председателя делегации.

Приглашение в Геную означало, что советская дипломатия вступает в совершенно новую полосу отношений с дипломатией буржуазной. Советская Россия впервые будет участвовать в международной конференции всеевропейского масштаба. Республика Советов выходит на главную арену международной жизни. Задачи усложняются. И Ленин стал обдумывать, как прийти в Геную не в одиночестве. Понятно, первая мысль была о Германии. О стране, которая вынуждена искать союзников, чтобы как-то ослабить цепи Версаля.

В письме от 16 января Владимир Ильич запросил товарищей из Политбюро: не считают ли они полезным немедленно и «без всякой бумажки» начать личные переговоры советских дипломатов в Берлине и в Москве с германскими представителями «о *контакте* нашем и ихнем в Генуе?» И еще: «Не предложить ли тотчас секретно *всем* полпредам позондировать почву у соответствующих правительств, не согласны ли они начать с нами *неофициальные* секретные переговоры о *предварительном* намечании *линии* в Генуе»?

Но почему секретно? Западные дипломаты еще до встречи в Каннах негласно договорились о том, с чем им выступать от имени Верховного совета Антанты. И какой «экзамен» устроить Советам, прежде чем допустить их в Геную (это отразилось в каннских параграфах). Потом тайно послали эмиссаров в страны Малой Антанты (Чехословакия, Румыния, Югославия), в сопредельную Советской России Прибалтику, чтобы в Генуе склонить их на свою сторону.

Редакцию ответа Бономи Политбюро утвердило 17 января — на основе предложений «т. Чичерина с до-

полнениями т. Ленина и поправками, записанными т. Чичериным». Политбюро наметило кандидатуры в состав советской делегации и постановило внести список на утверждение ближайшей сессии ВЦИК.

И еще один вопрос решался в те дни.

С дней революции Георгий Васильевич Чичерин работал без отдыха. А тут еще недоедание, неустройство личного быта — житье рядом со служебным кабинетом, сначала в «Метрополе», теперь на Кузнецком. Врачи настаивали, чтобы Чичерин взял полугодовой отпуск. Сам он, однако, считал, что такой отпуск для него пока невозможен. Нужно готовиться к Генуе.

Об этом он и написал в Политбюро.

Ленин предложил: «Надо спешно запросить *лучших* врачей, что лучше»: отложить ли весь полугодовой отпуск Чичерину до тех дней, когда конференция окончится (но при этом «вынесет ли он?») или немедленно отослать на отдых сроком на месяц, на пять недель — до Генуи, а после Генуи особо?

Политбюро ЦК РКП(б) постановило: Чичерину уйти в отпуск после Генуи.

8

Когда Ленин находился в Горках, кремлевские курьеры привозили для него пакеты с сургучными печатями, кипы газет и журналов. Из Горок в Москву Ленин отсылал бумаги для членов Политбюро, наркомов. Так Горки стали вторым, после Кремля, рабочим кабинетом Ильича.

С 17 января 1922 года кремлевские курьеры получили новый адрес: совхозный дом за околицей села Костино под Мытищами.

В пятиоконном бревенчатом доме с островерхой башенкой над сенями был деревенский покой, уютная обжитая тишина. По утрам сквозь морозные узоры окон весело светило солнце. Струганые деревянные стены в такую пору, казалось, горели янтарем. В печах потрескивали дрова. А догорали беззвучно, синими огоньками. Владимир Ильич любил подолгу наблюдать за причудливой игрой тлеющих углей. Потом Ленин одевался. Уходил к старым дубам, что росли в отдалении. Полевая морозная свежесть бодрила, и Ленин возвращался к дому, брал лопату, расчищал дорожки. Вскоре он садился к письменному столу.

Генуя... С тех пор как она вошла в политическую жизнь Европы и республики, Ленин не переставал размышлять о ней. Все связанное с Генуей не могло не занять особое место в том множестве государственных дел, которыми жил Владимир Ильич.

В развертывающемся дипломатическом действии с самого начала было столько же политики, сложной и тонкой, сколько и психологии.

Записки Ленина членам Политбюро, советским дипломатам, его советы отражают это единство.

...Из Лондона в наркоминдел пришла шифрованная телеграмма Красина от 17 января. Как и другие важнейшие донесения, телеграмма срочно пересылается Владимиру Ильичу. На этот раз доклад Красина о посещении его Евгением Уайзом.

Уайз — доверенный человек Ллойд Джорджа. Он неофициально передает через него то, что считает нужным сообщить Красину. Красин знаком с Уайзом еще с дней лондонских переговоров, приведших к англо-советскому торговому соглашению от 16 марта 1921 года. Красин и позже говорил Уайзу то, что считал нужным передать в неофициальном порядке Ллойд Джорджу. Сейчас Уайз вернулся из Канн...

«По его (Уайза) словам,— докладывал Красин,— настроение британского и итальянского правительств по отношению к конференции в Генуе совершенно твердое. Ни о каких предварительных условиях приглашения миссий на эту конференцию Уайз не упоминал, и надо думать, что, если даже Пуанкаре попытается такие условия поставить, он вряд ли будет поддержан Ллойд Джорджем. Я дал понять Уайзу, что ни о каких предварительных условиях не может быть и речи.

Участие французов еще под сомнением...

Уайз несколько раз подчеркивал желание Ллойд Джорджа, чтобы присутствовал Ленин. Я заявил, что в наличии такого желания, по-видимому, нет недостатка, но обнадежить, имея в виду дальность поездки, затруднительно».

Если бы только «дальность поездки!»

Костино. Пятиоконный рубленый дом за околицей. Шорох в сенях. Хлещет веник по заснеженным валенкам. Приехал очередной курьер из Москвы...

Свежие газеты ложатся на стол Владимира Ильича.

А вот и ответ премьеру Бономи. Внизу подпись Чичерина. Это то, что обсуждалось и стало ответом после решения Политбюро. «Российское Правительство благодарит Королевское Правительство за его сообщение, являющееся дополнением к итальянскому меморандуму от 7 января...» Со своей стороны Советское правительство «обращается к Королевскому Правительству с просьбой уведомить державы, представленные в Верховном совете, что Чрезвычайная сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, имеющая целью назначить Российскую делегацию на европейскую конференцию и облечь ее чрезвычайными полномочиями, созывается на 27 января. После этой даты Российское Правительство сможет сообщить Королевскому Правительству имена членов Российской делегации». (Что ж, вполне дипломатично. Вполне!)... Все сведения касательно маршрута следования делегации будут даны при первой возможности. А в конце: Советское правительство желало бы знать, «обсуждалась ли уже правительствами, представленными в Верховном совете, программа конференции, для того чтобы Российское Правительство могло заблаговременно обсудить эту программу».

Через несколько дней в Москву, в Костино приходят первые отклики западной прессы о советской ноте премьеру Бономи.

«Москва согласна»,— признают в Лондоне.

«Москва отмалчивается»,— мрачно цедит печать Пуанкаре.

В Париже недовольны тем, что нота Москвы не содержит категорического ответа, принимает или не принимает Кремль каннские условия. В Каннах, пишут газеты, Бриан и Ллойд Джордж удовольствовались телеграммой Чичерина о согласии России участвовать в Генуэзской конференции, но не потребовали ясного ответа: признают ли большевики каннские параграфы. Да или нет? «Кремль продолжает и сейчас лавировать». Вот, мол, цена эластичности бриановской и ллойдджорджиевской дипломатии!

19 января Пуанкаре выступает в парламенте с программой нового французского правительства. Премьер категорически требует, чтобы Россия и Германия еще до начала работ в Генуе безоговорочно приняли все параграфы каннского протокола. Нужно заранее получить

гарантии, что большевики будут соблюдать нормы международной жизни, как их понимают в Париже или Лондоне. По мнению Пуанкаре, в Каннах не была достаточно ясно определена повестка дня предстоящей конференции. Поэтому приглашенные страны могут попытаться поставить на обсуждение вопросы, нежелательные для устроителей Генуи.

Шум европейской прессы, речи политиков в парламентах — все это доходит до Кремля, доходит и в тихое Костино. Ленин читает газетные сообщения. Он в курсе донесений, поступающих от советских дипломатов за границей. Ленин думает о Генуе.

22 января Владимир Ильич отправляет очередную записку в Политбюро. Теперь уже не с советом, а с требованием: срочно послать депеши Красину в Лондон, а Крестинскому в Берлин — безотлагательно начать зондаж у правительств Англии и Германии относительно неофициальных совместных контактов в Генуе. К двадцатым числам февраля вызвать Красина в Москву и провести совещание всех членов будущей советской делегации.

И снова размышления о программе советских действий в Генуе:

«(а) мы ни в коем случае не призна́ем никаких долгов, кроме обещанных Чичериным [1];

(б) а эти долги призна́ем *лишь* при условии, что наши контрпретензии *покрывают* их;

(в) гарантии даем (если нам дадут заем)...

(г) толкуем § 1 условий Бономи архирасширительно...[2]

(д) защищаем Германию и Турцию и т. д.;

(е) стараемся отделить Америку и вообще разделить державы».

Всю подготовку к Генуе вести строжайше секретно. («Мы здесь в Москве окружены *шпионами* меньшевиками и полуменьшевиками».) Даже шифром не писать за границу, советским дипломатам. Даже предварительные директивы, самые первые наметки директив для советской делегации в Генуе не вносить в протокол Политбюро, а «записать их отдельно, с тем чтобы все члены делегации расписались на том же листке и вернули...

---

[1] Имеется в виду — в ноте от 28 октября 1921 года.

[2] Речь идет о каннской резолюции от 6 января 1922 года, переданной в Москву итальянским премьер-министром Бономи.

этот листок, обязавшись *нигде*, ни в бумагах, ни в шифровках, *не* упоминать директив Политбюро».

23 января. Новые письма от наркома Чичерина.

Георгий Васильевич тоже работает над планом-проектом советских действий в Генуе. И считает: «Нам... выгодно, чтобы в Генуе было поменьше конфликтного материала: конфликты надо стараться отсрочивать. Главное — видимость благополучного исхода конференции. Она создаст необходимое настроение для займов и концессий. Английские министры все время говорят: создайте доверие, и с вами будут вести дела... Если, наоборот, конференция продемонстрирует невозможность соглашения между нами и остальным миром и невозможность ведения с нами дел, это лишит нас займов и концессионеров...» В итоге Чичерин приходит к выводу: «Наша основная линия: мы сохраняем наше мировоззрение (вкратце о нем напомним в речи), вы сохраняете ваше мировоззрение, и то и другое в данном случае остается в стороне, ибо мы встречаемся как купцы с купцами. Но к этой основной линии мы, пользуясь мировой трибуной, прибавим надстройку: огорошим весь мир и привлечем симпатии широких буржуазных и рабочих масс, страдающих от разрухи, блестящими планами хозяйственного возрождения мира при существующем строе. Ход событий послужит наглядным обучением. Мы же выступим носителями симпатичнейших лозунгов, которые могут везде глубоко отразиться на внутренней политической борьбе».

«Встречаемся как купцы с купцами...» Эта мысль нравится Владимиру Ильичу. Он повторит ее много раз и наполнит деловым практическим содержанием.

Чичерин касается самой трудной темы: какие уступки допустимы, чтобы заинтересовать деловые круги Запада в сотрудничестве с новой Россией? Какие новые законодательные меры провести внутри республики, чтобы парализовать ту буржуазную пропаганду, которая направлена против соглашения с Россией? Среди прочего Чичерин спрашивает Владимира Ильича: если «будут очень приставать с требованием representative institutions (представительных учреждений.— *М. С.*), не думаете ли, что можно было бы за приличную компенсацию внести в нашу конституцию маленькое изменение..?»

Что? Это уж слишком! Владимир Ильич удивлен и рассержен. «Можно было» — под этими словами Ленин

проводит четыре жирные черты, на полях ставит три вопросительных знака и пишет резкое: «Сумасшествие!!»

Чичеринские «представительные учреждения» в оценке Ленина это — «представительство паразитических элементов в Советах». Как могло подобное прийти в голову дипломату?! Чичерин явно болен! Никаких «уступок», затрагивающих социально-политический строй рабоче-крестьянского государства. Лечить надо Чичерина! Лечить в санатории!.. Тут же Владимир Ильич пишет о том, что предложение Чичерина — лишний довод в пользу того, чтобы Политбюро без промедления занялось выработкой точных директив для советской делегации.

И начинается многосложная, большая и трудная работа. Она ведется в строжайшей тайне, так, как требует Ленин.

9

Новый костюм-тройку Чичерин надевал в тех случаях, когда принимал иностранных дипломатов или публично выступал в советской аудитории.

27 января Чичерин докладывал на сессии ВЦИК о предстоящей конференции в Генуе.

Новый костюм, в котором он предстал, пожалуй, еще больше, чем домашняя одежда с шарфом на шее, с теплым свитером, выдавал нездоровый вид Георгия Васильевича. Голос его звучал глухо, точно простуженный.

Чичерин, начиная доклад, воздал должное «государственным людям Темзы». Он сказал, что на берегах Альбиона сейчас «сосредоточилась вся политическая мудрость капиталистического мира».

В иное время подобные слова в адрес Ллойд Джорджа вряд ли могли прозвучать с государственной трибуны в Москве. Ллойд Джордж был достаточно памятен для русских рабочих и крестьян. Памятен с той поры, когда посылал войска душить революцию Октября. Политика Ллойд Джорджа в последнее время — приглашение Советской России в Геную, беседы с Красиным за закрытыми дверями на Даунинг-стрит, 10, его многочисленные интервью были рассчитанными ходами, подчиненными одной цели — сохранить за британским империализмом влияние на континенте и в мире. Ллойд Джордж стремился также укрепить положение своей партии — крупного промышленно-финансового капитала и свое собственное

перед лицом тех трудностей, которые испытывала Англия,— расстройство экономики, безработица, рост классовой борьбы. В Москве это хорошо понимали. Но понимали и другое. Ллойд Джордж первым из «вождей капиталистического мира» объявил о признании Советского правительства «фактически существующим». Целый ряд новых шагов Ллойд Джорджа объективно совпадал с интересами Советского государства. Чичерин не был бы дипломатом, если бы, выступая в начале предгенуэзского диалога, не воспользовался бы трибуной для поддержки этого направления британской политики.

Но Чичерин был, разумеется, не просто дипломатом, а дипломатом-коммунистом. И, воздавая должное государственным людям Темзы, он тут же показал классовую природу их политики в отношении Советской России:

— Вступить в соглашение с новой исторической силой, чтобы ее обезвредить,— вот принципы английского традиционного государственного искусства.

— Прогноз Ллойд Джорджа и наш прогноз исторического развития диаметрально противоположны,— подчеркнул Чичерин.— Но наша практическая политика совпадает в стремлении к совместному экономическому сотрудничеству. Это сотрудничество, мы, конечно, также понимаем различно, но мы одинаково желаем опрокинуть мешающие перегородки.

Чичерин счел нужным предупредить, что советско-британские отношения и при «государственной мудрости людей Темзы» остаются сложными. Необходимо всегда помнить — Ллойд Джордж, представитель серьезных деловых кругов Англии, даже при готовности иной раз идти на компромисс (чтобы улучшить отношения с Советской Россией), вынужден «в самой Англии преодолевать сильнейшее сопротивление со стороны узкошовинистических элементов, частных групповых интересов с их элементарным корыстолюбием; преодолевать сопротивление всех милитаристских элементов — военных и придворных сфер».

Чичерин повторил советскую позицию в отношении старых долгов России. Нарком предупредил, что никто на Западе не должен надеяться использовать голод для экономического проникновения в страну революции Октября. Чичерин не скрыл, что Москва понимает трудности предстоящей дипломатической работы в Генуе. Трудно-

сти — в разном подходе к решению экономических проблем. Мы хотим сотрудничества с капиталистическими странами. «Но мы будем бороться против того, чтобы экономическое сотрудничество приняло форму экономического господства над Россией!» — воскликнул Чичерин.

Голос его сорвался. Он откашлялся, передохнул, вытер платком влажные губы и вновь заговорил. Теперь — «о государственных людях Сены». Чичерин напомнил, что французское правительство Клемансо в прошлом было одним из главных инициаторов системы экономического окружения России, откровенным глашатаем вооруженной интервенции. Порывистая политика Клемансо превратилась в обдуманную систему его преемников. В последние годы все шаги Франции в отношении России диктовались стремлением получить долги. Вторая черта французской политики — возрождение новой формы наполеонизма, попытка установить континентальную гегемонию в Европе. Это, в частности, просматривается в шагах Парижа по отношению к побежденной Германии. «Государственные люди Сены» хотят додушить Германию, отсюда бесконечное давление на нее, диктат, демонстрация силы.

Гибкий Бриан пытался заменить политику удушения Германии политикой использования ее как экономического партнера. Бриан намеревался таким же образом разговаривать с Советской Россией (на купеческих началах).

— Эта деловая политика Бриана встретилась в Каннах с деловой политикой Ллойд Джорджа и сделала возможным решение о созыве всеобщей экономической конференции. Какие изменения внесет Пуанкаре, это еще неизвестно.

И снова пауза. О Пуанкаре Чичерину было что сказать. Но пока не время...

— Мы стоим перед осуществлением наших желаний,— продолжал нарком,— но мы стоим также и перед новой серьезной опасностью попытки объединения всех экономических сил Запада для того, чтобы экономическое сотрудничество с нами превратить в наше экономическое порабощение. В этом именно будет заключаться для нас предмет борьбы в Генуе...

Чичерин призвал членов ВЦИК одобрить участие Советской страны в Генуэзской конференции и сформировать такую делегацию, которая представляла бы все республики советского содружества народов.

Чрезвычайная сессия ВЦИК приняла решение отправить делегацию в составе:

«Председатель делегации — Председатель Совета Народных Комиссаров и член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета товарищ *Владимир Ильич Ульянов (Ленин)*.

Заместитель председателя — Народный комиссар по иностранным делам, член ВЦИК *Георгий Васильевич Чичерин,* со всеми правами председателя на тот случай, если обстоятельства исключат возможность поездки товарища Ленина на конференцию».

(«Для тонкости» все было сделано, как предлагал Владимир Ильич.)

В делегацию вошли народный комиссар внешней торговли — председатель Российской миссии в Англии член ВЦИК Леонид Борисович Красин, заместитель наркома по иностранным делам Максим Максимович Литвинов, глава советской экономической миссии в Италии Вацлав Вацлавович Воровский, генеральный секретарь ВЦСПС, член ВЦИК Ян Эрнестович Рудзутак, представители Украинской, Армянской, Азербайджанской, Грузинской, Дальневосточной и других советских республик. Позднее все братские республики подписали протокол, которым поручили представлять и защищать их интересы в Генуе — правительству РСФСР.

Из членов делегации было выделено бюро: Чичерин, Литвинов и Красин.

10

Между тем официозные газеты Парижа продолжали выказывать недовольство неопределенностью ответа Москвы на приглашение Бономи. Не в меру рассерженные авторы стали требовать, чтобы Чичерин или Ленин, если будут допущены в Геную, не только обязались заплатить французам старые долги России, не только гарантировать возвращение национализированной собственности французов, но и выдать ипотечные долговые обязательства под залог естественных богатств России.

Печать Пуанкаре муссировала и другую мысль из программной речи премьера 19 января. Необходимо-де внести полную ясность в повестку дня Генуи. Иначе не исключено, что немцы, к примеру, захотят использовать конференцию для ревизии Версальского договора

(не платить репарации). А большевики задумают превратить Геную в трибуну для коммунистической пропаганды.

Английские газеты деликатно замечали французам, что их непримиримость грозит похоронить Геную еще до того, как съедутся делегации. Если в каннских документах нет категорических требований к странам, приглашаемым на конференцию, то это хорошо, дипломатично. В противном случае было бы невозможно собрать за один стол союзников (Большую и Малую Антанту), их друзей, а вместе с ними — вчерашнего врага (Германию) и большевиков.

Парижская печать в ответ укоряла лондонских лавировщиков — они-де наносят удар в спину Франции.

6 февраля последовал официальный французский меморандум. Пуанкаре пригрозил Англии и союзникам, что Франция воздержится от участия в Генуэзской конференции, если ее программа не будет достаточно уточнена. Если Советское правительство не заявит, что оно принимает заранее целиком условия 6 января (каннские параграфы). Французский меморандум настаивал, чтобы на первом же заседании конференции страны-участницы принесли бы своеобразную присягу верности «священным принципам цивилизованных наций», сформулированным в каннских параграфах.

Мировая печать истолковала меморандум Франции как выражение разногласий между Парижем и Лондоном. «Генуэзская конференция под вопросом»,— появились броские заголовки на первых страницах газет.

Тогда вмешался министр иностранных дел Чехословакии Бенеш. Он помчался в Париж и Лондон, чтобы мирить «великих» из Большой Антанты. Вскоре заговорили о возможной встрече Ллойд Джорджа и Пуанкаре.

В Москве не сомневались, чем такая встреча закончится.

Еще 2 февраля заместитель народного комиссара по иностранным делам Литвинов направил шифрованную телеграмму Красину в Лондон:

«Ввиду возможности столковывания между Пуанкаре и союзниками предлагаем Вам теперь же дать понять британскому правительству, что на безоговорочное принятие каннской резолюции до начала дискуссии мы не пойдем...»

12 февраля, перед отъездом из Лондона в Москву, Красин посетил Ллойд Джорджа. Он сказал британскому премьеру, что «Советское правительство не может признать каннских условий и не может подписать их, ибо они составлены односторонне и формулировка многих параграфов неприемлема по целому ряду причин».

Ллойд Джордж высказался в том смысле, что когда пришла телеграмма из Москвы с согласием участвовать в Генуе, то Каннская конференция расценила телеграмму как согласие Кремля и с принципами каннской резолюции. Ллойд Джордж добавил, что если Советское правительство откажется признать каннские резолюции, то это создаст угрозу срыва конференции и во всяком случае облегчит Пуанкаре его уход. Советское правительство, по мнению Ллойд Джорджа, должно будет в Генуе заявить о согласии с принципами, формулированными в Каннах, и о готовности обсуждать их практическое применение, и тут Советы могут защищать свою точку зрения.

Телеграмма Красина быстро дошла до Владимира Ильича. Ленин послал письмо Чичерину, указав, что в формулировке Ллойд Джорджа более «угрожающего», чем точного!.. Ведь «вся английская пресса... много раз заявляла, что для приглашения на Генуэзскую конференцию *не требуется* и *не требовалось предварительного* признания каннских условий и что обратное мнение французов неверно». «Приглашая нас,— продолжал Ленин,— от нас *не* потребовали точного, ясного, формального заявления, что мы *признаём* каннские условия... Мы этого заявления *не* делали в ответе. И нам *не сообщили,* что наш ответ *не полон*».

Из письма Ленина следовало, что и теперь торопиться с признанием каннских параграфов не нужно.

Предположение о том, что Ллойд Джордж и Пуанкаре все-таки договорятся, пусть не до конца, пусть в чем-то формально, оставляя для себя свободу рук, оправдалось.

Вечером 24 февраля поезд Пуанкаре прибыл из Парижа в приморский город Булонь. Ллойд Джордж пересек Па-де-Кале. Премьеры Франции и Англии встретились в старинной ратуше Булони. Они совещались почти четыре часа. К вечеру Ллойд Джордж, заметно уставший, принял корреспондента агентства Рейтер.

— Мы только что достигли согласия по всем вопросам,— сказал он, подбадривая себя.

«Согласие! Согласие! В четыре часа улажено то, что вызывало трения на протяжении нескольких недель!» — писали назавтра французские газеты. Агентство Гавас, ссылаясь на правительственные источники, сообщило, что Ллойд Джордж и Пуанкаре договорились совместно действовать по следующим пунктам. 1. На Генуэзской конференции не обсуждать вопросы, разрешенные Версальским и другими международными договорами, под которыми стоят подписи Франции и Англии. Иными словами, никакого пересмотра позиций в отношении Германии! Вместе с тем конференция не должна касаться Брест-Литовского и других договоров, заключенных Советской Россией с соседними странами. (Очевидно, это был «противовес» Ллойд Джорджа.) 2. Генуэзская конференция не будет обсуждать вопрос о репарационных платежах Германии. 3. Приглашение Советского правительства в Геную не рассматривается приглашающими державами как официальное признание Советского правительства. Признание откладывается до конца конференции и находится в зависимости от поведения русских в Генуе. Каждое правительство сохраняет в отношении признания Советов полную свободу действий. Что касается русских долгов, то большевистское правительство должно безоговорочно признать и гарантировать их выплату. 4. На Генуэзской конференции не обсуждать вопроса о разоружении.

Оба премьера договорились также, что в Лондоне соберутся союзные эксперты и выработают согласованные рекомендации по русскому вопросу. В связи со сменой правительства Италии (Бономи ушел в отставку) Англия и Франция будут настаивать перед другими союзниками перенести Генуэзскую конференцию с марта на апрель.

11

— Мсье Красин, я корреспондент французской газеты «Матэн». Позвольте задать вам несколько вопросов.

— Слушаю вас.

— Вы едете в Москву. С какой целью?

— Вам, очевидно известно, что я включен в состав советской делегации, которая отправится в Геную. А до

этого мне предстоит участвовать в выработке программы наших действий на конференции.

— У вас есть свои предложения?

— Разумеется.

— В чем они состоят?

— Может быть, вы сначала спросите кого-либо о планах французской делегации?

— Тогда позвольте о другом. Ваш съезд депутатов постановил реорганизовать ВЧК. Как вы расцениваете этот акт?

— В осажденной крепости законы и учреждения, призванные сохранять спокойствие граждан, не могли быть такими, как это принято в обычных условиях. Советское государство до сих пор находилось в состоянии осажденной крепости. Мы вынуждены были создавать чрезвычайные органы для поддержания спокойствия внутри крепости и ограждать ее от проникновения лазутчиков извне. Гражданская война и блокада окончились. Советская власть укрепила свое положение внутри и на международной арене. Это позволило сузить круг деятельности ВЧК. Теперь все дела о всех видах преступлений будут проходить через нормальные суды. Дела о преступлениях политического характера будет вести Государственное политическое управление, создаваемое как отдел Народного комиссариата внутренних дел. Хотел бы подчеркнуть, что Кодекс Наполеона[1] вырабатывался в течение пятнадцати лет после начала французской революции. Наш, советский кодекс, применительно к нашим условиям, применительно к мирной обстановке, будет введен через четыре года после революции и через год после окончания гражданской войны.

— Каковы, по вашему мнению, перспективы франко-русских отношений?

— Я убежден, что впоследствии, когда нынешние трудности политического характера будут устранены, наши отношения с Францией станут самыми тесными. Россия и Франция географически близки. Никто не может отрицать близость наших культур. Первыми людьми, пытавшимися свергнуть царское иго, были русские офицеры, познавшие опыт французской революции. Наши

[1] Гражданский кодекс Франции, вырабатывался с участием Наполеона, утвержден в 1804 году. Ф. Энгельс называл Кодекс Наполеона «классическим сводом законов буржуазного общества».

писатели и ученые жили и творили во Франции, когда они вынуждены были покидать свою родину. Я уверен — мы приобретем взаимную дружбу, несмотря на то что за последние годы нам пришлось много выстрадать из-за непримиримой позиции существовавших правительств Франции.

12

Февраль. Подмосковье. Ветер гоняет поверх сугробов снежные россыпи. То в тишине разносится эхо морозных выстрелов: трещат деревья, скрипит под ногами белый наст.

По утрам, а иногда и при синеве раннего вечера в двери тихого дома близ Костино приезжие дают о себе знать условными стуками. Приехал Сталин? Дзержинский? Другие товарищи из ЦК? Надежда Константиновна? Курьер?

Долго длится беседа. Но вот она окончена, и товарищи спешат уйти: как бы не утомить Владимира Ильича. Случается, что назавтра Ленину становится хуже. Но если кто принесет извинение за вчерашний затянувшийся визит, гляди, придется выслушать или прочесть: «О вашей вине или чем бы то ни было подобном, в связи с длинным разговором, смешно и говорить. В моей болезни *никаких* объективных признаков нет (сегодня после прекрасной ночи совсем болен), и мои силы мог предположительно оценивать только я. Причиной был я же, ибо вы меня неоднократно спрашивали, не утомился ли я».

Как угадать: бессонница у Ленина — от его болезни или от беспокойных дум государственных?.. И, как прежде, засиживается по ночам неугомонный обитатель деревенского дома за околицей Костино.

Главное для Ленина — продумать директивы для делегации, которая поедет в Геную. Вместе с Лениным над этим работают члены Политбюро, Чичерин, Литвинов, Красин. С ними Ленин продолжает переписку, намечает главные пункты, рассматривает тезисы, доклады. Одно отвергает, другое поддерживает, развивает, доводит до предельной ясности.

Советская программа в Генуе должна быть широкой и гибкой. Нужно оставить свободу и для маневра. И тут

возглавляющему делегацию должна быть предоставлена власть «почти самодержца». Один из самых трудных вопросов — о долгах, об «уступках». До какой черты? Платить готовы. Но претензии Антанты прежде всего покрываем своими контрпретензиями. И тут мы подсчитаем все до копейки! Мы готовы взять даже самую «узенькую» выгоду. «Но только ни на что невыгодное для нас не пойдем». И уж конечно никаким ультиматумам не подчинимся. И еще: «Надо приготовить и расставить все наши пушки,— а решить, какие для демонстрации, из каких стрелять и когда стрелять, всегда успеем».

К 24 февраля Ленин заканчивает первоначальный проект директив и посылает на рассмотрение Политбюро. В проекте десять пунктов. Одни из них — «купцовские» (деловые, экономические: на что идем, чего практически добиваемся). Другие — политические. Здесь дальний прицел — юридическое признание Советского государства. Ближайший — как можно «глубже расколоть пацифистский лагерь международной буржуазии с лагерем грубо-буржуазным, агрессивно-буржуазным, реакционно-буржуазным». (Позже Ленин публично скажет: «...нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики»). Опираясь на пацифистские силы Запада, оказывать давление на правящие круги Антанты в пользу соглашений с Советской республикой.

Десять пунктов Ленина — «наши пушки». Одни для демонстрации, другие для стрельбы. Пункт первый. Общую оценку положения и задач советской делегации в Генуе рассматривать в свете тезисов, предложенных товарищем Литвиновым. Пункт второй: «Цека подтверждает за зампредом т. Чичериным все права председателя делегации». В других пунктах — конкретный план действий. От признания каннских условий постараться уклониться. Если это не удастся и если советской делегации будет поставлен прямой ультиматум, то попытаться двинуть формулу, предложенную Красиным: «Все страны признают их государственные долги и обязуются возместить ущербы и убытки, причиненные действием их пра-

вительства». (Все страны! Значит, и союзники! Значит, на претензии двинуть контрпретензии!)

«Если придется рвать, надо выставить всего яснее основную и единственную причину разрыва: алчность горстки частных капиталистов, Уркарта[1] и т. п., коим служат правительства».

Не исключено, что в Генуе нам не дадут развить нашу программу целиком. Поэтому в первой же речи изложить хотя бы главные пункты, а потом напечатать на разных языках подробно. На самой конференции, не скрывая наших коммунистических взглядов, сделать прямое заявление, что в Геную мы пришли, прежде всего, за экономическими соглашениями. Что касается наших политических задач, то тут главное — выделив из буржуазного лагеря пацифистское крыло, «стараться льстить этому крылу, объявить допустимым, с нашей точки зрения, и желательным соглашение с ним не только торговое, но и политическое...» (по вопросам мира и разоружения).

«Разъединить между собой объединенные в Генуе против нас буржуазные страны...»

Детальную разработку того, как развивать «пацифистскую» программу, ЦК поручает самой делегации.

Таков, вкратце, проект Ленина. Владимир Ильич просит ознакомить с ним всех членов Политбюро и делегацию. «Пусть будут вносимы письменные поправки...»

Политбюро принимает проект за основу и дополняет (28 февраля) новыми пунктами, в том числе таким: «Вопрос о *признании Соввласти* ставить не в начале, а в конце конференции (после развертывания попыток к экономическому соглашению) и, затем, не делать из него ультиматума». Это означало: прежде всего стремиться разрешить экономические проблемы. Если и это не удастся, все равно не делать из признания де-юре ультиматума. В конце концов, потерпим. Сейчас важнее получить заграничные кредиты, чтобы купить хлеб, лекарства, одежду, паровозы, станки, сеялки...

---

[1] Лесли Уркарт (1874—1933), английский финансист и промышленник. До Октябрьской революции владел крупными горными предприятиями в России. После Октября был в числе руководителей интервенционистских кругов Англии, вел борьбу против Советской власти.

13

«ВОСПРЕЩАЕТСЯ КОМУ БЫ ТО НИ БЫЛО РАЗГОВАРИВАТЬ С НАРКОМОМ ПО ПОВОДУ ГЕНУИ»

Такую табличку на дверях кабинета Чичерина в марте увидел побывавший в Москве известный английский журналист Артур Рэнсом.

Поначалу англичанин не понял, в чем дело. Но когда взял интервью у наркома, походил по коридорам Наркоминдела, по Москве, то сделал «открытие» — всюду только и говорят о Генуе. На улицах, в трамваях, в рабочих клубах, в магазинах, правительственных учреждениях, в частных домах.

Видные советские работники, приходя к Чичерину, неизменно начинали разговор: «А как с Генуей? А что Пуанкаре? Будет де-юре или не будет?»

Чичерин ценил время. И он распорядился повесить объявление, чтобы каждый входящий знал: никаких праздных разговоров!

Рассказ Рэнсома о табличке на чичеринском кабинете был напечатан в «Манчестер гардиан». Отсюда любопытное наблюдение перекочевало на страницы парижских, берлинских, римских, пражских и иных газет.

Запад ловил каждое известие из Москвы.

Привлекала личность Чичерина. Его дипломатические ноты вот уже четыре года читал весь мир. В них звучал голос государства еще небывалого, голос русской революции. Ноты были непримиримыми и в то же время дипломатичными. Чичерин тонко анализировал и убеждал неотразимо. Человек огромной эрудиции, он прекрасно знал Европу, притом не только по личным эмигрантским скитаниям и революционной борьбе, но и по тому, как послевоенная Европа заявляла о себе в трактатах историков, в программах политических лидеров, в хитросплетениях дипломатических шагов.

Красный министр едет в Геную! Это было уже известно, и все на Западе — от премьеров до рядовых читателей газет — хотели поближе узнать, каков же Чичерин как человек? Как дипломат? Каков он в своем рабочем кабинете, в быту, в общении с другими?

Табличка на дверях кабинета — попусту не болтать! — оказалась тем штрихом в портрете наркома, который показывал и особую демократичность Чичерина,

и деловитость, и человечность. Но чичеринский портрет этим не исчерпывался. Нарком работал и днем и по ночам. «Все, что нужно делать в наркомате, делает Чичерин,— писал один из иностранных корреспондентов.— Каждая бумага проходит через руки наркома, и это прохождение не является пустой формальностью... Если он дома, то он работает без пиджака, укутав шею старым серым шарфом. В девять часов вечера и в четыре утра он обедает. Обед прост — суп и каша. Самовар кипит всю ночь. Из всех благ жизни Чичерин берет лишь крайне необходимое!»

Разумеется, привлекал не один Чичерин. Корреспонденты, посещавшие особняк Наркоминдела на Кузнецком мосту, обнаружили, что наркомат теперь открыт все двадцать четыре часа в сутки. В любое время можно встретить видных дипломатов. С утра до ночи трудятся эксперты — виднейшие специалисты, привлеченные для подготовки генуэзских документов.

14

«ЧТО С ЛЕНИНЫМ?

БЕРЛИН, 20 марта (1922 года). Профессор Г. Клемперер, германский терапевт, срочно приглашен в Москву для лечения Ленина».

Берлинские газеты сообщили, что приглашение было сделано через главу советского представительства в Берлине Крестинского. Последний получил телеграмму из Москвы. В субботу 18 марта профессор Клемперер вместе с Крестинским выехали в Ригу, откуда проследуют в Москву. Путь до Москвы займет 4—5 дней. Профессор Клемперер намерен провести в советской столице около двух недель. Возвращение профессора в Берлин ожидается в начале апреля.

«ПАРИЖ, 23 марта. По словам газеты «Энформасьен», в советских кругах в Берлине опровергают слухи о серьезном ухудшении здоровья Ленина, распространившиеся в связи с вызовом в Москву профессора Клемперера. Не отрицая болезни главы Совнаркома, большевистские дипломаты заявляют, что положение его не столь серьезно, как об этом говорят».

«МОСКВА. В советских «Известиях» за 12 марта опубликовано постановление Совнаркома, подписанное следующим образом:

«Председатель Совета Народных Комиссаров А. Цюрупа»».

Черносотенный листок белой эмиграции «Новое время» сделал свои «выводы»: «По слухам из Москвы, Ленин умер или находится в безнадежном состоянии».

Большая пресса Запада, выжидая правительственных известий Москвы, наводила справки окольными путями. И рядом со слухами о смерти Ленина европейский читатель, совершенно сбитый с толку, узнавал такое: «Из осведомленных источников передают, что у швейцарского правительства запрошено согласие на проезд советской делегации в Геную. Первым в списке стоит Ленин».

Что же произошло на самом деле?

6 марта Владимир Ильич по настоянию московских врачей отправился в бывшее имение «Корзинкино» близ села Троицкое-Лыково и пробыл там до 25 марта.

В Москву, как и раньше, шли его письма, записки, распоряжения. Круг его забот был широчайшим. Он советовался с Красиным, как приспособить аппарат Внешторга к усложнившейся международной торговле и кому возглавлять наркомат во время заграничных поездок Красина по делам дипломатии. Ленин запрашивал, как продвигаются переговоры с «английским купцом об образовании совместного общества для реализации драгоценных камней». Владимир Ильич настаивал, чтобы без проволочек отдали Круппу в концессию 50 тысяч десятин земли в Сальском округе Донской губернии — наладить там «рациональное сельское хозяйство». Ленин убеждал: концессия сейчас «имеет громадное не только экономическое, но и политическое значение». Он требовал сводок о развитии советской кооперации. Писал в Сибирь, местному ревкому, что получена жалоба: кто-то из сибирских работников позорит Советскую власть, допуская беззакония при сборе продналога. Ленин требовал строго наказать виновных. Тут же он отвечал на очередное письмо Чичерина: статью для «Манчестер гардиан» дать не может — болен. Но трибуну эту использовать непременно. Поручить людям толковым. Важно «сделать из наших статей боевое выступление». И рядом — краткое, но предельно ясное замечание: статьи советских авторов в английской газете должны содержать «вполне отчетливый план восстановления России не на капиталистической базе».

Как и раньше, Ленин следил за газетами — советскими, иностранными, эмигрантскими. Его все более и более занимала Генуя со всеми ее сложностями и надеждами. Ленин готовился к предстоящему XI съезду партии. Ленин оставался в строю.

15

Перед отъездом из Берлина советский посол встретился с министром иностранных дел Вальтером Ратенау.

Сын основателя «Всеобщей компании электричества» (АЭГ), инженер, известный экономист и социолог, Ратенау унаследовал от отца капиталы и пост директора-распорядителя АЭГ. Ратенау принадлежал к числу тех богатейших семейств Германии, которые фактически правили страной. Он имел широкие связи с промышленными и финансовыми кругами в странах Антанты. В первые годы мировой войны был одним из руководителей кайзеровской военной промышленности. С мая 1921 года занимал пост министра восстановительных работ, а с конца января 1922 г.— министра иностранных дел.

Высокий, сухопарый, улыбчивый, Ратенау был человеком словоохотливым. Изъяснялся он крылато, к тому же обладал приятным баритоном и не без удовольствия прислушивался к собственному голосу.

Принимая советского дипломата, Ратенау осведомился, каково здоровье советского премьера, с похвалой отозвался о научных познаниях профессора Клемперера и перевел разговор на политику. «Версальский мир», «кредиты», «гарантии», «признание», «Генуя» — посыпалось из уст министра.

...Когда 18 января 1919 года в Версальском дворце под Парижем открывалась первая послевоенная международная конференция, тогдашний президент Франции Раймон Пуанкаре сказал:

— Господа, ровно сорок восемь лет назад в этом Зеркальном зале была провозглашена Германская империя. Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы разрушить и заменить то, что было создано в тот день.

Пять месяцев спустя, 28 июня 1919 года, на особом возвышении в Зеркальном зале места заняли президенты, главы правительств, министры и послы государств Ан-

танты. В золоченых креслах восседали президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон, премьер Великобритании Дэвид Ллойд Джордж, премьер Франции Жорж Клемансо.

В три часа дня в зал вошел бледный, в старом сюртуке германский министр иностранных дел Герман Мюллер. Дрожащей рукой он поставил подпись под документом, который назвали Версальским мирным договором. Потом то же, но руками твердыми, сделали представители держав Антанты.

Без пяти четыре раздался гром орудийных салютов.

— Господа, все подписи поставлены,— сказал Клемансо.— Карта освобожденного мира установлена. Заседание закрывается!

«Карта освобожденного мира» оказалась перекроенной в угоду хищникам Антанты за счет грабежа другого международного разбойника — германского империализма.

Германия осталась без прежних рынков сырья, сохранив, однако, развитую промышленность. В таких условиях ей пришлось искать сферы приложения капитала. Ближайшие природные кладовые имелись в соседней России. После войн и блокады Россия позарез нуждалась в капиталах для скорейшего восстановления хозяйства.

Все это предопределило заинтересованность обеих стран во взаимных деловых связях. 6 мая 1921 года был подписан германо-советский торговый договор. В конце того же года из Москвы в Берлин отправилась очередная торгово-дипломатическая миссия искать пути для дальнейшего сближения. Вскоре стало известно, что предстоит Генуя. По директиве Ленина начались контакты и для выяснения возможностей совместных действий на конференции.

В середине января 1922 года посланцы Москвы нанесли визит рейхсканцлеру Вирту, после чего переговоры сосредоточились в министерстве иностранных дел, которое только что возглавил Вальтер Ратенау.

Еще будучи министром восстановительных работ, Ратенау предложил образовать международный (с центром в Лондоне) финансово-промышленный консорциум для деятельности в Советской России. План Ратенау широко обсуждался в западноевропейских и американских кругах. Нашел поддержку в Англии, особенно у Ллойд

Джорджа. По меткому замечанию Георгия Васильевича Чичерина, консорциум заключал в себе идею создания общего международного капиталистического фронта для наживы за счет России. Германии отводилась роль технического обслуживания этого союза. Она должна была сбывать свои промышленные товары, изготовленные, кстати, из русского сырья, Советской России, а полученные барыши передавать Англии в счет германских платежей. Такие замыслы и обещания не остались без ответа со стороны Англии. Ратенау, установив личный контакт с Ллойд Джорджем, заручился его поддержкой, чтобы отсрочить ближайшие репарационные взносы на счет Франции. Как стало известным впоследствии, Ратенау в дни Каннской конференции вел секретные переговоры с Ллойд Джорджем и правительством Италии, получив от них обещания снизить общую сумму германских репараций.

Идея консорциума, как она ни была заманчива для Ллойд Джорджа, для заокеанских бизнесменов, для немецких ратенау и его коллег по концерну АЭГ, как ни рекламировалась на Западе, оставалась лишь очередным сценарием «Гамлета» без принца.

Посланцы Москвы, придя к Ратенау на Вильгельмштрассе (там помещалось министерство иностранных дел), начали беседу с проблем предстоящей Генуи. Ратенау, однако, перевел разговор на тему о консорциуме. Советские представители дали понять, что участие иностранного капитала в восстановлении русской экономики допустимо и желательно. Но правительство Советской России предпочитает иметь дело не с объединенными силами финансово-промышленной державы империалистов (в Москве прекрасно понимали, к чему бы это привело), а с каждой страной, с каждой фирмой в отдельности. Каждый раз идти только на такие коммерческие сделки, которые дадут советским народам реальные выгоды и не затронут социалистических основ Советского государства.

Велеречивый Ратенау счел нужным лично разъяснить недоверчивым большевикам идею консорциума, чтобы помочь им освободиться от «напрасных предубеждений». Он пышно говорил о выгодах, которые якобы ожидают Россию, если она примет его план. С ухмылкой заметил, что в Москве напрасно видят империалистические

проникновения там, где, мол, речь идет всего-навсего о деловом предприятии. Вместе с тем мысль о расширении прямых германо-советских экономических связей Ратенау тоже не оставил без внимания. Вскоре произошли новые встречи, теперь — с участием таких виднейших немецких промышленников и финансистов, как угольный магнат Гуго Стиннес, директор АЭГ Феликс Дейч, представители стальной империи Круппа, директора крупнейших германских банков.

— Для торговых закупок в Германии нам нужны кредиты,— сказали посланцы Советской России.

— Дадим.

— Сколько?

— Сто пятьдесят миллионов марок,— назвали немцы заранее обдуманное.

— Мало, очень мало...

В ответ Ратенау произнес пышные фразы о своем дружеском расположении к правительству великой соседней страны, но тут же дал понять: «Вы же, собственно, непризнанные... Где у нас гарантия, что и эти сто пятьдесят не вылетят в трубу?»

Но и названные сто пятьдесят миллионов немцы соглашались дать в кредит лишь при условии, если их фирмам разрешат свободно ввозить в Россию германские товары и самим продавать на советском внутреннем рынке. Взамен, опять же по своему усмотрению, вывозить в фатерланд русское сырье.

— Эти условия совершенно нереальны,— вежливо заметили московские гости.— Эти условия исходят из предположения, что Россия осталась такой, какой немцы знали ее при царизме. Тогда действительно каждый приходивший с нерусским товаром мог диктовать, как диктует заморский купец, привозящий в джунгли побрякушки или охотничьи ружья...

Они добавили, что в Советской России существует монополия внешней торговли.

— Вот, вот,— оживился Ратенау.— Эти самые барьеры господина Красина и должны быть убраны. Иначе немецкие промышленники вряд ли согласятся давать вам кредиты. Есть старая добрая поговорка: «Давать, чтобы получать».

Советские дипломаты дали понять, что существует и другая поговорка: «В чужой монастырь со своим уста-

вом не ходят». Монополия внешней торговли установлена в России всерьез и отмене не подлежит.

На том расстались.

15 февраля посланцы Москвы снова пришли к рейхсканцлеру Вирту попытаться на высшем уровне решить то, ради чего приехали в Берлин и о чем не удалось договориться с Ратенау, немецкими промышленниками и финансистами.

Доктор Йозеф Вирт, невысокий, полный человек, рассудительный и добродушный, выходец из мелкобуржуазной среды, был в прошлом учитель гимназии. Политическую карьеру он сделал в рядах левого крыла католической партии «Центр». Противник войн, Вирт трезво видел, к чему привел Германию милитаризм кайзера, промышленных магнатов и прусских юнкеров. Он видел также, что коренные интересы диктуют Германии необходимость установить добрые отношения с Россией. Но как главе правительства Вирту приходилось считаться со всеми политическими силами, представленными в его кабинете. Среди них был Ратенау и стоявшие за его спиной крупные промышленные магнаты. Это заставляло Вирта лавировать. Опережая события, скажем, что личные качества Вирта (как и личные качества Ратенау) сыграли немаловажную роль в событиях, имевших место накануне и в период Генуи.

...15 февраля, встретившись с Виртом, советские представители сказали ему, что не видят базы для соглашений, пока германские промышленники и финансисты, как и дипломаты, не усвоят разницы между Россией советской и той, которая безвозвратно ушла в прошлое.

Вирт внимательно выслушал, но ответил вздохами и обещаниями переговорить с надлежащими лицами в надлежащее время. При этом заметил, что его возможности влиять на немецких коммерсантов, увы, ограничены.

С кем блокироваться? Этот вопрос с каждым днем все острее вставал перед деятелями, определявшими направление внешней политики Германии. С антантовцами, и тогда стать их лакеями? Или с большевиками, с «красной» Россией? Ратенау и его сторонники придерживались англофильской ориентации. Для них Германия была «барьером цивилизации Запада». Но в правительстве была и другая группа — «восточников». Ее в основном состав-

ляли дипломаты по профессии, понимавшие, что хотя большевики — «красные», но с ними можно договариваться на равных. Государство немцев лежит в самом центре Европы, и было бы неразумно стоять навытяжку перед антантовцами-победителями, если можно чувствовать себя достойно, имея мирного, хотя и инакомыслящего, соседа на Востоке.

К числу немецких деятелей такой ориентации принадлежал заведующий Восточным отделом германского МИД сорокапятилетний барон Уго фон Мальцан. Он начал дипломатическую службу еще в 1908 году, был знатоком истории международной политики, точным, практичным в замыслах и делах.

27 января, когда в Берлине начались контакты по поводу Генуи, Уго Мальцан сказал советским дипломатам:

— Поезд с кредитами — в тупике. Ну и пусть постоит. А пока не лучше ли заняться тем, что будет полезно и для Генуи и после Генуи?

Мальцан дал понять, что он считает возможным переговоры о дипломатическом признании Советской России. Но намекнул — для этого требуется отказ России от ее права по статье 116 Версальского договора [1]. Уго Мальцан добавил, что если в Генуе или в другом месте будет решаться вопрос о старых долгах России либо о возмещениях за национализированную собственность иностранцев, то Германия и ее граждане не захотят оказаться в худших условиях, чем другие.

Дипломаты из Москвы ответили, что Советская Россия безусловно желает дипломатических отношений с Германией и готова вести переговоры.

— В таком случае остается думать об условиях соглашения,— заметил Мальцан.

16 февраля советские и немецкие дипломаты встретились снова. На этот раз Мальцан пришел с письменным проектом и просил передать Советскому правительству.

Проект Мальцана содержал пункты, которые создавали базу для переговоров. И вместе с тем отсутствовало главное — согласие немедленно признать Советскую Рос-

---

[1] Версальский мир был заключен без участия России. Старой не было, а новую, советскую версальцы не признавали. Однако русские солдаты четыре года проливали кровь на германо-русском фронте и формальные права России по мирному урегулированию финансовых вопросов с Германией оставались.

сию де-юре. Нельзя было также принять план Мальцана в отношении немецких претензий за потерянную в России собственность. Важно было об этом договориться накануне Генуи. Тогда советские дипломаты могли бы сказать Пуанкаре и Ллойд Джорджу: «Вот образец, который нас устраивает».

Со второй половины февраля переговоры с Мальцаном вел советский посол в Берлине. Встречи показали, что даже те немецкие дипломаты, которые были готовы все более сближаться с Россией, по-прежнему оглядываются на Антанту, боясь вызвать ее гнев. Кроме того, они прикидывали, как бы не продешевить, особенно перед Генуей.

Визит Крестинского к Ратенау в середине марта, перед отъездом в Москву, был заполнен любезностями с обеих сторон, но ничего не изменил. Германский министр «совершенно недвусмысленно давал понять, что ни о каком соглашении с Германией до Генуи не может быть и речи». К этому, по словам Чичерина, свелся доклад Крестинского, вернувшегося из Берлина.

Доклад тут же сообщили Ленину...

16

На пятый год революции фрак в Советской России был родом одежды начисто вымершим. Старые износились, новых никто не заказывал. Тем не менее фраки понадобились.

С середины марта на Кузнецкий мост к Чичерину стал являться пожилой тихий человек, который лишь позже объявил себя причастным к дипломатии. Это был Иосиф Журкевич, портной. Он снял с Чичерина мерку, потом много раз примеривал и прилаживал так, словно от этого зависел успех или неуспех Советской России в Генуе.

(Позже Журкевич говорил: «Что, скажите, стало первой сенсацией Генуи? Я, во всяком случае, не подвел!»)

К двадцатым числам марта портновско-дипломатическая одежда была готова.

В те же дни на Кузнецком стругали рубанки, визжали пилы, стучали топоры. Плотники сколачивали контейнеры. В них бережно уложили фолианты в кожаных переплетах с металлическими застежками и инкрустацией. Это были рукописные грамоты с заглавными буквицами и заставками, объемистые тома, набранные и тис-

ненные в печатнях учеников Ивана Федорова. И книги, исполненные в типографии Петра I. И набранные елизаветинскими литерами и новейшими шрифтами XIX—XX веков, на многих языках. Эти издания содержали дипломатические акты и договоры, заключенные Россией от Ивана Грозного до Александра Керенского. Материалы по дипломатической истории главнейших стран Европы и Америки. Здесь были и совсем недавние издания — годовые отчеты Народного комиссариата иностранных дел и Наркомата внешней торговли, труды по экономике Советской России и проекты на будущее.

Дипломаты упаковали и багаж более весомый — не по пудам, а по значению. Уместился он в портфелях и вализах: доклады, составленные на основе директив Политбюро и правительства.

Багаж подготовили и эксперты делегации — самые видные советские ученые-правоведы и историки, финансисты и хозяйственники, исследователи Института экономических проблем и представители народных комиссариатов, Госплана. Документы содержали широкий план восстановления хозяйства советских республик — какие важнейшие стройки возводить и где прокладывать новые железные дороги, какие и сколько машин потребуется для реконструкции крупнейших заводов и фабрик, рудников и шахт. И в чем прежде всего нуждается сельское хозяйство, чтобы скорее преодолеть голод.

Эксперты-финансисты подготовили проекты условий, на которых было бы желательно получить крупные иностранные кредиты. Дело в том, что после «золотой блокады» советское казначейство было почти опустошено, а голод заставил переплавлять даже золотую утварь церквей и соборов, лишь бы закупить хлеб!.. За хлеб, станки, лекарства можно было бы платить русским лесом, медными и железными рудами, нефтью. Но сырьевые богатства российских недр еще надо было добывать. А на это тоже требовались огромные капиталы.

На Кузнецком понимали, что западные ростовщики так просто займы не дадут. Во-первых, тут экономика переходит в область самой острой политики. Во-вторых, возникало много сложностей чисто финансовых, валютных. Эксперты работали над такими проектами, чтобы рубль, взятый у буржуазного Запада, мог принести десять рублей в казну социализма.

Еще в ноте от 28 октября 1921 года Советское правительство обещало уплатить долги, если антантовские страны возместят потери России: их мы подсчитаем *«до последней копейки»,*— писал Ленин. И это было сделано. Цифры брали не с потолка. Еще со времени гражданской войны велись подсчеты убытков, причиненных интервентами, шахтам и рудникам, морскому флоту и железным дорогам, сельскому хозяйству и городам. Теперь все это суммировали. А еще добавили ущерб, нанесенный «золотой» и всеми другими видами блокады. В итоге наркоминделовский эксперт — заместитель директора Института экономических исследований при наркомфине профессор Николай Николаевич Любимов, который ведал подготовкой документа «Контрпретензии России к державам, ответственным за интервенцию и блокаду», уложил в свой портфель объемистый расчет, итоговая цифра которого, как и категории контрпретензий, до поры до времени (так требовал Ленин) держалась в ряду важнейших секретов генуэзской делегации.

Эксперты подготовили и множество других докладов: о международно-правовых принципах кредитования и займовой политике, о денежном обращении и валютных операциях в условиях сосуществования двух систем собственности, при монополии внешней торговли, о концессиях в Советской стране, об условиях предпринимательской деятельности иностранцев в Советской России.

Собираясь к итальянским берегам, народный комиссар иностранных дел 15 марта отправил ноту Великобритании, Франции и Италии... Российское правительство, не скрывая коренных различий, существующих между политическим и экономическим режимом советских республик и режимом буржуазных государств, считает «безусловно возможным соглашение, имеющее целью плодотворное сотрудничество тех и других на экономической почве». Но для успеха Генуэзской конференции необходимо, прежде всего, чтобы она радикально отличалась от всех предыдущих. Не должно быть разницы между правами делегаций стран, победивших в минувшей войне, и побежденных; между правами представителей великих и малых держав, буржуазных и Советского правительств. Между тем, судя по западной прессе, уже происходят закулисные переговоры держав Большой и Малой Антанты. Они хотят заранее сговориться, чтобы выставить в Генуе

условия, несовместимые с суверенными правами Советского государства. Если это так, то конференция заранее обречена на неудачу.

«Российское Правительство не может не заметить, что часть западной прессы, очевидно инспирированная официальными кругами... с крайним ожесточением ведет кампанию лжи и клеветы против Советских Республик. Ежедневно в этой прессе повторяются лживые утверждения, будто Советское Правительство неискренне в своем намерении войти в сношения с иностранными государствами и будто конференция предназначена лишь служить советским делегатам простой трибуной для коммунистической пропаганды... что новая внутренняя политика Российского правительства — не более как комедия, разыгранная для того, чтобы ввести в соблазн иностранный капитал».

Советское правительство заявляет, что образ действий ее делегации в Генуе будет определен намерением направить все усилия на экономическое восстановление своей страны. Она будет готова на равных участвовать и в экономическом возрождении европейского хозяйства. Внутренний строй советских республик крепок, как никогда. Сейчас, когда осуществляется новая экономическая политика, главным фактором внутренних усилий правительства является желание «создать в России благоприятные условия для развития частной инициативы в области промышленности, земледелия, транспорта и торговли».

Укрепление рабоче-крестьянской власти, поражение внешнего врага и внутренней контрреволюции позволили Советскому правительству отказаться от мер, которые ранее вызывались обстоятельствами войны, и расширить права отдельных лиц в отношении собственности и хозяйственной деятельности. Принят ряд декретов и законодательных постановлений, гарантирующих свободу труда, передвижения, неприкосновенности частной переписки. Все преступления, не только уголовные, но и политические разбираются обычными судами. «Чрезвычайное судопроизводство и чрезвычайные комиссии, необходимость которых раньше вызвана была борьбой за существование Советской власти, отменены». Интересы иностранцев и права на собственность в России гарантированы советским законодательством. Специальным законом предусмотрены юридические гарантии в пользу кон-

цессионеров. Особыми декретами гарантируется свобода внутренней частной торговли при сохранении за государством монополии внешней торговли, «причем даже на этом поприще, в силу специальных договоров, разрешается участие частного капитала».

Совет Народных Комиссаров одобрил и представил на утверждение Центрального Исполнительного Комитета рабочих и крестьянских депутатов новое гражданское уложение, которым приводятся в систему различные декреты и решения, относящиеся к русским и иностранным гражданам...

Эта нота Наркоминдела оказалась в числе наиболее нашумевших за время дипломатической битвы при Генуе.

Кремль продолжает свою эволюцию. Он дарует новые блага иностранцам. Чичерин намекает, что даже при советской монополии внешней торговли возможно участие частного капитала. Лиха беда начало... В таком духе отозвались на Западе буржуазные истолкователи «кремлевского курса». Другие стали утверждать:

— Мы же предсказывали: когда идешь с протянутой рукой, не до амбиций!

Третьи нашли противоречие. Мол, всего лишь неделю назад, 6 марта, Ленин, выступая публично в Москве, говорил, что *«отступление в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено»*. А Чичерин продолжает высыпать перед буржуазным Западом целые коробы пряников.

Всякие «Вестники» меньшевиков и «Голоса» эсеров, извращавшие смысл нэпа, по-прежнему твердили: «Ради привлечения деятелей коммерции Кремль готов даровать все». Московский «эволюционизирующий коммунизм» демонстрирует перед капиталистическими правительствами уступчивость и мягкость, снимает «последние социалистические доспехи», отступает-де по всему фронту (?!)

Защитниками «чистого коммунизма» теперь выступали те, кто еще вчера прислуживал Колчаку и Деникину. Красными флагами усиленно размахивали те, кто еще в канун Октября растоптал эти знамена, кто социализм понимал как союз пролетария с Рябушинским!

Никакого противоречия между ленинским «отступление закончено» и дипломатической нотой Чичерина, разумеется, не было. Меры для привлечения иностранного

капитала находились в пределах тех нэповских «уступок», того «отступления», какое фактически уже было совершено. Совершено революционной партией в интересах рабочих и крестьян России.

17

Москва. Кремль. 23 марта. Заседание Политбюро. Приглашен и Георгий Васильевич Чичерин. Самое важное уже оговорено и решено. Подготовлена и «пацифистская программа». Проект предложил Чичерин.

Ленин нашел, что программа изложена прекрасно. Теперь «все искусство в том, чтобы и ее и наши купцовские предложения сказать ясно и громко... Всех заинтригуем...»

Но с чего начать в Генуе? Конечно, с вступительной речи при открытии конференции. Чичерин предложил «Элементы первой речи» — проект. В нем запев ко всему делу, самое главное из свода коммунистических взглядов и самое важное из купцовской и пацифистской программ. Проект читал Владимир Ильич. Он предложил некоторые поправки и замечания. Говорить о двух «системах собственности» (социалистической и буржуазной), а не просто о политико-экономических системах. Ни в коем случае не употреблять «страшных слов» — мы ведь в Геную идем, как купцы и «никакого иного принципа *здесь,* кроме купцовского, *не можем* выдвинуть?»

Политбюро обсуждает чичеринский проект и поправки Ленина. Они принимаются. И еще постановляет Политбюро: «Без особого согласия Цека по телеграфу договоров не заключать». Текущие вопросы, какие возникнут в Генуе, решать на бюро делегации либо делегацией в целом. Право председателя действовать и самостоятельно. Если возникнут разногласия, представлять точные формулировки спорных мнений в ЦК и ждать директив.

По пути в Геную делегация остановится в Риге и Берлине. Политбюро дает директивы о том, как действовать и чего добиваться на переговорах в Риге и с немцами.

25 марта Владимир Ильич Ленин возвратился из Корзинкино в Москву. Надо полагать, что в тот день начался консилиум советских врачей с участием профессора Клемперера. Тогда же Ленин подписал документ:

«Нижеподписавшийся, Председатель Совета Народ-

ных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, председатель русской делегации на Европейскую конференцию, настоящим сообщает, что перегрузка государственными делами и недостаточно удовлетворительное состояние здоровья делает невозможным его отъезд из России, и передает на основании резолюции экстренного заседания Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 27 января 1922 г. все права председателя русской делегации гражданину Г. В. Чичерину — заместителю председателя русской делегации.

Москва, Кремль, 25 марта 1922 г.

Вл. Ульянов (Ленин)».

Грамота была на французском языке. Вручили ее Георгию Васильевичу Чичерину, чтобы он предъявил в Генуе.

...Чемоданы уложены.

Последнее интервью на родине. Чичерин дает его корреспондентам «Правды» и «Известий».

— Наша делегация готовится к тому, чтобы выдержать ожесточенный бой...

Идеалом наших усилий в Генуе, подчеркивает Чичерин, было бы соглашение о признании Советского правительства де-юре. Мы хотим решить спорные вопросы. Мы хотим экономических соглашений, которые содействовали бы восстановлению и развитию нашего производства и транспорта. Достижимо ли это? Что ж, посмотрим.

18

В два часа дня 27 марта в Москве, в Свердловском зале Кремля, Владимир Ильич Ленин открыл XI съезд большевиков.

«Сейчас наиболее злободневным вопросом политики,— сказал Ленин,— является Генуя».

Владимир Ильич доложил съезду, что ЦК партии принял «самые тщательные меры для того, чтобы создать делегацию из лучших наших дипломатов». Политбюро снабдило ее директивами, которые вырабатывались длительно, много раз обсуждались и уточнялись. Никто не может предсказать, как развернется борьба. В какой-то степени это будет зависеть и от искусства советских дипломатов. Но и при самой осторожной, трезвой оценке об-

становки можно предположить, что Советская Россия добьется своей цели: «Через Геную, если достаточно сообразительны и не слишком упрямы будут наши тамошние собеседники, мимо Генуи — если им вздумается упрямиться. Но цели своей мы достигнем!»

Ленин сказал, что по вопросу о советской тактике в Генуе ни в ЦК, ни в составе партии никаких разногласий нет. Это естественно, ибо здесь нет ничего спорного с точки зрения коммунистов. Ленин повторил, что мы идем в Геную как купцы, чтобы добиться выгодных форм торговли, экономических сношений. Ленин сказал и о том, что партия единодушно, открыто признала необходимость нэпа. «Забавно наблюдать в... печати всяческих русских партий за границей оценки этого нашего решения,— продолжал Ленин.— Разница между этими оценками только самая пустая...» Жуют и пережевывают то, что составляет уже вчерашний день. Выдумывают, будто сейчас, как в 1918 году, среди большевиков есть «левые коммунисты» и они выступают-де против новой экономической политики. Уверяют, что большевики, мол, скрывают от Европы собственные разногласия. Когда читаешь это, заметил Ленин, то думаешь: пускай себе заблуждаются. Если у них такие представления, то можно по ним судить о степени сознательности этих, якобы образованных людей. Нэп, повторил Ленин, практическая необходимость настоящего момента, и здесь у большевиков полная ясность и полное единодушие.

А какова историческая перспектива?

Среди зарубежных истолкований нэпа как исторического шага русской революции Ленин выделил рассуждения авторов сменовеховского направления: нэп — «эволюция или тактика?» Коммунисты уверяют, что только тактика. В определенный момент они обойдут частных капиталистов, а потом возьмут свое. Нет, не тактика, а, мол, процесс внутреннего перерождения.

Ленин призывал не отмахиваться от подобных суждений, ибо они отражали настроение тысяч и десятков тысяч внутри республики — мелких буржуа, а также определенной части советских служащих, участников новой экономической программы. Эти люди хотели, чтобы их ожидания сбылись. Обязанность коммунистов — видеть опасность и практически действовать, отбросив всякое прекраснодушие, требовал Ленин.

Вопрос стоит предельно ясно: чья возьмет? Начинается новая, усложненная форма борьбы. Враг сейчас не хватает за горло, не наступает с оружием в руках, и тем не менее борьба «стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг». Ленин звал к борьбе со злорадствующими и улюлюкающими, с их агентурой внутри страны, которые прикидывались друзьями и говорили: «Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе...»

За год нэпа уже решено многое. Союз с крестьянством укрепился. Не только политические, но и важнейшие экономические позиции — в руках пролетарского государства. Это дает возможность перегруппировать силы и возобновить наступление, чтобы решить вопрос «кто — кого» в пользу социализма. Впереди долгая, сложная полоса борьбы. Ленин говорил о мерах, которые обеспечат верную победу социализма и в хозяйственном строительстве и в душах людей.

19

«Юманите», газета французских коммунистов:

«ЛЕНИН НЕ УМЕР. ОН ПРОИЗНЕС БОЛЬШУЮ РЕЧЬ...

В то время, как капиталистическая печать льстит низменным инстинктам своих читателей и объявляет им о болезни и даже о смерти Ленина, великий русский революционер после короткого отдыха вернулся к деятельности. 27 марта Ленин дважды брал слово и выступал в течение нескольких часов в день открытия XI съезда партии».

20

На исходе марта, с его оттепелями и разгорающимся солнцем, улицы Москвы утратили белое свечение снегов. Обнажились крыши, камень мостовых, желтая трава на бульварах. Заискрились весенние лужицы. К вечеру их схватывало морозцем и затягивало зеркалом льда.

После того как в Кремле окончилось первое заседание партийного съезда, после прощаний на Кузнецком, наркоминделовский автомобиль покатил через город к дальнему Виндавскому вокзалу.

У вокзала на площади, вымощенной булыжником, стояли неказистые, большей частью деревянные дома. Редкие фонари перед вокзалом бросали на землю блеклый свет. На площади было безлюдье.

Автомобиль остановился у самого подъезда. Вышли Чичерин, Литвинов, Рудзутак и еще двое — в новых пальто, новых шляпах, мягких штиблетах с галошами. После свежего холода улицы резко пахнуло теплом кислой гнили. Обширные каменные клети были битком набиты сидящими, лежащими, дремавшими и спавшими людьми. Они сидели на скамьях, на корточках у стен, лежали прямо на полу. Это были бородатые, иссохшие и посиневшие мужики, костлявые старухи, оборвыши малыши с шеями-соломинками. Над немытыми телами, над сырой рванью бродяжной одежды, над болезненно припухшими лицами спящих вился едва уловимый дымчатый парок.

Чичерин и его спутники прошли через вокзал, меж сидящих и лежащих, к перрону. Там их ожидал поезд, уже готовый к отходу. Другие члены делегации приехали раньше и разместились по вагонам.

— Дяденьки, мы саратовские. С голодухи тут,— надвинулись малыши.— Помогите, дяденьки...

— Подайте, Христа ради,— появилась старуха.

А что подать? Чем помочь? Чем богаты были эти пятеро, одетые для заграничного вояжа?

Перед самым выходом на платформу, чуть в стороне от дверей, азартно дрались малыши. Но дрались без синяков, без мордобития — делили добытую втихую, из чужого чемодана, небольшую краюху хлеба.

— Прошу посторониться!

Двое с перрона несли на носилках неподвижно лежащего человека. Он был прикрыт солдатской шинелью. На лице — какой-то рваный платок. За первым, на таких же носилках, несли второго; еще и еще...

Чичерин и его спутники уступили дорогу печальной процессии. И когда она окончилась, прошли к вагону.

...Потом было три раскатистых удара колокола. Ответный гудок паровоза и красные прощальные огни, которые долго угасали в дальней стороне ночи.

Позади оставалась Москва, Россия, после самого бесхлебного года, в преддверье весны, новых голодных смер-

тей и вспышек тифа. И Россия с мечтами о будущем. Россия во всей ее сложности.

Впереди была Европа — сытая и черствая. Европа с «пророками», предсказывавшими скорый конец большевизму. Европа, которая расставляла ловушки, чтобы поживиться за счет народов Советской России. И Европа, где кроме ллойд джорджей, пуанкаре, уркартов и ратенау были миллионы пролетариев, шедших под знаменами коммунистов; где звучали честные и мужественные голоса Клары Цеткин и молодого Эрнста Тельмана, где бесстрашно вел борьбу за дело пролетарской Франции и международного социализма друг новой России Марсель Кашен...

В эту Европу и отправлялись представители народов, революционной партии и правительства Советской России.

21

Рано утром 29 марта охранники и полицейские окружили в Риге вокзал и закрыли входы на перрон. Открытым оставили только один. Для латвийского премьер-министра Зигфрида Мееровица и для его свиты — министров, высших чиновников, адъютантов, корреспондентов.

Вскоре к площади подошли рабочие-манифестанты. Но полицейские оттеснили их. «Никакой политики!»

Поезд из Москвы остановился у платформы так, чтобы господину премьер-министру не довелось сделать даже шага навстречу главе советской делегации. Чичерин спустился со ступенек вагона, снял шляпу и обменялся рукопожатием с латвийским премьером.

И дальше все шло по протоколу. Чичерин и Мееровиц сказали друг другу приготовленные любезности. Потом глава правительства представил московскому министру членов своего кабинета. Чичерин — советских делегатов.

В Риге буржуазный мир устраивал большевистским дипломатам первые смотрины. «Вот те, что обещают платить старые долги, допустить в свою Совдепию иностранный капитал. Вот те, что уже полгода смущают Запад, и в общем-то не понять: «эволюция или тактика?»»

Любопытствующим и томительно ожидающим открывалась наконец возможность собственными глазами увидеть красных сфинксов.

Пока Чичерин и премьер обменивались любезностями, рижские корреспонденты сновали вдоль перрона.

Смотрины, как и положено, начались с одежды. Корреспонденты обнаружили «серые солдатские шинели, галифе, френчи», увидели и лиц, «одетых по самой последней моде». Правда, кто дипломат, кто эксперт, кто дипкурьер, а кто из охраны делегации, рижские корреспонденты отличить почему-то не смогли. Но и этот первый моментальный снимок (словесный, ибо фотоклише в газетах того времени еще были мало распространены) тотчас обошел страницы многих европейских изданий. Едут!

После церемонии на перроне гости отправились в советское полпредство. Потом небольшой отдых и визит президенту Чаксту. Чай, любезности. С двенадцати часов дня совещание с представителями Латвии, Эстонии и Польши. Опять по дипломатическому протоколу. Никаких сенсаций. Впрочем, одна была: «красные», ниспровергатели всего и вся, соблюдают обычаи, принятые в дипломатическом мире.

Делегации совещались весь день 29 марта. Утром подписали протокол. Участники встречи «согласились, что являлось бы желательным согласование действий их представителей на Международной конференции в Генуе», что «юридическое признание Российского Советского Правительства отвечало бы делу экономического восстановления Восточной Европы».

Когда рижская встреча еще готовилась, в Москве думали о соглашениях, которые были бы пригодны для немедленного исполнения. Но удалось получить только общие заверения. Малые страны Прибалтики, как и правительство Польши, оглядывались на Антанту с еще большим страхом, чем Германия.

Перед отъездом из Риги — пресс-конференция для местных и иностранных корреспондентов. В полпредстве на Антониевской улице собралось человек сорок. К журналистам вышли Чичерин и Литвинов.

Георгий Васильевич сказал:

— Господа, прежде чем отвечать на ваши вопросы, я хотел бы получить заверения, что смогу ознакомиться с вашими сообщениями еще до того, как вы отправите их в газеты.

Читая иностранную прессу, Чичерин обнаруживал, что самые фантастические глупости о «тайнах Кремля»

европейские и американские газеты печатали обычно со ссылкой: «От нашего рижского корреспондента». В Париже или Нью-Йорке, видимо, полагали, будто из Риги виднее происходящее в Москве.

Журналистский корпус, представлявший в Риге иностранную прессу, почти сплошь состоял из русских белоэмигрантов. Это объясняло и суть многих сообщений, которые печатались в Париже или Лондоне с пометками: «От нашего рижского корреспондента».

Чичерин изложил, чем занималась советская делегация в Риге, сказал о планах в Берлине, в Генуе.

На встречные вопросы отвечал Литвинов.

— Ваше мнение о проекте лондонских экспертов? [1]

— Свои планы союзные эксперты пока держат в тайне. Но один «секрет» скрыть невозможно: напрасны попытки устраивать дела России помимо ее хозяев.

— Господин Литвинов, что хранится в тех вализах, которые сейчас понесли к вашим автомобилям?

— Материалы советских экспертов.

— Они ведь тоже секретны?

— Пока — да. Но вам могу поведать. Только между нами... В наших вализах лежат обширные проекты восстановления промышленности, транспорта и сельского хозяйства России. Планы разрешения банковского, валютного и других вопросов. Проекты концессий...

— Когда вы раскроете секреты, которые лежат в вашем личном портфеле?

Литвинов улыбнулся:

— Как только будет дипломатическое признание Советского правительства.

— В Генуе?

— Ключ от портфеля всегда держу при себе.

— А зачем Советскому правительству признание де-юре? Кремль хочет укрепить свое положение перед миллионами русских?

— Внутренним признанием правительство Советов пользуется с первых дней Октября. Власть Советов — это власть миллионов трудящихся, населяющих нашу страну. Внешнее признание нам требуется лишь «в нота-

---

[1] Мировая печать уже писала о том, что в Лондоне, за закрытыми дверями, совещаются эксперты союзных стран. Они готовят меморандум о проблемах, связанных со старыми долгами России. Документ будет представлен конференции в Генуе.

риальных целях». Чтобы легче было заключать купеческие сделки. Без «нотариальной крепости» иностранный капитал боится идти в Россию. А мы пока нуждаемся в таком капитале.

...Рижские журналисты не исполнили просьбу Чичерина. («Подвергать свободную печать красной цензуре?») И как в воду глядел нарком. Рядом с объективными отчетами о пресс-конференции в парижских газетах, конечно «от рижского корреспондента», появилось сообщение, из которого следовало, что сему служителю прессы удалось точно разузнать, какие тайны сокрыты в портфелях Чичерина и Литвинова. Георгий Васильевич прочел об этом уже в Берлине и, как ни устал к концу трудного дня тамошних переговоров, смеялся долго и весело.

22

Париж. Бурбонский дворец на берегу Сены. Пятница, 31 марта. Все места в знаменитом амфитеатре дворца заняты депутатами. Переполнены ложи дипломатического корпуса. На пресс-галереях тесно до того, что локти касаются локтей.

Предстоят дебаты по внешней политике Франции. Среди запросов, внесенных депутатами, два особо щекотливых. Марсель Кашен, депутат французских коммунистов, уведомил премьера Пуанкаре, что будет спрашивать его о политике правительства в отношении Советской России. Другой депутат — Жан Эрлиш, господин деликатный, написал запрос слогом изысканным: «Ввиду утверждений, появившихся в прессе, я буду иметь честь интерпеллировать Вас, г-н Председатель Совета Министров, о характере приписываемых Вам разговоров с Советским правительством при посредстве и услугах Французской коммунистической партии».

Мсье Эрлиш — французский мини-Уркарт, депутат биржевиков, многие из которых потеряли в России солидные капиталы. Теперь Эрлиш состоит ближайшим сотрудником Нуланса в его «Ассоциации кредиторов России». (В Англии такую же ассоциацию возглавлял Лесли Уркарт.) Нуланс в 1917—1918 годах был французским послом в Петрограде и готовил там антисоветские заговоры. Потом снаряжал и посылал в Советскую Россию войска

Антанты. Теперь искал новые пути, чтобы вернуть потерянное.

Эрлиш поднимается на трибуну. Происходит привычное. «Иуда!» — несется со скамей депутатов-коммунистов. Так — каждый раз. «Иуда» — потому, что Эрлиш когда-то причислял себя к социалистам. Теперь он специализировался на травле большевиков и их французских друзей.

Выслушав положенное, Эрлиш говорит неторопливо. Взвешивает каждое слово. То обращается в зал, то к Пуанкаре, к Барту, которые сидят в правительственной ложе.

— Делегаты Франции собираются в Геную,— говорит Эрлиш.— В этот момент особенно важно знать, что побуждает французское правительство садиться за один стол с большевиками? Ранее мы слышали заверения, что наша делегация не поедет в Геную, покуда большевики не дадут точных гарантий, удовлетворяющих Францию. Не соблаговолит ли господин премьер-министр уведомить: что же, такие гарантии получены?

Пуанкаре отвечает. В его голосе нет даже намека на неудовольствие — ни тем, что спрашивают, ни тем, кто спрашивает. Пуанкаре дает только справку.

Французское правительство действует в духе булонских решений. Если Советы официально заявят о непринятии каннских условий, то наша делегация останется в Париже. Если же такого заявления не последует, то постановлено считать, что условия приняты Москвой. Одновременно мы предусматриваем меры для того, чтобы гарантировать себя от возможной неискренности большевистских собеседников. В тот момент, когда их намерения в Генуе покажутся нам подозрительными, мы вернем себе свободу действий.

Эрлиш благосклонно опускает голову. Первый его вопрос исчерпан. Теперь он подкатывает премьер-министру шар, и воля Пуанкаре употребить его по своему усмотрению:

— Еще в феврале в прессе появилось сообщение, что по поручению Советского правительства господин Кашен, депутат нашего парламента, вступил в негласные переговоры с правительством Франции — переговоры, которые не могут не нанести вреда Франции и не осложнить наши отношения с союзниками. Может ли достопочтенный пре-

мьер-министр подтвердить, действительно ли ведутся подобного рода переговоры или упомянутое сообщение относится к числу предположений бесцензурной прессы?

Замысел друга Нуланса по «Ассоциации кредиторов России» предельно прозрачен — представить одного из лидеров Французской коммунистической партии наемным агентом Москвы[1]. Попутно задеть тех в правительстве Лондона, кто вместо «судебной повестки» послал большевикам из Канн любезное приглашение на дипломатический раут.

Маска холодного равнодушия быстро слетает с лица Раймона Пуанкаре. Премьер даже улыбается. Встречи с господином Кашеном? С коммунистическим депутатом? С автором передовых статей в «Юманите»? Одна была! Да, да, была... Но... Лет шесть назад, во время великой войны. С тех пор он, Пуанкаре, только иногда замечал Кашена в кулуарах парламента.

Так что же, зря старался мсье Эрлиш?

Никак нет!

Расстреляв на лету неподходящую «утку», премьер-министр тут же запустил другую, поведав парламенту почти детективную повесть.

— Не так давно меня посетили несколько дам под вуалью,— сказал Пуанкаре.— Дамы спрашивали, не готов ли я вступить в переговоры с Советами накануне Генуи? Визитеры под вуалью просили принять от них письма, которые они имели при себе. Я ответил дамам, что Франция не намерена разговаривать с большевиками избранным ими способом. И вообще, накануне Генуи Франция будет разговаривать только со своими союзниками!

Мсье Эрлиш удовлетворен. Цель достигнута. Он говорит:

— Господа депутаты, я выражаю полное доверие достопочтенному премьер-министру и надеюсь, что Франция никогда не вступит в соглашения с большевиками, цель которых водрузить кремлевское знамя на парижской ратуше и Елисейском дворце!

Газеты, напечатав отчет об этом инциденте, сделали примечание о реакции парламента: *«На левых скамьях — возгласы протеста. На правых:* «Очень хорошо!»»

---

[1] Внешним поводом для кампании против Кашена послужило его пребывание в Москве на пленуме Исполкома Коминтерна.

Парламентские прения в Бурбонском дворце возобновляются назавтра. На трибуне Марсель Кашен. Он не касается того, что уже опровергнуто даже Пуанкаре. Кашен говорит о другом:

— Россия не раз публично заявляла о своих намерениях в Генуе. Но от правительства Советов почему-то требуют гарантий искренности. Какие основания в чем-то подозревать Россию?

(Движение и возгласы неодобрения на правых скамьях.)

Советское правительство ясно изложило, на что оно пойдет и что отвергает категорически. Разве это не проявление искренности?

(Шум на правых скамьях стихает.)

Согласие Франции на приглашение России в Геную — шаг, который можно только приветствовать. Это начало конца той политики, которую Франция проводила в русском вопросе до сих пор. Это была агрессия. Франция поддерживала Колчака и Врангеля. Но Россия вышла с победой.

(Со скамей правых выкрики.)

Марсель Кашен, сохраняя спокойствие, продолжает:

— Россию больше не атакуют посредством регулярных армий. Но вторгаются иррегулярные банды во главе с авантюристами. Известно и другое. Врангель, разгромленный в Крыму, пытается собрать остатки своей армии на Балканах. Я спрашиваю господина премьера-министра, имеет ли французское правительство отношение к реорганизации этой армии и к формированию иррегулярных банд?

По рядам депутатов, от крайне левых до крайне правых, как вдоль морского берега прибой, прокатывается негромкая волна возгласов. Ожидание. Что ответит Пуанкаре? Ждет и Марсель Кашен. Его руки напряженно лежат на краях трибуны, лицо обращено к правительственной ложе. Если Пуанкаре открыто скажет «да» или даже замаскированно, то французский пролетариат, миллионные отряды друзей России будут знать, что новое правительство Франции намерено продолжать политику агрессии. Если: «нет», то главная цель запроса — принудить премьера публично признать провал прежней политики французских милитаристов — будет достигнута.

И вот что, по свидетельству «Юманите», произошло далее:

Пуанкаре — война[1]. Французское правительство не имеет никакого отношения к реорганизации армии Врангеля.

(Аплодисменты.)

Наш друг Кашен с удовлетворением отмечает эти слова премьера. Ссылаясь на 6-й пункт каннской декларации[2], Кашен выражает надежду, что вопрос этот будет решен окончательно. Затем он переходит к проблеме восстановления экономических сношений с Советами...

Кашен. С 1920 года в результате коммерческих операций в Россию ввезены товары на миллионы рублей твердой валюты. Однако Франция в этом не участвовала. Почему? Советское правительство безусловно прочное правительство, с ним можно иметь дело...

(Шум справа.)

...Вот уже четыре года как нам периодически объявляют о падении правительства Советов, но нет никаких оснований этому верить.

Кашен, кстати, замечает, что торговые дела с Советской Россией ведут ее прежние противники (Англия, Германия). Значит, оно прочно.

Депутат Пусино. Большевистское правительство эволюционирует...

Кашен. Вот вам еще одна причина для установления с ним отношений...

Пусино. Через двадцать пять лет!

Кашен. Следовательно, вы тоже подтверждаете, что Советская власть не находится накануне падения!

(*Возгласы крайне левых:* «Очень хорошо! Хорошо!»)

Кашен. Советское правительство прочно. Оно стабильно...

(*Возгласы справа:* «Г-н председатель палаты! Кто-то морочит нам голову — не то национальный блок[3], не то коммунисты?»)

---

[1] Так «Юманите» именовала Пуанкаре.

[2] Этот пункт гласил: все государства обязаны воздерживаться от каких бы то ни было враждебных действий друг против друга.

[3] Партии, поддерживающие Пуанкаре.

Кашен. Мне говорят, что прочность Советов основана исключительно на силе их штыков. Верю, что у Советского правительства есть сильная армия. Что ж, и отлично! Если бы новая Россия не имела армии, она не могла бы сопротивляться агрессии, а стала бы жертвой ее...

(Аплодисменты на скамьях крайне левых.)

Эта армия сильна, она уже оказала успешное сопротивление насилию. И если понадобится, в будущем сумеет дать отпор попыткам уничтожения России и того строя, который установил народ этой страны. Добавлю, что в замыслах Красной Армии и тех, кто ею руководит, совершенно отсутствуют идеи агрессии против кого бы то ни было...

(Аплодисменты на скамьях крайне левых; возгласы справа и в центре.)

Нужно ли мне напоминать здесь, что с этой трибуны один из ораторов в свое время заявил, что он принимает французскую революцию такой, какой она была,— всю в целом, с ее величием и скорбными проявлениями. Ну, так вот, и русскую революцию надо рассматривать как единое целое...

(Аплодисменты на скамьях крайне левых.)

Советское правительство заявило: «Вы одалживали царю и русским капиталистам деньги, чтобы подавлять русский народ». Франция участвовала в актах агрессии против революционной России. Факт этот признан. Интервенция причинила русскому народу большие убытки. Советское правительство подсчитало их. Следовательно, было бы справедливо составить баланс: кто сколько кому должен.

(Возгласы справа и в центре. Аплодисменты крайне левых.)

Таков язык элементарной справедливости...

(Новые возгласы протеста справа и в центре. «Очень хорошо!» — *на скамьях крайне левых.)*

Кашен заключает свое выступление вопросами:

— Какой точный наказ относительно русской проб-

лемы намерено дать французское правительство своим делегатам в Генуе?

Возьмет ли оно на себя обязательство окончательно отказаться от политики агрессии?

Намерено ли оно признать Советское правительство?..

Допустит ли оно присутствие в Париже советской торговой миссии?

Обязуется ли оно уважать политический строй и систему собственности, существующую в России?

(Аплодисменты крайне левых. Крики неодобрения — справа и в центре.)

Раймон Пуанкаре говорит то пространно, то обходя острые углы, то вдруг бросается в атаку... Каннская декларация отразила уступчивость Бриана и Ллойд Джорджа, это позволило большевикам лавировать... Наказ, данный французской делегации, известен... Мы говорим большевикам: «Признайте долги, верните нашим соотечественникам их имущество».

Дальше в «Юманите»: «Пуанкаре понесло...»

23

На Силезском вокзале в Берлине, в субботу 1 апреля, повторилось примерно то же, что в Риге. Правда, любезностей со стороны немцев оказалось больше. Делегацию встречал Уго фон Мальцан. Он сопроводил Чичерина и его коллег до самой их резиденции — советского представительства.

Около полудня Чичерин сидел в кабинете Крестинского (тот еще находился в Москве) на широком мягком диване, у окна. Георгий Васильевич переоделся и, несмотря на дальнюю дорогу, оставшуюся позади, выглядел довольно бодрым.

Литвинов уехал на Вильгельмштрассе, в министерство иностранных дел, чтобы договориться о встрече с рейхсканцлером Виртом и министром Ратенау. Ожидая возвращения Максима Максимовича, нарком слушал доклад сотрудника миссии о важнейших событиях в мире со времени отъезда делегации из Риги.

— В среду Ратенау произнес большую речь в рейхстаге. Он наговорил кучу любезностей Пуанкаре...

— Все понятно. Дальше...

— Касаясь германо-русских отношений, Ратенау зая-

вил, что Германия искренне стремится содействовать восстановлению России. Но обо всем придется говорить с самой Россией. Переговоры уже начаты. Ратенау заверил, что он будет поддерживать их «всеми способами».

— Посмотрим... А что из Лондона?

— Ллойд Джордж уехал отдыхать в Чекерс. В газетах любопытная карикатура: Ллойд Джордж ловит рыбу. На его крючке, конечно, Чичерин. Кстати, тут же сообщение, в котором Ллойд Джорджу приписываются слова: «Если русские делегаты потребуют в Генуе немедленного признания Советского правительства, но примут поставленные им условия, то Англия выскажется за признание».

— Ясно... На «удочке» Чичерин?.. Продолжайте...

— Совещание экспертов в Лондоне закончилось. Никаких официальных сообщений пока нет.

Чичерин достал из жилетного кармана часы, прикинул, сколько времени прошло с момента отъезда Литвинова, и продолжал слушать уже встревоженно.

— Из Вашингтона сообщают, что Соединенные Штаты определенно не будут участвовать в Генуэзской конференции. Пошлют лишь наблюдателя...

Литвинов вернулся с вестями, что Вирт и Ратенау примут Чичерина только в понедельник. Воскресенье для правоверного католика Вирта — утренняя молитва в костеле, семейный завтрак с сосисками, предобеденная прогулка и пиво. Ратенау укатит на загородную виллу.

— Просто дипломатическая волынка, ничего более,— хмуро сказал Чичерин.

— Правильно... Я дал понять, что мы находимся здесь до вторника,— вставил Литвинов.— Ни дня более.

— И хорошо сделали. Вирт и Ратенау должны знать: ничто не изменит наших планов.

Тем временем в холле представительства собрались корреспонденты — немцы, англичане, французы, американцы. Чичерин и Литвинов понимали: отныне журналисты будут преследовать их повсюду. И важно говорить им не только то, чего они хотят услышать, но и то, что в интересах делегации желательно распространять через печать.

Открывая пресс-конференцию, Чичерин сказал, что он не хочет утомлять корреспондентов каким-либо заявлением и готов сразу отвечать на вопросы.

— Господа, я вижу среди вас даму. Будем джентльменами и окажем ей предпочтение.

— Благодарю, мсье Чичерин.— Это была Луиза Вейс из газеты «Пти Паризьен». Она перешла к делу.— Удалось ли вам, господин министр, прочесть утренние газеты?

— Да.

— Тогда... Ну, хотя бы ради дамского любопытства... Раскройте, пожалуйста, секрет: кто же скрывался под вуалями, о которых вчера говорили в нашем парламенте?

— Вуали? Прежде всего, позвольте заметить, что вуали не самый подходящий предмет для эксплуатации в дипломатической практике... Я должен самым решительным образом протестовать против заявления господина Пуанкаре, будто от нас исходили предложения Франции, идущие вразрез с ее интересами. По всей видимости, господин Пуанкаре пытается создать затруднения для премьера Ллойд Джорджа. Но это его дело. Повторяю, Советское правительство никогда не делало Франции предложений, направленных против ее союзников. Что касается обращений в Париж с предложениями переговоров, то такие обращения действительно имели место. Но вовсе не через дам под вуалью, а через господ в цилиндрах — чиновников, принадлежащих к составу одной официальной миссии.

Теперь вопрос британского корреспондента:

— В чем суть разногласий между вами, господин министр, и господином Лениным по вопросам Генуи?

Ответ по-английски:

— Никаких разногласий с товарищем Лениным у меня не было и нет. Мы все в Москве солидарны по вопросу о тактике, которой должны следовать на предстоящей конференции. Когда мы готовились к отъезду в Геную, то члены правительства, дипломаты, эксперты, разумеется, вносили различные предложения. Все они обсуждались. Одни принимались, другие не получали поддержки. Это обычная деловая дискуссия.

Еще вопрос по-английски:

— Что вы сможете сказать о болезни премьера Ленина?

— Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин по-прежнему находится в центре всего, что определяет внутреннюю и внешнюю политику правительства.

Ленину принадлежат важнейшие идеи нашего плана действий в Генуе. Все слухи, распространяемые европейской печатью о «критическом состоянии Ленина», совершенно безосновательны. Московские врачи считают, что Ленин сильно переутомлен и поэтому страдает бессонницей.

— Но в Москву приглашен известный профессор Клемперер? Неужели без серьезных оснований?

— Ленин и ряд других руководящих представителей советской власти в течение последних лет работали без отдыха, при огромном напряжении. К тому же до революции каждый из них прошел через царские тюрьмы и ссылки. Здоровье их подорвано. Иностранные специалисты, приглашенные в Москву, будут участвовать в совместных с русскими врачами консультациях, чтобы широко обследовать как здоровье товарища Ленина, так и других представителей Советского правительства.

Вечером в субботу 1 апреля Чичерин совещался с Литвиновым и другими делегатами. (Не было Красина, который еще ранее отправился в Лондон для встречи с членами английского правительства.)

Московские директивы относительно задач делегации в Берлине сводились к тому, чтобы возобновить переговоры с немцами о дипломатическом признании Советской России, попытаться форсировать их до Генуи.

Уклонение Вирта и Ратенау от встречи завтра же, в воскресенье, ничего хорошего не предвещало. Но и тратить попусту целый день было бы бессмысленно. Чичерин и его советники решили связаться с Мальцаном и пригласить его на завтрак, на обед, на чай — как угодно, но прощупать, что можно ожидать на переговорах в понедельник?

Тотчас послали секретаря к Мальцану. Немецкий дипломат ответил, что в Советское представительство он приехать никак не может. Это был бы официальный визит. Но от приватной встречи он не отказывается. Договорились беседовать в гостинице «Эспланад».

Завтракали втроем: Чичерин, Литвинов и Мальцан.

— Поезд с кредитами зашел в тупик,— напомнил Чичерин и тут же добавил: — Ну и бог с ним, с этим поездом. Придет время, мы еще к нему вернемся... Министр Ратенау заявил в рейхстаге, что Германия хочет перего-

воров с нами. Мы тоже хотим пойти дальше того, на чем остановились Ратенау и Крестинский в феврале.

Мальцан разговорился не сразу. Но потом дал понять, что на встрече с Виртом и Ратенау в понедельник главным будет вопрос о претензиях германских частных лиц за потерянную в России собственность.

— Германия, по-видимому, согласится не требовать этого возмещения только в том случае, если его не получит никто другой. Если же какой-нибудь державе будет дана компенсация, то ее должна получить и Германия.

К этому времени уже пили кофе. Чичерин задержал чашечку у рта, потом не спеша поставил ее на столик. Отвечать он не торопился.

Мальцан продолжал:

— Без договоренности об убытках частных лиц вряд ли окажется возможным решить что-либо большее. Министр иностранных дел не сможет показаться в рейхстаге, если в соглашении о дипломатическом признании Советского правительства не будет пункта о правах немцев на возмещение их убытков.

Наступило всеобщее молчание. Кофейные чашечки у рта, на столике, опять у рта... И вдруг Мальцан объявил:

— Завтра Ратенау сделает заявление о решении правительства передать советской миссии прежнее здание российского посольства на Унтер-ден-Линден [1]. Это будет сюрприз, который подчеркнет политическую близость Германии к Советской России накануне Генуи.

Чичерин, поняв смысл резкого перехода Мальцана, отозвался без промедления:

— Сюрприз — это хорошо. Но что толку, если наши представители переедут на Унтер-ден-Линден, а оставаться будут на положении полупризнанных «агентов Кремля»?

— Дипломатическое признание возможно,— заметил Мальцан.— Надо только решить спорные вопросы.

— Претензии частных лиц? — спросил Литвинов.

---

[1] С весны по ноябрь 1918 года здание дипломатической миссии России в Берлине находилось в распоряжении советского полпредства. После разрыва брестских соглашений здание перешло под контроль германского правительства.

— Прежде всего это. Следует искать компромиссные формулы.

— Согласительные?

— И то и другое,— примирительно сказал Мальцан.

В понедельник 3 апреля в десять с половиной часов утра Чичерин и Литвинов входили в кабинет рейхсканцлера Вирта. У самых дверей Вирт протянул гостям мягкую, почти женскую руку, потом короткими шажками проплыл к столу и пригласил садиться. Вирт начал с шутки насчет беспокойства казенного человека, которому в пути иной раз и воскресенье не впрок. А ведь господь бог повелел: шесть дней трудись, седьмой молись и пребывай в покое.

Приступили к делу. Чичерин напомнил, с чего начались и как туго продвигались за последний год советско-германские переговоры. Потом подвел к мысли о том, что в интересах не только России, но и Германии сделать тот важный шаг, который открыл бы новую фазу отношений,— дипломатическое признание. Советская сторона заинтересована, чтобы это произошло как можно скорее.

«Вирт весьма добродушно и сочувственно ко всему относился, но отвечал уклончиво и весьма общо»,— написал потом в Москву Чичерин.

Визит к Вирту показал, что конечный итог берлинских переговоров будет, вероятно, во многом зависеть от позиции Ратенау.

Чичерин и Литвинов пошли к министру иностранных дел. Ратенау встретил их сильным мужским рукопожатием, представил тут же находившегося Мальцана и с привычной велеречивостью и самолюбованием одарил гостей целым каскадом дружественных фраз. Уго Мальцан тоже сказал о своих «чувствах к России» и лично к тем, кто ее представлял.

Как ожидалось после воскресной встречи с Мальцаном, Ратенау начал с торжественного заявления о том, что германское правительство решило передать здание российского посольства в Берлине советскому представительству... Потом перешли к главному. И тут Ратенау сразу сделался настороженным, стал отвечать односложно.

Главным препятствием, как и уведомлял Мальцан, оказался вопрос об убытках немцев из-за советской национализации. Ратенау повторил доводы, на которые указывал Мальцан в гостинице «Эспланад».

Чичерин и Литвинов отвечали, что декреты о национализации отмене не подлежат. Правительство Советской России не дало никакого возмещения русским собственникам. Нет оснований делать исключение и для иностранцев.

Быстро прошел час переговоров. Настало время завтрака,— немцы назначили его в честь советской делегации.

— Господа,— оживился Ратенау,— надеюсь, после завтрака мы еще вернемся к нашим нерешенным делам.

Министр пригласил гостей в парадные залы. Кроме членов делегации туда позвали советских экспертов. Там оказались и высшие чиновники германского министерства, видные промышленники, советники. За столами образовались кружки, в каждый из которых были вовлечены советские дипломаты, военные эксперты и эксперты финансовые, юридические. Начался осторожный зондаж. Гости с учтивостью теоретизировали, что-то вспоминали, что-то сопоставляли.

Часа через полтора стало очевидно, что завтрак умышленно затягивается. Куда-то исчез Ратенау. Нет в зале и Мальцана. Стало ясно: Ратенау где-то совещается с членами кабинета.

Подали чай. И только теперь появился германский министр. Он подсел к Чичерину и без предисловий сказал, что возможен компромисс. В договоре о дипломатическом признании РСФСР предусматривается отказ Германии от убытков по национализации. А в секретном приложении отметить: если Советская Россия даст какой-либо державе вознаграждение за понесенные убытки, то вопрос о них будет вновь открыт для рассмотрения.

Чичерин ответил, что такой подход заслуживает внимания.

— Тогда давайте готовить проект соглашения,— сказал Ратенау.— Завтра с этой целью к вам прибудет Мальцан.

Казалось, завтра можно будет доложить в Москву о первом успехе делегации.

Было уже около пяти часов вечера, когда Чичерин

собрался уезжать. И вдруг перед ним вырос Мальцан. Он подошел с такими словами, будто был обижен тем, что Ратенау помимо него сделал русским выгодное предложение. А ведь он, Мальцан, давно готов к компромиссу, о котором только что заявил министр.

Излияния Мальцана насторожили Чичерина. Об этом Чичерин поделился с Литвиновым, когда вернулись в советское представительство. И все же решили не отступать от заявленного Вальтеру Ратенау.

В тот же вечер делегация начала готовить письменный проект соглашения — по всем пунктам дипломатического урегулирования. Работали до глубокой ночи. Чтобы не дать немцам повода для оттяжки соглашения, Чичерин решил за основу взять проект редакции, которую Мальцан предложил еще в феврале. Дополнения и изменения были сделаны в духе устной договоренности, достигнутой с Ратенау.

4 апреля Мальцан приехал к Чичерину. Нарком положил на стол проект договора:

— Здесь учтены и наши и ваши пожелания,— сказал Чичерин.

Но оказалось, что февральская редакция германских предложений уже не устраивала немцев. Мальцан прибыл с новым проектом. Предложению Ратенау, сделанному накануне Чичерину, теперь предпосылалось заявление о том, что Германия оговаривает за собой право на компенсацию за убытки по национализации.

— Да это же совершенно иной подход! — воскликнул Чичерин.— Мы не о том договаривались с министром Ратенау.

Чичерин вспомнил вчерашнее появление Мальцана. Да, не зря тогда возникло предчувствие чего-то недоброго.

— В проектах германской и советской сторон употреблены лишь разные способы выражения, но суть одна и та же,— сказал Мальцан, но сказал так, как говорят по обязанности.

— Совершенно не та же! — решительно возразил Чичерин.— По формулировке вашей стороны Германия не только не отказывается от претензий по национализации, а, напротив, настаивает на них. Вот в чем суть!

Мальцан терпеливо пережидал. Угадывалось, что он сказал еще не все из порученного ему.

— Министр Ратенау,— пояснил Мальцан,— после встречи с вами совещался с некоторыми членами кабинета. В результате было решено безусловно остановиться на той формуле, которая сейчас вам представлена. Проект предусматривает весьма серьезные финансовые жертвы (?) со стороны Германии, поэтому обсуждение его потребует много времени. Ратенау просил разъяснить, что кабинет министров не может принимать «столь обязывающие решения» без предварительной консультации с главнейшими политическими партиями.

Чичерин ответил: если решение не состоится в Берлине, то советская делегация будет считать себя свободной сохранять или не сохранять в силе уступки, на которые пошла ради соглашения до Генуи.

Мальцан встал. Прежним официальным тоном он сказал, что немедленно передаст содержание своей беседы по назначению. Уже закрывая портфель, Мальцан добавил:

— Насколько мне известно, вы сейчас отправляетесь на завтрак к господину Дейчу? Я надеюсь быть там же.

Приглашение к Дейчу Чичерин теперь расценил по-новому. Феликс Дейч был одним из виднейших германских промышленников, директором АЭГ, совладельцем которой состоял и Ратенау. Оба они строили большие планы на ведение дел АЭГ в Советской России. Дейч, надо полагать, был осведомлен о том, как разыгрывается драматический сценарий с участием Ратенау при исполнении Мальцаном. Умышленно затягивая, как министр, решение дипломатических проблем (до Генуи), Ратенау — промышленник и финансист хотел в то же время подчеркнуть, что он надеется на широкое участие АЭГ в «промышленном возрождении России».

У Дейча кроме деловых людей собрались литературные и прочие знаменитости Берлина. Последних меньше интересовали дипломатические или финансовые переговоры. Чичерин и его товарищи снова оказались на смотринах. Советские делегаты держались непринужденно. А про себя делали наблюдения. Ведь главное еще было впереди, в Генуе.

Мальцан появился в конце завтрака. Он передал ответ Ратенау: после дополнительных обсуждений позиция германского правительства осталась прежней.

Тогда Чичерин сказал:

— Жаль. Но не хотелось бы считать, что все возможности исчерпаны. Мы готовы продолжать контакты в Генуе. Германская делегация может рассчитывать на нашу поддержку.

Уже на вокзале, при проводах советской делегации, Мальцан передал Чичерину, что его предложение продолжать контакты принято германским правительством.

24

Профессор Клемперер возвратился в Берлин 4 апреля.

«Что с Лениным? Чем он болен? Возможно ли, что Ленин все-таки поедет в Геную?»

От знаменитого профессора репортеры ждали свидетельств из первых рук. Очень хотелось услышать сенсационное. Но профессор сказал спокойно и кратко:

— Консилиум утвердил меня во мнении, что болезнь Ленина излечима, по крайней мере сейчас. Ленин сильно переутомлен. Он нуждается в продлении отпуска. Ему об этом передали. Он согласился, но ответил, что до возвращения Чичерина с Генуэзской конференции считает свое пребывание в Москве необходимым.

Корреспонденту американской газеты «Нью-Йорк таймс» Клемперер поведал несколько подробнее:

— Ленин, человек крепкого физического сложения, большой рабочей энергии и все время работает по 14—16 часов в день. За последнее время его трудоспособность уменьшилась, и он и его друзья решили выяснить, не является ли это следствием какой-либо болезни. На консультации целого ряда врачей мы осмотрели Ленина и нашли лишь небольшую неврастению — следствие переутомления. Ленин должен некоторое время беречься и отдохнуть.

Но и американцу знаменитый профессор сказал не все. В Москве Клемперер сделал рекомендации, о которых пока не счел нужным говорить публично.

7 апреля среди ежедневных обзоров иностранных радиотелеграмм, с которыми знакомился Ленин, оказался краткий пересказ беседы Клемперера с американским корреспондентом. Владимир Ильич захотел прочесть интервью полностью и по первоисточнику. Он написал секретарю: «Прошу достать мне на время этот № *«Таймса»*».

В тот же день Владимир Ильич делился с Серго Орджоникидзе, председателем Кавказского бюро ЦК партии: «Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят. Чтобы испробовать лечение всерьез, надо сделать отдых отдыхом».

По совету врачей в начале апреля обсуждалось: не поехать ли Владимиру Ильичу на Кавказ или в какое-либо другое место, где будет горный воздух и прогулки при полной изолированности от государственных дел и при всех других условиях, необходимых для лечения нервов. Этот план не исполнился. Но и тогда, в начале апреля, Ленин не собирался ехать сразу. Только к 7 мая он просил прислать ему подробную карту и сведения о месте, пригодном для его лечения и отдыха на Кавказе. Из этого можно заключить, что, несмотря на нездоровье, Владимир Ильич, действительно, не считал возможным уехать из Москвы до окончания Генуэзской конференции.

Была, правда, и еще одна причина, по которой немедленный отъезд Ленина из Москвы был невозможен. Она стала известна позднее, когда осуществлялись рекомендации Клемперера.

...Интервью германского профессора, вернувшегося из Москвы в Берлин, воспроизвели все главнейшие газеты мира. Это, однако, не остановило распространение репортерских слухов о возможности поездки Ленина в Геную. Так, один из рижских корреспондентов, как обычно «все знающий», сообщил в Париж: «4 апреля в Кремле состоялось экстренное заседание Совнаркома и ВЦИК, на котором Ленин заявил о своем категорическом решении лично поехать в Геную».

6 апреля в берлинских и римских газетах можно было прочесть и более сенсационное:

«ЛЕНИН ЕДЕТ ИНКОГНИТО?

МОСКВА (соб. корр.). В Москве упорно циркулируют слухи, что Ленин отправляется в Геную инкогнито. Называют даже фамилию Владимиров, под которой Ленин совершит свое путешествие. Ленин едет будто бы в качестве спеца-инженера. Маршрут и время отъезда сохраняются в тайне».

Мы увидим, к каким последствиям привели подобные слухи...

25

За окном вагона, далеко вверху, подпирают небо гигантские кристаллы Тирольских гор. Поезд идет дорогами Австрии. Зальцбург, Инсбрук — к Швейцарии. Чем южнее, тем светлее небо и весна являет то первую зелень альпийских лугов, то расцветающие сады.

В купе рядом с Чичериным сидит пресс-атташе делегации. Они разбирают кипы газет, взятых в Берлине,— германских, французских, английских. На столике и самые свежие, купленные в дороге,— австрийские, швейцарские. Нельзя ни на час отставать от того, что происходит в мире!

Чем ближе к началу генуэзского действа, тем обильней и солоней становится газетная пища. «В Москве распространился слух, что для Ленина затребован самолет. Он перелетит Дарданеллы. Из Турции поедет поездом»... «Заявление Ллойд Джорджа перед отъездом в Геную. Английский премьер сказал: есть признаки, указывающие на то, что в России происходит полная перемена политики»...

Стук в дверь. Еще до того, как Чичерин успевает ответить, совсем не робкий молодой господин предъявляет визитную карточку: корреспондент газеты «Нейе фрейе прессе» (Австрия) Лео Ледерер.

Чичерин соглашается принять журналиста.

На одной из пачек газет, лежащих перед Чичериным, австриец замечает букетик первых весенних цветов. Для Лео Ледерера это неожиданность. Кремлевский министр — и цветы? Ничего схожего с западным стандартом представлений о «товарище из Кремля». И первое, о чем назавтра вещает Ледерер,— о цветах Чичерина. Это подхватывают и другие западные газеты. При ближайшем рассмотрении в букетике, конечно, обнаруживается очередной подвох Кремля: мол, еще один жест, чтобы расположить сентиментального европейского буржуа (?!)

Чичерин отвечает на вопросы корреспондента. А вопросы о том, что же все-таки означают «перемены в политике Кремля?» И как они отразятся в Генуе?

Чичерин терпелив. Интервью, которые он дает корреспондентам на пути в Геную, имеют одно предназначение. Позже он раскроет это в отчете для Москвы. А господину Ледереру нарком говорит, что программа, с какой

советская делегация выступит в Генуе, среди прочего содержит элементы компромисса. И это не компромисс случайностей или настроений. Он продиктован самой жизнью. Но его рамки ограничены. Это должны усвоить все, кто всерьез желает, чтобы Генуя привела к успехам реальным.

Позади остается Швейцария.

На итальянской границе Чичерина интервьюирует корреспондент из «Дейли геральд». В вопросах снова знакомые голоса тех, кто читает газеты за утренним кофе.

— Приближаясь к Генуе, мы вовсе не нервничаем,— говорит Чичерин.— Нервы у нас в порядке! Мы готовы к соглашениям. Но мы можем и обождать.

Вацлав Воровский, глава экономической миссии РСФСР в Италии, он же генеральный секретарь советской делегации, встречает товарищей из Москвы на станции Нови-Лигуре. Крепкие объятия, взаимные расспросы.

В Нови-Лигуре делегация (уже присоединился и Красин) пересаживается в специальный поезд из трех вагонов. Теперь путь к лазурным берегам Генуэзского залива.

6 апреля. Девять часов утра. Специальный поезд прибывает в Геную. Вокзал оцеплен. Рослые карабинеры в треуголках. Полицейские в длинных черных сюртуках с тросточками, зажатыми в руках. На перроне префект Генуи, генеральный секретарь конференции Романо Авеццана и его сотрудники. На рукавах встречающих — шелковые голубые повязки с белыми пятиугольными звездами — эмблема конференции.

На перроне — вездесущие журналисты.

Главные смотрины начинаются!

Чичерин выходит из вагона в... цилиндре и желтых перчатках. Это уже не букетик весенних цветов! Это — новая сенсация! И в блокноте одного из журналистов появляется запись: «Большевики хотят поддержать фикцию о том, что большевизм не так уж полярен европейскому правопорядку. Отсюда цилиндр и перчатки. Никто не удивится, если завтра они появятся во фраках!»

Префект Генуи приветствует советскую делегацию от имени правительства Италии. Обмен поклонами и любезностями. С префектом, с генеральным секретарем конфе-

ренции. Все происходит по общепринятому протоколу. Все, как при приеме других делегаций, участников конференции. Тех, кто уже прибыли, и тех, кто прибудет.

В журналистских блокнотах пестрят новые записи. Среди них:

«Русские делегаты встречены в Генуе точно они полномочные представители признанной нации».

Трехвагонный поезд отправляется дальше, в Санта-Маргериту. Там, в двадцати милях от Генуи,— резиденция советской делегации.

Поезд медленно идет по извилистым склонам прибрежья Восточной Ривьеры. Поезд замечен итальянскими рабочими:

— Эвива! Эвива!

Делегаты ответно приветствуют улыбками и взмахами рук.

Журналисты проникают и в трехвагонный поезд. Что поделать — великие смотрины начались!

Корреспондент французской «Тан» ссылается на неофициальные, но явно инспирированные сообщения прессы из Берлина. Там будто бы состоялась договоренность о сближении между Германией и Россией. Что может сказать по этому поводу господин министр?

Чичерин догадывается, что это очередная каверза Ратенау. Не допустив соглашений практически, он инспирирует впечатление, будто достигнуто важное. Ратенау хочет заранее присмотреться, как будет реагировать Париж, Лондон, как поведет себя Чичерин?

Нарком мгновенно принимает решение. Он отвечает так, чтобы услышал Пуанкаре:

— Сударь, а разве французы имеют право быть недовольными, если германо-советское сближение действительно произойдет? Мы ведь много раз предлагали Франции дружественные переговоры. Но Франция грубо отвернулась, прикрываясь совсем прозрачными вуалями. И после этого вы хотите, чтобы Россия не искала себе других союзников?

«Чичерин и при цилиндре остается кремлевским дипломатом, знакомым всем по его радионотам».

В одиннадцать часов утра церемония встречи повторяется на маленьком вокзале в Санта-Маргерите. Здесь во главе встречающих мэр в окружении военных.

Закрытые автомобили увозят советских делегатов к огромному парку, где на холме высится пятиэтажное здание со светлыми сводчатыми окнами, с верандами и террасами. Вокруг гостиницы «Империал» каменная ограда.

Автомобили въезжают в ворота, которые тут же захлопываются.

Перед оградой расхаживают карабинеры, берсальеры, агенты в штатском. Итальянские власти объясняют это мерами охраны советской делегации. Но похоже, тут больше заботы об ее изоляции. В самом деле, внешняя охрана состоит из ста карабинеров, роты гвардейского полка и отряда тайной полиции. И это на шестьдесят три человека советской колонии в «Империале», включая сотрудников внутренней охраны. (Ею ведает один из помощников Вацлава Воровского — Александр Эрлих. Для западных корреспондентов он — «доктор Эрлих».)

В «Империал» устремляются генералы прессы — политические обозреватели крупнейших газет мира. Здесь и неутомимые труженики — ловцы новостей — репортеры. Подглядеть, подслушать, получить интервью, на ходу вырвать какое-то «признание», слово, оборот, чтобы на этом еще до открытия конференции построить свои суждения, прогнозы.

«Стампа» (пресса) — визитная карточка корреспондентов, аккредитованных при конференции. Для «стампы» открыты двери всей дипломатической Генуи. Но перед «Империалом» на пути «стампы» вырастает майор карабинеров:

— Не велено.

— Кто не велел?

— Синьоры, я подчиняюсь начальству, а не прессе. Позвольте считать нашу беседу оконченной.

Это тоже «в целях безопасности советской делегации».

(Назавтра Воровский заявит итальянским властям протест, и в «Империал» нагрянет целая туча журналистов, фотографов, кинорепортеров. А Чичерин уведомит Москву о своих нелегких беседах с прессой на всем пути от Риги до Санта-Маргериты: «Газетных интервью я дал большое количество, имея в виду подготовлять настроение для нашего пацифистского наступления».)

Пока же генералы прессы вынуждены ретироваться. Перед оградой «Империала» остаются только репортеры. И вот удача! Из ворот выезжает автомобиль. Кто и куда

едет? Чичерин? Нет, «доктор Эрлих». На вокзал. Репортеры мчатся туда. Там они подсчитывают, сколько сундуков и чемоданов привезли с собой московские делегаты и сотрудники. Особенно репортеров заинтересовывают контейнеры с пломбами. Что в них? Шепотом передается какой-то слух. Он доходит до носильщиков и грузчиков, которые извлекают контейнеры из багажного вагона. С особой осторожностью ставят на грузовик самый большой. Эрлих рад, что грузчики работают так осторожно.

Автомобиль направляется к «Империалу». Но репортеры опережают. Слух передан полицейским в штатском. И полицейские становятся союзниками репортеров.

Как только начинают сгружать большой контейнер, агенты в штатском толпой втискиваются в вестибюль гостиницы. «Соскочить с машины, растолкать полицейских и с помощью курьеров выпроводить их из вестибюля было нетрудно,— вспоминал позже Александр Эрлих.— Но тут-то и стало понятным поведение полицейских, когда один из них смущенно спросил меня:

— Синьор инженьере, правда ли, что в этом контейнере привезли Ленина?»

В день приезда, избежав услуг карабинеров, при охране лишь Александра Эрлиха да нескольких советских товарищей Чичерин совершил прогулку по Санта-Маргерите. (Это было довольно рискованно, ибо газеты писали о появлении в районе Генуи агентов Савинкова.) Чичерин заходил в магазины. «Видите ли, я простужаюсь в больших залах, и... мне нужен шарфик, чтобы защитить шею»,— объяснил он Эрлиху.

Но житейская покупка была скорее поводом для прогулки. Чичерину хотелось побродить по тем местам, где он бывал еще в пору эмиграции; снова увидеть дома и переулочки, с которыми связаны и добрые и грустные воспоминания.

До открытия конференции советские делегаты совершили несколько прогулок по Санта-Маргерите. И конечно, это не оставалось без внимания корреспондентов. Они заметили, что с приездом в «Империал» дипломатов Москвы маленькая Санта-Маргерита стала местом паломничества сотен и тысяч любопытствующих генуэзцев, многих и многих гостей, уже съехавшихся на курорты Восточной Ривьеры. «Своими глазами увидеть, говорить, почти ощупать «новых марсиан», воочию убедиться, кто

они, чего хотят» — вот что привлекало к «Империалу» разноплеменных туристов и местных любопытствующих.

Корреспондент парижской «Тан» назвал это паломничество «русским сезоном Санта-Маргериты» — как бывает русский сезон на Елисейских полях, когда там ожидают Шаляпина.

«...На Ривьере сейчас пребывает шведский король. Он одет по последней моде, в белую фланель. Чичерин позволяет себе приходить на пляж просто в пиджаке, посидеть на солнце. Но коронованная особа из Швеции не возбуждает такого любопытства у публики, как московский большевик».

Те корреспонденты, которым удалось поговорить с делегатами Советской России, торопились нарисовать в своих газетах портреты собеседников: «Воспитанность Чичерина разочаровывает всех, кто имеет примитивное представление о большевиках». «Ясность мыслей, энергия и тонкое чувство реальности — отличительные черты Чичерина». «В Санта-Маргерите кремлевский министр не изменил своей привычки работать по ночам».

О Красине журналисты писали, что он революционер со студенческих лет, талантливый инженер-электрик. В свое время был «министром финансов» большевистской партии. Энтузиаст, быстро загорающийся мыслью и чувством, вместе с тем осторожный, трезвый аналитик и диалектик. Первый и главный «красный купец» (народный комиссар внешней торговли); государственный деятель, проявивший себя во многих дипломатических и внешнеэкономических переговорах в Скандинавии и Англии, автор смелых проектов делового характера.

«Литвинов ласков, но непроницаем». В прошлом он был блестящим партийным конспиратором, доставлял в Россию транспорты с революционной литературой и оружием — для борьбы с царистской властью. Первый красный полпред в Англии. Дипломат, проведший в годы гражданской войны и блокады много сложных дипломатических акций.

Среди экспертов внимание западных корреспондентов особо привлекал профессор Николай Николаевич Любимов, специалист по финансово-экономическим вопросам, который уже участвовал в международных переговорах (с Польшей). Газеты писали и об эксперте А. В. Саба-

нине. Он был заведующим экономическо-правовым отделом Наркоминдела, дипломатом, служившим еще в царском министерстве иностранных дел. Сабанин — один из немногих старых чиновников, которые сотрудничали с комиссарами Смольного, когда в дни Октябрьской революции они впервые пришли на Дворцовую площадь, 6, в Петрограде.

26

7 апреля на Северный вокзал Парижа прибыл поезд английской делегации. В вагон Ллойд Джорджа вошли Пуанкаре и Барту. Французский премьер и министр иностранных дел оставались в вагоне и тогда, когда поезд переезжал на Лионский вокзал французской столицы. Путь занял более часа, и оба премьера все это время совещались в присутствии своих министров иностранных дел.

Когда Пуанкаре распрощался с Ллойд Джорджем, корреспонденты окружили французского премьера. Но Пуанкаре отказался отвечать на вопросы.

До этого в Париже было объявлено, что Пуанкаре не поедет в Геную. Французскую делегацию возглавит Барту. Но из Лондона стали поступать известия: Ллойд Джордж все же намерен убедить Пуанкаре изменить свое решение. Для этого он воспользуется беседой с ним во время проезда через Париж. И вот встреча окончена. Пуанкаре отмалчивается. Корреспонденты поняли — Пуанкаре не едет. И уже находятся объяснения: быть президентом в великую войну, заслужить памятник за победу над Германией, прогреметь на весь мир в качестве самого непримиримого противника большевиков — и после этого ехать в Геную, чтобы сесть за один стол с «красными» и немцами? Отправиться туда, где будут дуть политические сквозняки со всех сторон? Нет! В Геную поедет Барту. Тот справится. К тому же Пуанкаре не раз беседовал с французской делегацией и толковал ей о том, как вести себя на конференции. Каннские параграфы, булонские уточнения, и ни шагу в сторону!

Но о чем же совещались премьеры, пока поезд британской делегации медленно переезжал с Северного на Лионский вокзал?

Из английских источников следовало, что Ллойд Джордж склонял Пуанкаре к тому, чтобы его делегация

проявляла в Генуе терпимость. По словам английских корреспондентов, Ллойд Джордж сказал:

— Английское общество ждет от Генуи многого и не простит державе, позиция которой подвергнет конференцию опасности. Всякая попытка Франции сыграть роковую роль только повредит ей в глазах общественного мнения Англии.

Пуанкаре, как утверждали, слушал терпеливо. А в конце ответил:

— Англия может рассчитывать на поддержку Франции до тех пор, пока будет соблюдаться соглашение, достигнутое в Булони.

...К 9 апреля все тридцать четыре делегации, приглашенные на Генуэзскую конференцию, расселились по всей Восточной Ривьере — в Рапалло, Сан-Ремо, Нерви, Санта-Маргерите. Английская делегация заняла отель «Мирамаре» в Генуе. Ллойд Джордж уединился на вилле «Альбертис» в одном из самых тихих уголков Ривьеры — Куарто-деи-Милле. В состав советников и экспертов английской делегации входили министр торговли Роберт Хорн, глава департамента по кредитованию внешней торговли Великобритании Ллойд Гримм, профессор политической экономии Сидней Чэпман. В качестве эксперта был приглашен и Лесли Уркарт. Еще бы, он знал Россию по личному опыту. Изъездил всю Сибирь. Потерял там так много... и представлял всю «Английскую ассоциацию кредиторов России». Вместе с Ллойд Джорджем приехал Евгений Уайз, один из самых доверенных его людей.

Французская делегация во главе с Луи Барту расположилась в отеле «Савой». Итальянцы — в «Реджио»; в их составе были премьер Луиджи Факта, министр иностранных дел Карло Шанцер. Из итальянских экспертов стоит назвать Франческо Джаннини. Он получил в дни Генуи шумную известность.

Германская делегация с Виртом, Ратенау и Мальцаном заняла отель «Эден» в Рапалло, неподалеку от советской делегации.

Делегации Бельгии, Японии, стран Малой Антанты и другие были представлены главами правительств, министрами иностранных дел, советниками.

Соединенные Штаты Америки, как уже говорилось, не послали своей делегации. Президент поручил американскому послу в Италии полковнику Ричарду Чайльду быть

наблюдателем. (Это означало: ни разу не выступать ни на пленарных заседаниях, ни в комиссиях, а вести закулисную игру, главным образом через французскую делегацию.) Недостаток своих дипломатов в Генуе американцы восполнили целой армией корреспондентов и десятками бизнесменов, лично заинтересованных в решении «русского вопроса». Среди них был знаменитый миллиардер Вандерлип, который уже вел переговоры с Советским правительством о смешанной концессии на Камчатке, но получил отказ. Вандерлип никак не мог усвоить советское законодательство и хотел прийти на Камчатку не в качестве соучастника экономического предприятия, а плантатора. Вандерлип приехал в Геную, надеясь, что здесь «большевики отступят», и он не должен опоздать.

В воскресенье 9 апреля, накануне открытия конференции, Чичерин, Литвинов и Воровский нанесли официальный визит премьер-министру Италии Луиджи Факте и министру иностранных дел Карло Шанцеру. Встреча происходила в генуэзском Королевском дворце.

Литвинов сообщил об этом в Москву: «...выяснили программу занятий». Ллойд Джордж и итальянцы всячески старались сгладить острые углы, но сгладить путем обхода затруднений или путем уступок французам. Предложили следующий план: советская делегация получает слово при открытии конференции наравне с союзными странами. Затем выбираются четыре комиссии — одна по русскому вопросу и три по экономическим. Советские делегаты пока участвуют в первой комиссии и, в зависимости от хода работ, допускаются в остальные комиссии. Правда, французы имеют особое мнение. Шанцер от имени Ллойд Джорджа умолял, чтобы советская делегация в первой речи на пленарном заседании избежала спорных вопросов и хоть слегка упомянула «о принятии в принципе каннской резолюции». (Собственно, о том же Ллойд Джордж просил Красина еще в Лондоне.)

Так начали итальянцы, действуя и от имени Ллойд Джорджа.

А французы?

После русских в Королевский дворец прибыли Луи Барту, Ллойд Джордж, главы делегаций Бельгии и Японии. Началось закрытое совещание устроителей конференции. Барту выставил ультиматум: советские делегаты на первом же заседании конференции должны отве-

тить «да» или «нет» каннским условиям, особенно насчет гарантий по долгам...

Ллойд Джордж и итальянцы стали увещевать Барту — не надо ультиматума. Важно открыть конференцию. А уж потом можно решать спорное.

Заседание в Королевском дворце продолжалось... Тем временем в Санта-Маргериту к Чичерину явился Франческо Джаннини. Он значился экспертом итальянской делегации. Джаннини сообщил, что Барту грозит немедленно уехать из Генуи, если советская делегация не даст Франции удовлетворительного ответа относительно каннской резолюции. Во избежание кризиса господин Чичерин, по мнению Джаннини, должен обещать, хотя бы в принципе, упомянуть о принятии каннских параграфов.

Казалось, можно было пренебречь этой вестью и советом. Но не желая осложнять дело, Чичерин ответил:

— Упомянем в принципе. Вместе с тем укажем, что оставляем за собой право внести дополнительные пункты и поправки.

Джаннини заспешил в Королевский дворец.

Первая репетиция первого акта Генуи закончилась. Но как поведут себя участники дипломатического действа публично, на открытой сцене? Этого еще никто не знал.

27

С утра 10 апреля Генуя празднично горяча, шумна, в наряде необычном.

Лицо Генуи повернуто к морю — улицы террасами спускаются к торговой гавани. От нее вся сила и слава родины Христофора Колумба: дворцы дожей, виллы богатейших синьоров, мрамор церквей, золотистые пляжи; порт, где не смолкают гудки пароходов. Сегодня над всем царствуют голубые флаги с белыми пятиугольными звездами. На главной улице города во всю ширину транспаранты:

Conferenza internationale economica di Genova
(Международная экономическая конференция в Генуе)

Голубая эмблема с белой звездой повсюду. Она на рекламных щитах площадей. На стенах древних палаццо, на виллах, где разместились делегации. На стеклах автомобилей. На трубах пароходов. В витринах магазинов, где рядом выставлены фотографии... Улыбающиеся усы

Ллойд Джорджа. Чичерин на прогулке в парке «Империала». Чичерин в окружении Красина и Литвинова. Высокий Воровский в котелке, опирающийся на трость. Кругленький Литвинов без шляпы в светлом легком плаще, по-домашнему накинутом на плечи. Чичерин, Красин и Марсель Кашен на террасе «Империала». И еще тройка: Красин рядом с рейхсканцлером Виртом — тот в длиннополом сюртуке, брюшком вперед, руки вперлись в бока. Красин слушает германского канцлера. Ему тоже есть что сказать, но сейчас, пожалуй, не время... Тут же Ратенау — в широкополой мягкой шляпе, высокий, весь настороженный: «от добродушного папы Вирта можно всего ожидать»...

Утром дипломаты еще на своих виллах. Там — ленч, последняя выверка приготовленных речей, одевание. Исторический спектакль назначен на три часа дня.

Зато недипломатическая Генуя с самого утра на улице. «Зрелище века» привлекло любопытствующих из многих стран; звучит французский, английский, немецкий:

— Генуя сегодня центр земного шара!

— Вы видели этих русских? Какие они?

— Обыкновенные, разные... Но, во всяком случае, не такие, как мы знаем о них от русских эмигрантов. Я видел Красина в Санта-Маргерите. Он мило улыбался.

— Вы доверяетесь улыбкам?

— Почему же нет?.. Красин, улыбаясь, заключает в Лондоне миллионные контракты.

— Когда ваши большевики отнимут у вас дом, я посмотрю, как будете улыбаться!

На фабричных стенах генуэзских предместий в порту висят рукописные плакаты: «Да здравствует Ленин!» Но в переулке перед выходом на главную площадь небольшая группка крикунов с бумажными плакатиками: «Долой сотрудничество Ленина с буржуазией!» Выкрики — цитаты из эсеровских «Голосов», меньшевистских «Вестников», из листовок местных «ультралевых», которые тоже называют себя социалистами.

С часу дня толпы любопытствующих перемещаются к гавани, где на площади Христофора Колумба высится дворец Сан-Джорджо. Его построили еще в тринадцатом веке. Два столетия спустя здесь открыли один из первых банков Европы. Со временем дворец реставрировали и пристроили два роскошных зала — Зал капитанов (глав

Генуэзской республики) и Зал сделок. Минули века. Сан-Джорджо утратил прежнее значение и стал просто конторой генуэзского порта. Ему, наверное, было уготовлено забвение, если бы не анекдотический случай.

Когда на Каннской конференции решали, где быть будущей экономической конференции, итальянский делегат крикнул по-французски: «Genèva». Ллойд Джордж, не знавший других языков, кроме английского, ответил: «Согласен». Он думал, что речь идет о швейцарской Женеве. (Слова «Генуя» и «Женева» по-французски звучат почти одинаково.) Вскоре ошибка обнаружилась, но уже никто не посмел сказать, что мэтр Ллойд Джордж имел в виду Женеву, а не Геную. Ну, раз Генуя, то экономической конференции, конечно, быть в древнем Сан-Джорджо, в Зале сделок! Так Сан-Джорджо снова стал местом, где совершается сама История.

Площадь перед дворцом под охраной элегантных, но бдительных карабинеров. Треуголки. Медные пуговицы. Красные лампасы. Лиловые цвета гвардейцев. Полицейские в черных форменных сюртуках. Детективы в штатском.

Первыми во дворец проходят служители прессы. Для журналистов в Зале сделок построена деревянная галерея.

Зал сделок — большой, двухсветный. Огромные сводчатые окна. В стенах ниши и вместительные книжные шкафы. На темно-красном фоне ниш — статуи древних банкиров Генуи. Одни сидят — это те, кто при жизни подарил для постройки «Палаццо Сан-Джорджо» больше ста тысяч ливров; другие стоят. За меньшие деньги — меньший почет.

Пятьсот человек с карандашами и блокнотами; фотографы с огромными аппаратами на треногах располагаются вдоль верхней галереи. Среди шумной журналистской братии имена известные и те, которые еще станут знаменитыми. Марсель Кашен представляет коммунистическую «Юманите». Мейнард Кейнс, экономист и публицист, который известен как последовательный критик Версальского договора, представляет «Манчестер гардиан» и еще десяток европейских и американских изданий. На пресс-галерее — главный редактор лондонской «Таймс» Стид и король американской журналистики Виганд, пресс-генералы французских «Тан», «Матэн» и дру-

гих правых газет, редакторы крупнейших немецких, итальянских телеграфных агентств. На верхней галерее место занимает мало кому еще известный американец Эрнест Хемингуэй. Ему только двадцать три года. Позади батрачество, фронт, ранения (здесь, в Италии). Теперь он корреспондент канадской «Торонто-стар». Только что из Парижа. Из «Ротонды» в Латинском квартале, откуда посылал краткие, но емкие психологические этюды об американской богеме. В Геную Хемингуэй приехал не для ловли сенсаций. Генуя для него очередная сверка с тем, о чем думалось в окопах мировой войны, как представлялся мир в дни мира. Генуя — Театр Истории. Диалог «признанных» и «непризнанных», красных и антикрасных — диалог идей, психологий, человеческих характеров.

С двух часов дня к Сан-Джорджо подкатывают автомобили с голубыми флажками. Под взглядом тысяч любопытствующих, которым дозволено созерцать лишь издали, под казенные приветствия особо избранных карабинеров и моряков, берущих «на караул», в подъезд дворца важно проходят великие в цилиндрах, во фраках, в перчатках, в светлых гетрах и, конечно, с моноклями. Эта экипировка до монокля включительно — обязательные приметы принадлежности к касте дипломатов.

В Зале сделок главы и члены делегаций рассаживаются у столов, образующих большой прямоугольник. Центральные места предназначены для государств — устроителей конференции. У генсрального секретаря Авеццана была мысль рассадить делегации по алфавиту, согласно каннскому условию — все равны! Но тогда на виду оказались бы малые страны, а некоторые из великих где-то на задворках.

Места занимают австрийцы и румыны, шведы и греки, латыши и норвежцы, поляки и немцы...

— А где же русские?

— Чичерин, где Чичерин?

— Скажите, а вот тот, невысокий, с наполеоновским хохолком на лбу, разговаривает с польским министром Скирмунтом — кто он?

— Бенеш, чехословацкий министр.

— А левее — генерал с созвездием орденов на мундире?

— Военный эксперт Италии.

Без четверти три. Зажжены огни в зале. Мраморным купцам в нишах — и тем, что сидят, и тем, что стоят,— теперь видней... «В наше время здесь договаривались скоро и без моноклей. Посмотрим, как сможете вы...» Зал полон. Свободны только места за центральным столом посредине. Нет пока и советской делегации.

— Похоже, что малые державы больше боятся опоздать, чем великие,— шутит на пресс-галерее молодой американец.

Без десяти три входит премьер Италии Луиджи Факта — небольшого роста, с розовым лицом, седыми волосами и белыми длинными усами.

Италия — страна пребывания конференции.

Луиджи Факта, согласно дипломатическому этикету, занимает председательское кресло.

— Но дирижерская палочка все же будет у Ллойд Джорджа,— замечает Марсель Кашен.

«Дирижер», веселый, пышущий здоровьем, почти сияющий, показывается вслед за итальянским премьером. Зал рукоплещет. Впервые. Еще бы, «сам Ллойд Джордж!» Щелкают затворы фотографических аппаратов.

Появляется Луи Барту, коренастый, маленький, проворный. Ему место — справа от председательского кресла. Уже прибыл и полковник Ричард Чайльд — наблюдатель от американской дипломатии и бизнеса... Но где русские?

Даже Ллойд Джордж поглядывает на часы. Осталось три минуты.

И вот они! Впереди Чичерин. Он во фраке с белоснежным пластроном. Красин тоже во фраке и тоже с туго накрахмаленной грудью верхней сорочки. Литвинов, Воровский, Рудзутак и другие делегаты в черных костюмах. В петлицах фраков Чичерина и Красина — красные эмалевые флажки с буквами РСФСР. Такие же знаки в петлицах других советских делегатов.

Все взоры обращены на «красных». Их обстреливают монокли, лорнеты, пенсне. Ллойд Джордж приставляет к глазам лорнет и в упор разглядывает Чичерина. Этот жест затягивается... В зале и на галерее бурное обсуждение. Одни находят, что интерес Ллойд Джорджа объясним: «Мэтр любопытен к редким вещам и людям». Другие считают, что Ллойд Джордж делает своим жестом какой-то «политический аванс Советской России». Третьи

завтра напишут: «Большевистская революция кончилась в ту самую минуту, когда Чичерин надел фрак» (?!). Этот афоризм подхватят и будут раздувать многие.

Фрак на красном наркоме означал не более как дань дипломатическому протоколу: «Мы на равных, господа!» В то же время подчеркивалось: «Мы — дипломаты нового мира. На наших лацканах — эмблема революции». Те же, кто иным образом толковал появление Чичерина во фраке, толковал якобы с позиций друзей русской революции, на самом деле выдавали горячечную надежду: раз цилиндр и фрак, авось большевики перечеркнут и декреты, которые издали комиссары в тужурках.

Ровно в три — звонок с председательского места.

— Господа! Я имею честь приветствовать делегатов государств, приглашенных в Геную,— говорит Луиджи Факта.— Мы надеемся, что имя Генуи, исторически связанное с величайшими усилиями, совершенными в целях организации мировой торговли... («Генуя — это Христофор Колумб, Генуя — это открытие Америки!») ...имя города, где имеет место настоящая конференция, явится счастливым предзнаменованием, позволяющим надеяться на успешное окончание работ...

Происходит церемония официального избрания председателя. Первый раз вступает «дирижер». Ллойд Джордж находит, что не может быть «более удачного выбора», чем достопочтенный Луиджи Факта, глава правительства Италии — страны пребывания конференции. Выбор одобряется. Таков дипломатический этикет.

Премьер-председатель произносит вступительную речь. Говорит чинно, гладко, обходя острые углы — как решили на репетиции. Скоро торжественная приподнятость первых минут исчезает. В зале начинают оглядываться, шептаться, и монокли уже нацелены на Ллойд Джорджа, на Чичерина, на галерею прессы, на каменных купцов в нишах.

— Прежде чем предоставить слово желающим говорить, я хотел бы прочесть вам следующую декларацию, принятую в Каннах,— произносит Факта, и это мгновенно собирает внимание зала. Еще бы, первый подводный камень на пути конференции! Но премьер-председатель благополучно обходит препятствие. Он напоминает, что каннская декларация была сообщена державам, получившим приглашение в Геную. Принятие приглашения, го-

ворит Факта, есть само по себе доказательство принятия и принципов, содержащихся в каннских параграфах. Председатель не ставит это на обсуждение. Он просто декларирует: так есть.

Волна возбуждения прокатывается по залу. На галерее для прессы немедленно отмечают:

— Русские могут поздравить себя с победой. Ни разу не сказав «да», они достигли того, что все другие делают вид, будто отчетливо слышали: «да».

— Не торопитесь... Еще будет выступать Барту.

А с председательского места Луиджи Факта уже предоставляет слово Ллойд Джорджу.

Журналисты вскоре передадут в редакции своих газет не только то, что они услышат, но и то, каким они увидят «легендарного живого» Ллойд Джорджа. Для одних это шестидесятилетний, но еще крепкий коренастый человек. Для других — сын сельского учителя, совершивший феерический взлет к вершинам славы, богатства и могущества. Третьи нарисуют такой портрет: большая круглая голова с белой щеткой усов; глаза, в которых масса огня, заряженного к бою, готовность все опрокинуть на пути к цели. Четвертые будут утверждать: «Тот, кто представляет себе Ллойд Джорджа искусным лавировщиком, стремящимся лишь к тому, чтобы наиболее удобным образом плыть по течению, несомненно, заблуждается. Он один из тех людей, которые определяют течение, направляют его и переделывают. Он владеет моментом, а не подчиняется ему».

Но в первой речи на пленарном заседании Ллойд Джордж пока больше искусный лавировщик:

— Милостивые государи! Настоящая конференция является наиболее грандиозным собранием европейских наций, когда-либо имевшим место на европейском континенте...

Ллойд Джордж убеждает: здесь все равны, нет ни победителей, ни побежденных, ни нейтралов.

— Мы здесь — ни в качестве монархистов, ни в качестве республиканцев, ни в качестве приверженцев советского строя...

Хитрит Ллойд Джордж, прячет концы в воду, загоняет — пока! — противоречия вглубь, чтобы открыть якобы чистое поле для надпартийного и надидеологического обсуждения европейских проблем.

— Мы собрались в целях совместного изыскания наилучших средств к восстановлению подорванного благосостояния европейского континента, дабы каждый из нас мог установить в своей собственной стране по своему усмотрению порядки, в наибольшей мере отвечающие интересам данного народа...

Но если собрались равные, продолжает Ллойд Джордж, то это означает, что все принимают и равные условия — каннские параграфы.

По Ллойд Джорджу, они превосходны — «база международной добропорядочности», они «вполне почетны». Британия принимает условия безоговорочно.

Ллойд Джордж ведет диалог и с Чичериным, и с Барту, хотя их имен не называет. К Чичерину апелляция — исполните то, о чем вчера от моего имени просил Карло Шанцер, о чем говорил с вами Франческо Джаннини. К Барту: проявите терпение и не грозите хлопнуть дверью еще до того, как приступим к главному.

Ллойд Джордж делает паузу, привычным жестом ловит висящий на шнурке лорнет и, не выпуская его из рук, заглядывает в бумажку — она лежит перед ним. Потом руку опускает. Лорнет снова повисает на шнурке.

Война кончилась, но раны кровоточат. Пульс всемирной торговли слаб и неравномерен. Активность хозяйственного организма кое-кто пытается стимулировать искусственным путем. Но искусственное дыхание ненадежно. Нельзя уйти от реальности, а она сейчас в том, что на Западе — безработица, на Востоке — голод.

Такова картина, нарисованная Ллойд Джорджем.

— В чем нуждается Европа в первую очередь? В мире, настоящем мире. Мы намерены подвергнуть рассмотрению вопрос о денежном обращении? Прекрасно. Мы хотим обсудить вопрос о курсе? Приветствую и этот план. Мы явились сюда в целях изучения проблем транспорта и кредита? Отлично. Но если не будет восстановлен мир и не воцарится добрая воля среди наций, то все эти прения ни к чему не приведут.

Ллойд Джордж напоминает о великом генуэзце, совершившем навечно памятные океанские плавания, сравнивает нынешнюю конференцию с кораблем, который уже поднял паруса, и восклицает: «Пусть корабль отплывает!»

Слово получает Луи Барту. Голос его сочный, фразы льются свободно, в них горячность, пафос и все другое,

что присуще речи французского оратора. Лишь одно мгновение голос Барту звучит резко. Это, когда он говорит, что не подлежат обсуждению права Франции, вытекающие из Версальского и других договоров. И все же вслед за этим — изящный словесный пируэт, и опять все элегантно, гладко.

Речь подходит к концу. Где же всеми ожидаемый грозный ультиматум Москве? Где требование безоговорочного признания каннских параграфов? Барту обходит его стороной. Что ж, возымели действие увещевания Ллойд Джорджа? Не будем торопиться. Барту окончил вступительную речь, но это не значит, что он сказал все.

Заявления делают главные делегаты Японии и Бельгии. Долго говорит германский рейхсканцлер Вирт. В зале и на галерее для прессы с нетерпением ждут «первой бомбы»...

Пять часов двадцать девять минут. Председательствующий Факта объявляет:

— Предоставляю слово главе Российской делегации народному комиссару по иностранным делам Георгию Чичерину.

Всеобщее сосредоточенное внимание. Барту приложил руку к уху, чтобы лучше слышать.

Как и предыдущие ораторы, Чичерин говорит с места. Говорит по-французски, на международном языке дипломатии. Перед наркомом лежат листки с текстом, подготовленным еще в Москве, обсужденным с Лениным и утвержденным Политбюро. Но к заготовленному тексту Георгий Васильевич предпосылает замечание, подсказанное ему ходом событий здесь, в Зале сделок. Выступавшие до него выражали миролюбие, готовность искать согласия, на добрых основах решать экономические проблемы. Чичерин начинает в том же духе:

— Господа, Российская делегация, которая представляет правительство, всегда поддерживающее дело мира, приветствует с особым удовлетворением заявления предыдущих ораторов о том, что прежде всего необходим мир...

Дальше — любезные слова по адресу итальянцев и англичан, согласие: да, мы все находимся здесь на основе полного равенства. Советская делегация считает нужным заявить, что она явилась сюда в интересах мира и всеобщего восстановления хозяйственной жизни Европы.

Голос Чичерина звучит несколько напряженно (болезнь еще не прошла), но отчетливо и внушительно.

Георгий Васильевич подносит к глазам приготовленные листки и читает:

— Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления.

С первых же фраз речь Чичерина захватывает зал, как и сидящих на пресс-галерее. Советское заявление совершенно не похоже на то, о чем говорили Ллойд Джордж, Факта, Барту. Москва дает принципиально иное толкование базы, на которой стала возможной Генуэзская конференция,— первого пункта каннской декларации. Большевики толкуют его расширительно. Безраздельное господство старой, капиталистической собственности окончилось. С нарождением Советского государства появилась новая система собственности — коммунистическая. За ней будущее. Но большевики — реалисты и видят, что сегодня существуют обе системы собственности. Раз так, то неизбежно взаимное признание государств с различными системами собственности, как неизбежно их параллельное существование, как неизбежно экономическое сотрудничество между ними. Это веление времени. Это историческая закономерность.

Напряжение первых минут проходит, и вот в зале уже перекашиваются лица с моноклями. Не собирается ли красный министр излагать свод коммунистических взглядов по вопросам международных отношений? Успокойтесь, господа. Еще в Москве было предугадано, что́ вас ужалит... И Чичерин говорит:

— Российская делегация явилась сюда не для того, чтобы пропагандировать свои собственные теоретические воззрения, а ради вступления в деловые отношения с правительствами и торгово-промышленными кругами всех стран на основе взаимности, равноправия и полного и безоговорочного признания.

Чичерин переходит к «купцовской программе». Он говорит о взаимосвязи экономики различных стран. О том,

в чем неотложно нуждается Россия, на что она готова.

Российское правительство сознательно и добровольно готово открыть свои границы для международных транзитных путей, предоставить под обработку миллионы десятин плодороднейшей земли, богатейшие лесные, каменноугольные и рудные концессии, особенно в Сибири, а также ряд других концессий на всей территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и намечает такое хозяйственное сотрудничество западной промышленности, с одной стороны, с сельским хозяйством и промышленностью России и Сибири — с другой, которое может расширить базу европейской промышленности в отношении сырья, хлеба и топлива в размерах, далеко превосходящих довоенный уровень. Более подробный проект плана всеобщего восстановления может быть представлен Российской делегацией во время конференции...

Чичерин исполняет обещанное Ллойд Джорджу через Франческо Джаннини:

— Российская делегация,— говорит нарком,— принимает к сведению и признает в принципе положения каннской резолюции, сохраняя за собой право внесения дополнительных пунктов и поправок к существующим.

Нарком дает понять, что интересующие советскую делегацию важнейшие поправки относятся к проблемам старых долгов. Еще не время раскрывать карты. И Чичерин говорит общими словами.

Дальше — о последних мероприятиях Советского правительства в области внутреннего законодательства. Они соответствуют новой экономической политике России, отметил Чичерин, создают юридические гарантии, необходимые для экономического сотрудничества государств, базирующихся на коммунистической и частной системах собственности.

Третий раздел — «пацифистская программа»:

— Все усилия, направленные к восстановлению мирового хозяйства, будут тщетны до тех пор, пока над Европой и над миром будет висеть угроза новых войн, быть может, еще более разорительных и опустошительных, чем пережитые нами в последние годы.

От имени советских республик России нарком Чичерин предлагает: открыть всеобщие переговоры о всеоб-

щем сокращении вооружений всех государств. Советская Россия убеждена, что в разоружении и мире заинтересованы все народы. Необходимо созвать Всемирный конгресс народов, чтобы вместе с рабочими организациями начать решение важнейшей проблемы современности...

Круглое лицо Барту вытягивается. В какую-то минуту он готов бестактной репликой прервать Чичерина. Однако сдерживает себя.

— Считаю нужным подчеркнуть еще раз,— продолжает Чичерин,— что, как коммунисты, мы, естественно, не питаем особых иллюзий насчет возможности действительного устранения причин, порождающих войну и экономические кризисы при нынешнем общем порядке вещей, но, тем не менее, мы готовы принять участие в общей работе в интересах как России, так и всей Европы и в интересах десятков миллионов людей, подверженных сверхчеловеческим лишениям и страданиям...

Заканчивая, Чичерин выражает благодарность правительству Италии за гостеприимство и торжественно заявляет о решимости советской делегации содействовать успеху конференции.

Зал аплодирует. Одни — из протокольной вежливости. Другие — искренне. Ведь сказано так ясно, так ново, так конструктивно. «Кремлевская бомба», оставаясь в принципе коммунистической, открывает возможность для совместной работы.

Переводчики хотят повторить речь русского делегата по-английски. Для Ллойд Джорджа и других, кто не владеет французским. Но Чичерин дает знак: он сам. И еще двадцать минут в зале Сан-Джорджо звучит голос советского делегата. Знатоки признают: Чичерин говорит по-французски, как парижанин, по-английски — как британец.

Между тем на пресс-галерее — движение. Репортеры, решив, что главное свершилось, спешат в «Каза делля Стампа» (Дом прессы) — к телефонам и телеграфам, чтобы передать в свои редакции первые отчеты. Но галерею в Сан-Джорджо не покидают те, «которые считают, что видели игру только в том случае, если оставались до последнего судейского свистка». (Так напишет Эрнест Хемингуэй.) Он, конечно, остается до последнего свистка.

Остается и Марсель Кашен. Он делает записи, которые завтра появятся в «Юманите». Из всех делегаций,

напишет Кашен, только русская прибыла в Геную с ясной и четкой программой. «Генуя — конференция русской революции. Каковы бы ни были конечные решения, они в определенной мере будут означать успех большевиков».

Эрнест Хемингуэй размышляет над услышанным из уст Чичерина. Американца привлекает также внешность этого русского и то, какой он прошел путь: «дипломат царской России на службе у Революции».

Но что в зале?

Вот наблюдения Хемингуэя:

«— Есть еще желающие выступать? — спросил по-итальянски синьор Факта.

— Председатель спрашивает, не желает ли кто-нибудь еще взять слово? — перевела на английский толмач, женщина с квадратным лицом и высоким, несколько театрально звучащим голосом».

И тут вскочил с своего кресла мсье Барту, начал жестикулировать еще до того, как заговорил. И вот уже, как заметил Хемингуэй, понесся кипучий поток слов.

«Корреспонденты, которые осоловело сидели на галерее, вдруг бешено заработали карандашами. Делегаты, которые уже ждали, откинувшись в креслах, закрытия заседания, напряженно вытянулись, стараясь не упустить ни слова. Руки Чичерина на столе задрожали, а Ллойд Джордж начал что-то машинально чертить на листе бумаги».

— Русский делегат заявил о своем намерении внести в прения вопросы, которые Каннская конференция обошла молчанием или... решительно устранила,— зашумел Барту.

Вот, оказывается, что вывело его из равновесия! Никаких новых конгрессов, да еще с участием рабочих организаций. В Каннах сие не предусматривалось, а потому не потерпим!

И это не все:

— Господин Чичерин заявил от имени Российской делегации о своем намерении внести в прения на Генуэзской конференции вопрос о разоружении. Это исключено!.. Я говорю просто, но очень решительно: в тот час, когда, например, Российская делегация предложит первой комиссии рассмотреть этот вопрос, она встретит со стороны французской делегации не только сдержанность,

не только протест, но точный и категорический, окончательный и решительный отказ.

Барту сел.

Встал Чичерин. Он мог бы наговорить Барту в его же манере и с не меньшим французским красноречием. Георгий Чичерин еще в начале века закончил службу дипломата царской России политической эмиграцией. Тогда же он стал французским социалистом, популярным оратором в парижских политических клубах, где говорили о социализме и положении рабочего класса, о России и Европе. Статьи Чичерина — Орнатского — интернационалистские, антивоенные — были замечены Лениным. Чичерин сблизился с большевиками. Это стоило ему отсидки в английской тюрьме. Его освободила Октябрьская революция, правительство Ленина, провозгласившие: «Мир — народам!» Георгий Чичерин мог бы преподать мсье Барту немало коммунистических уроков на тему о том, почему те, кто взводили курок первой мировой войны (Барту в 1913 году был премьером Франции), не хотят разоружения, почему империализм и война — понятия слитные.

Но... В Генуе «поменьше страшных слов»! «В Генуе мы прежде всего купцы». И Георгий Васильевич заговорил спокойно, тихо. После шумной тирады Барту эта сдержанность стала первым союзником советского дипломата. В зале наступила такая тишина, что в паузах между фразами Чичерина не слышно было — так писал Хемингуэй — ни звука, кроме позвякивания массы орденов на груди какого-то итальянского генерала, когда тот переступал с ноги на ногу.

Чичерин парировал Барту тем, что сослался на высказывания ...Раймона Пуанкаре! Премьер Франции в своем февральском меморандуме британскому правительству признавал, что смысл некоторых каннских параграфов недостаточно ясен.

— И со своей стороны мы делаем ту же оговорку,— заметил Чичерин.

Право каждой делегации требовать разъяснений. Русские поднимают вопросы, не внесенные в программу Генуэзской конференции? Но разве ее официальная программа объявлена? Пока известны лишь предварительные наметки. Так почему же нельзя вносить новые предложения?

Советской делегации неизвестно, как относятся к во-

просу о разоружении устроители Генуи. Но французскую точку зрения высказал премьер Франции господин Бриан еще на Вашингтонской конференции. Он заявил, что Франция отказывается от разоружения, поскольку вооруженной остается Россия. Так вот, мы открыто говорим, что готовы разоружаться, готовы вести переговоры об этом. Таким образом, причина, названная господином Брианом, устранена. Чичерин заканчивает:

— Мы считаем... вопрос о разоружении имеющим первостепенную важность, но...

(Знаем, с кем дело имеем! Мы еще в Москве были готовы к этому, и у нас на сей счет свои соображения.)

...если конференция устранит этот вопрос из своего порядка дня, мы склонимся перед коллективной волей.

Чичерин не успел сесть, как раздались аплодисменты. Они возникли внезапно и столь же внезапно смолкли. Словно дипломаты опомнились и испугались того, что наделали. Ведь аплодисменты — против Барту, против Франции Пуанкаре!

Седовласая голова председателя Факты закачалась, как маятник.

«Конференция была возбуждена,— продолжал свои наблюдения Хемингуэй.— Казалось, что французы могут в любой момент покинуть зал».

Но тут снова вступил «дирижер» — Ллойд Джордж. Несколькими фразами он мгновенно разрядил атмосферу. Покрыл прибаутками нетактичность Барту (незаметно издеваясь над ним). Предостерег: корабль Генуи уже и так перегружен и без того есть опасность, что он может пойти ко дну. Старый циник добавил: «Мы все попали бы в царство, где, я надеюсь, не будет больше ни войн, ни конференций, раньше чем удалось бы провести в жизнь благое начинание» (разоружение). Ллойд Джордж предложил начать работу Генуи при поднятых парусах.

Хемингуэй нашел, что «примирительная речь Ллойд Джорджа» — это «мастерски пролитый бальзам на умы большинства делегатов». И хотя снова заговорил Барту, опять попросил слово Чичерин, но главное теперь уже действительно свершилось. В свои права вступил председательствующий. Он сказал, что регламент, определенный для первого заседания, на исходе. А потому предлагается приступить к созданию рабочих комиссий конференции: первой (политической) для рассмотрения «рус-

ского вопроса», далее — финансовой, экономической, транспортной.

«И вот наконец синьор Факта закрывает заседание». Теперь уж — последний судейский свисток!

Галерея для прессы пустеет мгновенно. Телефонные, телеграфные и радиоаппараты начинают передавать во все концы света:

«Мирная битва народов при Генуе началась!»

«Русские состязаются с Европой...»

«Советская Россия покрывает своей тенью всю Генуэзскую конференцию».

«Ленин в Генуе!»

(Такой заголовок дала газета «Нью-Йорк таймс», имея в виду ленинские идеи, заложенные в заявлении советской делегации.)

«Британский премьер... создал для большевиков всемирную даровую трибуну. Они этой трибуной успешно воспользовались». «Своим участием в конференции в качестве равных среди равных большевики достигли политического престижа, который им нужен».

«Спокойная речь Чичерина оказалась той пороховой искрой, которая произвела взрыв со стороны французского делегата...»

«Чичерин в дуэли с Барту проявил спокойствие и ловкость и достиг того, чего хотел».

— Синьор Кашен, ваше мнение, как французского коммуниста, о дуэли Барту — Чичерин?

— Возражения Барту были грубыми и выразили дух французского милитаризма. Это повлекло за собой лишь изоляцию Франции на конференции...

Все, комментировавшие начало Генуи, сходились на том, что первый акт исторического действа советская делегация разыграла с наибольшим искусством и одержала верх над своими соперниками. Вышло так, как предсказывал Ленин: «Всех заинтригуем, сказав: «мы имеем широчайшую и полную программу!.. Будет и ядовито и «по-доброму» и поможет разложению врага».

«Буржуазный мир,— писал итальянский журналист Эдмондо Пелузо,— послал в Геную наиболее выдающихся государственных деятелей, рассчитывая, что они приведут

к молчанию представителей пролетариата. Но в первых же схватках красные дипломаты показали свое превосходство над противником. Буржуазия почувствовала себя в положении черепахи, с которой сорвали панцирь».

Конечно, нашлись и недовольные. Лондонская «Таймс» сочла, что Ллойд Джордж и его коллеги не выступили в Генуе с той энергией, какая требовалась, чтобы не дать большевикам столь возвыситься в Сан-Джорджо.

Белоэмигрантская печать, при всем различии приемов атаки, сошлась в одном: из Генуи по российской эмиграции прокатился девятый вал. Большевики заняли в Сан-Джорджо положение делегатов официально признанного правительства. Кто теперь станет разговаривать с Рябушинским или Милюковым, Черновым или Мартовым как представителями России?

Эсеровский «Голос России» писал: не то, мол, еще будет впереди! Не отставала в таких пророчествах и печать меньшевиков. Та уверяла: «Примирение (!?) с капитализмом — это орех, который труднее всего раскусить большевизму». В Генуе-де дипломаты Кремля обязательно обожгут себе крылья, непременно обмякнут и будут барахтаться в сетях Ллойд Джорджа. Кончится тем, что сдадутся на милость Антанты...

А что же Москва?

Газеты подробно оповестили о происшедшем в Генуе. Понятно, досталось Барту. На пророчества злорадствующих крикунов меньше всего обращали внимание: прекрасно знали причину и цену. Пусть скулят. Важнее было решать труднейшие практические проблемы жизни миллионов советских рабочих и крестьян.

Старые долги, новые кредиты, признание де-юре... На языке дипломатов пока шел спор о признании или непризнании всей полноты каннских параграфов. На языке рабочего и крестьянина это было проще и предметней: на каких условиях получить у капиталистов новые кредиты? Платить старые долги с процентами? Возвратить капиталистам фабрики и заводы?..

Конечно, очень нужен хлеб, очень нужны машины. Но какую цену платить? Чем поступиться?

В директивах Политбюро, данных советской делегации, ответ был. Там содержался ответ и на то, как при всех возможных условиях, ходах ни на йоту не перейти

ту грань, где задеваются устои советского строя. Но те директивы, понятно, еще держались в секрете. Торг только начинался... И все же Москва уже ясно давала понять, какова ее позиция по одному из главных пунктов.

12 апреля «Известия» напечатали Владимира Маяковского: «Моя речь на Генуэзской конференции». Протокольной дипломатии в ней не было совершенно. Зато полная ясность того, о чем думает недипломатическая Москва!

Обращаясь к устроителям Генуи, поэт спрашивал:

Долги наши,
каждый медный грош,
считают «Матэны»,
считают «Таймсы».
Считаться хотите?
Давайте!
Что ж!
Посчитаемся!
О вздернутых Врангелем,
о расстрелянном,
о заколотом
память на каждой крымской горе.
Какими пудами
какого золота
оплатите это, господин Пуанкаре?
О вашем Колчаке — Урал спросите!
Зверством — аж горы вгонялись в дрожь.
Каким золотом —
Хватит ли в Сити?! —
оплатите это, господин
    Ллойд Джордж?

В один из тех же апрельских вечеров на Кузнецком мосту произошло событие, о котором газеты не писали. Случай был тоже малодипломатичным.

Вечером возвращалась с работы группа комсомольцев. Их путь лежал мимо здания Наркоминдела. В тот день все находились под впечатлением дуэли Чичерин — Барту. (Газеты писали об этом броско.) Вдруг парни и девушки заметили свет в том самом окне, которое всегда светилось далеко за полночь — в окне кабинета Чичерина. Кто-то взял соседа за руку, другой — тоже, образовалась цепочка. Кто-то проговорил тихо, а вслед стали скандировать громко и дружно:

Каждый коммунист уверен,
Что
    нос Барту
утрет Чичерин!

Об этом мне рассказал старый большевик Николай Яковлевич Васильев. В начале двадцатых годов он работал в Москве и был среди молодых на Кузнецком мосту.

Этот эпизод особенным образом показал, чем жила вся страна, показал и то, как была настроена голодная, но бодрая духом молодежь.

28

Ночью 10 апреля в Москву уезжал советский дипкурьер. Чичерин отправил подробный отчет о делах делегации, о первом заседании во дворце Сан-Джорджо. Георгий Васильевич уведомлял: «...мы теперь поступим так, как предполагалось с самого начала, т. е. вследствие нежелания другой стороны обсуждать нашу пацифистскую программу[1] будем просто вести переговоры о соглашении».

Начиналось самое трудное.

Утром 11 апреля в Королевском дворце — первое заседание Политической комиссии. Когда главы делегаций заняли отведенные им места, то увидели на столах объемистый документ. Это был доклад комитета союзных экспертов, заседавшего в Лондоне 20—28 марта.

Если каннские параграфы служили только теоретическим прожектом, общей декларацией, то лондонский меморандум — сводом практических требований, условий, при которых антантовцы были бы готовы признать Советскую Россию и давать ей кредиты.

Ллойд Джордж предложил, не теряя времени, начать работу с рассмотрения доклада. Конечно, заметил он, документ не лишен погрешностей, но другой базы для переговоров нет. Барту и Шанцер присоединились к предложению Ллойд Джорджа.

Это был плохо скрытый цинизм.

Чичерин возразил. Советская делегация, сказал он, впервые видит официальный текст лондонского меморандума. Его втайне приготовили эксперты Большой и Малой Антанты. Представители других делегаций не были приглашены. Чичерин потребовал отложить заседание ко-

[1] В докладе в Москву 11 и 12 апреля Чичерин указывал: «...пацифистская тактика ставит наших противников, как национальный блок Франции, или английских правых в самое неудобное положение... Разговоры с массой людей, с которыми приходится встречаться, показывают, что эта пацифистская программа произвела самое сильное впечатление».

миссии до тех пор, покуда делегации не изучат меморандум.

Около полудня дипломаты стали разъезжаться. Чичерин, Красин, Литвинов, Воровский отправились пешком через площадь Христофора Колумба, через центральную городскую магистраль к ресторану Феррари. На улицах их узнавали, окружали, и «доктору Эрлиху» со своими помощниками пришлось немало и поволноваться. Чичерин и Красин весело отвечали на серьезные и пустячные вопросы любопытствующих. На центральной площади мускулистые генуэзцы ремонтировали дорогу. Дипломаты разговорились с парнями, пожелали им самого доброго.

В ресторане Феррари, как и следовало ожидать, советских дипломатов окружили репортеры. Они придвинули свои столики поближе к Чичерину. Нарком не возражал. За обедом возникла своеобразная пресс-конференция. Конечно, в центре оказался вопрос о лондонском меморандуме (пресса еще накануне изложила его главные пункты).

Отвечая на вопросы журналистов, Чичерин заговорил сначала о... полипах. (Есть на свете такой вид кишечнополостных животных. Тело полипа имеет вид мешка, а рот окружен венчиками щупальцев.)

— Так вот, господа, сегодня в Королевском дворце со страниц меморандума лондонских экспертов перед нами встало сонмище капиталистических полипов. Они простерли свои щупальца к сокровищам России.

Лондонские эксперты требуют от нас безоговорочного признания всех финансовых обязательств предшествующих российских правительств и властей, включая областных и местных. Нас хотят заставить оплатить не только старые займы, но и проценты за пользование кредитами[1]. На Советское правительство возлагают ответственность и за убытки, понесенные в России частными лицами — подданными стран Антанты. Нас хотят принудить возвратить иностранцам национализированные предприятия и тем воздействовать на советское законодательство. От нас требуют, чтобы мы отдали своих граждан в кабалу

[1] Позже была названа цифра только финансовых претензий Антанты к Советской России в 18 миллиардов золотых рублей по довоенному курсу.

иностранным концессионерам, ибо наше законодательство о труде этих господ не устраивает.

Лондонские эксперты хотят, чтобы гражданин другой страны, совершивший преступление в Советской России, отвечал бы не перед законным судом нашей республики, а перед своим консулом.

Союзные эксперты много говорят о гуманности и справедливости. На деле же они творят волю капиталистических полипов. Так, господа, и напишите в своих газетах.

На вопросы журналистов отвечал и Красин:

— До обсуждения деталей меморандума следовало бы сначала достичь соглашения о юридически-суверенном признании Советского государства. Тогда отпало бы представление, что можно вмешиваться в наши внутренние дела. Тогда никто не посмел бы навязывать нам режим капитуляции.

— Признать требования лондонского меморандума,— сказал журналистам Литвинов,— значило бы заставить 150 миллионов рабочих и крестьян России в течение ближайших десятилетий работать исключительно на иностранных кредиторов. Всем должно быть понятно, что мы приехали в Геную не для того, чтобы затянуть петлю на собственной шее. Генуя не станет для нас ни Каноссой средневековья, ни Версалем современности.

29

В среду 12 апреля на дипломатическую разведку в «Империал» пожаловали Евгений Уайз (от Ллойд Джорджа) и советник Юнг (от министра иностранных дел Италии).

Вчерашнее интервью Чичерина, Красина и Литвинова уже дошло до антантовских резиденций в Генуе. Уайз и Юнг хотели услышать, на что же можно надеяться.

«Мы... критиковали весьма решительно как общий план лондонских экспертов, так и отдельные предложения правительств Согласия»,— доложил в Москву Георгий Чичерин. Он сообщил также, что никаких предложений посланцам Ллойд Джорджа и Шанцера пока сделано не было.

Вечером 13 апреля Уайз и Юнг повторили визит. Разговор происходил в кабинете Чичерина. Беседа шла трудно, как и накануне. Неожиданно в холле, где находился телефон, раздался звонок. К аппарату приглашали

Уайза. Возвратившись наверх, англичанин сказал, что Ллойд Джордж хотел бы видеть завтра утром на его вилле «Альбертис» главных советских делегатов. Разговор будет приватный. Цель — попытка найти компромиссные решения. Кроме русских приглашены Барту, Шанцер и глава бельгийской делегации Тёнис.

«ГЕНУЯ. 14 апреля. С раннего утра в Генуе царит большое возбуждение. В кругах, близких к конференции, не сомневаются, что самая ожесточенная борьба развернется вокруг условий лондонского меморандума».

«Всю ночь работал телеграф. Французы запросили инструкции от Пуанкаре. Русские отправили шифрованную телеграмму Ленину. В ожидании ответа Чичерин стремится отложить всякое официальное обсуждение лондонского доклада».

«Публичные заявления советских делегатов о неприемлемости для России принципов лондонских советников побудили Ллойд Джорджа прибегнуть к методу неофициальных переговоров. С утра пульс конференции переместился на виллу «Альбертис»».

Еще вечером 13 апреля, после отъезда Уайза и Юнга, Чичерин провел совещание членов делегации. Ехать или не ехать к Ллойд Джорджу? И решили: от свидания не отказываться.

Но поездка к Ллойд Джорджу не светская прогулка. Чичерин работал ночь напролет. С ним были Красин и Литвинов. Следовало детально рассмотреть лондонский меморандум, рассмотреть не только то, что на поверхности; найти ходы не только для того, чтобы отбить атаку, но и предпринять контратаку; вместе с тем оставить отдушину для продолжения переговоров.

Решено было в нужный момент на претензии Антанты выставить советские контрпретензии, как предусматривалось директивой Политбюро ЦК РКП(б).

Николай Николаевич Любимов, эксперт советской делегации, позже вспоминал о событиях той ночи.

Раннее утро 14 апреля. В дверь его комнаты раздался стук. Курьер? Срочный вызов к Чичерину? Профессор посмотрел на часы: было без четверти пять.

«Через дверь слышу:

— Вы, Николай Николаевич, уже (?!) спите?

Вскочив с кровати, я ответил:

— Георгий Васильевич, через пять минут буду готов.

И действительно, через три-четыре минуты я, лихорадочно одевшись, вышел к Г. В. Чичерину. Мы прошли в один из кабинетов, и я получил точное задание — проанализировать к 10 часам (т. е. до отъезда на виллу «Альбертис») те статьи... меморандума союзных экспертов, на которые можно было бы ссылаться при обосновании контрпретензий к державам Согласия.

Задача была не из легких, так как априори было ясно, что собравшиеся в Лондоне эксперты союзных стран менее всего имели в виду оставлять в разработанном ими документе какие-либо «лазейки» для предъявления нами встречных претензий, зачетов и т. п.».

Но поручение было исполнено, и профессор к назначенному сроку изложил Чичерину свои соображения.

Ровно в десять утра Чичерин, Красин и Литвинов отправились в генуэзский пригород Куарто-деи-Милле, где находилась вилла «Альбертис». За советским автомобилем сразу же пристроились машины с итальянскими карабинерами.

За зеленым столом у Ллойд Джорджа оказались не только Барту, Шанцер и Тёнис, но и их ближайшие советники и эксперты. Впрочем, как только вошли русские, эксперты удалились.

Впервые разговор пошел с глазу на глаз, без стенографов и переводчиков, без журналистов.

Ллойд Джордж подчеркнул, что здесь беседы «совершенно неофициальные». И предложил начать с лондонского меморандума:

— Не желает ли господин Чичерин высказаться на этот счет?

Чичерин не уклонился и решил говорить, как всегда, ссылаясь на доводы и полагаясь на разум, а не на чувства.

— Англо-французские требования совершенно неприемлемы. Если бы лондонский меморандум был принят, то русский народ был бы поставлен в невыносимое положение. Россия только что прошла через самую глубокую революцию, какая только известна в истории...

— Кроме революции сто лет назад в стране Барту,— вставил Ллойд Джордж.

— Каждая страна имела свою революцию,— поддержал французский министр.

Чичерин ответил:

— То обстоятельство, что страна Барту пережила сто лет назад революцию, облегчит ему, возможно, понимание всех трудностей нынешнего положения вещей. Что ответили бы великие люди Конвента, если бы после побед французских революционных войск у Вальми и при Жемапе австро-прусские монархисты или британцы потребовали возмещения за какую-либо собственность во Франции? В России революционное чувство было еще глубже, чем во время французской революции. В России все едины в том, что со старым миром покончено и все, что к нему относится, исчезло навсегда... Советская делегация не может подписаться под документом, который обязывал бы к возвращению частной собственности. Никто таких полномочий в стране Октябрьской революции не дал бы!

На вилле «Альбертис» произошло то же, что ранее в зале Сан-Джорджо. Там Советской России противостоял фронт тридцати трех делегаций буржуазного мира. Здесь формально соотношение было 4 к 1. Но фактически — прежнее. Говорил Ллойд Джордж или Барту, а за ними было сонмище европейских и заокеанских «полипов». Говорил Чичерин, а за ним была голодная и израненная страна, которая пятый год в одиночку, под ожесточенный вой злорадствующих возводила новое здание мира, точнее, пока фундамент. Но и его надо было прикрывать грудью от всяких «полипов».

Ллойд Джордж снова, как и в Королевском дворце, отметил: лондонский меморандум, мол, только предложения. И начал лукавить, подчеркивая дружелюбие к русским. Британский маг опять вошел в свою роль.

Барту (на этот раз вежливо) намекнул, что французы уйдут из Генуи, если хоть в чем-то будут поколеблены каннские параграфы, булонское соглашение и... лондонский меморандум!

Ллойд Джордж немедленно снова вступил в разговор и начал пересыпать речь прибаутками.

Чичерин ответил Барту, повторив взгляды советской делегации. Тогда Ллойд Джордж предложил сделать перерыв и возобновить собеседование вечером. А пока пригласил всех позавтракать. Барту уклонился, сказав, что его ждет телефонный разговор с Парижем. Откланялись Шанцер и Тёнис. Не исключено, что это было заранее

предусмотрено, чтобы Ллойд Джордж смог переговорить с советскими делегатами наедине.

Чичерин, Красин и Литвинов остались.

Когда сели к столу, Ллойд Джордж намекнул: видит бог, он готов к компромиссам, но Барту...

Но и такой ход хозяина «Альбертиса» не обманул московских гостей. Чичерин привел особенно возмутительные пункты лондонского меморандума и спросил Ллойд Джорджа:

— Неужели это можно всерьез рассматривать как «базис для переговоров»?

— Я уже говорил: некоторые детали вы вправе оспаривать,— проронил Ллойд Джордж.

— Речь идет не о деталях. Прямое и открытое навязывание нам режима капитуляции — это «детали»? Или союзные эксперты полагали, что они призваны получить от нас то, чего не добились их правительства интервенцией и блокадой?

Подали кофе. Ллойд Джордж увел разговор в сторону, а тем временем, как оказалось, решал: что же дальше? И вдруг он сказал:

— Не следует ли выделить первоочередные вопросы и по ним искать соглашений? Предлагаю поручить Виднею Чэпману, нашему эксперту, и кому-нибудь из советских делегатов сразу же заняться подготовкой согласительной формулы.

Чичерин, переговорив с Красиным и Литвиновым, ответил согласием. В одну из соседних комнат отправились Литвинов и Чэпман.

К трем часам, как было условлено, на виллу «Альбертис» возвратились Барту, Шанцер и Тёнис. Собрались в кабинете Ллойд Джорджа. Но пришлось ждать Литвинова и Чэпмана.

Они появились около четырех часов. Согласия между ними не было.

Опять дискуссия. Теперь в составе пяти делегаций. Обо всем и о частностях. Барту продолжал бескомпромиссно отстаивать лондонский меморандум. Ллойд Джордж — с намеками на возможные уступки, но без каких-либо указаний, в чем они могут состоять. Чичерин вновь анализировал лондонское сочинение пункт за пунктом и показывал, что для советских делегатов это не база для переговоров.

Снова был объявлен перерыв. Чэпману и Литвинову предложили сделать еще одну попытку столковаться или хотя бы точно сформулировать пункты основных разногласий.

Опять ждали, когда придут дипломированный английский профессор и дипломат с мандатом страны Октября. На этот раз они появились с бумажкой, где предлагалось завтра утром созвать «маленькую комиссию экспертов» обеих сторон. Пусть они подскажут решения. А вечером еще раз соберутся главы делегаций.

«Согласие» оказалось весьма скромным. Не этого ожидали от второго уединения Чэпмана и Литвинова. И все же застрявший корабль Генуи как-то проталкивался вперед. К добру ли, к крушению ли, но вперед. Предложение Чэпмана — Литвинова было принято, и Ллойд Джордж начал прощаться с именитыми гостями.

В «Империале» снова работали до глубокой ночи.

Любимов уходил от Чичерина уже под утро. Еще докладывая наркому по вопросам, которые его интересовали, профессор заметил, что Георгий Васильевич необычно возбужден. И причина тут, по-видимому, не только в завтрашнем свидании на вилле «Альбертис». Есть что-то другое. Возможно, произошли события, о которых эксперт еще не знает?

15 апреля, суббота, конец страстной недели. В Генуе и по всей Ривьере звонят церковные колокола. Всюду торопятся пораньше окончить дела, чтобы с вечера предаваться молитвам, быть в семьях и гостях, праздновать и отдыхать. Дипломаты, не занятые на совещаниях у Ллойд Джорджа, придумывают, куда бы уехать на пасхальные дни, где бы уединиться. Лишь на вилле «Альбертис» обстановка иная. Тучи сгущаются.

...Утром на «маленькой комиссии экспертов» Советскую Россию представляли Литвинов, Красин и Любимов.

Председательствовал советник Ллойд Джорджа, глава департамента по кредитованию внешней торговли Великобритании Ллойд Гримм.

Начало было спокойным, даже вялым. Потом слово взял Литвинов. Ему делегация поручила извлечь из портфелей очередной документ, приготовленный еще в Москве: «Претензии Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду». Доклад, как

помнит читатель, разрабатывался экспертами во главе с профессором Любимовым. Когда через некоторое время доклад издали в Генуе, то получилась брошюра в несколько печатных листов... Таблицы и выкладки. Балансы и пояснения. Приложения и комментарии. Точные цифры долгов старой России странам Антанты и не менее полные цифры контрпретензий Советской державы к Антанте — за все виды ущерба, причиненного государству Советов с момента Октябрьской революции до того дня, когда смолкли пушки войны. Чтобы огласить доклад полностью, потребовалось бы несколько дней. Литвинов привел лишь итоговые цифры. Назавтра они появились на первых страницах главных газет мира: «39 + 11 = 50». Это означало: счет Советской России к странам Антанты — тридцать девять миллиардов золотых рублей по довоенному курсу за прямой, учтенный ущерб и одиннадцать — за косвенный, неучтенный, итого пятьдесят миллиардов рублей.

Пятьдесят миллиардов — наш счет! Об этом на вилле «Альбертис» устами советских дипломатов заявили те, кто «в штыки бросался на Перекоп», о ком «память на каждой крымской горе», кто пал от колчаковцев в Сибири, от американцев и англичан на Севере, в Прибалтике, в Закавказье, от французов в Одессе, от японцев на Дальнем Востоке. Кто и сейчас, весной двадцать второго года, умирал в Поволжье от голода, а на московских вокзалах — от тифа. Потому что и голод и тиф тоже были от интервенции, от блокады. Литвинов говорил от имени и тех, кто вернулся с фронтов, а дома — ни крова, ни хлеба, по фабричным цехам гуляет ветер, шахты затоплены, нефтяные вышки повержены.

Антантовским экспертам, услышавшим цифру «пятьдесят», сначала показалось, будто они оглохли (так, во всяком случае, писали некоторые корреспонденты). И лишь оправившись от шока, заговорили. Но так, словно никогда и ведать не ведали, что натворили их союзные войска в чужой стране. Будто Уркарт знать не знает, кто такой Колчак. Будто они впервые слышат, кто такой Деникин, Врангель, Юденич, хотя с ними (некоторые лично) подписывали соглашения и переводили им миллионы на вооружение и экипировку белогвардейских войск.

К двум часам дня регламент «маленькой конференции» истек.

«Корабль Генуи на мели...»

«Ответа от Ленина все еще нет. Но уже можно предвидеть, каким он будет»,— передали по телеграфу журналисты.

В шестнадцать тридцать снова собрались Ллойд Джордж, Чичерин, Барту, Шанцер, Тёнис и их ближайшие советники. Заседание неофициальное. Четыре против одного! Точнее, по-прежнему тридцать три против одного!

Ллойд Джордж теперь менее всего светский собеседник. Крут, напорист, без дипломатического плаща. Он первым берет слово... Утром господин Литвинов привел поражающие воображение цифры. Пятьдесят миллиардов — величина совершенно непостижимая. С таким счетом незачем было ехать в Геную. Союзные правительства никогда не признают таких претензий. Да и вообще, какие доказательства (?), что союзные правительства выступали в России в роли интервентов! Союзные войска прибывали в Россию лишь с целью держать фронт против Германии (?). Ллойд Джордж возвращается к лондонскому меморандуму и заканчивает категорически: нет смысла заниматься обсуждением каких-либо других предложений, пока российская делегация не придет к согласию о русских долгах.

Стенограмм закрытых заседаний на вилле «Альбертис» нет. Сохранилась только протокольная запись главного секретаря британской делегации. Изданы мемуары некоторых участников Генуи. Известны корреспондентские сообщения, сделанные со слов осведомленных лиц. Но сколько свидетельств, столько и разночтений. В одном едины все — вечернее заседание 15 апреля было самым напряженным. Испытывались и крепость нервов, и политическое мужество, и дипломатические способности обеих сторон.

Чичерин терпеливо выслушал резкое заявление Ллойд Джорджа.

Мнение британского премьера о неосновательности советских контрпретензий, спокойно заметил Чичерин, следует считать по меньшей мере ошибочным. Российская делегация располагает материалами, неопровержимо доказывающими, что союзные войска поддерживали в России все контрреволюционные движения. Кстати, до помощи из-за рубежа они были бессильны. Иное произошло, когда вмешались союзники. Раньше они и не скрывали

своего вмешательства. Мистер Дэвид Ллойд Джордж, вероятно, без труда вспомнит, к примеру, заявление официальных представителей стран Антанты, сделанное 4 июня 1918 года. Они тогда открыто объявили: белочехословацкие отряды, находившиеся в России и поднявшие мятеж в Сибири, должны рассматриваться как «армия самой Антанты». В распоряжении советской делегации находится договор, заключенный между адмиралом Колчаком, с одной стороны, Великобританией и Францией — с другой. В наших руках акт о подчинении генерала Врангеля Колчаку. У нас много и других документов, захваченных при разгроме войск Антанты и белогвардейщины. Эти материалы достаточно полно вскрывают роль одних и других в России [1]. Контрреволюционные движения и прямые действия войск интервентов причинили советским республикам громадный ущерб — до одной трети национальных богатств страны. За этот ущерб союзные правительства целиком ответственны!

После Чичерина вновь речь держал Ллойд Джордж. «Возмутитель спокойствия» Барту на сей раз молчал.

— Среди английских экспертов в Генуе находится мистер Уркарт,— вступил в разговор Литвинов.— «Уркарт — это каторга», говорили у нас в Сибири и требовали отобрать у него рудники. И это сделано было. Потом Уркарт давал миллионы Колчаку. Теперь он уверяет, будто «не несет ответственности за действия Колчака». Удивительная логика! Уркарт осмеливается даже претендовать на возмещение его потерь. Если спросить сибирских рудокопов, они наверняка ответят: «Не надо было, мистер Уркарт, давать миллионы Колчаку!.. Его нашествие обошлось нам слишком дорого. Колчак все разорил. Он пролил реки народной крови. И это с помощью ваших денег, мистер Уркарт! Как же после этого вы смеете требовать компенсации?»

Ллойд Джордж, как и пять дней назад в зале Сан-Джорджо, поднес к глазам лорнет, всмотрелся в лицо Литвинова и резко опустил руку. Лорнет повис на черной ленточке.

Литвинов, спокойно продолжая, перешел к анализу отдельных пунктов претензий и контрпретензий. Он сделал уточнение к утреннему заявлению. Советская делега-

[1] Документы, названные Чичериным, делегация вскоре опубликовала в Генуе.

ция готова не настаивать на прямой выплате 50-миллиардной суммы контрпретензий. Можно ставить вопрос об обращении сумм соответствующих выплат бывшим кредиторам России.

Несколько позднее Литвинов сказал:

— Со счета, предъявленного сегодня утром, пожалуй, возможна хорошая скидка.

Ллойд Джордж снова поднес к глазам лорнет...

Около шести часов вечера английский премьер объявил, что он и его коллеги хотели бы посоветоваться между собой.

Чичерин ответил:

— Нас поменьше, и мы выйдем.

Заседание возобновилось в восемнадцать сорок пять.

Ллойд Джордж, привстав у стола, начал читать приготовленную бумагу. Послышались слова то жесткие, крутые, то обтекаемые... Пункт первый. Союзные государства отвергают контрпретензии Советского правительства. Пункт второй. (Голос Ллойд Джорджа стал мягче.) «Ввиду, однако, тяжелого экономического положения России» государства-кредиторы готовы несколько сократить военный долг Советского правительства Антанте. Размер уступок должен быть установлен особо. Может также рассматриваться вопрос об отсрочке выплаты процентов, полагающихся за предоставленные России займы, как и об аннулировании части просроченных процентов... Пункт третий. (И снова Ллойд Джордж заговорил круто.) Подтверждаются финансовые претензии частных граждан стран-союзников к России. Имущество иностранных подданных, которое национализировано Советским правительством, должно быть безусловно возвращено.

После паузы Ллойд Джордж заговорил снова — медленно, тщательно подбирая слова, создавая впечатление, будто предложения союзников содержат компромисс, который решает дело. Все теперь зависит от позиции русских...

Чичерин вполголоса переговорил с Литвиновым и Красиным.

Ллойд Джордж ждал.

Ждали Шанцер, Барту, Тёнис.

Чичерин не стал комментировать заявление Ллойд Джорджа. (Под флагом компромисса западные державы преподносили чуть подновленный план «полипов». Сокра-

щение военного долга России обусловливалось совершенно неприемлемыми другими пунктами.) Чичерин сказал:

— Наша делегация в свое время даст полный ответ на все пункты, которые здесь заявлены Советской Россией. А пока мы предлагаем возобновить работу политической комиссии и заняться одной из главных проблем конференции.

Великие державы должны сосредоточить свои заботы не на том, как в угоду небольшой группе старых кредиторов задерживать экономическое развитие советской, а с ней и европейской экономики. Нужно, господа, смотреть не в прошлое, а в будущее! Экономически здоровая Россия сможет играть большую роль в международном товарообмене. Сейчас она нуждается в долгосрочных денежных и товарных кредитах. Это и предлагается обсудить в первую очередь. Если откроются перспективы, то будет легче уладить и спорные вопросы прошлого.

Предложение Чичерина перевести генуэзский корабль на новый курс основывалось на ленинской директиве и давало советской делегации психологический выигрыш — вносилось важное конструктивное предложение. («Вы, господа, озабочены, как бы получить с нас довоенные долги? Понимаем. Долги-заем — обычная коммерческая операция. Хотите получить с нас рубль? Но сначала извольте вложить в дело хотя бы гривенник!») Заявление Чичерина преследовало и другую цель — выиграть время, чтобы дождаться директив Москвы в связи с лондонским меморандумом и ходом переговоров на вилле «Альбертис». Передышка нужна была Чичерину и для того, чтобы завершить акцию, о которой пока знали немногие.

...Дебаты продолжались. Спустились сумерки. В кабинете Ллойд Джорджа зажгли огни.

— Что сообщить прессе?

Итальянский министр Шанцер предложил:

«Дискуссия продолжается».

Это устроило всех.

Автомобиль с советскими делегатами покинул виллу «Альбертис». Как всегда, вслед пошла машина с итальянскими карабинерами.

«ГЕНУЯ. 15 апреля. Погода тут изменилась. Дует холодный ветер. На море шторм. Моросит мелкий дождь.

И все же пасха! Узкие ленты улиц, ручьями впадающие в широкие озера площадей, переливаются волнами праздной толпы...»

«ГЕНУЯ. 15 апреля. На конференции объявлен пасхальный перерыв. Он продлится не более двух дней. Работы возобновятся во вторник 18 апреля».

Во время закрытых совещаний у Ллойд Джорджа ни один корреспондент не присутствовал. И все же пресса была полна сообщений, догадок и домыслов о том, что происходило за закрытыми дверями. Информация поступала как от людей осведомленных, так и от политических спекулянтов, заинтересованных по-своему представить ход дискуссий. Тем значительней прозвучала телеграмма, напечатанная в «Юманите»:

«...Наши русские товарищи держатся твердо и не уступают. Они не хотят и не могут отказаться от завоеваний революции. Они готовы к уступкам, но не принимают капитуляций.

Марсель Кашен».

30

Возвратившись с виллы «Альбертис», Чичерин созвал делегатов. Карты обеих сторон теперь можно было считать раскрытыми. Первая атака «полипов» отбита. Дальше — либо долгое и трудное выторговывáние уступок либо немедленный и полный разрыв. Пока не было ясности, дадут ли нам кредиты, самим идти на разрыв — преждевременно. Между тем распространялись слухи, будто Барту получил директивы Пуанкаре воспользоваться первым же удобным случаем и уйти, взвалив вину за срыв Генуи на неуступчивых и непримиримых русских. Если желать что-то выторговать, то с нашей стороны неизбежны примирительные жесты. Следовало продумать, в чем они должны заключаться, представить предложения Политбюро и правительству, после ответа Москвы — действовать.

Совещание затянулось. Около часа ночи Чичерин ушел к себе и уединился с Красиным и Литвиновым. Еще примерно через час к наркому вызвали Сабанина. Тот пробыл у Чичерина всего две или три минуты. А выйдя, торопливо спустился вниз и попросил встретившегося на пути Любимова пройти с ним в холл к телефону.

Сабанин вызвал отель «Эден» в Рапалло, где размещалась германская делегация.

Ответил портье. Сабанин назвался и попросил пригласить к аппарату барона Уго фон Мальцана.

— Барон изволит спать.

— Я прошу разбудить его и передать, что дело абсолютно срочное.

— Ждите. Сейчас доложу.

Мальцан подошел к аппарату, успев надеть поверх ночной пижамы черный халат.

— Народный комиссар Чичерин поручил мне передать, не угодно ли будет рейхсканцлеру Вирту и министру Ратенау приехать с делегацией завтра к одиннадцати утра в «Империал», чтобы закончить советско-германские переговоры,— сказал Сабанин.

Мальцан воздержался от прямого ответа. Он стал ссылаться на то, что завтра пасха и с утра рейхсканцлер будет в церкви, а министр Ратенау назначил для делегации пикник.

Никто точно не свидетельствует, что сказал Сабанин. На этот счет — ни исчерпывающих показаний осведомленных мемуаристов, ни документов. Но известно, что к концу короткого разговора Мальцан не произнес «нет».

Мало достоверных свидетельств и о том, какие события происходили в отеле германской делегации до телефонного звонка и что случилось потом. Впоследствии писали о «пижамном» совещании.

Мальцан, положив телефонную трубку, сразу же пошел к Ратенау. Он застал его тоже в пижаме, расхаживающим по комнате. Вид у Ратенау был измученный, глаза воспаленные.

Увидев Мальцана, министр голосом обреченного спросил:

— Вы принесли мне смертный приговор?

— Нет, известие совершенно противоположного характера...

В чем же было дело?

После речи в зале Сан-Джорджо 10 апреля рейхсканцлер Вирт, как и его делегация, чувствовал себя отшельником. Немцы, первый раз приглашенные к столу съезда наций, ожидали, что в Генуе их будут носить на руках. И уж во всяком случае — выслушивать. Больше всего

немцам хотелось ослабить действие репарационных статей Версальского договора. За немцами будет ухаживать сам Барту, чтобы, не дай бог, они не вздумали после «подозрительных» акций Чичерина в Берлине перекинуться к большевикам. Но оказалось... В Генуе Барту подтвердил договоренное с Ллойд Джорджем еще в Булони: ни один параграф Версальского договора на новой конференции пересмотру не подлежит. Между тем с той минуты, как на генуэзском вокзале появились русские, только и слышно: «Большевики сказали, русские сделали, большевики задумали». «Красных» позвали на виллу «Альбертис». Там решается все — заподозрили Вирт и Ратенау. А немцев словно не существует!

12 апреля Мальцан отправился в отель «Мирамаре» к Евгению Уайзу. Он сказал, что лондонский меморандум задевает Германию, поскольку подтверждается действие статьи 116 Версальского договора. В соответствии с ней Россия имеет право требовать от Германии возмещения за военные убытки, тогда как союзные эксперты исключают все довоенные претензии Германии к России. («Вы очень великодушны, господа антантовцы, но... за чужой счет!» — дал понять Мальцан.)

Уайз согласился, что положение действительно сложное. И обещал переговорить с Ллойд Джорджем.

Но к Ллойд Джорджу немцев не позвали ни 12 апреля, ни в последующие дни. Ратенау обратился официально. Ответа не последовало. Немцы сделали запрос на высшем уровне: к Ллойд Джорджу попросился сам рейхсканцлер Вирт. И опять ответа не было.

Иозеф Вирт позже говорил в германском рейхстаге: «До субботы перед пасхой 15 апреля германская делегация неоднократно делала представления, желая убедиться, обеспечиваются ли на переговорах (на вилле «Альбертис».— *М. С.*) права Германии и не будет ли на основании 116 статьи Версальского договора возложено на нас новое бремя, которое окончательно сомкнет кольцо вокруг Германии. Эти представления остались безрезультатными».

Подозрения немцев росли. Ллойд Джордж обхаживает русских. Англия может договориться с большевиками и тогда перестанет нуждаться в Германии для операций против России? И это при англофильских стараниях Ратенау?

Германские дипломаты начали азартно охотиться за информацией о происходящем на вилле «Альбертис». Они обратились к советской делегации. «Ратенау непрерывно выспрашивал нас о наших переговорах с Ллойд Джорджем, и мы ему рассказывали»,— вспоминал позже Георгий Васильевич.

Одна из встреч Чичерина с немцами состоялась в парке отеля «Эден». На этот раз, по-видимому, шла речь не только о переговорах с Ллойд Джорджем. Чичерин доказывал необходимость убрать последние препятствия, выявившиеся в Берлине, и подписать германо-советский договор на основе взаимных уступок, которые сделаны в Берлине, но от которых отказался Ратенау.

На прогулке в парке «Эден» кроме Чичерина и Ратенау был рейхсканцлер Вирт. Германский министр иностранных дел по-прежнему оставался на позиции «прозападника». Вирт же все больше склонялся к соглашению с Советской Россией. Тем более теперь, когда в Генуе она встала во весь рост как великая держава. «Здоровый и глубокий инстинкт,— писал позже Чичерин,— подсказывал ему (Вирту) громадную важность линии на нас. Когда мы втроем гуляли по парку Eden Hotel, случилось, что Ратенау убегал надеть другое пальто и захватить зонтик, и в эти несколько минут Вирт быстро шептал мне, чего он не мог говорить при англофиле Ратенау, что он будет вести линию на нас вопреки давлению Англии».

Не исключено, что встреча, описанная Чичериным, происходила вечером 14 апреля — после приезда с виллы «Альбертис» и до ночного совещания советских дипломатов в «Империале». Именно тогда профессор Любимов заметил, что Чичерин как-то особенно взволнован. Не было ли причиной этого продолжавшееся упрямство Ратенау при обнадеживающем поведении Вирта?

Но советская информация не была единственной, которой немцы пользовались во время закрытых заседаний на вилле «Альбертис». Ратенау и Мальцан получали сведения от так называемых доверенных лиц — от какого-то голландца, от итальянца Франческо Джаннини и других.

Поздно вечером 14 апреля Джаннини приехал в отель «Эден» и передал Мальцану, что как ему, Джаннини, «точно известно», Чичерин, Ллойд Джордж и Барту сговариваются на базе лондонского меморандума. Оставшиеся разногласия — сущий пустяк.

— Но почему не приглашена к Ллойд Джорджу наша делегация? — спросил Мальцан.

— Лондонская записка изготовлена в первую очередь для союзников,— ухмыльнулся Джаннини.

Когда Мальцан передал сообщенное Джаннини министру Ратенау, тот, по словам Мальцана (он через несколько дней говорил об этом журналистам), заявил, что если союзные державы будут продолжать частные переговоры с большевиками, то они вынуждены будут принять свои меры.

С утра 15 апреля слухи о договоренности союзников с большевиками докатывались до отеля «Эден» будто направленные радиоволны.

Вечером в субботу в парке «Эден» появился Евгений Уайз. С ним прогуливался Уго Мальцан по тем же дорожкам, по каким прошлым вечером прохаживались Вирт, Ратенау и Чичерин. Мальцан поведал о тревоге немецкой делегации из-за переговоров на вилле «Альбертис». Он сообщил Уайзу и о том, что германская делегация находится в контакте с Чичериным. Последний готов уладить с немцами проблемы, связанные с 116-м параграфом Версальского договора.

По словам Мальцана, доверенный человек Ллойд Джорджа скептически отозвался о переговорах на вилле «Альбертис», а об известиях относительно контактов немцев с большевиками сказал так, что создал впечатление — это не очень тревожит его...

Между тем направленные радиоволны продолжали врываться в покои Вирта — Ратенау — Мальцана. Рейхсканцлер, министр, Мальцан улавливали все: здравое и нелепое, вероятное и абсолютно немыслимое. Наконец в двенадцатом часу ночи «разные источники» уверили: союзники и большевики пришли к полному согласию. Они разъезжаются с виллы «Альбертис» при готовности выступить на открытых заседаниях конференции единым фронтом.

«Ратенау был в отчаянии. Все его планы рушились. Германская делегация всесторонне обсудила положение и в конечном результате решила, что в настоящий момент ничего нельзя предпринять. Отправились спать». Таково свидетельство Мальцана.

Тем большей неожиданностью оказался для немцев ночной звонок из «Империала».

Мальцан побежал к Ратенау. «Министр спит?» Нет, и в два часа ночи он продолжал метаться по комнате, размышляя о коварстве дорогих ему англичан.

— Вы принесли мне смертный приговор?

— Нет, известие совершенно противоположного характера...

«Восточник» Мальцан считал, что приглашение Чичерина нужно немедленно принять и безотлагательно завершить неоконченное в Берлине. Иначе Чичерин может отказаться от согласия аннулировать 116-й пункт Версаля (в части, касающейся Германии и России). Откажется и от других уступок, на какие пошел в Берлине. Генуя показала, что нет надежды сговориться с Антантой за счет Советской России. По крайней мере, сейчас. Надо поворачиваться лицом к Востоку. Заручившись союзом с русскими, укрепить свои позиции в отношениях с западными странами.

Но Ратенау еще отчаянно сопротивлялся. Выслушав Мальцана, он сказал:

— Теперь, когда я знаю истинное положение вещей, пойду к Ллойд Джорджу, все объясню и найду с ним согласие.

Мальцан возразил:

— Это будет бесчестно... Если вы это сделаете, я немедленно подаю в отставку!

Пасхальную ночь с субботы на воскресенье Ратенау, Мальцан и Вирт продолжали ломать голову над тем, как быть.

Ратенау сопротивлялся дольше всех. Часов в пять утра он приказал связаться с Уайзом и через него известить Ллойд Джорджа: Германия готова совершить вынужденный шаг для подписания союза с большевиками.

Но из отеля «Мирамаре» сначала ответили, что Уайз спит и будить его не разрешено. А потом:

— Мистер Уайз только что уехал, и неизвестно куда...

Ратенау сдался.

После пяти часов утра Мальцан вызвал по телефону отель «Империал» и передал, что приглашение Чичерина принято.

В тот же ранний час генеральный секретарь советской делегации Воровский разбудил профессора Любимова:

— Сегодня к одиннадцати часам приедет Ратенау. Встреть его, Николай Николаевич.

31

«БЕРЛИН, 16 апреля. Завтра в Москву по срочному вызову Кремля выезжает известный профессор хирург Борхардт. Он приглашен к Ленину для извлечения пули, оставшейся после покушения на него в 1918 году».

32

Утром 16 апреля к воротам «Империала» подкатил немецкий автомобиль. Прибыли Ратенау, Мальцан и их советники.

Итальянские карабинеры взяли винтовки «на караул». Любимов вышел встречать гостей.

«Немецкие дипломаты,— вспоминал позже профессор,— были очень измучены, лица у них были серые, глаза воспаленные, и весь их внешний облик показывал их большую озабоченность и усталость. Это был наглядный результат ночного «пижамного» совещания. Они прошли на территорию гостиницы; я проводил их до салона, предназначенного для переговоров и совещаний, и известил Чичерина и остальных правительственных делегатов о прибытии немецких представителей».

Может показаться странным, но визит остался незамеченным даже репортерами. Недельная погоня за новостями, видимо, окончательно извела их, и, воспользовавшись пасхальным перерывом, они разбрелись по Восточной Ривьере.

Ллойд Джордж с утра молился в евангелистской церкви на улице Пескьера в Генуе. Барту где-то уединился без молитв. Факта раньше укатил в Рим. Пасха!

И только для двух делегаций пасхальное воскресенье оказалось трудовым. С безбожников-большевиков какой спрос? Но с католика Вирта, его министра, их советников? Случилось так, будто истории нарочно было угодно дать Чичерину реванш за «дипломатическое воскресенье» Вирта и Ратенау в Берлине!

Утром 16 апреля Иозеф Вирт окончил свою молитву, как никогда скоро. Он поспешил в отель «Эден», чтобы ждать возвращения Ратенау.

Министр приехал около часа дня. Его советники остались в «Империале» готовить вместе с русскими окончательный проект договора.

Ратенау передал Вирту содержание утренней беседы с Чичериным, сказал о том, что осталось еще нерешенным. Обычно велеречивый Ратенау теперь был лаконичен. Рейхсканцлер Вирт, напротив долго убеждал Ратенау отказаться от последних его опасений.

Рассказывают, примерно в то же время в немецкой резиденции раздался телефонный звонок самого Ллойд Джорджа. Сменив гнев на милость, он приглашал Ратенау на чай.

Но было уже поздно.

Ратенау возвратился в «Империал».

В восемнадцать тридцать двери салона, где происходили советско-германские переговоры, раскрылись. Впереди, дружелюбно разговаривая, шли Чичерин и Ратенау. За ними — другие дипломаты. Шествие замыкал торжественный и взволнованный секретарь советской делегации Борис Штейн. Он нес мраморную чернильницу и перо.

— Это теперь реликвии! Вот этим самым пером только что подписано первое соглашение Советской России с крупной западной державой! Это — сама история!

Восторженному секретарю, сохранившему «историческое перо», впоследствии суждено было стать видным советским дипломатом, ученым.

Ратенау со своими советниками возвратился в «Эден».

«Вечером того же дня,— рассказывал Мальцан,— Ратенау принял представителя союзников, которого поставил в известность о происшедшем».

Под договором, подписанным в «Империале», было указано: «Учинено в Рапалло».

Он состоял из шести статей и двух доверительных писем одинакового содержания.

В основе договора лежал проект, который был подготовлен еще в Берлине. Советская Россия и Германия объявляли, что они немедленно возобновляют дипломатические и консульские отношения. Это означало: Германия, крупная держава буржуазного мира, признает, что Советская Россия существует как государство на самом законном юридическом основании.

Обе стороны взаимно отказывались от возмещения военных расходов и убытков, причиненных друг другу,— государственных и частных. Иными словами, за прошлое все расчеты окончены. 116-й параграф Версальского со-

глашения отныне их ни к чему не обязывает. Рапалльский договор убрал и самую трудную преграду, до сих пор стоявшую на пути соглашения. Германия не требовала возмещений за имущественные и финансовые потери, вытекавшие «из факта применения законов и мероприятий РСФСР к германским гражданам и их частным правам», то есть за национализированные заводы, фабрики, дворцы. Правда, было оговорено: сие только в том случае, если «правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичные претензии других государств». Германия и Советская Россия объявляли далее, что в торговых и других хозяйственных отношениях будут применять принцип наибольшего благоприятствования, взаимно идти навстречу экономическим потребностям обеих стран.

В письмах доверительного характера шла речь о том, что если советская сторона станет удовлетворять претензии третьих стран в отношении национализированного имущества, то немцы будут поставлены в такое же положение, как и частные граждане третьих стран.

33

Последнюю неделю Чичерин жил в таком напряжении, что даже он, привыкший работать по шестнадцать — восемнадцать часов в сутки, чувствовал сильную усталость. В воскресенье, поужинав раньше обычного, он ушел спать еще до полуночи. Литвинова попросил написать и отправить в Москву доклад о последних событиях.

Но уснуть Чичерин смог не скоро. Зарядившие дожди, сырость опять вызвали приступы кашля. Еще труднее было, очевидно, справиться с неспокойными мыслями.

«Международный изгой — Россия» разорвала единый фронт «полипов» против большевиков! Теперь можно будет сказать то, о чем мечталось еще в Берлине: «Вот вам, господа, образец. За прошлое — квиты! Никаких возмещений за войну, мировую фабрику убийств! За национализации вам тоже, господа уркарты, не полагается. Немцы это поняли. Согласились. Чем же вы лучше немцев?»

Что бы теперь ни случилось в Генуе, нам есть с чем вернуться в Москву: «Учинено в Рапалло»!.. Мы — 150 миллионов признанных. Раньше — Октябрем, кровью на Перекопе и кронштадтском льду. Теперь — и международным договором с крупной державой буржуазного мира!

Два трудных дня на вилле «Альбертис». Мы не сдались. Не сдадимся нигде! С нашей стороны могут быть деловые уступки, но не капитуляция. Раньше не сдались, теперь — тем более! Мы — де-юре!

Отчего нет ответа от Владимира Ильича? Чичерин не мог не думать и об этом. Ильич против каких бы то ни было уступок? Шифровки в один конец обычно проходят за пятнадцать — семнадцать часов. Ответ мог уже быть... К Ленину вызван хирург. Операция? Старые раны, старые пули. В Москве готовится судебный процесс над правыми эсерами (еще в феврале объявлено в газетах). В восемнадцатом году эсеры стреляли в Ленина на заводе Михельсона. Теперь снова следствие о пулях того года. Пули остались в Ленине. Оттого бессонница, болезнь, муки. А тут — Генуя. Записки Ильича из Кремля, Горок, из Костино. Что ответить Ллойд Джорджу на его пункты, объявленные в «Альбертисе»? Директивы должны прийти из Москвы. А Ленину предстоит операция. История дает такое сцепление фактов, что не придумать... Литвинов уже кончил шифровку?

Да, закончил. Это было уже после полуночи.

Среди прочих строк Литвинова, переданных телеграфом в Москву, были такие: «Наши полуприватные переговоры с Верховным советом (на вилле «Альбертис».— *М. С.*) вселили тревогу в души немцев, и Ратенау ни жив ни мертв прибежал к нам вчера и предложил, не сходя с места, подписать то самое соглашение, от которого он уклонился при нашем проезде в Берлине».

Тон телеграммы достаточно передает настроение, которое царило в «Империале» к исходу пасхального воскресенья.

«Большевики не скрывают своей радости»,— подтвердили иностранные корреспонденты, когда назавтра они примчались в резиденцию советской делегации и получили интервью.

А «полипы»?

Они, конечно, пришли в ярость.

К вечеру 17 апреля телеграфные аппараты Генуи, казалось, задыхались от обрушивавшихся на них потоков негодующих корреспондентских сообщений и шифрованных докладов, передававшихся дипломатами во все концы света.

Париж. Агентство Гавас... Немцы и русские действо-

вали втайне... Господин Барту намерен поставить вопрос, насколько русско-германский договор соответствует обязательствам Германии, взятым ею в Версале... Министр установил прямую связь с премьером Пуанкаре и ждет его инструкций.

Реакция правых французских газет была еще более решительной.

«Эко де Пари»: Рапалло, несомненно, самое серьезное мировое событие со времени перемирия 1918 года. Договор является, по существу, союзным соглашением между Россией и Германией. Франция должна ответить немедленным отзывом своей делегации из Генуи.

«Матэн»: Час действия настал!.. Пусть Германия не думает, что она извлечет выгоду из маневра, на который она решилась.

«Фигаро» откликнулась в ином духе: «В то время как союзники только обсуждают вопрос о признании Советского государства, Германия посылает в Москву своего посла».

«Юманите», комментируя сообщение из Генуи, охарактеризовала Рапалльский договор как победу здравого смысла немцев, опередивших англичан (в дипломатическом признании Советской России.— *М. С.*). Рапалло в то же время — несомненный успех советской дипломатии.

«Последние новости» [1]: «Германо-советский договор — новая бомба большевиков в Генуе; еще один сюрприз Чичерина. Британский премьер должен считать свою игру проигранной... Генуэзский корабль получил пробоину».

Лондон. «Дейли экспресс»: «Немцы и русские перехитрили союзников».

«Таймс»: «Этот договор является открытым и тщательно обдуманным вызовом Антанте».

«Дейли телеграф»: «Можно лишь сожалеть о том, что в результате Рапалльского договора в Генуе произошло дипломатическое признание Советов де-юре... Пункт договора, предусматривающий отказ Германии от компенсаций за конфискованное Советским правительством имущество иностранцев в России, является предательством (?!)».

Берлин. «Дейчланд» (официоз правительства Вирта): Рапалльский договор создает надежные правовые основы

[1] Газета кадетская, милюковская; выходила в Париже.

для развития русско-германских экономических сношений.

«Фоссише цейтунг»: Рапалло — мост в Россию, который открыт и для других стран, в частности и для Франции.

Генуэзский телеграф начал принимать и встречные депеши:

«Генуя. Председателю Российской делегации Чичерину.

Общее собрание военно-учебных заведений Петрограда шлет Вам, развернувшему Красное знамя во вражеском стане, братский привет...

Петроград, 17 апреля 1922 года».

Вильгельм Пик пишет в коммунистической «Роте фане», что германская буржуазия заключила Рапалльский договор «не из чувств дружбы, а в силу необходимости».

Из Парижа пришел шифрованный ответ для Барту: русско-германский договор противоречит таким-то статьям Версальского договора, таким-то пунктам каннской резолюции, а поэтому предлагается, чтобы союзники потребовали его отмены.

Мистер Чайльд, «наблюдатель» из Соединенных Штатов Америки, не спешил на телеграф. Он, как и раньше, все делал неприметно. В личном дневнике записал: «Это потрясает мир! Это сильнейший удар по конференции». И тут же отправился к Барту и Шанцеру.

Во вторник 18 апреля запланированные заседания конференции не состоялись. Зато в одиннадцать часов утра Ллойд Джордж, Барту, премьер Факта, примчавшийся из Рима, Шанцер, бельгийцы, японцы, главы делегаций Малой Антанты (теперь и они были удостоены приглашения) собрались в резиденции итальянской делегации «Реджио».

Барту метал громы и молнии: аннулировать Рапалло! Шанцер, включив тормоза, предложил, чтобы российская и германская делегации подвергли договор обсуждению на конференции. Ллойд Джордж, по словам из дневника Чайльда, «представлял собой яркую картину бешенства». Но Ллойд Джордж все же счел, что нельзя «подвергнуть опасности работу конференции».

Началась подготовка совместного заявления союзников — Большой и Малой Антанты — в связи с «учиненным в Рапалло».

А репортеры бегали от одной делегации к другой.

Накануне в гостинице «Генуя» в самом городе советская делегация открыла свой пресс-центр. Здесь стали бывать Чичерин, Литвинов, Воровский, давая интервью корреспондентам и встречаясь с теми, кто их интересовал. Здесь Красин вел переговоры с людьми делового мира. Журналистам раздавали брошюры, разъясняющие политику Советского правительства, тексты официальных заявлений делегации. Здесь бывал Марсель Кашен, отвечая на вопросы тех, кого интересовали взгляды французских коммунистов.

Американский корреспондент, пробившись к Чичерину, атаковал вопросами:

— Мистер Барту заявил представителям печати, что немцы подготовили «рапалльский удар», спрятавшись в тени. А вы, господин Чичерин, уведомили Ллойд Джорджа о предстоящем подписании договора?

— Советская Россия не британская колония. Мы не собираемся испрашивать каких-либо разрешений от Ллойд Джорджа.

— Говорят, что Рапалльский договор поставил под вопрос дальнейшую работу Генуэзской конференции?

— Не думаю. Во всяком случае, наша делегация этого не желает.

— Не является ли Рапалло первым шагом к политическому союзу большевистской России с Германией?

— Это покажет будущее. Мы желаем и впредь заключать подобные договоры, особенно с Соединенными Штатами Америки. На равных. Если же нам будут ставить невозможные условия, Россия никогда не примет их.

Литвинов отвечал на вопросы другого журналиста:

— Непонятно, почему все так ополчились против Германии? В Генуе другие делегации тоже ведут переговоры подобного рода. Например, Италия с Югославией. Нельзя же отказывать Германии в том, что разрешается другим.

В отеле «Эден» журналистов принял Ратенау. Теперь он защищал то, что подписал вместе с Чичериным:

— Рапалльский договор повторяет ту часть брестских соглашений 1918 года, по которому Германия признала большевистское правительство де-факто и де-юре. Заклю-

ченный договор устраняет несправедливости Версальского мира.

— Что общего между вами и большевиками?

— Желание дружественно сотрудничать.

Корреспондент «Чикаго трибун» допытывался у фон Мальцана, с чего начались советско-германские переговоры и как протекали. Американец напирал на версию Барту: действовали, «спрятавшись в тени». Мальцан категорически отрицал это и подробно изложил историю встреч с Чичериным в Берлине. И то, как германская делегация оказалась исключенной из переговоров на вилле «Альбертис». И как установились контакты с русскими в Генуе. И как все время были об этих контактах извещены итальянцы и англичане. «Когда договор был готов, мы снова информировали англичан»,— сказал немецкий дипломат.

Германская делегация передала прессе коммюнике: «...Германия и Россия перечеркнули последствия прошлого и создали взамен пришедшего в негодность Брест-Литовского договора новое правовое состояние, обеспечивающее обоим народам полное равенство и надежные условия для мирного экономического сотрудничества».

К полудню 18 апреля содержание ноты, изготовленной на вилле «Реджио», распространилось (пока неофициально) по резиденциям всех делегаций. Нота была адресована немецким дипломатам и составлена в самых резких выражениях. Германии грозили исключением из состава первой комиссии по «русскому вопросу».

А какое же «наказание» для России?

Это интересовало многих. Дипломатические обозреватели и эксперты разводили руками: положение большевиков на конференции специфическое. Они не данники Версаля, а потому недосягаемы для санкций Ллойд Джорджа и Барту.

Среди недовольных подобным обстоятельством был мистер Чайльд, наблюдатель от США. Он признался в своем дневнике: «Я дал понять Шанцеру сегодня, что наказание в отношении Германии за подписание договора с Россией... столь же заслужено русскими и должно быть применено к ним».

Но!.. Ллойд Джордж требовал действовать так, чтобы корабль Генуи, несмотря на пробоины, продолжал

держаться на воде. 18 апреля корреспондент агентства Рейтер сообщал из Генуи, что в британских кругах уже давно предвидели возможность соглашения между Россией и Германией. Далее представлялась английская точка зрения: мол, Ллойд Джордж потому и торопился созвать Геную, чтобы предотвратить разделение Европы на два лагеря. В заключение давалось понять: хотя Германия осложнила свое положение в Генуе, как, впрочем, и России, переговоры с советской делегацией будут продолжаться. «Заключение германо-русского договора, по-видимому, не поведет к закрытию конференции». Инспирированный характер сообщения был очевиден.

То ли по стечению обстоятельств, то ли предусмотрительно, но премьер Факта назначил на вечер 18 апреля банкет для глав и членов делегаций. В накаленной обстановке, какая создалась на конференции, дипломатический банкет был, пожалуй, тем самым шагом, который позволял, несмотря на рапалльские пробоины, удержать генуэзский корабль на поверхности.

Между тем надо было вручить германской делегации ноту Большой и Малой Антанты. Генеральный секретарь конференции Романо Авеццана отправился в Рапалло. Но там сказали, что Вирт и Ратенау четверть часа назад уехали на банкет. Авеццана помчался в Геную. Он встретил Ратенау перед входом в парадные апартаменты Королевского дворца:

— Господин министр, я уполномочен передать вам ноту...

Ратенау остановился:

— Ноту «осуждения»? Если вы намерены это сделать сейчас, то германская делегация не сможет присутствовать на банкете.

Генеральный секретарь мгновенно принял решение:

— Синьор министр, итальянский премьер будет весьма огорчен, если представители Германии не окажутся на банкете. Все делегации являются гостями Италии. Позвольте не вручать вам ноту сейчас.

Банкет состоялся так, как задумали. Журналисты назвали его «банкетом согласия».

Сто пятьдесят гостей в Королевском дворце.

«У русских безукоризненные фраки, как у патентованных дипломатов. Отличие только в том, что у каждого московского — в петлицах значок с буквами «РСФСР»».

Никаких официальных речей. Разговор только за столом. Чичерин сидел недалеко от Барту. Красин рядом с министром торговли британского правительства Робертом Хорном. Германскую делегацию занимал итальянский премьер и архиепископ генуэзский.

«Ллойд Джордж был молчалив и не обнаружил большого аппетита»,— обратили внимание американские журналисты.

Корабль Генуи продолжал держаться на воде.

Назавтра генеральный секретарь конференции Авеццана устроил встречу Вирта и Ратенау с Ллойд Джорджем. Английский премьер сказал Вирту:

— Либо вы устраняетесь от участия в комиссии по русским делам, либо вы аннулируете Рапалльский договор. Выбирайте любое из двух возможных решений. Других не существует.

(Ллойд Джордж еще гневался. Во всяком случае, демонстрировал это...)

«Вечером в отеле «Эден» Ратенау имел встречу с Чичериным».

Немцы так ответили на ноту союзников: Германия пошла на Рапалльский договор потому, что рано или поздно нужно было прийти к мирному состоянию с одной из великих наций, участвовавших в мировой войне. А для этого надо было ликвидировать последствия военного состояния. Во всех переговорах с союзниками Германия добивалась того же. Но Антанта неизменно пренебрегала ее интересами. То же произошло в Генуе. Немецкую делегацию даже не захотели выслушать. В результате Германия «увидела себя вынужденной спасти свои интересы прямым путем, иначе ей пришлось бы очутиться... перед лицом проектов, которые, будучи неприемлемыми для нее, были бы уже приняты большинством».

Последовала новая нота союзников. С угрозой, особо предложенной Барту: каждое союзное правительство оставляет за собой право «считать недействительными и несостоявшимися» те статьи русско-германского договора, которые будут признаны противоречащими существующим союзным договорам.

34

«ПРАГА. 19 апреля. Согласно известиям из Москвы, Ленин уже находится на пути в Геную, чтобы представлять там Советскую Россию в решительный момент».

Нет, в Геную ехать Ленин не мог, хотя, действительно, там наступил решающий момент.

Профессор Клемперер, приезжавший в Москву и участвовавший в консилиуме врачей, тогда же сделал заключение, что Владимира Ильича нужно подвергнуть операции, и как можно скорее.

Это и была та рекомендация, о которой он умолчал в интервью корреспондентам по возвращении в Берлин. Клемперер, видимо, считал это требованием врачебной этики. К тому же не в интересах пациента было бы говорить об операции раньше времени.

Лишь в середине апреля прессе стало известно, что в Москву приглашен хирург Борхардт. Теперь он находился уже в пути и должен был прибыть 20 или 21 апреля.

Ожидая операцию, Владимир Ильич — как бы ни складывались дела в Генуе — поехать туда, конечно, не мог. Но, как и раньше, он продолжал руководить советской делегацией.

Донесение Чичерина о переговорах на вилле «Альбертис» пришло в Москву 16 апреля. Назавтра Политбюро ответило советской делегации, что соглашение с союзниками возможно лишь на следующих условиях. Военные долги и проценты по военным долгам Антанте должны безусловно покрываться советскими контрпретензиями. Любая форма восстановления частной собственности иностранцев в Советской России отвергается абсолютно. Как предельную уступку иностранным капиталистам, потерявшим собственность в России, признать возможным предпочтительное право бывших собственников-иностранцев получать при прочих равных условиях в аренду или концессию их бывшие предприятия. (Допустим, завод, шахту, рудник, землю мистера Икс мы решили сдать в аренду или в концессию. Наши условия для данной концессии такие-то. К нам обращается мистер Игрек и мистер Зет. Мы говорим: «Прежде всего оказываем предпочтение бывшему собственнику мистеру Икс. Если он не возьмет, отдадим вам».)

Политбюро извещало Чичерина, что Советское правительство готово взять на себя обязательство проявить заботу об интересах мелких собственников-иностранцев (в чем это проявится — предмет особых переговоров). Директива заканчивалась предупреждением — уступки делаются при обязательном условии, что союзные страны-кредиторы дадут Советскому правительству крупный заем. Таков предел. Дальше ни в коем случае не идти!

Еще в феврале, когда Ленин размышлял, на какие, в крайнем случае, уступки пойти в Генуе, он предлагал именно такой предел. Теперь это стало директивой Политбюро, программой для советских дипломатов на конференции.

Между тем в Москву пришла шифрованная телеграмма Литвинова об «учиненном в Рапалло». Ее немедленно переслали Владимиру Ильичу. 18 апреля секретарь продиктовал по телефону запрос Ленина к членам Политбюро: считают ли они возможным сейчас же оповестить в советской печати о Рапалльском договоре «или отложить до некоторого выяснения того обстоятельства, неизбежен ли разрыв в Генуе».

Политбюро решило печатать сообщение о заключенном договоре безотлагательно, и 19 апреля оно появилось в советской прессе. А в Геную было предписано: «Принципиально и твердо защищать наш договор с Германией и наше право заключать подобные договоры, никого не извещая».

«Москва, Кузнецкий мост, Наркоминдел»... Телеграммы с таким адресом приходили из Генуи по нескольку раз в сутки. Их тут же пересылали правительству, Ленину.

К 19 апреля Владимир Ильич получил известия, которые встревожили его. И он распорядился немедленно протелеграфировать Чичерину и передать редакциям газет «Правда» и «Известия»: «Вся информация из Генуи показывает, что мы поддаемся обману. Ллойд Джордж, который шумит против Франции, прикрывает этим свое главное стремление — принудить нас платить долги вообще и бывшим собственникам особенно. Пора начать систематические разоблачения этого обычного маневра английских дипломатов...»

В тот же день, 19 апреля, корреспонденты в Генуе прослышали, что прошлым вечером на имя Чичерина пришла из Москвы шифрованная телеграмма в две тысячи слов. (Это была директива Политбюро от 17 апреля и указания правительства для ответа на лондонский меморандум союзных экспертов.) Корреспонденты отправились в отель «Генуя». Там застали Литвинова:

— Что нового в большой депеше, полученной советской делегацией?

— Потерпите, завтра узнаете,— улыбаясь, ответил Литвинов.

— Вы опубликуете полный текст телеграммы?

— Мы передадим делегациям союзников наш официальный ответ на лондонский меморандум.

— И на требования «четырех», заявленные Ллойд Джорджем на вилле «Альбертис»?

— А откуда вам известно, что такие требования были заявлены? Кто официально сообщил вам об этом?

— Мы — «стампа», господин Литвинов! Скажите откровенно, после вашего ответа конференция не пойдет ко дну?

— Советская делегация готова продолжать переговоры.

— Это следует из телеграммы в две тысячи слов?

— Из всего того, что делает советская делегация в Генуе.

Утром 20 апреля профессор Любимов отправился в отель «Мирамаре». Там он встретился с Евгением Уайзом и вручил объемистый документ, который стал известен как меморандум советской делегации от 20 апреля.

Уайз принял гостя со всей дипломатической любезностью и тут же стал читать привезенное Любимовым. Профессор терпеливо ждал.

Еще на вилле «Альбертис» Чичерин обещал вернуться к главному «козырю» Барту: каннские параграфы, булонское соглашение, лондонский меморандум и никаких отступлений! И Чичерин вернулся. С того, собственно, он и начал свой ответ западным державам.

Лондонские эксперты уверяют, будто они во всем следуют духу и букве международных соглашений. Каннские параграфы для них — закон. Их план содействия экономическому восстановлению России основан-де только на «справедливости». У них даже в мыслях не

было предлагать такое, что могло бы привести к «эксплуатации» русского народа... Но это же, мягко говоря, неправда! — следовало из ответа Чичерина. То, что предлагают союзные эксперты, на деле не только план эксплуатации, но и полное закабаление народов Российского Советского государства! Никто не должен надеяться на то, что Советское правительство примет такие условия.

Первый параграф каннской резолюции говорит о том, что все нации равноправны; их государственный суверенитет строго охраняется. А лондонский меморандум навязывает России такое внутреннее законодательство, которое совершенно чуждо ее строю. Под предлогом создания надлежащих условий для работы иностранцев в России союзники хотят ввести в Советской стране систему капитуляций. Это ли не нарушение каннских условий, охранителями которых так ревностно выступают союзные делегаты!

Первый параграф каннской резолюции провозглашает право каждого народа устанавливать желательную для него систему собственности. Народы России еще революцией 1917 года уничтожили старые экономические, социальные и политические отношения, заменив старое общество новым. К власти пришел новый экономический класс. Тем самым прервана преемственность гражданских обязательств, являвшихся составной частью экономических отношений исчезнувшего общества и отпавших вместе с ним. А лондонские эксперты выдвигают вопрос о восстановлении в открытой или замаскированной форме прав частной собственности, то есть того, что навсегда отвергнуто и пересмотру не подлежит.

В меморандуме от 20 апреля советская делегация развивала и другие мысли, высказанные Чичериным еще на вилле «Альбертис»,— о долгах, об интервенции (препровождались документы, подтверждавшие участие Антанты в вооруженной борьбе против Советской России), о контрпретензиях, о кредитах для России. Чичерин разъяснял и те пункты советского законодательства, которые касались охраны прав иностранных граждан в России. Эти законы достаточно обеспечивали интересы тех, кто был готов к честной деловой работе. Меморандум заканчивался призывами готовить будущее, а не срывать соглашения из-за «узких эгоистических интересов немногочисленной группы бывших кредиторов России, к сожа-

лению, оказывающих слишком большое влияние на политику своих правительств».

Уайз, прочтя меморандум, нахмурился:

— И это последнее слово Москвы? Если последнее, то, как я убежден, дальнейшие переговоры абсолютно невозможны.

— Что передать народному комиссару Чичерину? — спросил Любимов, уклоняясь от дискуссии и вместе с тем желая по возможности выяснить, что же, по мнению Уайза, больше всего не устраивает союзников?

Уайз задумался.

— Я полагаю, что Ллойд Джорджа более всего интересует практический ответ по пункту о правах иностранных собственников в России.

— Имеются в виду их претензии на компенсацию или на возврат национализированной собственности?

Уайз подтвердил: да, возвращение или компенсация! Англичанин добавил, что ради получения ответа он готов сегодня же вечером, например в 7 часов, приехать к Чичерину.

— Я передам ваше пожелание.

Любимов возвратился в отель «Генуя». Там его ожидали Чичерин и Литвинов. Позднее пришел Красин.

Уайз прибыл ровно в девятнадцать. Теперь он говорил еще решительнее, из чего можно было заключить, что он уже встречался с Ллойд Джорджем. Не оставалось сомнений: дело дошло до той черты, когда впереди немедленный разрыв (завтра это обставят со всей формальностью). Если советская делегация желает продолжения переговоров, то должна предпринять что-то обнадеживающее.

Бюро делегации, обсудив положение, разработало план действий. В тот же вечер Чичерин послал частное письмо Ллойд Джорджу. Хотя советская сторона абсолютно убеждена, подчеркнул нарком, в справедливости своих финансовых контрпретензий, хотя последние покрывают все иски союзников, тем не менее в интересах достижения согласия делегация РСФСР готова пойти на уступки. Так, в случае, если державы Антанты откажутся от военных долгов старой России и от процентов по ним, если Советскому правительству предоставят крупный заем и немедленно признают де-юре, то оно было бы готово вернуть прежним собственникам пользование на-

ционализированным или изъятым имуществом. Могут рассматриваться их справедливые требования как путем заключения прямых соглашений, так и соглашений, детали которых подлежат обсуждению на настоящей конференции.

...Кончался еще один трудный день. В «Империале» царила ночная тишина. Но Чичерин работал. Надо было ответить на телеграмму Ленина, на запросы Наркоминдела, объяснить предпринятое в последние часы.

Из написанного Чичериным следовало, что обстановка на конференции гораздо сложнее и опаснее, чем это может показаться в Москве. Угроза разрыва как никогда вероятна. Неизбежны уступки со стороны советской делегации. Самый острый вопрос — о возмещении иностранцам убытков от национализации. И в этом, писал Чичерин, «преимущественно заинтересован именно Ллойд Джордж, ибо на него давят всемогущие английские акулы». Вопрос пока остается открытым — еще будет обсуждаться. «Англия не остается, если Франция уйдет...»

Утром 21 апреля дипломатическая Генуя уже знала то, чего ждала все последние дни, о чем люди из «Каза делля стампа» выведывали, где только могли. Делегациям и прессе передали советский меморандум от 20 апреля. Стало известно и содержание частного письма Чичерина на имя Ллойд Джорджа. Распространились сведения и о том, что английская делегация приняла его как базу для продолжения дискуссий.

С утра 21 апреля корабль Генуи поплыл дальше. Возобновились заседания комиссий и подкомиссий.

Бурные прения произошли на одном из заседаний, где участниками были главы делегаций. Барту не устраивали даже те предложения, которые содержались в частном письме Чичерина.

— Меморандум и письмо господина Чичерина,— заявил Барту,— не соответствуют духу каннских условий.

Ллойд Джордж, однако, попросил не спешить:

— Давайте не обсуждать пока документов Чичерина по существу,— предложил британский премьер.

Но Барту не отступал:

— Я не открываю дебаты, но хочу заранее подчеркнуть, что меморандум Чичерина противоречит каннским условиям. Кроме того, признание Советского правительства есть дело каждой страны в отдельности. Никто не может навязывать...

Министр Шанцер снова выступил в роли примирителя. Он предложил создать комитет экспертов для изучения новых советских документов. Американец Чайльд продолжал действовать из засады. А делегаты малых стран? Один журналист сравнил их положение с грузом, который по мере надобности перекладывают с одной чаши весов на другую.

Тем временем в среде советской делегации произошел раскол. Уступки, о которых в самой общей форме Чичерин заявил Ллойд Джорджу, вызвали возражения со стороны большинства делегатов. Они расценили его письмо как опасный ход, ведущий к сдаче позиций перед натиском антантовцев, как нарушение директив Политбюро о пределе уступок.

Я. Э. Рудзутак, не входивший в состав бюро делегации и не участвовавший в принятии решения, согласно которому Чичерин послал частное письмо Ллойд Джорджу, информировал Наркоминдел о расколе.

В Москве протест Рудзутака срочным курьером переслали в Кремль, Ленину. Это было уже 23 апреля...

Здесь нам надлежит на время прервать рассказ и вернуться к событиям, которые начались в Кремле за три дня до получения Владимиром Ильичем телеграммы Рудзутака.

Вечером 20 апреля народный комиссар здравоохранения Николай Александрович Семашко позвонил по телефону известному в Москве хирургу Владимиру Николаевичу Розанову. Он оперировал Ленина в трагические часы 30 августа 1918 года после покушения на него. Знаменитый хирург, прошедший многие фронты и работавший в Солдатенковской (Боткинской) больнице, впоследствии профессор, вместе с другими врачами спас Ильича. Месяц спустя он навестил Ленина.

— Не беспокоят ли оставшиеся пули? — спрашивал Розанов. (Их оставили, так как врачи решили не подвергать больного дополнительным мукам и опасности.)

Владимир Ильич ответил отрицательно и, по словам Розанова, смеясь, добавил:

— А вынимать мы с вами их будем в двадцатом году, когда с Вильсоном справимся.

И впрямь, с Вильсоном, с интервентами Ллойд Джорджа и Пуанкаре удалось справиться к сроку, предугаданному Лениным. Но и в дни наступившего мира Ленину некогда было думать об извлечении пуль.

И вот вечером 20 апреля 1922 года Розанову звонит нарком Семашко и просит утром быть в Кремле.

— Приезжает профессор Борхардт из Берлина для консультации,— пояснил Семашко.— Нужно удалить пули у Владимира Ильича.

Розанов удивился:

— Почему удалять?

— Была консультация с профессором Клемперером. Он высказал предположение, что головные боли Владимира Ильича зависят от оставшихся пуль. Происходит свинцовое отравление организма,— подозревает профессор.

Имя Клемперера было достаточно известно Розанову. Но пули — отравление?

«Мысль эта мне, как хирургу, перевидавшему тысячи раненых, показалась прямо странной, что я и сказал Николаю Александровичу. Он со мной соглашался, но все-таки на консультацию нужно было ехать»,— вспоминал позже Розанов.

Утром 21 апреля Розанов заехал за Борхардтом и вместе с ним отправился в Кремль. И вот дальнейший рассказ самого Розанова: «...нас провели прямо в кабинет Владимира Ильича, который сейчас же вышел к нам, поздоровался... и пригласил нас к себе на квартиру. Здесь кратко, но очень обстоятельно он рассказал нам о своих головных болях и о консультации с Клемперером. Когда Владимир Ильич сказал, что Клемперер посоветовал удалить пули, так как они своим свинцом вызывают отравление, вызывают головные боли, Борхардт сначала сделал удивленные глаза, и у него вырвалось: unmöglich (невозможно), но потом как бы спохватившись, вероятно, для того, чтобы не уронить авторитета своего берлинского коллеги, стал говорить о каких-то новых исследованиях в этом направлении.

Я определенно сказал, что эти пули абсолютно не

повинны в головных болях, что это невозможно, так как пули обросли плотной соединительной тканью, через которую в организм ничего не проникает. Пуля, лежавшая на шее, над правым грудино-ключичным сочленением, прощупывалась легко, удаление ее представлялось делом нетрудным, и против удаления ее я не возражал, но категорически восстал против удаления пули из области левого плеча: пуля эта лежала глубоко, поиски ее были бы затруднительны; она так же, как и первая, совершенно не беспокоила Владимира Ильича, и эта операция доставила бы совершенно ненужную боль. Владимир Ильич согласился с этим и сказал: «Ну, одну-то давайте удалим, чтобы ко мне не приставали и чтобы никому не думалось».

Сговорились на другой день проверить положение пуль по рентгену».

Итак, завтра просвечивание и без промедления операция. Завтра...

А сейчас врачи ушли и можно заняться делом.

Получена телеграмма Чичерина от 20 апреля. В ней сквозит тревога: назревает полный разрыв. Один из самых острых вопросов — о возмещении иностранцам убытков от национализации. На Ллойд Джорджа давят всемогущие британские акулы...

Ленин снимает телефонную трубку и диктует в секретариат Политбюро:

— Прошу отправить следующую мою телеграмму Чичерину, если со стороны членов Политбюро нет к тому возражений.

«т. Чичерину

Я никогда не сомневался, что Ллойд Джордж действует под давлением английских акул и что Англия не останется без Франции, но думаю, что это ни капли не должно изменить нашей политики и что мы не должны бояться срыва конференции. На признание частных долгов идти ни в коем случае нельзя. Думаю, что настоящую ситуацию я знаю».

Ленин чуток к каждому колебанию генуэзского барометра. Перед ним донесения дипломатов. Газеты русские, немецкие, английские, французские. Радиоинформации РОСТа, Гавас, Вольфа. Письма друзей-коммунистов из разных стран. И Ленин уверенно замечает: «Думаю, что настоящую ситуацию я знаю». И он настораживает това-

рищей в Генуе: будьте осмотрительны, не попадайтесь в ловушку. Ллойд Джордж может поставить опаснейший капкан.

22 апреля — рентген в Институте биологической физики на 3-й Миусской улице (рентген еще редкость в России).

Профессора Розанов и Борхардт держат перед окном на свету мокрую пленку, вглядываются, сравнивают с рентгенограммой восемнадцатого года: сместились ли пятнышки свинца за прошедшие четыре года?

А пациент спешит в кабинет академика Петра Петровича Лазарева, директора института. Ученый хочет показать Ленину лаборатории. Но Владимир Ильич, утаивая, что ему отпущено врачами только двадцать минут, просит сначала показать карты, диаграммы, чертежи, образцы пород из района Курской магнитной аномалии (КМА).

КМА — это то, что в последние недели занимает Ленина так же, как Генуя. Академик Лазарев — один из крупнейших ученых, на которых правительство возложило исследования КМА. И Ленин хочет знать, как идет дело. Председатель Госплана Кржижановский докладывал, что под Курском — неслыханно богатый запас чистого железа. Подтверждается? Что показывает бурение? Каковы же эти курские руды? И глубоко ли залегают?

В самом центре России — богатства несметные! Их безусловно проще поднять и пустить в оборот, чем, к примеру, в Кузбассе, Сибири. Если подтвердятся прогнозы относительно КМА, не жалеть даже последние пуды золота и купить за границей алмазное буровое и всякое другое оборудование. Двигать без промедления! Чичерин бьется, чтобы получить из задуманного хотя бы полГенуи, четверть Генуи, одну восьмую Генуи. А здесь — свое — верняк! Не упускать ни в коем случае!

Уезжая, Владимир Ильич просит академика Лазарева держать его в курсе дела. Хороша ли курская руда? И сколько же ее? И все ли ведется так, как того требует архиважное дело?

А операцию условлено делать завтра, 23-го, в Солдатенковской больнице. Владимир Ильич приедет в двенадцать часов дня.

На этот раз оперирует Борхардт. Ассистируют Розанов и его помощники.

Все проходит хорошо.

— Вот она, эта штуковина, Владимир Ильич.

— И всего-то?.. Спасибо... Теперь можно домой.

— Нет, Владимир Ильич, в палату. Придется полежать.

На носилках Ленина поднимают на второй этаж, в палату номер сорок четыре.

«ВАРШАВА, 24 апреля. «Курьеру поранны» телеграфируют из Генуи, будто Ленин прислал советской делегации инструкцию ожидать его приезда и не покидать Геную, откуда голос Советов раздается по всему миру».

«РИМ, 24 апреля. Здесь циркулируют слухи, что генеральный секретарь Федерации моряков Италии Джульетти получил радиотелеграмму из Москвы, в которой сообщается, что Ленин выехал в Геную».

Все эти телеграммы — не более как репортерские гадания, слухи.

Утром 24 апреля Владимиру Ильичу делают перевязку, а в первом часу дня он уезжает в Кремль.

Что нового из Генуи?

Ленин сразу берется за дело.

На столе телеграмма Рудзутака с протестом против последнего шага Чичерина. Владимир Ильич встревожен. Кто прав? Не слишком ли далеко зашел Чичерин? Он «либо уже сделал, либо вполне способен сделать несомненную ошибку...» — приходит к выводу Ленин.

Бинты на шее и плече, боль, отдающая в руку, мешают писать. Владимир Ильич вызывает секретаря и диктует письмо И. В. Сталину для членов Политбюро. Ленин требует немедленно послать предупреждающую телеграмму в Геную и предлагает ее проект. 24 апреля Политбюро решает послать шифровку в такой редакции:

«Считаем опасение Рудзутака, выраженное в его телеграмме от 22 апреля, вполне правильным. Считаем очень опасной ошибкой всякий шаг и всякую фразу, способные отнять у нас единственный выгодный предлог разрыва, обеспечивающий притом нашу полную дипломатическую и коммерческую победу в самом недалеком будущем, именно тот предлог, что мы безусловно не согласны восстановить частную собственность заграничных капиталистов. Повторяем еще раз, что мы сообщили Вам

совершенно точный текст наших предельных уступок, от которых не отступим ни на йоту. Это значит — реституцию и денежную компенсацию отвергаем, признаем лишь преимущественное право аренды и концессий. Как только выяснится полностью, что на этих уступках соглашение невозможно, уполномочиваем Вас рвать, сохраняя для агитации и для дальнейшего дипломатического выступления два козыря:

1) Принципиальное значение русско-германского договора.

2) Наше расхождение исключительно по вопросу о восстановлении собственности капиталистов».

Опережая несколько события, заметим, что уже после принятия этого постановления в Москву пришли письма и телеграммы Чичерина. Нарком объяснял мотивы, побудившие его заявить о возможности новых уступок. Когда возникла опасность полного разрыва, Чичерин счел необходимым выдвинуть не связывающую советскую делегацию общую формулировку. Тем самым имелось в виду добиться продолжения переговоров, выиграть время и получить указания ЦК РКП(б).

Подобные ходы предусматривались в директиве Политбюро, которую дали делегации перед отъездом в Геную. Политбюро строжайше требовало не допускать разрыва, искать для продолжения переговоров пути и формы, не связывающие делегацию до тех пор, пока ЦК не примет решения.

В связи с этим объяснением Политбюро признало действия Чичерина правильными и 25 апреля направило в Геную уточненную директиву. Оно предписало, как в сложившейся обстановке вести переговоры и каковы самые крайние пределы уступок. Политбюро считало, в частности, возможным предложить, что признание требований и размер удовлетворения иностранных собственников могут определяться по соглашению Советского правительства с каждым отдельным собственником при условии, что не будет никакого международного арбитра. И опять предупреждалось: уступки ставить в строгую зависимость от условий, на которых западные державы дадут кредиты. Если все же придется рвать, то главная причина этого — невозможность принять антантовское требование о восстановлении частной собственности.

35

Между тем в Генуе все эти дни ждали ответа союзников на советские документы от 20 апреля. Журналисты гадали, чем закончится рапалльский «вызов» для немецкой делегации.

Дипломаты антантовских держав встречались за закрытыми дверями. Ллойд Джордж, Барту снова появлялись на заседаниях комиссий и подкомиссий. Эксперты взвешивали каждое слово советского меморандума, еще придирчивее — каждое слово письма Чичерина.

Страсти вокруг Рапалльского договора бушевали с прежней силой. Среди недовольных и возмущенных оказался и Лесли Уркарт. Он сделал заявление английской газете «Морнинг стар». Уркарт назвал Рапалльский договор политической ошибкой немцев, ибо «это соглашение означает поддержку власти большевиков». Но в плане экономическом, сказал он, немцы оказались достаточно хитрыми. Германия, гневался и плакался Уркарт, теперь получит от Советского правительства концессии в тех отраслях промышленности, где первые борозды еще задолго до большевистской революции проложили англичане, французы, бельгийцы. Немцы будут разрабатывать рудники, когда-то принадлежавшие лично Уркарту; будут извлекать прибыли, не возмещая ни марки, ни шиллинга за ту предварительную работу, какую до них провели предшественники, в том числе он, Лесли Уркарт!

Глава английской «Ассоциации кредиторов России» добился приема у Ллойд Джорджа и потребовал применить самую суровую кару для тех, кто готовится нанести удар в спину англичан и других иностранцев, владевших собственностью в России.

Ллойд Джордж, как говорили, успокоил Уркарта. Он обещал не дать в обиду ни его, ни других англичан. К тому же заметил, что нет оснований впадать в панику: еще никто не знает, что получат немцы в России.

Тем временем пришел ответ от германской делегации на угрожающую ноту союзников. Немцы уведомили, что они самоустраняются от участия в комиссии по «русскому вопросу», поскольку данный вопрос уже разрешили.

Фактически это был вызов Антанте. (Сами уходим, ибо своего мы добились.) Но формально означало, что требование союзников удовлетворено.

Казалось, Ллойд Джордж не стерпит, преподаст немцам урок!

Но...

После полудня 21 апреля Ллойд Джордж устраивает пресс-конференцию в зале Сан-Джорджо. Генералы прессы и рядовые репортеры рассаживаются в том самом зале, где 10 апреля восседали дипломаты. Ллойд Джордж поднимается на трибуну. Корреспонденты уже знают советский меморандум, знают и о письме Чичерина. Знают и об ответе немцев на ноту союзников.

Ллойд Джордж, начиная пресс-конференцию, высказывает, в заранее запланированной дозе, гнев по поводу Рапалло. Говорит о коварстве немцев, а потом произносит неожиданное:

— Я надеюсь, что инцидент исчерпан.

Журналисты затем писали, что этой фразой Ллойд Джордж в одно мгновение заделал пробоины в генуэзском корабле и сообщил ему энергию для продолжения курса.

А Барту? Не приложил ли он новые примочки к синякам, полученным от рапалльского удара?

При всей солидарности Англии и Франции по главным аспектам Генуи каждая из них преследовала собственные цели. Ллойд Джордж менее всего заботился о том, как помочь Пуанкаре — Барту в их планах возвышения Франции над Европой. Союз союзом, булонское соглашение — своим чередом, но прежде всего: «Правь, Британия!» И Ллойд Джордж не упускал случая подсыпать песок в буксы французского локомотива. Для противодействия наполеонизму Пуанкаре — Барту Англия нуждалась в ком-то третьем, кто противостоял бы ближайшему соседу туманного Альбиона. Данник Версаля, Германия взяла на себя такую роль. И конечно, Ллойд Джордж поторопился сказать, что инцидент исчерпан.

Продолжая пресс-конференцию, Ллойд Джордж бодро воскликнул:

— Генуя, слава богу, живет и не собирается умирать!

Корреспонденты подбросили с мест неприятные и пренеприятнейшие вопросы. Но Ллойд Джордж парировал спокойно. А когда время истекло, воскликнул:

— Я верю, господа, в успех Генуи!

В субботу 22 апреля на генуэзском рейде встал броненосец «Данте Алигьери». Пожаловал король Италии Виктор-Эммануил. Он назначил на борту корабля обед. Пригласили и советскую делегацию. Журналисты немедленно обнаружили в этом «щекотливый вопрос». Дипломаты Кремля, мол, предъявили на конференции требование о юридическом признании Советского правительства. Конференция пока не приняла каких-либо решений. А король — особа государственная — зовет к себе на обед Чичерина. В Риме профашистские газеты зашумели: «Появление большевиков на приеме у короля равносильно признанию их», а это, мол, удар по конференции. Король не должен был звать Чичерина. А тот не должен появляться на борту «Данте Алигьери»!

Но Чичерин приезжает. С ним Литвинов и Красин.

Толпы репортеров стоят у трапа.

Церемониймейстер представляет гостей королю:

— Синьор Чичерин, народный комиссар иностранных дел!

Репортеры замирают. Они ждут, что же последует дальше.

Король прикладывает руку к козырьку. Чичерин — о ужас! — отвечает почтительным поклоном.

Король говорит, обращаясь к Чичерину:

— Мне передавали, что ваше имя итальянского происхождения? Не свидетельствует ли это, что вы верите в успех конференции, созванной на территории Итальянского королевства?

И снова репортеры в ожидании.

Да, далекий предок Георгия Васильевича, современник Христофора Колумба — «Афанасий Чичерин (был) природою итальянец» — так сказано в «историческом родословии благородных дворян Чичериных». Но народный комиссар Чичерин — тамбовец, большевик. Что же он ответит королю?

Репортеры ждут.

— Независимо от моего имени, я хочу верить, что успех действительно возможен.

За столом Чичерин беседует с королем о торговле Италии с Россией. Она налаживается, но медленно. Надо скорее убрать все, что мешает итало-советскому экономическому сотрудничеству.

«Пусть они бунтовщики, эти советские дипломаты,—

напишет назавтра одна итальянская газета.— Но во всяком случае, они не бунтовщики против этикета».

А советскому пресс-аташе приходится отвечать в отеле «Генуя» на такой вопрос:

— Как расценят ваши революционные рабочие, которые свергли царя, визит Чичерина итальянскому королю?

— Наши рабочие, несомненно, поймут, что это был акт вежливости по отношению к нации, которая оказала гостеприимство советским официальным представителям. Наши рабочие поймут и то, что этот акт содержит в себе моральное признание Советского правительства.

В ту же субботу поздно вечером, возвратившись в «Империал», Чичерин вызвал к себе Александра Эрлиха:

— Завтра я должен выехать из гостиницы в одиннадцать часов утра, но так, чтобы итальянские карабинеры не могли проследить, куда я еду.

Мысль о воскресной поездке возникла то ли во время краткого разговора с Ллойд Джорджем на приеме у короля, то ли иным образом, но, во всяком случае, Чичерин хотел, чтобы о ней никто не знал. А как это сделать?

«Встав рано утром,— вспоминал Эрлих,— я посмотрел в окно и увидел, что на площадке были всего две полицейские машины. Видимо, итальянцы, зная, что воскресенье — день отдыха и для советской делегации, сократили свой персонал. Не было также ни мотоциклистов, ни велосипедистов». Эрлих немедленно составил план действий. В его распоряжении были три автомобиля. В первой машине пусть отправится на прогулку по Ривьере Красин. Эрлих вошел в комнату Красина. Тот, видимо, был в курсе намерений Чичерина и охотно согласился немедленно «осматривать Ривьеру». Незадолго до одиннадцати часов машина с Красиным выехала за ворота «Империала». За ней, конечно, тут же увязалась итальянская охрана. Тот же маневр был повторен через несколько минут. Уехали Литвинов и вторая машина с карабинерами.

«Теперь оставалось отправить Чичерина... Я бегом направился в апартаменты Чичерина и доложил, что машина подана и он может ехать, не опасаясь, что за ним кто-либо будет следить. Он переспросил: «Это верно?» Спустившись по лестнице, Г. В. Чичерин сел в стоявшую

уже у подъезда нашу третью машину с хорошо проверенным водителем и нашим охранником. Машина тронулась в путь».

Эрлих не успел вернуться в вестибюль гостиницы, как к нему подскочил комиссар полиции:

— Куда уехал Чичерин?

Итальянец шумел и требовал, чтобы ему немедленно сообщили, куда отправился Чичерин. Комиссар даже грозил арестовать Эрлиха.

Чичерин, никем не замеченный, доехал до маленькой таверны в горах. Там более часа с глазу на глаз беседовал с Ллойд Джорджем.

36

В последнюю неделю апреля в Генуе стали все определенно поговаривать, что Барту уезжает. Слухи об этом особенно разрослись после того, как стала известна речь Пуанкаре от 24 апреля в Бар-ле-Дюке (департамент Мёз). Французский премьер назвал Рапалльский договор злонамеренным актом, в котором «идеи и силы большевизма и (германского) реванша... совместно ополчились против мира» (?!). Пуанкаре уверял, будто «Советы вкупе с людьми рейха» готовят войну. Поэтому Франция должна быть готова без промедления двинуть свою семисоттысячную армию в Рур, создать и другие гарантии для противодействия военному союзу большевиков и немцев. В связи с Генуей премьер сказал: — Французская делегация останется на конференции лишь при условии, что ни Германии, ни Советской России не будет сделано никаких уступок.

«Пуанкаре — это опять война!» — с таким заголовком вышла «Юманите», давая оценку провокационной речи французского премьера. Под статьей была подпись Марселя Кашена. Он только что оставил Геную и вернулся в Париж. «Предположить, что Красная Армия готова договориться с войсками буржуазного рейха...— писал Кашен,— есть идея шутовская и абсурдная». Это жалкий предлог, чтобы оправдать тайные устремления французских милитаристов. (Вскоре войска Франции оккупировали район Рура.)

В Генуе речь Пуанкаре была воспринята как новое доказательство намерений французов уйти с конференции.

Все ждали, что скажет Барту. Но он в течение не-

скольких дней многозначительно отмалчивался. И вот 24 апреля наконец заговорил:

— В городе распространились слухи, будто я намерен уже вечером выехать в Париж...

Барту дал разъяснения. Но такие, что еще больше запутал:

— Слух о моей поездке в Париж предвосхищает факты. Вероятно, он оправдается, но возможно, что поездка и не состоится.

Барту шантажировал:

— Все зависит от переговоров.

Ллойд Джордж поспешил заметить:

— Я выражаю надежду, что поездка уважаемого делегата Франции в Париж все же окажется излишней, так как она повредила бы ходу работ конференции.

Новая демонстрация Барту после речи Пуанкаре, волынка союзников с ответом на письмо Чичерина не предвещали ничего хорошего. Советские дипломаты решили возобновить наступление.

28 апреля Чичерин послал председателю конференции Луиджи Факте письмо, напомнив, что ответа на советский документ, врученный Ллойд Джорджу 20 апреля, до сих пор нет. Не слышно и о том, собираются ли западные державы давать Советской России кредиты. И сколько, и на каких условиях. Если молчание означает отказ союзников от своего согласия считать пункты письма от 20 апреля базой для переговоров, то и советская делегация не будет больше связана с этим письмом и вернется к точке зрения, изложенной в меморандуме от 20 апреля, поскольку позиция безусловно справедлива. Уступки, сделанные в письме к Ллойд Джорджу, отражали стремление советской делегации к согласию.

Председатель Факта ответил Чичерину изворотливым письмом — ждите, ответ скоро будет.

Тем временем советские эксперты извлекли из портфелей очередной документ, приготовленный еще в Москве,— доклад об экономическом положении Советской России и ее финансовых нуждах. С этим докладом эксперты выступили на заседании комиссии по кредитам.

За сухими цифрами, за хозяйственно-деловыми выкладками вставала Россия двадцать второго года со всеми ее бедами.

Нелегко было нашим экспертам выкладывать это пе-

ред уркартами и прочими мировыми «полипами». Никто в Советской России бескорыстия от буржуазной Европы не ожидал. Но надо было показать, как много предстоит сделать стране, только начинавшей мирное строительство, и в каких громадных средствах она нуждается для первого почина. Эксперты указали, что требуются кредиты в объеме примерно 8,8 миллиарда рублей золотом, в том числе для сельского хозяйства — 2,8 миллиарда, для промышленности — 1 миллиард, транспорта — 5 миллиардов. При условии ограниченной программы восстановления нужно было не менее 3 миллиардов золотых рублей, или по миллиарду в год. Советские эксперты сказали и о том, как Россия собирается оплачивать кредиты — по реальным возможностям страны и так, чтобы не затронуть социалистические основы Советского государства.

Выслушав доклад, эксперты западных держав ахнули: «Да где взять столько?» Но другие не скрыли удивления, насколько широко замахнулись в своих планах большевики. Третьи стали поговаривать: «Следует подумать».

Среди тех, кто в Генуе ожидал исхода дуэли кредиторов и должников, были дельцы не только типа Уркарта. Были и такие, которых не так уж интересовало, как решится спор о прошлом. Их манило будущее. В Генуе они жили в роскошных отелях, к полудню выходили греться на весенние пляжи у моря и ждали. Тем временем их коммерческие агенты, обладавшие нюхом гончих, улавливали, чем пахнет в тех комиссиях конференции, где меньше говорили о политике, а больше о кредитах, банковских операциях и концессиях. Агенты коммерческого сыска вертелись возле Красина, выведывая, какими проектами нынче занят «главный красный купец и банкир»? Получив известия, которые могли заинтересовать патронов, мчались к ним с докладами. После этого их превосходительства, сменив пижамы на сюртуки, сами наносили визиты советскому министру.

В конце апреля по Генуе пошел слух: Красин завершает негласные переговоры о сдаче в концессию почти всей бакинской нефти англо-голландской компании «Шелл».

Нефть — дело горячее. Нефть нужна всему миру. Нефть — лакомая добыча. Доллар или франк, вложенный в нефтяные промыслы, немедленно дает оборот с солидной прибавкой.

Кто пустил слух об успехах «Шелла» в переговорах с Красиным, неизвестно. Во всяком случае, можно предположить, что слух пустил тот, кто был в нем заинтересован. И пошло!

Большая часть европейской нефти уже принадлежала Англии. Она, понятно, не прочь была захватить и кавказскую нефть. Франция, Бельгия восприняли это особенно болезненно. Ведь их капитал владел до Октября значительной частью акций нефтяных компаний Кавказа. Засуетились и американские нефтяные короли. Словом, желающих всадить нож в спину «Шелла», чтобы он не смог забрать «всю добычу», оказалось больше чем достаточно.

Журналисты кинулись к полковнику Бойлю, одному из тех, кто сейчас сиживал на генуэзских пляжах. Бойль представлял компанию «Шелл».

— Правда ли, что дело решенное: вам передается полная монополия на бакинские источники?

— Да полноте, господа! — отвечал Бойль.— Что за вздор?

— Но вы имели переговоры с Красиным?

— Да. Однако это было в прошлом году.

— А потом вы поехали в Тифлис?

— Я знакомился с Кавказом.

— До начала апреля нынешнего года? А четырнадцатого числа приехали сюда? Вы встречались здесь с Красиным?

— Встречался. Но он сказал, что до конца конференции переговоры о нефти вести не может.

Бойль, мнимо лавируя, создавал впечатление, что «Шелл» уже вцепился в добычу и из рук не выпустит. Это еще больше подогрело интерес к слухам о бакинской концессии. В Геную поспешили многие нефтяные короли, принцы и их приказчики: авось удастся одолеть англичан и голландцев.

В кругах советской делегации заявление Бойля никак не комментировали. Но не отрицали, что представители компаний разных стран обращаются с предложениями получить концессии на кавказскую нефть. Вопрос этот пока не решался, разъясняли представители Москвы. Но советская делегация, указывали те же представители, действительно имеет в виду предложить целую систему концессий, в том числе и нефтяных, но в зависимости от того,

насколько будут учтены интересы России на Генуэзской конференции.

Азарт вокруг «бакинской концессии» разгорался. Учитывая директиву Ленина, наши дипломаты в Генуе использовали в интересах страны и эту «драку держав из-за концессий на нефть».

В конце апреля советские эксперты объявили в Генуе, какие именно концессии предусматриваются. Главный упор делался на привлечение иностранных кредитов для осуществления планов развития транспорта, освоения нетронутых земель и богатств советских недр. Наиболее грандиозным проектом, выдвинутым Советским правительством, был проект концессии для создания сквозной железнодорожной магистрали: Лондон — Берлин — Москва — Омск — Иркутск — Владивосток с ветвями в Китай и к Ледовитому океану. Имелось в виду, что по этой супермагистрали будет налажен транзит товаров мировой торговли и обмен русского сырья и продукции на товары иностранного производства. Был объявлен также проект освоения угольных и лесных богатств нынешнего Кузнецкого бассейна. Намечалось привлечь зарубежный капитал и для освоения пяти миллионов пахотных десятин земли в Восточной Сибири (в том числе в нынешнем Целинном крае).

Даже Лесли Уркарт и тот поспешил к Красину. Не оставляя надежд посчитаться с большевиками за прошлое, он снова начал переговоры о концессиях в Экибастузе и в других районах Сибири. Еще больше зашевелились дельцы, свободные от споров прошлого. Все это усиливало то глубинное движение в недрах западного делового мира, которое началось после прорыва блокады и которое в конце концов заставило все страны (одних через год-два, других через десятилетие) признать Советское государство. Признать по всем статьям и наладить экономическое сотрудничество. Все это работало на будущее. А в Генуе?

«Я пишу эти строки 28 апреля 1922 года, когда последние известия сообщают о нависшей угрозе разрыва» — такова оценка Ленина.

«Последние известия» заключались не только в том, что сообщалось публично. Не только в речи Пуанкаре в

Бар-ле-Дюке. Не только в новых демонстрациях Барту и волынке союзников.

Чичерин после свидания в горной таверне с Ллойд Джорджем, надо полагать, уже не сомневался, каким будет ответ держав Антанты на письмо от 20 апреля. Нарком получил информацию и другого рода. 28 апреля он доложил в Москву: «Поговаривают, что русский вопрос, может быть, будет передан новой конференции».

«Поговаривают». Не об этом ли среди прочего Ллойд Джордж сказал Чичерину в таверне среди гор? Как бы то ни было, но к 28 апреля в наиболее осведомленных кругах уже решалось, как закончить конференцию и что будет после нее.

Правда, внешне в Генуе все оставалось по-прежнему. Дипломаты совещались, писали ноты, делали новые запросы у своих правительств, отвечали на их шифровки. Не умолкали телефоны.

В конце апреля, 1 и 2 мая в Москву поступили новые телеграммы из Генуи. Чичерин и Литвинов докладывали о возникшем тупике и подчеркивали, что на условиях, определенных директивами Политбюро, нет надежд получить кредиты и юридическое признание. На рассмотрение Ленина и ЦК партии предлагались новые проекты.

Красин высказал особое мнение: пойти на дальнейшие уступки антантовцам. В частности, признать довоенные долги (без процентов) и единовременную компенсацию за убытки частных лиц и фирм. На эту сумму, 11—12 миллиардов рублей, выпустить заем, а облигации распределить между бывшими иностранными собственниками. Уплату всей суммы обусловить признанием Советского правительства де-юре и предоставлением крупных кредитов.

Красин, как позже показал В. И. Ленин, перешел ту грань, за которой начиналось недозволенное и непростительное коммунисту — уступчивость, грозившая подточить политические устои Советского государства, основы, какие сам же Красин отстаивал всей своей деятельностью революционера, экономиста и дипломата.

Но проследим за событиями в их последовательности.

30 апреля Политбюро ответило Чичерину шифрованной телеграммой, написанной Лениным. Владимир Ильич советовал не противиться окончанию Генуи. (В купцовском плане, как уже было ясно, ничего реального достичь

не удастся.) «Новая конференция месяца через три для нас самая выгодная вещь». При закрытии конференции в Генуе ни в коем случае не брать «ни тени финансовых обязательств, никакого даже полупризнания долгов...». Вместе с тем опять выдвинуть вперед пацифистскую программу — вопрос о взаимных обязательствах для сохранения мира. Поддержать это «хотя бы в той неудовлетворительной форме, которую дает Ллойд Джордж».

Что касается особого мнения Красина, то Ленин подчеркнул: его линия «абсолютно неверна и недопустима».

Получив эту телеграмму, Чичерин сообщил в Москву, что, конечно, новая конференция через три месяца лучше полного разрыва. Но просил учесть: сегодня мы имеем дело с Ллойд Джорджем, собственное положение которого в Англии вынуждает к маневрированию. А завтра? «Ллойд Джорд,— писал Чичерин,— добивается соглашения с нами, спасая себя, а через три месяца положение в Англии может быть гораздо худшим для нас». Нарком сообщал, что западные державы соглашаются практически решать вопрос о кредитах лишь после того, как Советское правительство определенно заявит, что признает право на компенсацию для всех иностранцев — бывших собственников. В этом вопросе — главный камень преткновения. И здесь необходимо искать решения.

В последующие дни из Генуи поступили проекты таких решений. Один из них предусматривал выпуск особых, советских государственных бон. Предлагалось с помощью их рассчитаться с бывшими иностранными собственниками. Боны выдать сейчас, а погашение их начать через десять лет.

Еще в особом мнении Красина, сообщенном в Москву 30 апреля, Ленин уловил недобрые признаки. Новые экономические прикидки генуэзских товарищей вызвали у Владимира Ильича активное и бескомпромиссное осуждение. Он нашел, что эти проекты — результат «позорных и *опасных* колебаний Чичерина и *Литвинова* (не говоря о Красине)...». Тогда же окрепшая после операции рука Ленина твердо вывела: «...предлагаю *огреть*». Ленин потребовал послать генуэзской делегации следующую телеграмму:

«Крайне жалеем, что и Чичерин и частью Литвинов скатились до *нелепостей* Красина. Ввиду таких колебаний предписываем делегации безусловно порвать, и как

можно скорее, причем ясно и точно мотивируйте несогласием восстанавливать частную собственность и заявите, что лишь на условии очень выгодного и немедленного займа мы соглашались на частичные уступки, стоя безусловно на договоре, как равного с равным, между двумя системами собственности. (В случае малейших еще колебаний дезавуируем публично в ЦИКе и уволим от должности.)»

В той же телеграмме Ленин предлагал сообщить генуэзским товарищам, что на 12 мая назначена сессия ВЦИК. «Не меньше трех членов делегации должны быть к этому времени в Москве со всеми материалами. Чичерин должен остаться в Германии [1] и долечиться».

Ленинский текст телеграммы с некоторыми изменениями был утвержден Политбюро ЦК РКП(б) и срочно отправлен в Геную.

К утру 2 мая делегации западных держав закончили подготовку ответа на советские документы от 20 апреля. Барту и на этот раз заявил особое мнение. (Правда, его расхождение с другими союзниками сказалось в мелочах.) В то же утро Барту сказал Генуе «адье» и помчался в Париж, к Пуанкаре, за новыми инструкциями.

Ответ западных делегаций сводился к трем пунктам. Советское правительство, мол, должно платить все долги старой России. Советские контрпретензии не признаются. Национализированные заводы, рудники, шахты, дворцы англичан, французов, бельгийцев, японцев и прочих иностранцев подлежат возврату или оплате.

«Непременно рвите и скорее»,— решительно повторил Ленин в телеграмме Чичерину. И еще раз подчеркнул — на уступки собственникам ни в коем случае не идти. «Имея в руках германский договор, мы ни за что не откажемся теперь от длительной попытки стоять только на его основе».

8 мая, отвечая на очередную телеграмму Литвинова, Владимир Ильич уточнил: «...согласны предоставить на ваше усмотрение наиболее целесообразный выбор момента для разрыва».

---

[1] Имеется в виду — после окончания Генуэзской конференции.

37

Москва. На заводах — митинги. Петроград — митинги. Нижний Новгород, Донбасс, Баку, Одесса, Харьков, Киев, Саратов, Самара — митинги:

— Товарищи! Мы знаем, как идут дела в Генуе. Стоило разориться на фраки для наших дипломатов! Они дали Советской России важный договор с такой крупной державой мира, как Германия. Мы не будем платить немецким капиталистам ни гроша, как не платили своим российским. Так, товарищи, обстоят дела с Германией. Но Ллойд Джордж, Барту, капиталисты Бельгии и Японии, Италии и других стран, за которыми стоят американцы, требуют, чтобы мы вернули им заводы, фабрики, земли, которые политы нашим трудовым потом, нашей кровью. Господа капиталисты заявляют и другое: «Уплатите старые долги России, и только тогда мы дадим вам кредиты, машины, хлеб. Только тогда мы признаем вашу рабоче-крестьянскую власть законной»... Товарищи рабочие! Мне поручено спросить вас, что ответить от вашего имени господам капиталистам? Наши дипломаты в Генуе ждут...

— Кукиш Ллойд Джорджу и Барту...

— Ничего не отдавать! Наше это! Народное, навечно! — так и телеграфируйте товарищу Чичерину. Пусть заявит на конференции.

— Но, товарищи, у нас голод, у нас разруха, у нас тиф. Нам нужны валюта, хлеб, станки, лекарства, паровозы, семена...

— Все стерпим!

И говорили о том, что, как ни трудно, обойдемся своими силами, своими средствами. Все стерпим! Но завоеванное не отдадим.

— Нет — Барту!

— Нет — Ллойд Джорджу!

— Да здравствует товарищ Ленин!

Конечно, на каждом митинге были свои слова, свои вопросы, свои ответы. Но суть их, дух их, настрой людей — тот же.

Московский и Петроградский Советы сообщили правительству, что они тоже не считают возможным идти дальше заявленных уступок. А планы восстановительных работ составлять, исходя из собственных сил и средств.

38

Из Генуи в Москву, от Литвинова 10 мая 1922 года:

«Всем делегациям ясно, что наш ответ на меморандум [западных держав от 2 мая] будет отрицательный и что соглашение не состоится. Происходит всеобщее маневрирование с тем, чтобы снять с себя и возложить на другие делегации ответственность за срыв. Даже Франция боится этой ответственности, и Барту[1], изменив своей тактике, делает вид, как будто он все сделал для благополучного исхода конференции».

Советская делегация вручила свой ответ западным державам 11 мая. Директивы Политбюро и правительства были соблюдены точно. Делегация заявила: требования Антанты отклоняются... Было законно ожидать, что после поучительных уроков интервенции западные союзники откажутся говорить с Советской Россией в тоне победителя с побежденным. На самой конференции было провозглашено: разговор будет равных с равными. Но кое-кто никак не может перейти к таким переговорам... Советская сторона в интересах достижения соглашений по-прежнему готова сделать иностранным державам серьезные уступки, но лишь в том случае, если они будут компенсированы действительными выгодами для народов советских республик. Делегация РСФСР предложила учредить особую смешанную комиссию экспертов и поручить ей продолжить обсуждение финансово-экономических проблем в другом месте и в другое время. А Генуэзской конференции сосредоточиться на поисках таких решений, которые могли бы закрепить установившийся в Европе мир и тем самым создать условия для решения экономических проблем Европы и мира.

39

Москва, 12 мая. Заседание большевистской фракции сессии ВЦИК. Затем сессия в полном составе. На повестке дня — доклад Я. Рудзутака от имени генуэзской делегации.

Накануне тот же вопрос стоял на пленуме ЦК РКП(б). На нем присутствовал Владимир Ильич Ленин.

---

[1] Его демонстративный вояж в Париж продолжался три дня. В начале мая Барту вернулся в Геную.

Пленум признал, «что генуэзская делегация до настоящего времени правильно выполняла свою задачу».

Сессия ВЦИК приняла решения, предложенные Лениным: «Делегация РСФСР и союзных с ней Советских Республик правильно выполнила свои задачи, отстаивая полную государственную независимость и самостоятельность РСФСР, борясь с попытками закабаления русских рабочих и крестьян, давая энергичный отпор стремлению иностранных капиталистов восстановить частную собственность в России».

Ленин предложил ВЦИК одобрить Рапалльский договор, «как единственный правильный выход из затруднений, хаоса и опасности войн (пока остаются две системы собственности, в том числе столь устарелая, как капиталистическая собственность)». Ленин рекомендовал признать «нормальным для отношений РСФСР к капиталистическим государствам лишь такого типа договоры». (Поскольку они основаны на полной суверенности прав Советского государства, при полной защите его социалистических принципов.)

Сессия ВЦИК согласилась с ленинской оценкой и подтвердила, что договор с Германией заключен на «началах полного равноправия и взаимности».

40

Конец генуэзского действа наступил 19 мая.

В Зале сделок дворца Сан-Джорджо вновь собрались делегации. Опять фраки, монокли, тесно на пресс-галерее. Снова до «последнего свистка судьи» оставался Эрнест Хемингуэй.

В тот день солнце светило по-летнему. Многоцветье красок парадного зала предстало подчеркнуто: белоснежные пластроны и черные фраки дипломатов, звезды на синих мундирах генералов, мрамор статуй древних банкиров, красный бархат в нишах, золото и дымчатый отлив хрустальных люстр, голубизна неба, видимого сквозь огромные окна.

Когда слово получил Ллойд Джордж, солнечные блики, будто нарочно, легли на прямоугольник дипломатических столов. И тотчас главный дирижер Генуи воспользовался случаем, чтобы внести в партитуру эффектную импровизацию. Английский премьер заметил, что конференция кончается при ясном и безоблачном небе. И это

доброе предзнаменование! (А ведь были и порывистые ветры в «Альбертисе» и штормы Рапалло! Но и это, собственно, не помеха)... «Для хорошего урожая нужна всякая погода,— продолжал Ллойд Джордж.— И если мы оглянемся на то, что было достигнуто в Генуе, мы найдем, что мы пожали и собрали недурную жатву».

Разные делегации толковали суть жатвы по-своему. Но внешне конференция заканчивалась решением, достигнутым в рабочих комиссиях 16—19 мая: выделить спорные вопросы, касающиеся Советской России, для рассмотрения на новой конференции, а ей собраться в Гааге 26 июня 1922 года. Предмет дискуссии — долги, частная собственность, кредиты. А для того чтобы новая конференция могла работать в спокойной обстановке, заключить временный пакт мира.

Это решение Ллойд Джордж назвал мужественным. Давая общую оценку Генуи, английский премьер употребил и такую формулу: «Мы не достигли того, чего ожидали наиболее экспансивные из нас, но мы достигли большего, чем то, на что надеялись или чего желали достичь скептики».

Тот, кто при открытии конференции был озабочен, как бы безопаснее вывести дипломатический корабль в плавание, теперь на финише решил проявить такое же старание, чтобы приготовить кораблю тихую гавань. «Меньше всего я хотел бы закончить нашу работу в обстановке спора»,— поспешил заметить Ллойд Джордж. И тут же выдал себе рекомендацию: он — человек, «который взял на себя ведущую роль в попытках обеспечить лучшие отношения между востоком и западом Европы». После этого, уже на правах «примирителя», обратился со «словом предупреждения».

Речи Ллойд Джорджа в Генуе напоминали актерское ревю с переодеваниями. То он являлся в модной блузе режиссера Театра Истории, то во фраке дирижера дипломатического оркестра, то в казенном мундире лоцмана, то в тоге древнего софиста. Под занавес он решил напялить на себя шутовской колпак. И разумеется, не без умысла. Старый циник стал иронизировать. Он заговорил о «предрассудках», существующих в Западной Европе. Один из них «заключается в том, что, когда вы даете взаймы человеку, а он обещает уплатить вам, вы ждете, что он вам уплатит». Другой предрассудок «заклю-

чается в следующем: вы приходите к человеку, уже ссудившему вам деньги, и говорите: «Дадите ли вы мне еще взаймы?» Он говорит вам: «Намерены ли вы уплатить мне то, что я вам дал?» А вы говорите: «Нет, у меня принцип не отдавать долгов»... Продолжая иронизировать, Ллойд Джордж повторил точно рефрен: «В умах Запада существует в высшей степени странный предрассудок, не позволяющий продолжать предоставлять займы на таких условиях».

И в зале и на пресс-галерее послышалось движение. Одни нашли, что Ллойд Джордж, при всей демонстрации к примирению, к окончанию Генуи на мирных аккордах, преподал большевистским дипломатам урок, которым, право же, будут довольны и уркарты и эрлиши. Другие, подобно провинциальным зрителям, пришли в восторг: «Ах, как ловко исполнил свои манипуляции столичный маг и чародей!» Третьи обратили взоры в сторону Чичерина. И они заметили, что нарком усмехнулся, сделал какую-то запись в блокноте и показал Литвинову. Тот весело, согласно кивнул головой.

Хемингуэй тоже сделал для себя какую-то помету и стал ждать, что же ответит Чичерин.

Но прежде пришлось выслушать Барту.

Тот проявил ту же заботу, что и Ллойд Джордж,— не дай бог оставить впечатление, будто Франция или сам он возводили препоны на пути генуэзского корабля. С первой до последней минуты, уверял Барту, французская делегация отстаивала общие интересы союзников и цивилизованного мира. И если не удалось достичь желаемого, то Франция не повинна. Барту употребил все, какие он только знал, ораторские приемы, чтобы распроститься с Генуей под прикрытием целой завесы примирительных фраз.

И вот слово получил Чичерин. Он начал, как всегда, спокойно, без каких-либо словесных эффектов. Нарком признал, что собрание европейских государств за одним столом, независимо от того, к каким системам собственности принадлежат, является событием безусловно исторически важным. Правда, не все надежды народов оправдались. Генуя не смогла стать на путь подлинно смелых шагов в направлении к новым экономическим и политическим методам, к творческой конструктивной работе для разрешения наиболее сложных проблем Европы.

Не удалось вынести на обсуждение вопрос о разоружении — один из самых важных для судеб мира. Конференция оказалась неспособной удержаться на уровне принципов, провозглашенных на первом заседании: сотрудничество при равенстве сторон. «Мы надеемся,— продолжал Чичерин,— что... вопросы, обычно заключающиеся в словах «русская проблема», могут быть успешно разрешены только при том условии, если все участники присоединятся к нашей точке зрения равноправия стран с двумя различными системами собственности... Мы горячо желаем, чтобы этот принцип был принят всеми в Гааге».

Чичерин сделал паузу, и зал насторожился. Стало ясно, что теперь последует ответ на иронические пируэты Ллойд Джорджа. И верно, Чичерин это сделал. Но прежде заметил: «...блестящее изложение противоположной теории, данное господином премьер-министром Великобритании, неожиданно затронувшим разделяющий нас вопрос, не сумеет обратить в его веру русский народ, точно так же как не удалось это сделать вторгавшимся белым армиям».

Замечание Чичерина прозвучало жестко. Особенно после потока примирительных фраз Ллойд Джорджа и Барту. Но эта жесткость была преднамеренной — напомнить без обиняков, где начало разности в позициях сторон.

Напомнить, что не только дипломатические речи (и угрожающие и хитро прикрытые завесой примирения), но даже пушки не смогли навязать новой России чуждые ей основы бытия. Не смогли и не смогут!

Теперь можно было перейти к ироническим «словам предупреждения» Ллойд Джорджа. Чичерин взглянул в блокнот и сказал:

«Господин премьер-министр Великобритании говорит мне, что, если мой сосед ссудил мне деньги, я обязан ему уплатить. Хорошо, я соглашаюсь в данном особом случае... Но я должен прибавить, что, если этот сосед ворвался в мой дом, убил моих сыновей, уничтожил мою мебель и сжег мой дом, он должен, по крайней мере, начать с возвращения мне уничтоженного».

В зале и на пресс-галерее мгновенно вспыхнул и раскатился веселый шумок. Чичерин парировал так метко, так разяще, что даже открытые недруги (они составляли

большинство в зале и на галерее) отдали должное остроумию и логическому главенству доводов советского делегата над доводами Ллойд Джорджа.

Вскоре опять стало тихо, и Чичерин продолжил речь. Он говорил о том, что народы Советской России одушевлены глубоким желанием мира и сотрудничества с другими нациями. Поблагодарил итальянский народ за гостеприимство, за добрые чувства к советской делегации, к народам новой России.

Заключительное слово произнес председатель Луиджи Факта, и на том закончился последний акт исторического действа.

Журналисты, как обычно, поспешили в «Каза делля стампа». Среди десятков тысяч слов, переданных во все концы света, телеграфные ленты сохранили слова Эрнеста Хемингуэя — о финале Генуи, о том, что произвело на него самое сильное впечатление. Это были слова о Чичерине. Как писал Хемингуэй, главный русский делегат сражался в Генуе «логическими аргументами, историческими аналогиями, фактами, статистикой и страстными доводами...» Он использовал трибуну Генуи и для того, чтобы говорить «для суда грядущих поколений».

41

«Мирная битва народов при Генуе» — первая международная конференция с участием революционной России — навсегда останется совершенно особой главой истории. В Генуе сошлись два противоположных мира — старый и новый, две непримиримые силы. Решающее влияние на ход дипломатических сражений оказала стратегия и тактика Ленина, и она принесла молодому Советскому государству морально-политический выигрыш.

В генуэзской битве Ленин снова и снова раскрылся не только как искусный политик, но и как дипломат, тонко и точно улавливавший намерения и ходы дипломатии лагеря противоположного. Дальновидный и непреклонный, Ленин упреждал атаки другой стороны и навязывал такую тактику и такие повороты, при которых главную жатву сражений снимала дипломатия советская.

Исполнилось то, о чем в канун Генуи Ленин размышлял в Кремле, в Горках и тихом Костино, о чем делился с членами Политбюро и советовался с дипломатами, что

стало программой советских действий на конференции, что уточнялось ленинскими документами, приходившими в Санта-Маргериту.

Вопреки надеждам антантовцев, вопреки пророчествам «левых левее левых» р-р-революционеров-социалистов и прочих крикунов, якобы отстаивавших «чистый коммунизм», Советская Россия пришла в Геную вовсе не просительницей. Она пришла великим государством, одолевшим интервентов и белую гвардию, блокаду и политическую изоляцию. Буржуазной Европе пришлось сесть за один стол именно с этой Россией и усвоить, что отношения с ней могут быть только равноправные. Усвоить, что революционные акты Октября пересмотру не подлежат. Ближайшим следствием этого явился Рапалльский договор, а вскоре (1924 год) и всеевропейское дипломатическое признание СССР.

Генуя оставила памятный пример того, как непросто достигаются успехи. Буржуазный мир считал для себя самым важным принудить советские народы оплатить долги старой России. Советская дипломатия не ушла от обсуждения этого вопроса. Но по совету Ленина связала с возмещением советских контрпретензий за антантовскую интервенцию и с предоставлением Советской России кредитов. Такой ход позволил вести дипломатическое сражение по всем законам военного искусства — разведкой боем и фронтальными атаками, обороной и обходными маневрами. Буржуазным странам была оставлена только одна возможность — делового сотрудничества с новой Россией на основе равноправия и взаимной выгоды.

Все связанное с Генуей было сложно от начала до конца.

Уже в Берлине, на пути из Генуи в Москву, Литвинов говорил журналистам:

— Не подлежит сомнению, что новая экономическая политика в России и некоторые речи товарища Ленина, неправильно истолкованные за границей, внушили европейским правительствам представление, будто Советское правительство готово всецело капитулировать, если только ему позволят эту капитуляцию прикрыть каким-нибудь фиговым листком.

Советская делегация показала всю тщетность таких ожиданий.

Чичерин несколько позднее писал: «Действительный смысл зарождавшегося нэпа не был еще понят буржуазным Западом». Генуя оказалась «кульминационным пунктом программы мирного капиталистического внедрения в Россию», главным автором которой был Ллойд Джордж. В Генуе вопрос стоял так: «будет ли совершаться самостоятельное экономическое развитие России с помощью иностранного капитала, но без подчинения ему, или же он приобретет в ней господство». Запад домогался второго. По этой причине советская делегация подвергалась в Генуе всем утонченнейшим приемам давления и зазывания. Как в известной притче сатана обещал Иисусу превращение камней в хлебы и господство над расстилавшимися перед его взором царствами, если тот поклонится сатане, точно так же Запад открывал самые соблазнительные перспективы перед советскими делегатами в награду за признание Советской Россией господства капитала. В Генуе с наибольшей откровенностью встал вопрос: сделка или кабала? Советская Россия, выступив как самостоятельная мировая сила, отвергла кабалу, но предложила равноправные условия соглашений.

История сложилась так, что ни в Генуе, ни позднее нам не дали нужных заграничных кредитов. Но это не остановило шествие советских народов по пути, избранному в Октябре. «Все стерпим! Своими руками сделаем все, чтобы дойти до намеченных вершин!» — сказанное в дни Генуи не осталось только клятвой. В два-три года партия коммунистов перегруппировала силы страны, развернула гигантскую преобразовательную работу и повела наступление на частнокапиталистические элементы. Россия нэповская, как и предсказывал Ленин, в короткий срок стала Россией социалистической.

В победах социалистической России был приговор и тем, кто на постоялых дворах буржуазной Европы поскоморошьи шумно, ложно оговаривали большевиков, уверяя, будто нэпом и Генуей коммунисты России повернули вспять, низвели Октябрь до Февраля, будто Генуя — последний акт этого разоблачения.

Одним из самых памятных итогов Генуи, как уже говорилось, явился Рапалльский договор. «Дух Рапалло» составлял не только важный пример того, как могут мирно сосуществовать страны. За этим скрывалось большее. Это был первый в истории пример мирного сосуществова-

вания двух крупных государств с различными системами собственности и различной идеологией. На протяжении ряда лет «дух Рапалло» содействовал миру во всеевропейских границах. Фашизм Гитлера, растоптавший мирные международные отношения, равным образом обошелся и с Рапалльским договором. Но немецкий народ не мог забыть того, что отвечало его жизненным потребностям. Как только в восточной части Германии образовалась республика немецких рабочих и крестьян, она установила с Советским Союзом отношения неизмеримо более глубокие, чем заключал в себе «дух Рапалло»,— отношения, проникнутые социалистическим братством.

История часто самым неожиданным образом распоряжается судьбой не только простых смертных, но и государственных личностей. Это относится и к ряду главных действующих лиц генуэзской драмы.

Не успели Вирт и Ратенау возвратиться в Берлин, как крайние националисты и другие группы правого буржуазного лагеря подняли шумную кампанию против внешнеполитического курса германского правительства, особенно в тех аспектах, как он проявился в Генуе. Публичной травле стал подвергаться министр иностранных дел. 24 июня, когда Вальтер Ратенау направлялся в министерство, по его машине было произведено несколько револьверных выстрелов. Тяжело раненный Ратенау вскоре скончался. Покушавшиеся скрылись и были обнаружены лишь позднее, далеко от Берлина. Как выяснилось, террористы принадлежали к фашистской организации «Консул».

В ноябре 1922 года потерял свой пост рейхсканцлер Вирт. С приходом Гитлера к власти Вирт вынужден был эмигрировать. После второй мировой войны он основал в Западной Германии Союз немцев, борющихся за единство, мир и свободу. Вирт активно выступал за мирное сосуществование со странами социалистического лагеря, против возрождения милитаризма в ФРГ. С 1952 года Вирт был членом Всемирного Совета Мира, а в 1955 году удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Ллойд Джордж вынужден был выйти в отставку уже в октябре 1922 года. Тогда же занялся писанием ме-

муаров. Он много раз обращался к теме Генуи. Всю ответственность за позицию Франции на конференции Ллойд Джордж возлагал на Пуанкаре. При этом брал под защиту... Луи Барту, уверяя, что его «связывали, затрудняли и запугивали на каждом шагу» депеши из Парижа. Трудно сказать, заключалась ли в этих словах Ллойд Джорджа очередная каверза его или это было желание задним числом обелить коллегу. Во всяком случае, мир видел Францию в Генуе такой, какой ее публично представлял Луи Барту.

События последующих лет преподали поучительные уроки. Гитлер, придя к власти, показал, откуда исходит подлинная угроза Франции. Барту пришлось над многим задуматься. Он сбросил старые доспехи непримиримого воителя против Советской России и стал сторонником франко-советского сотрудничества. В 1934 году, будучи министром иностранных дел Франции, Барту выдвинул идею Восточного пакта, план приглашения Советского Союза в Лигу Наций и заключения франко-советского договора. Последний был подписан в 1935 году. Но уже без Барту. Гитлеровская разведка подослала террориста, и тот прервал жизнь дипломата, который вел Францию на путь сотрудничества с СССР.

42

23 мая 1922 года Ленин приехал в Горки. Через несколько дней случилась беда — новая вспышка болезни, приведшая к параличу. Снова были консилиумы врачей. Снова приезжал профессор Клемперер. Но, даже будучи в постели, Ленин, к удивлению немецкого врача, стал расспрашивать не о своей болезни, а о том, какое впечатление произвел в Германии, по личным наблюдениям профессора, Рапалльский договор.

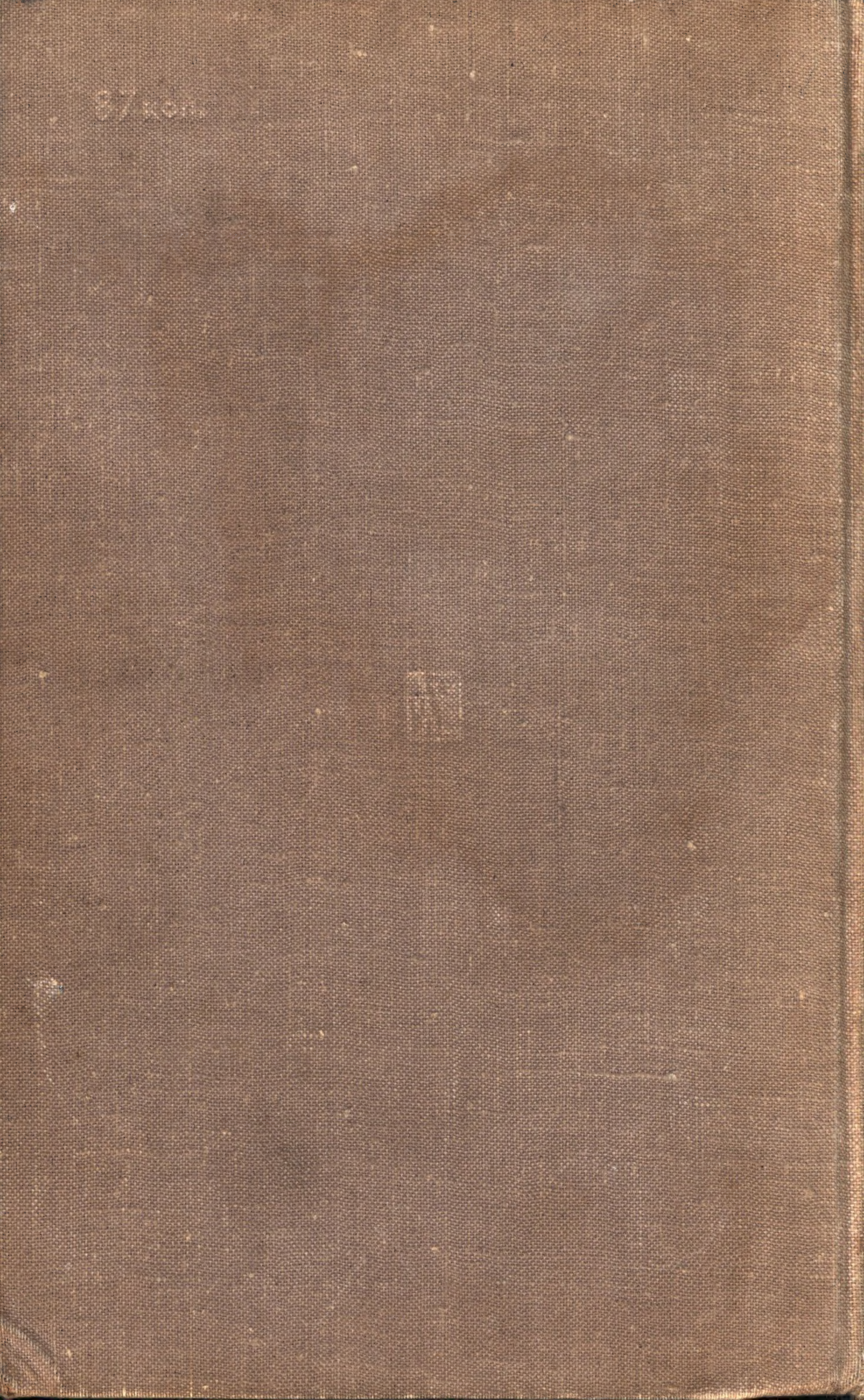
Клемперер уезжал на родину 24 июня. Владимир Ильич уже мог ходить по саду. И они вдвоем прогуливались около часа, беседуя о Генуе, Рапалло, о железных рудах под Курском, о будущем России.

т-
и
л
ı-
ı-
х
е-
-
-

е
т
и
о
и
и
л
о
-
е
-
-

-
,

й

87 коп.

МИХ. СОНКИН
КЛЮЧИ ОТ БРОНИРОВАННЫХ КОМНАТ